НЁМАН

2/2013
ФЕВРАЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционно-издательское учреждение
«Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора — главный редактор
Алесь Николаевич БАДАК

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *А. П. Григорчук*
Стильредактор *С. В. Казак*
Набор *Е. Г. Кахновская*

Подписано к печати 11.02.2013 г. Формат 70 ×108 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,08. Тираж 3288. Заказ 468.
Цена номера в розницу 15 500 руб.
Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.
Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Телефоны: главного редактора — 284-85-25; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Проза

АНДРЕЙ ФЕДАРЕНКО

Дикий луг

Повесть

1

Урочище называлось Дикий Луг. Находилось оно километрах в двадцати от деревни, за Наровлей, на другом берегу Припяти. Каждый год в июле туда вербовали косцов и женщин, потому что местных рук не хватало, и травы перестаивали.

Готовились к поездке основательно. Бригадир, поляк Масловский, даже делал обход каждого двора, проверял, все ли в порядке. Мужчины клепали косы, вставляли зубья в грабли, вырезали из сырых осин менташки*, запасались новенькими зернистыми брусками. У каждого было специальное поленце с вбитой бабкой, чтобы там, на месте, поклепать косу. Женщины собирали в котомки закуску, готовили фляги, бидоны, баклажки под воду, а некоторые, самые экономные, — под хранившийся еще с весны березовый квас, перестоявший, сивушный на вид и на вкус.

Особенно много радости было детям. «Дикий Луг» в их понятии значило рай земной. Там ночуют в шалашах из сена, едят около костров, рассказывают разные истории, там Припять, в которой столько рыбы, что она сама выпрыгивает из воды на берег. Дети мастерили удочки, плавили в ложках олово для грузил, учились на выгоне забрасывать донки, собирали под колодами толстых червяков в жестянки из-под халвы, не позабыв пробить в крышке дырочки, чтобы доставить червяков живыми: путь неблизкий!

Выезжали затемно, часа в четыре утра, на двух грузовых машинах. Люди набивались в кузова: мужики, дети, бабы — которая и с ребенком. В кабину рядом с шофером садился Масловский. Дома оставались только старики и подростки — смотреть за хозяйством.

Машины ехали с включенными фарами. Дорога вела через поле ржи, через песчаные заносы, где колеса буксовали и надо было выгружаться и толкать, через лес с корнями, от которых кишки из тебя вытряхивало, и, наконец, катилась гладким, ровненьким шоссе. В июле светает рано. Солнце еще не встало, а уже около Наровли светло, только над рекой белый туман, словно вода кипит. Приткнутый к берегу, людей ждал моторный паром. На берегу возле него топтались целых три начальника, все в белых рубашках, без пиджаков, штаны заправлены в сапоги и у всех троих на ремешках офицерские планшеты. Когда начали грузиться, увидели на пароме старуху с коровой —

* Менташка — наждачная лопатка для заточки косы.

веревка наброшена на рога. На ногах у старухи кирзовые сапоги с белыми протертыми дырочками на голенищах, на плечах военный китель, за спиной горбом — платок с припасами, на лице — суровая окаменелость.

«Больная корова, — пронеслось между людьми. — На травы ведет...»

Это было не редкостью — если у местного люда болела скотина и не помогал ветеринар, так шли в Дикий Луг с надеждой, что животное само отыщет нужные травы и вылечится.

Застопорили колеса машин, отвязали канат, завелся мотор. Корова поворотила голову и стала смотреть на свой берег.

...Плывет, скрипит паром. Плещется снизу в доски вода. Над рекой туман. В тумане на середине реки — одинокая лодка с рыбаком. И так приятно пахнет бензинчиком и дымом от папиросок!..

II

Паром с разгона уткнулся тупым носом в песчаный пляж. Мужчины перебросили на берег деревянный настил. Старуха, ни на кого не глядя, сошла по нему со своей коровой и направилась в приречные заросли, растирая в труху сапогами стебли болеголова. Выгрузился народ, уехали машины.

Нигде не было ни знака дороги. Широкая, длинная заводь с ивами отходила от Припяти. За ней, на пригорке в тумане, и был Дикий Луг. Люди со своими котомками, граблями, косами и вилами на плечах, в тумане похожие на повстанцев Калиновского, гуськом потянулись на пригорок, стараясь шагать след в след, чтобы лишний раз не топтать траву. Пока добрались, передние вымокли с головы до пят, а хитрому начальству, которое замыкало колонну, — хоть бы что, только сапоги от росы блестели.

Отсюда начинались участки. Вся просторная оболонь лежала перед глазами. Клин нетронутой, белой от мокрой паутины травы расширялся на пригорке, сужался к заводи и упирался в берег. Слева, внизу, его границу обозначала Припять, а справа, на возвышении, — неровная стена кустарника. Кустарник то влезал в травяное поле, то отступал, образовывая прогалины. А дальше, за пригорком и вокруг, простирались сплошные полесские джунгли, непроходимые заросли, пышная сень лозняка и ольшаника, крушины и ольхи, краснотала и ивняка; и среди всего этого бескрайнего зеленого простора редко встречались клинки чистой травы, и еще возвышались, как маяки, то там, то здесь, одинокие дубы с гнездами аистов.

Это было полное владычество дикой природы, отданной самой себе, царство почти не тронутой человеком первобытности, чудесное запустение, непроходимая низинная глушь. Только река связывала с цивилизацией, и единственный способ связи, если, не дай бог, что случится — кричать, звать через реку, чтобы прислали с того берега паром или лодку.

Давно, лет десять назад, людей привезли сюда впервые, каждому отмерили надел, обозначили вбитыми в землю колками, на затесанном месте химическим карандашом вписали фамилию косца. Колки давно пустили корни, стали большими вербами. Уже не надо было каждый год перемерять по-новому. Каждый знал свой куст и свой надел до последней кочки, как собственный лужок дома в огороде.

Пока люди привычно разбредались и разбирались, раскладывали котомки, бабы ладили шалашики из постилок, мужчины постукивали молотками — насаживали косы, а более расторопный уже и клепал, — три начальника тоже не теряли времени. Один показывал пальцем направо, второй рукой махнул

налево, третий приставил ладонь ко лбу, хотя солнце было в стороне от него и еще не светило в глаза... И на том их миссия закончилась. Повернулись и степенно пошли протоптанной тропою вниз к парому. Масловский на ходу дал последнее необязательное распоряжение Кулиничу, которого еще в деревне назначил вместо себя: «Ну, смотрите тут», — и поспешил за другими. Хлопотный день у него впереди: суета, беготня, контора, бухгалтерия... Одному угоди, с другим подхалимствуй, на третьего прикрикни, с четвертым через силу выпей... А все для людей, чтобы денег побольше выцыганить.

Еще тяжелая от росы трава колыхалась за начальством, а мужики уже махали отлаженными косами. Трава по пояс, ровная, не перезрелая, дождем и ветром не побитая, косится легко; только слышно: жих! жих! Физическое наслаждение слышать этот звук: как подсекает тонкая сталь уступчивые стебли, бросает их справа налево. Туман опал на землю. Росистая паутина блестит на солнце. Хотя солнце уже хорошо припекает, меж косцами не увидишь голого тела. Единственная вольность — закатать у сорочки рукава. Маленькие жабки так и джигают из-под кос. С ближних дубов слетели аисты и ходят каждый за своим косцом, долбят недорезков. Вперемешку с аистами сзади бабы с бóльшими детьми растрясают траву; меньшие не отходят от шалашиков. Оказывается, им запрещено даже смотреть в сторону реки, не то чтобы к воде спускаться: Припять настолько непредсказуема, что, если захочет, может утопить даже на сухом берегу. Вот тебе и рыбалка, вот тебе и желанный Дикий Луг! Хотя, если честно, и самих туда не больно тянет, они еще на пароме увидели, что это действительно опасная, глубокая, широкая, большая река, особенно здесь, перед впадением в Днепр. Так что теперь только и забавы, если кто-нибудь из косцов захочет пить и поднесешь ему воды или нарочно, по доброте душевной, попросит прикурить папироску, — прикуриваешь, мать видит, но ничего не говорит.

Мужчины косят сверху вниз. Покосы длинные, заканчиваются у самой заводи. Под ивами, спрятавшись в тени, стоят машины. Ивы тут такие старые и толстые, что в обхвате не уступят дубам. В трещинах их шероховатой коры легко прячется ладонь. Сами деревья стоят на берегу, а корни перепутанными веревками крутятся по земле и спускаются в воду. Вода у этого берега глубокая, темная, холодная, если опустить руку, и чистая — ни травинки, даже ряски нет. Зато противоположный берег — пологий, низкий, изобилует растительностью. Он весь зарос ситником, аиром, рогозом, а ближе к середине — трилистником, и там, на воде, нежатся желтые кувшинки и необычной белизны крупные лилии. И, конечно же, всюду — и на берегу, и в воде — знакомый камыш со своими коричневыми и черными початками. Из его стеблей получаются неплохие шпаги, на которых можно биться, пока липкий пух не начнет лезть в глаза и в рот, щекотать в носу. А еще, чтобы поддобриться к матери, его можно срезать, штуки три-пять, и поставить в банку на столе — красиво...

Там, у того берега, полно рыбы. И замирает у косца душа, когда доносится оттуда сладкий всплеск... Но знают из горького опыта: нелегко добыть припятскую рыбку, из-за камышей не забросишь ни удочку, ни донку, ни влезешь с топтухою или «кобылою», которые годятся только для болот, канавок, прудов глубиной жабе по колено, а тут нужны особые снасти, названий которых они даже не знают, только видели, как местные ловят...

Остается только с завистью на тот камышовый рай поглядывать.

Докашивая до заводи, мужчины болтают с берега косами в воде. А кто-то спускается к Припяти, на пляж, куда утром причалил паром. По свежим и высохшим зеленоватым полоскам тины, как по годовым кольцам, можно определить, какой величины бывают волны в ненастье, или если расплескает

их буксир с тяжелой баржей или пассажирская «Ракета» на своих крыльях. Тут среди разного нанесенного водой друза попадаются раковины — черные, тяжелые, а внутри, если створки ее раскрыть ножиком, — с перламутровым отливом и с острым запахом свежей рыбы. Косцы мочат в воде менташки, шлепают ими по белому мелкому песочку, чтобы набился в поры, — и лучше любого бруска.

III

— Давай, давай, давай! — подгоняет Кулинич, если видит, что кто-то или пристал, или остановился вытереть пот, или коса не так ходит в руках, или слишком медленно поднимается на пригорок.

— Ниже! ниже! ниже! — покрикивает он, когда не к чему придраться. Во рту его поблескивает золотой цыганский зуб, давно докуренная, потухшая беломорина прилипла к губе.

Сам он худой — кожа, кости и мускулы. Таких обычно никакая усталость не берет. Лесничевская фуражка с зеленым околышем ухарски сдвинута набок, из-под козырька вылезает черный чуб с белыми паутинками седины. С голенища свешивается ремешок менташки. Ему уже за сорок, но он только недавно, в прошлом году, женился; взял не из своей деревни, а аж из Махнович — тоже, правда, не молодую, зато какую удалую! В свои тридцать она выглядит как девочка-подросток. Такая веселая, проворная, со стройной фигурой и с милым наивным личиком. Есть у них уже маленький сынок. И он с ними тут, на лугу, спит в шалаше под покровом из марли. Спокойный, хоть бы пискнул. Махновочка время от времени втыкает грабли в мягкую землю и бежит смотреть, выдувает из шалаша комаров, которые шьются в тень от солнца. Она сама вся как солнце. Все для нее в новость: и ее роль замужней женщины, и молодой матери, и заботливой хозяйки... Она никогда не знала самостоятельной жизни, все время жила с родителями, и теперь жадно, с жаром отдается этим новым обстоятельствам своей жизни, которая, оказывается, может быть такой полной, огромной!.. Счастливая! И как ни старается притушить блеск в глазах, а все равно исходит от нее сияние, и вокруг разливается: только посмотрите, люди, какой я умею быть! И разве что изредка, как облачко на солнце, набегает на лицо виноватость за то, что ей повезло, и даже легкий испуг: а вдруг возьмет и случится что-нибудь, и исчезнет так внезапно свалившееся на нее счастье...

Кулинич до женитьбы был тихим, спокойным человеком, «добрячий», так характеризовал его младший брат Петро. Работал в лесничестве. За порубки крепко не гонял, напротив, когда натыкался в лесу на свежий пень, так закрывал мхом и притаптывал тырсу. Только если уже совсем внаглую, просто на улице сваливали машину ворованных дров, так предупреждал, чтобы спрятали на задворки и не шмыгали двухручкою, а его, Кулинича, с бензопилою позвали. Никогда не брал ни денег, ни магарычей. «Отдашь какой день», — бурчал, что значило, чтобы баба помогла жать или картошку копать, молотить ли или сечки нарезать, капусты ли осенью нашинковать. Причем, как некоторые из восточных полешуков, он не смягчал «ц» и у него звучало: «*капац*, *резац*, *шаткавац*». Удачливый охотник, он часто приносил из леса то зайца, то лису, а бывало, глухаря, тетерева, один раз даже енота. К нему в дом нарочно приходили подивиться, качали головами, щелкали языками да так и не верили, что добыча из их леса. Местный народ, веками живущий в своих лесах и болотах, в большинстве нелюбопытный, флору и фауну знает слабо:

привычка видеть вокруг себя одно и то же притупляет внимание. Им легче поверить, что в Дальних Ставах живет что-то, огненным шаром горит и пугает, чем в настоящие, реальные вещи, в то, что под носом.

«Нет, то не у нас... У нас не водится, у нас бедненько... Куда-то ездил, да ведь не скажет...»

Это правда, он немногословен был. Даже когда мужчины собирались зимою выпить, в карты поиграть — выпивал немножко, сидел молча, смотрел, как другие играют, сам же отмахивался: ай! они снятся ночью!..

Стоило же только человеку жениться, как его словно подменили. Задрал Кулинич нос! Набрал в голову, что он уже неизвестно кто. Стал лезть вперед, вмешиваться в разговор, перебивать, даже командовать... Как и теперь на лугу. Только слышно:

— Давай-давай и ниже-ниже!..

Впрочем, никто не обижается. Сами заинтересованы, чтобы сделать лучше, ведь будет проверка. Приедут чужие люди, увидят неважный покос, скажут: брак.

Соседей у Кулинича трое. По правую руку — младший брат Петро, тот самый «добрячий»; по левую — два бобыля, старый и молодой, дед Николай Мирон и девятнадцатилетний Гриша Игнатов. Они вдвоем косят одну делянку. За ними некому растрясать, и проворная Махновочка успевает и на своей полосе, и на их — усердствует, старается, только икры незагорелые из-под юбки мелькают.

Этот Григорий Игнатов, пока его сверстники служили в армии, отсидел в тюрьме за драку год и полтора месяца. Теперь он чувствует себя будто заразным, отверженным, гонимым, — и стесняется всего до неприличия. Даже косит он вогнув голову, глаз не поднимает, словно крадет. На голове у него пилотка из газеты, серые от старости резиновые сапоги заклеены кружками, вырезанными из велосипедной камеры, брусок у него не целый, а половина, потому он держит его не в голенище, как нормальные люди, а запихивает в карманы штанов... И все у него как-то не по-взрослому, не по-хозяйски, несерьезно.

Григорий стесняется своей с молодых лет запятнанной судьбы, и того, что косит не один, а с дедом, потому что ему, как шуту, не дали свой собственный целый участок... Стыдно, что он уже взрослый парень, а такой некрасивый: круглое с веснушками лицо, оттопыренные уши, короткая шея и на удивление длинные — как выпрямится, до коленей, — руки. Ко всему прочему, он сын настоящего колдуна. Его отец Игнат был огромного роста мужчиной, с бородой до пояса, зимой и летом ходил босой и только в белом — как призрак; большую часть жизни прожил один в лесу, в землянке, зимовал чуть ли не вместе с медведями в одной берлоге, знал язык зверей, птиц, деревьев (известно же, что береза и осина по-разному шелестят листьями под ветром), а когда умирал — три дня и три ночи не мог отойти, пока не догадались заслонку в печи снять, дверцы в грубке отворить и вьюшки пооткрывать — тогда только в трубе загудело, будто в сталеплавильной домне, и дух его отлетел.

— Гриша, сынок, не лети так, ты ж деда загонишь! — просит Махновочка.

Петро со своей полосы тоже подает голос:

— Григорий, у травы ног нет, не убежит!

Они с дедом вместе работают на железной дороге, и у Петра как бы обязанность о нем заботиться.

— Дед, иди отдохни, я докошу...

— А я не устал! — молодым голосом, бодро отвечает Николай Мирон. Где у человека имя, где фамилия, не разберешь, и его называют кто Николаем, кто

Мироном, как языку удобнее. Ему семьдесят лет. Взяли его не столько косить, сколько помогать: где подгрести с бабами, где косу помочь подладить...

Однако пока дед ни в чем не уступает молодым. На два Григорьева маха он делает один, а интервал между ними не сокращается. Притом он успевает еще периодически пить соду от изжоги, которую называет «жога». Остановится, достанет пакетик из газеты, высыплет в горсть, запьет водой из солдатской баклажки... На нем черная форма железнодорожника. Алюминиевые пуговицы стерты до того, что уже даже не отражают солнце. Душно ему, и он выдумал вентиляцию: сорочку сбросил, а пиджак одел на голое тело, и теперь из-под пиджака кустится на груди седой мох. И сам он похож на седой пень. Бывают в лесу такие пни — старый, но еще сильный, летнее солнце и зимний мороз выпарили из него влагу, ветра высушили, отполировали, и стал он твердым, как железо, стоит и будет стоять еще неизвестно сколько времени, пережив и своих истлевших сородичей, и хилый молодняк.

— Дед, попей еще соды, — не унимается Петро. — Я докошу за тебя, помогу!..

— А ты всем помоги, — советует сзади жена Петра Валя. — Иди еще брату помоги — его забыл. Потом иди тюремщику помоги...

Петро и вправду уж через чур ко всем «добрячий». У него слащавое, странное для деревенского мужчины прозвище — Цветок. Это местный красавчик, который по ошибке родился в крестьянском доме. С такой внешностью ему бы надо сниматься в кино или работать спецагентом в каком-нибудь неприметном уголке буржуазной Европы, понемногу укореняться, понемногу собирать нужные сведения... Армию он отслужил в Средней Азии. В его альбоме красуется молодой, красивый, как цветок, шляхтючок; на голове вместо шаблонной фуражки с кокардою — щегольская симпатичная панама. Она и сейчас на нем. В отличие от Кулинича, Петро женился рано, сразу после службы, взял старше себя на пять лет Валю — эту самую, что теперь, работая сзади граблями, ворчит под нос, не утихает. Хотя прожили они уже немало, трое детей-девочек у них: Вера, Надя и четырехлетняя Любка, — а лада нет и не было между ними. Дело в том, что Петро — горький пьяница. Валя его слабость объясняет так: конечно, он красивый, «цветок», а она некрасивая, он молодой, а она вымотанная детьми, старая, он хороший, особенно к чужим, а она плохая... С другой стороны, и Петро в долгу не остается. Он никогда не называет жену по имени, а только *моя*.

«Ты *моей* не видел?»

У него пьяного есть привычка шататься по чужим домам и рассказывать, как Валя его на себе насильно женила: «Если бы *моя* тогда не затащила на себя, так я бы, может, на машиниста пошел учиться», — его несбывшаяся заветная мечта — ездить далеко на поезде, видеть новые места, знакомиться с разными интересными людьми... И запах тепловозного уголька. Вместо этого он как пришел с армии, так вот уже десять лет в мазутной спецовке вместе с пенсионером Николаем Мироном гайки на железной дороге крутит, меняет рельсы и шпалы, а когда мимо проносится скорый, Петро только смотрит вслед, придерживая от ветра панаму...

Пьяному Валя мстит ему иезуитским способом: вечером выгребает все деньги из карманов, а утром не дает опохмелиться. И только когда видит, как ему плохо, у нее на душе становится веселее, мягче. «Болит? — ласково-злорадно спрашивает она. — Пускай поболит. А не шляйся по домам. А не говори, что у тебя жена плохая».

— Тебе нужен тот дед, — ворчит Валя. — Тебе нужен тот тюремщик... Тебе нужны чужие люди... У тебя своя семья, трое детей, дом, жена...

Вместо ответа Петро вытирает панамой мокрую шею и смотрит на солнце. Его русые волосы кольцами прилипли ко лбу, а на подбородке подсыхает мутная капля.

— От жарит! Как в барханах!..

И впрямь, давно полдень. Чаще звонкое шарканье брусков и наждаков о стальное полотно. Очень звонко стрекочут кузнечики. Сытые аисты то один, то другой забрасывают головы на спины и клекочут. От солнца в глазах на зеленой траве белые пятна. Все: оболонь, Припять, заводь, покосы — видно не отчетливо, а через дымку. Желто-черные слепни вьются над людьми роем; от запаха людского пота они одурели до того, что некоторые садятся на косовье или черенок и, растопырив от экстаза крыльца, впиваются вместо тела в горячее древко.

IV

В обед все потянулись в тень, в прохладу — туда, где заводь, ивы и машины. Некоторые сразу попадали от усталости на мягкую мураву под ивами, большинство стало спускаться к воде — как это быть на Припяти и не искупаться?

Купание людей, что родились, выросли и живут среди леса и болот, вдалеке от большой реки — это что-то. Все они боятся большой воды, которая движется, плывет, у всех на генетическом уровне страх перед нею, тем более перед такой, как Припять. Они привыкли к воде стоячей, прудовой, карьерной, плавать умеют в лучшем случае по-собачьи и на неглубоком месте, чтобы в любой момент можно было достать ногами дно. Да и слово «купание» они употребляют неохотно, это святотатство, для малышей, а взрослый, степенный человек скажет не «пойду купаться», а «пойду мыться».

У каждого в руке кусок мыла. Женщины не идут в воду вовсе, моются с берега. Что до детей, так тем уже и приказывать не надо, сами боятся, и купание для них — лечь в прибрежную воду на живот, а головой — на мелкое: вроде бы и купаешься, волны тебя с головой накрывают, ногами в воде болтаешь и, вместе с тем, в омут не затянет.

Мужчины с красными загорелыми шеями, с белыми животами и ногами, все в одинаковых черных трусах брызгают себе под мышки, горстями черпают воду, смывают немного пот — и давай скорее тереться мылом. Мыло не хочет давать пену в речной воде. Долго и старательно, по несколько раз, натирают головы. Все это после будет называться: «А что мне твоя Припять, я в ней сто раз плавал!»

Самые смелые заходят по шею: постоит немного, не зная, что делать дальше, голова над водой, сам кряхтит, будто от удовольствия — «ух ты! хорошо!» — а в глазах тревога... Постоит — и назад, на берег, а оттуда скорей за ивы, в лозняк, выкручивать трусы — обязательный ритуал! — купаешься ли ты, моешься или рыбу ловишь — это самое первое, необходимое дело.

В стороне от купальщиков, выше по реке, Григорий, очень осторожно переставляя ноги, как на лыжах, зашел по колени, потом по пояс, по шею и размашисто поплыл. С берега на него смотрели с осуждением. Он заплыл на самую середину, нырнул, высунулся по грудь, постоял так, помогая себе руками, затем, видно, застеснялся того, что все на него смотрят, лег на спину и медленно поплыл к берегу.

Тем временем на берегу заводи, под ивами, женщины ладили полдник. Теплое молоко в бутылках с газетными затычками, жестянки рыбных консервов,

сало, мясо из сычуга, огурцы, свежие и вареные яйца, зеленый лук, хлеб — у каждой семьи одно и то же, как солдатский продпаек, а все равно кажется, что у соседа вкуснее. Не успели наесться, как на реке затарахтел мотор, показалась синяя лодка с тремя мужчинами. Проехала мимо берега и завернула в заводь. Причалила как раз к тому дальнему, камышовому бережку.

По белорусской заведенке их сначала дружно осудили: мы тут работаем, а они средь бела дня рыбку ловят... Потом так же дружно оправдали:

— Пусть ловят на здоровье, они вреда не делают...

— Разве мы для них косим? — для себя...

— Видишь, ночью их гоняют, так они днем...

— Наловят, в Киев повезут...

— А что тут моторкой до Киева?

Дети собрались в стайку и пошли смотреть. Кулинич, на ходу дожевывая, тоже.

Людям с этого берега, из-под нависших над водой ив, видно, как они там ловят втроем удивительной снастью — таким широким треугольным бреднем. Двое с боков за полки́ тянут, третий сзади прижимает комель ко дну.

— Ниже, ниже, ниже! — доносится знакомое Кулиничево.

— Это «крига», — объясняют несведущим знатоки.

Видно, как сводят вместе полки, вытаскивают ту «кригу», низ смыкается — и весь улов твой. Как в огромном меху. Блестит серебро в сети, золотятся лини, бьют хвостами, выгибаются зеленые щуки, ходуном все ходит! Так, не перебирая, вместе с мальками и раками несут и ссыпают в лодку.

Люди завидуют, удивляются:

— Во как ловить надо...

— А мы с «кобылами»...

— Сидим в болоте, ничего не знаем...

Теперь уже и детям понятно: смешны они со своими примитивными донками, грузилами и издохшими на жаре червяками в жестянках. Конечно же, и они до обеда пытались, но ничего не забрасывается, не хочет лететь, запутывается, рвется, а если что и вытащишь, так клубок «бороды», корень аира или ком придонной травы. Теперь они все знают. Конечно же, дело в снастях. Да если бы нам... Дайте такую «кригу» и моторку, мы бы!..

Всего раза три затянули браконьерчики и больше не надо: пол-лодки рыбы. В мутной воде со дна поднимаются пузыри, всплывают на поверхность притоптанные растения, перепуганные рыбы, которым повезло выжить, пускают круги.

— Хоть бы детям дали по рыбке...

— Кто ж даст?

— Где же тут на всех напасешься...

— На нас, на такую прорву две лодки дай — мало будет...

Повесив носы, дети пошли назад. Кулинич остался, прикурил с видом человека, который свои обязанности исполнил, а вы уж тут сами разбирайтесь. На лодку он даже не смотрит: рыбы я вашей не видел, счастье такое...

— Эй, помощник! Лови!

Две щуки метровой длины одна за другой шлепнулись на берег, как две пленницы, забились в траве, толстые, в желто-зеленых крапинках, с белыми животами и черными спинами. Кулинич даже спасибо не сказал. Равнодушно, на колене со страшным хрустом — на другом берегу слышно было — переломал рыбам хребет, слупил карманным ножиком кору с лозы, вдел рыбам через жабры, да так и потащил, хвостами по траве, к своему табору. Бросил — и тут же отвернулся. Коса его заинтересовала, кольцо стал проверять, цевье щупать, ручку подтягивать.

Махновочка сияет от гордости. Укачивает Василька:

— А где наш папочка, покажи... А вот наш папочка, рыбку поймал... Посмотри какую... И ты, когда вырастешь, будешь рыбку с отцом ловить... На моторочке будете ездить... Сейчас мы хвороста насобираем... Чистить начнем с хвоста...

— Почистить и я могу, — ни к кому не обращаясь, предложил дед. Потому что, честно говоря, какой бы ни был, а устал он. А так занятие: с рыбой возиться, с хворостом, с костром, с юшкою...

После обеда солнце стало опускаться. Ивы уже не дают тени машинам, и два шофера, что вместе со всеми махали косами, пошли в который раз заводить моторы и искать новую тень.

Росы нет в помине, трава тяжелая, шершавая, косы скользят по ней, а где просто шаркают, как по проволоке. Все чаще перекуры. Все больше надобность промочить водой горло и заодно лишний раз посмотреть на солнце, которое из красного превращается в малиновое, мягкое; лучи не светят, а стелются. Вот половина его уже спряталась за дубы с гнездами аистов. Еще немного — и совсем исчезло. Тень от ближнего кустарника, от дубов легла на луг.

Люди засобирались у своих шалашиков. А три косы все еще посвистывали: Кулинич, Петро и Григорий заканчивали дедову часть.

V

Какой долгий был день!..

Около костра у Кулинича на юшку и на стопку собралась целая компания. Только Петро Цветок отмахнулся: «Мне с вашей капли только рот промочить, а крика от моей будет...» Там у него свой огонек, и Валя топчется.

Юшку едят из одного ведра согнутыми в крючок алюминиевыми ложками. Слышатся только мирные звуки сербания, обсасывания косточек и шлепки ладоней то по лбу, то по плечу, то по шее. Комары! Дед сварил без картошки, зато лука, листа, перца и соли напер. Но юшку ведь ничем не испортишь: рыба все лишнее вберет.

Григорию досталась, то ли сам по скромности выбрал, щучья голова — зубастая, как акула, с твердыми жаберными пластинами. Он ее старательно по косточке разбирает, и когда огонь в костре вспыхивает веселее, видна на его безымянном пальце скромная татуировка: маленький, расплывчатый, будто шариковой ручкой нарисованный, крестик. Выпить ему не налили, просто забыли, а он, конечно, промолчал. В общем, Григория не замечают, не обращаются к нему, не говорят с ним, будто его и нет.

Поел чуток, голод утолил и молча подался к своему шалашику. Хоть бы позвал его кто, предложил остаться. Так и лежит где-то один, в темноте, с комарами, позабыт-позаброшен...

Махновочка, которая к тому времени покормила и укачала сына, незаметно взяла недопитую бутылку, пошла туда.

— На, выпей, сыночек, пускай и тебе посчастливится... Не смотри на них, не слушай, пусть себе ругаются, а ты живи, такой молодой...

Ночь, звезды, теплая земля...

По всему лугу рассыпались красные точки костров. Слышно, как внизу вода ластится о берег. Тонко, сладко пахнет привяленная, а к ночи снова воспрявшая трава. Шипит сало, капает с него и потрескивает жир на угольях.

Размягченные от спиртного, от такой чудесной ночи, люди ощущали одно и то же: полноту жизни, которой так много вокруг, которая и в стрекотании

кузнечиков, и в этой луковице, и в хрусте, с которым ее грызут, и в том, как рюмку передают из рук в руки, и в костре, который горит себе, поднимается дымок над ним, а пламя бросает отблески на лица и выхватывает из тьмы неровный круг покоса.

Говорят они обо всем на свете.

— Он был человек сильный, — рассказывает Кулинич про кого-то из своего лесничества. — Звали его Василь. Уехал на север.

Кулинич, когда выпьет, говорит короткими предложениями, словно через сжатые жабры, потому слышится: *сыльны*, *Васыль*, *сэвэр*.

— Поступил на лесосплав. Там его били. Порвали легкое. Заболел, работац не мог. Лег помирац. Дали группу.

И всем жалко стало того незадачливого Василя, которого и в глаза никогда не видели. Кто-то вспомнил утреннюю старуху с коровой. Где она теперь в темноте, пускай бы подошла к людям, погрелась, поужинала... И как это корова, будто кот или собака, умеет отыскивать целебные травы?

— Человека припечет — он найдет, а то корова...

— Свет велик, всякое бывает...

Посмотрели на темное пятно шалашика Григория. Снизили голоса. Выпили еще. Заговорили про космос, что вот слетали туда, а Бога не нашли. И хотя все единодушно, даже старый Николай Мирон, сошлись на том, что Бога, конечно, нет, но все-таки что-то есть. И надо было послушаться совета старых мудрых людей и в полночь вбить в могилу Игната-колдуна осиновый кол, ведь не успел он умереть, как начались одна за другой сухие грозы; без дождя, без туч, среди ясного дня молнии били во что ни попадя, и это большое чудо, что уцелела деревня; правда, пастуха Козю на поле гром убил, сгорел весь, только обугленная головешка в гробу лежала.

— Нет, Бог не Бог, а что-то есть...

— А что, разве нет того, что пугает?

Словом *пугает* называется все невероятное, мистическое, необъяснимое. Чаще оно существует почему-то в виде огненного шара размером с футбольный мяч. У каждого в запасе есть история.

— Как-то веду велосипед ночью... Катится клубок огненный! Жаром горит! Пугает! Я подпрыгнул, как врезал ногой! Клубок как взвизгнет и давай ходу!.. Я тебя научу!.. Я тебе попугаю!..

По Припяти во тьме, внизу, не спеша движется ряд огней. Буксир тащит баржу. Когда они проплыли, оживился старый Николай Мирон.

— А то один раз было... Я в войну иду с железной дороги... Иду. Едет мадьяр на велосипеде... Я сперва подумал — немец. Винтовка за плечом болтается. Я шапку снял... Он едет. Я здравствуйте дал... Он едет. Я смотрю — мадьяр! Надел шапку. Он едет... Винтовка, правда, за плечом. Я соступил с дороги... Он едет...

Николай Мирон родился в 1900 году и как в четырнадцать лет пошел работать на железную дорогу, так и свековал на ней. Власть менялась, а он один был неизменный. Без железной дороги ни одна власть не обойдется. Он и служил каждой власти: царской, пролетарской, польской, немецкой, советской, — а уже какие там были поезда, чьи они, и что на вагонах написано, какие штемпеля стояли, ему было все равно. Казалось бы, какая судьба! какая богатая на события жизнь! чего только человек не повидал! сколько всего может рассказать! А ничего подобного. На самом же деле он никогда не был дальше своего райцентра: ни служить, ни воевать железнодорожников не брали, все его мировоззрение ограничивалось двумя перегонами в два конца от станции возле деревни. Даже когда однажды мужчины подняли вопрос на

такую, казалось бы, близкую ему тему: почему поезда с гладкими колесами не сползают с гладких рельсов? — и тут он ничего не смог ответить, промямлил, что, может, потому, что колеса магнитные и прилипают к рельсам.

— ...Я иду. Мадьяр едет...

Вдруг возникла во тьме очень высокая фигура и стала приближаться к костру. Все притихли. Фигура приблизилась, вдвое уменьшилась, и все увидели, что это их бригадир, Стас Масловский. И очень обрадовались ему. Каждый сделал жест, что хочет подвинуться, хотя места хватало.

— Садитесь, Стас Касперович!

— Сюда, здесь мягче...

— Юшка осталась, хотя остыла...

— Зато щучья...

Бригадир покачнулся, видно, оттого, что вышел из тьмы на свет.

— А я лодкой... Попросил рыбака. Лодкой перевез меня. Речное такси! — и рассмеялся немножко громче, чем надо, и лицо его показалось более красным, чем обычно. Но это, конечно, от огня у всех лица красные.

Масловского любили, хотя немного и побаивались — все же, что ни говори, а он поляк. С другой стороны, приятно, что он хотя и поляк, а такой же, как все: ест, штаны носит, водку пьет. И все же оттого, что он поляк, было почему-то жаль его. Любому человеку, наверное, стыдно жить не на родине. Неуютно. И поэтому Масловского всегда старались ободрить, лишний раз сказать хорошее слово — известная белорусская черта, это преувеличенное гостеприимство к инородцам, чтобы не дай бог не чувствовали себя здесь хуже, чем дома.

Масловский вытащил из кармана бутылку водки, бухнул на траву.

— Ну, хлопцы, денег вам будет... Не будете знать, куда складывать! В Наровлю три раза мотнулся... С бухгалтершею... Ну, Зося называют, которая замуж вышла...

Как услышали о деньгах, как увидели еще выпивку — оживились! Загордились! Стали набивать цену себе, своей работе. Когда так хорошо платят, так, пожалуй, есть за что!

— Теперь косилки, косилки... А корова не ест из-под косилки сено!

— Только из-под косы!..

— Нет, ну может через силу, когда изголодается, но что там за молоко будет...

Тем временем у костра Петро Цветок не идет спать, собрал вокруг себя детей, курит, развлекает их баснями, сыплет такими словечками, как *аксакал*, *саксаул*, *сакля*, *рахмет*, *салям*... Всю Среднею Азию он называет Узбекистаном, а всех без исключения азиатов — узбеками.

— Дядя Петро, а киргизы? — тешатся, хихикают умные дети. — Казахи разве тоже узбеки?

— И азербайджанцы, дядя Петро?

— И японцы?

— Все подряд, — подтверждает Цветок. — Очень добрячие люди!

Валя крутится в шалаше, и злость в ней растет: на комаров, на ночь, на тело, что зудит, на руки, что гудят, а особенно на смех, который мешает думать и спать.

— Вот ненавистный, — ворочается она.

Она завидует чужому смеху, радости, не понимает, почему люди к нему тянутся, а к ней — нет. От малышни отбою нет, он и сам любит детей, только почему-то не своих, а чужих.

— Там шакалы живут... Собачки такие... Выйдешь из сакли в барханы, настреляешь шакалов...

Дети переглядываются, перемигиваются — такой стрелок... Все прекрасно знают, какой он жалостливый, он даже траву косить жалеет, шихает осторожно, внимательно вглядывается, чтобы не цапнуть какую-нибудь жабку, а когда увидел перерезанного надвое молодого ужика, то побелел, руки затряслись, и жена на весь луг кричала о его никчемности.

— Заходим в кишлак, прямым ходом — в чайхану. Духан, по-ихнему. Там из чайников вино в пиалы наливают... От души. Нет денег — бесплатно нальют. Такие уже добрячие люди...

Наконец Валя не выдерживает и тумаками гонит его спать.

Гаснут понемногу один за другим костры, а на небе, напротив, больше звезд, и ярче разгораются они. И где-то здесь, поблизости, ночует одинокая старуха с коровой...

Завтра к обеду скосили, к вечеру высушили и в аккуратные копны сложили. Клин был чистый, убранный, приятно глазам смотреть, а ногам ступать, и самим не верилось, как такие маленькие муравьи смогли управиться с такой массой травы.

Больше работы не было. Подплыл паром. А люди не торопились, все стояли, говорили... Хотелось еще хотя бы немного здесь побыть, в этом чудесном месте.

— Поехалите! — звала, упрашивала Махновочка, боясь за ребенка. — Ну, поехалите уже!..

И когда шли к парому чистым покосом, невольно оглядывались, и все, даже взрослые мужчины, в мыслях благодарили свой луг, уже не дикий, и прощались с ним, как думали, до следующего лета.

VI

Прошло шесть лет. У Кулиничей подрос сынок — такой херувимчик с белыми, как льняное полотно, волосами, и с синими, как цветки льна, глазами — весь в своего дядю Петра.

Почему-то поздние дети всегда немного не такие, как все. Василька больше тянуло к взрослым. С детьми он не очень любил играть «в наших и немцев», в прятки, в хоккей-футбол. Единственное, на что соглашался, — постоять в воротах, или, как он говорил, «на вороцях». Ему интереснее было с отцом подвигать по клеткам шашки, складывать домино или перекидываться с матерью картами в «пьяницу». Часто под вечер около Кулиничевой хаты можно было наблюдать такую картину: сидят на лавке деды с палками, и с краешка — маленький Василек с палочкой, пальчики сцеплены на коленях.

Кулиничи не жалели для него ничего. Больше детей у них не было, и Васильку доставалась вся ласка.

В деревне не понимали этого. Деревня все прячет, здесь не принято показывать, что ты что-то или кого-то сильно любишь, здесь не до муси-пусей, не до телячьих поцелуев, не до церемоний; все это вырабатывалось веками, передавалось из поколения в поколение как оберег, было неписанным кодексом.

Вот классический диалог матери с сыном: «Иди есть, ирод!» — «Ай, не хочу!» — «Я тебе не захочу!.. я с тебя шкуру спущу!..»

У Кулиничей все по-другому. Махновочка выплывет на улицу, медовым голосом: «Василечку, иди, сыночку, естачки!» — «Иду, мамочка. А где папка?»

Родители с малых лет приучают детей к скрытности: идешь играть, так смотри никому не говори, что ел, в чужом доме не садись за стол, не смотри, как чужие едят, — самый большой стыд, если подумают, что голодный.

— И сохрани бог, ничего никому не рассказывай! Молчи, и все!

Василек охотно шел в любой дом, как в свой собственный. Лез за стол, если приглашали. И отвечал на любой вопрос. Хитрая баба переймет, заманит конфетами или грушей, и начинается: «А что ты сегодня ел, Васильку?»

— Колбасу из косули. И еще мамка фарша накрутила.

— О, брат! А где ж вы мясо берете?

— Лесничий привез, — беззаботно говорит Василек, сидя на скамейке, болтая ножкою.

— А мать тебя бьет когда-нибудь?

— Не-а.

— Ты, наверное, когда вырастешь, будешь лесничим?

— Не-а.

— Так, может, бригадиром? Масловский скоро на пенсию, так, может, ты вместо него будешь?

— Не-а.

— А кем ты будешь?

— Матросом на корабле.

— Ты посмотри! — даже остолбенела баба от удивления. — Кто же это тебя учит? Мамка?

— Не-а. Дядька Петро.

— А сколько тебе мамка денег на книжку положила? Может, уже тысячу?

— Не-а. Сто миллионов.

— А, брат!.. Так Махновочка научила...

Впрочем, все подобные спектакли заканчивались одинаково: после бабы вслух одна другой говорили (зная, что каждая донесет Махновочке):

— Не люди, а золото! И Кулинич, и дитятко, и женушка его!..

А Кулинич между тем выматывался в своем лесничестве; все зарабатывал и копил. Не отставала Махновочка: и в колхозе, и в городе на базаре, и огород вела. Много помогал лес-кормилец. Зимой, растянутые на рожках перед печкой, всегда сушились заячьи шкурки или смердела на весь дом лиса. Не стеснялись детского заработка: собирали и сдавали в заготовительную контору сосновые и березовые почки, умудряясь надрать их целые ведра, а осенью теми же ведрами в ту же контору тащили ягоды рябины. Про лето нечего говорить. Летом чуть ли не ночевали в лесу. Драли кору с крушины и лозы, гребенкой собирали ягоды, обрывали орехи, или, как говорил Василек, арахи — «арахов техник дал!» Кору он называл — ко́ра. В общем, Василек, благодаря матери, обогащал местную лексику. Все произносили — «во он», Василек — «во се то во он»; все — «давно», Василек — «во се пора»...

Крепло хозяйство. Появлялись новые вещи. И все было как бы в квадрате, имело свою маленькую копию — с прицелом на Василька. Была кобыла — и жеребенок, ружье двустволка — и тульская одностволочка, мотоцикл «Урал» — и тележка к нему... Был черно-белый телевизор — Кулинич съездил в город, возвратился с цветным.

Махновочка на улице прижимала Василька к себе и в зависимости от того, как росло их благополучие, меняла будущее сына:

— Скоро будешь с нами в колясочке в лес ездить, кору драть...

— Будешь с ружья зайцев бить...

— Вырастет жеребеночек — поскачешь на нем в лесничество, отцу помогать...

— Вот выучишься — будешь в цветном телевизорику выступать...

— Вот продадим мотоцикл, купим машинку — будешь руль крутить...

Все эти вещи не могли не настораживать. Нельзя хвалиться счастьем, оно не любит публичности, его надо прятать, даже стесняться его; счастливые

должны отгородиться от остальных дубовыми дверями, железными замками — хотя бы ради того, чтобы не сглазили.

И был еще один момент. Очень уж красивая у Кулиничей под окном росла калина. А по деревенским неписанным законам калину (как и елку или сосну) нельзя сажать близко. Обычно она растет на задворках, прячется в глухом конце огорода. А у них росла на виду, сразу перед верандой, в компании только ломоносов — эти обвивали и калиновый куст, и верею, и саму веранду и еще ползли вверх, цепляясь усиками за натянутые хозяйкой нити, к самому фронтону. Кроме этих безобидных ломоносов, ничто больше не мешало калине; она тут расположилась, как хозяйка: роскошная, породистая, весной облитая белым цветом, летом даже издалека красная от крупных, крупнее вишен, ягод.

VII

Перед тем, как зайти к Кулиничам, Петро Цветок останавливался под калиной, доставал из вечно оттопыренного — даже когда там ничего не было — кармана пиджака бутылку «чернильца», промачивал горло, срывал горсть ягод вместе с листвой, зажевывал, отплевывался, посмеивался:

— От души... Добрячая закуска!

Петро понемногу превратился в тихого, пропащего пьяницу. Это просто был какой-то эксперимент с предопределенным финалом: кто кого, я водку или она меня? Со временем у него снизился барьер воздействия спиртного — его никогда не тошнило. Однако даже в те редкие дни, когда он не пил, у него все равно путались и мысли, и ноги.

Он давно оставил мечту стать машинистом, уже не провожал с завистью глазами скорые поезда; теперь его интересуют только «медведи» — товарняки с вином из Молдавии, которое экспедиторы с красными носами за копейки продают на розлив. Не рассказывает он уже и про свой Узбекистан: панама износилась, а альбом сточили в труху мыши.

Жена кляла его: «Где это видано, где это слыхано, чтобы так человек дома чурался! Доски в заборе шатаются, как зубы, а ему некогда. А он ползает и ползает по чужим домам, кто ему там каким медом мажет...»

И правда, хозяйство он не любил, тут Валя была права. Уже тогда обозначился крах деревни — задолго до Чернобыля и перестройки начинались первые ее предсмертные судороги, поколение Петра было последним поколением, связанным с землей; они знали, что последние, что на них все закончится, их дети уже не выберут их долю, да никто и не хотел, чтобы они ее такую выбирали.

Петро, как маленький, убегал из дома при каждом случае. Сначала выдумывал причины, потом и выдумывать перестал — просто уходил со двора и шел к чужим. Чужие его жалели, наливали, выпытывали, и он хотя бы частично получал то, чего был лишен дома.

— Петро, мне не водки жалко, — сочувствовала ему Махновочка, — тебя жалко! Они же тебя затолкут! — озвучивала она то, что знала вся деревня.

Дома у Петра уже не обходилось тем, что денег на похмелье не давали. Если раньше Валя стегала его словами, так теперь перешла к делу. Тем более, девки подросли и стали активно помогать матери. Все они пошли в Валю: и внешностью — такие же некрасивые, и душой — так же ненавидели отца. Пьяного, жалкого Петра связывали на полу и били: всерьез, изо всей силы, чем попало... Даже маленькая Любка в сторонке топтала шапку. Затем оставляли лежать связанным до утра.

— Это ж надо так человека ненавидеть! — удивлялась Махновочка.

— От души ненавидят, — подливал масло в огонь Цветок.

— Хоть ты подавай в какую милицию...

— Какую милицию...

— Может, разведись. Теперь же не как раньше. Возьми Галю Миронову. Она сама побежит, в Архангельск на сплав уедете...

— Какой Архангельск, какой сплав... Она ж девка, а мне бы молодицу! Такую, как ты...

Кулинич повернул щекой к зеркалу лицо с белой бородой — он сейчас брился, поставив перед собой миску с горячей водой, и крякнул. Из-под лезвия выступила кровь. Обычно он, когда был дома, слушал, но не вмешивался.

— И не кормит, — жаловался Петро. — Дома сало и на работе сало... И то — так посолила, что в шкурке белые такие как бы проточинки.

— Ты посмотри — соли пожалела! — Махновочке, как и любой женщине, приятно было слышать, что есть хуже, чем она.

— Я ей говорю — недосолила. А она — сам Масловский ел! Кричит, Масловский ел, а он же не ты! Масловский карманным ножиком обрежет — это, говорит, ничего, это сольнички... Для нее Масловский — пуп земли. Масловский скажет, что теперь зима, так она будет повторять — зима. Чая попросил утром, так она голый кипяток посолодила...

— И чая не бросила щепоть?

— И не бросила.

Махновочка млела от удовольствия.

— И мало ей все, мало... У Масловского, кричит, полный дом добра. Так Масловский же крадет в колхозе. И я бы воровал бурак, картошку...

— То то, то се...

— А что я с путей принесу? Болт в кармане? Гайку?

Кулинич, который закончил бриться и вытирался полотенцем, воспринял это как намек. Конечно, он давно мог бы пристроить брата в лесничество. Но не делал этого, боясь скомпрометироваться.

— Э-х, — только крякнул он и вышел из дома.

— Говорю, костюм надо купить. Как подняла крик! А у меня один костюм, и на работу, и на выход. Вот этот самый. Расписывался в нем когда-то.

— Не дает?

— Слушать не хочет.

— Это так боится, чтобы красивым не был, — сообразила догадливая Махновочка. — Чтобы на нищего был похож. А наденешь костюм, да побреешься...

— Я все равно куплю.

— А и купи!

— Я уже присмотрел в городе в «Промтоварах». Добрячий такой... В серенькую полоску. Даже мерил — как по мне шитый.

— А и купи!

— Я и куплю.

— Поставь перед фактом. Ну, покричит, побьет немного, не порежет, не сожжет ведь...

— Я так и сделаю. Она дождется.

— А и сделай!

— Куплю с получки — и все.

Выговорившись, излив душу, Петро поднимался и шел к Грише Игнатову.

Григорий за это время успел второй раз отсидеть в тюрьме и второй раз жениться. Первая его жена с ребенком жила в городе, а вторая — Сюзанна, пока с ним.

К дому вел узкий длинный двор. Сам дом стоял далеко от улицы, словно прятался, стесняясь своего вида. Это была маленькая дореволюционная халупа. И это притом, что Гриша работал на лесопилке и при желании мог бы выписать любые материалы, да хотя бы и наворовать, и выстроить терем с балконами. Но в доме не было даже деревянного пола, был глиняный. Когда Петро переступил порог, Сюзанна готовила ужин на газовой плите. В доме стоял приятный запах жареного мяса. Шланг от баллона с надписью «Пропан» от плиты был всего в полуметре. Баллон стоял так близко, что его бок доставали огоньки комфорки, и краска там почернела и немного облупилась. Кроме жаркого, также пахло сырой глиной и больным человеком. Закуток за печью завешен был постилкой. Там жила Гришина мать. Еще при живом Игнате она повредилась умом и перестала выходить на улицу. Когда твой человек колдун, значит, ты автоматически ведьма, тут уж ничего не поделаешь. Так и жила за печкой, там ела, спала, а про то, что еще не конец света, знала от сына и снохи.

Обычно когда заходил Петро — а он один и заходил, люди по-прежнему избегали Григория, да и сам он не больно любил чужих, а Петра принимал, может, только потому, что помнил, как когда-то его, загнанного зверька, Петро пожалел на косьбе, — когда Петро, входя, стучал дверью, всегда повторялось одно и то же. Из-за печи слышался старушечий голос с капризными интонациями маленькой девочки.

«Гриша, кто-то пришел!» — «И что?» — «Я боюсь!» — «Чего ты боишься?» — «Людей!»

— Так умирай, — отвечал сын. — Теперь не зима, яму выкопаем.

Григорий в ожидании ужина сидел в углу, сложив на столе руки, как школьник за партой. Глава семьи, мужчина, хозяин. С первой женой он тоже не порывал; она работала на мясокомбинате, и Григорий минимум раз в неделю ездил в город и возвращался с сумкой бесплатного свежего мяса.

Это был уже не затюканный апостол времен Дикого Луга. И знака не осталось от его застенчивости. Он поплотнел, возмужал, вытянулся в рост, руки пришли в норму, не короткие, не длинные, а обычные — мускулистые, мужские. Татуировок на них стало больше: на одной появилась русалка, на другой — стопка на тонкой ножке, оплетенная гадюкой с короной на голове, и в короне числа — номера колоний. Он давно не краснеет — теперь тюрьма в деревнях не редкость; сутулится только тогда, когда на ветру прикуривает, а так смотрит открыто людям в глаза, грудь расправлена — ухарский, наглый, умный, двумя женами ухоженный, на мясе откормленный, мордастый, гладкий мужчина. Говорить он стал с иронией: гы-гы, хи-хи, ха-ха... Словно он один знает что-то такое, о чем другие и не догадываются.

Петро пристроился к столу с края. Сюзанна по-свойски подтолкнула его поближе к сковороде и выпивке. Петро пить не стал, а накрыл свою рюмочку дрожащей, с синими венами и все равно не деревенской, нежной рукой. Ему хотелось поговорить. Григорий сам выпил, подцепил вилкой кусок душистого мяса с поджаристо-золотистой корочкой сала.

— Я костюм, Сюзанна, собрался купить...

— Костюм? Тройку?

— Да нет, куда там, простой... Штаны, пиджак. В полоску такой...

Гриша работал челюстями, слушал со снисходительностью человека, которому все удается и у которого таких проблем не может быть в принципе.

— Запомни, — проглотив, сказал он, — не в костюмах счастье. Я могу три костюма купить. А толку?

— Ну, ты меня с собой сравниваешь...

— А Валя биться не будет? — поинтересовалась Сюзанна.

— А я и спрашивать не буду. Поставлю перед фактом!

— Герой. Я всяких насмотрелся... И в костюмах и без костюмов. У нас вон тоже один. Приезжает из города в цех в костюме, в цехе переодевается в робу и бревна под диск подсовывает. Так мы ему опилок в карманы насыпаем — выгребай...

Сюзанна рассмеялась. Полноватая, с неторопливыми, плавными движениями, очень красивая. Молодость и свежесть так и выпирали из нее. Только немного удивительно было, как она, городская девка, симпатичная, с хорошим характером, вписалась сюда, как умудряется ужиться среди этой разрухи и еще так смотрит за собой. Или, может, напротив, это на фоне убогости и разрухи она так хорошо выглядит?

— А возьми моего отца — светлой памяти Игната, — важно сказал Григорий. — В одной рубашке век проходил, а умнее всех был!

Теперь он не стыдился своего отца, а при каждом случае подчеркивал, что, хотя и с опозданием, а, конечно же, сработали отцовы чары — иначе разве был бы он, Григорий, такой удачливый?

VIII

С получки Петро купил в городе костюм и двадцать пачек «Примы». Пересчитал сдачу. Остался такой мизер, что и расстроился. А нужен ему был тот костюм, помирал он без него, что ли? Захотелось даже возвратиться и попросить, чтобы забрали назад. Но стыдно стало. Вот купи — плохо, и не купи — тоже плохо.

Зашел в столовую, выпил винца, занюхал рукавом — в последнее время он совсем перестал закусывать, не лезло ничего. На станцию поехал дизелем. Солнышко сентябрьское грело, мухи зумкали около мутного стекла. Убаюкало, развезло Петра. На станции стал переходить рельсы, заплелись ноги, брякнулся, как стоял — вперед, переносицей на стальной рельс. Кровь так хлынула, что пакет с костюмом вымок, а «Прима» в сетке из красно-белой превратилась в красную. В больнице посмотрели, что пьяный, бедно одетый, никто ничего не исправлял, кое-как на скорую руку зашили, как сапожник штопает дырявый сапог... Так и срослось. Переносицы не стало совсем. Вместо ровного симпатичного носа теперь торчал между щеками утиный сплюснутый клюв, а на том месте, где была переносица, среди проваленных морщин, светили две маленькие, как иголкой проткнутые, дырочки. Когда Петро курил, дым шел через рот, через ноздри и струился через эти дырочки. Еще они посвистывали. Петро скажет слово — свись! На сочувствие — мол, черти, не могли зашить по-человечески, отвечал:

— Такая уже женщина была добрячая (свись дырочками!)... От души!

— Она же тебя изувечила!

А он свое:

— Если бы не моя, я бы с нею еще (свись!)...

Он еще не вполне понимал, что случилось, думал, что он по-прежнему Цветок. Как-то пришел к Махновочке.

— Дай машинку, Сюзанна подстричь обещала.

— Петро, — сказала Махновочка, доставая из ящика в столе продолговатый футлярчик, стараясь быть строгой. — Ты ж смотри... Люди без рук, без ног цепляются... Ну что же это — стакан и папироса... Ты же раньше как-то не так сильно пил... Подожди, возьми конфеты Сюзанне...

Сюзанна прорезала дырку в газете, одела Петру на голову, запстрикала около уха машинкой.

— А почему же вы костюм не носите?

— Он мне как бы в плечах широковат, — Петро осторожно повернулся под газетой, чтобы показать, и свистнул носом.

— А не ругались?

— Не.

— Ну, правильно... Ревновала. А теперь кому вы нужны?

— Гриша, что там стрыкает? — капризничал голос за печкой. — Чего тут люди? Я боюсь!..

Григорий что-то думал, поглядывая на Петра.

— Слушай, — сказал он, — я не могу на тебя смотреть без смеха. — Снял со стены продолговатое зеркало с воткнутой в раму новогодней открыткой. — На, сам посмотри. Ну, какой ты Цветок? У нас один был такой, на тебя похожий, так мы его дразнили Носор. Я тебя теперь тоже буду называть Носор, хорошо?

Так понемногу Петру стало открываться, что он уже не тот, каким был. Тяжело было смириться с этим. Конечно, привык человек к красивой внешности, думал, она вечно будет с ним. Пил он по-прежнему — так, что Валя уже махнула рукой и даже бить перестала, без толку это, он все равно не ощущал боли.

Прошла осень, наступила зима. Прошел декабрь, а в январе Петро взял костюм под мышку и понес по домам продавать. Никто не купил. Зато напоили так, что вечером Петро упал на пол, во рту у него показался синий огонек, как из газовой комфорки. На этот раз всерьез напуганная Валя разослала дочек во все концы: Любу — за Махновочкой, Веру — к Масловскому, вызвать «скорую», Надю — к Сюзанне, потому что в таких случаях, когда пьяница «горит», надо, чтобы молодица помочилась в рот. Сюзанна набросила пальто без платка, пока добежала — Валя с Махновочкой уже голосили на всю улицу.

Хоронили Петра в мороз. Деревья стояли в белом инее. Николай Мирон в кожухе, в толстых рукавицах, в шапке с опущенными ушами смотрел, как на кладбище копают яму, и давал советы.

— Оно только кажется, что мороз, а в мороз земля не твердая... Да, сверху, сантиметров двадцать пять-тридцать, — снимал рукавицу, нагибался, щупал, а земля и правда чем глубже, тем теплее была.

На поминки Кулинич привез откуда-то лосиное бедро. Махновочка наделала котлет, сварила холодец. Впрочем, и так всего хватало, ведь тогда еще была традиция обязательно приносить на поминки кисель, бутылку, миску с винегретом, курицу или кусок мяса.

Составленные столы пересекали весь дом. Но места все равно всем не хватало, ведь людей на кладбище было много. Решили поминать сменами: одни выйдут — другие займут их лавки.

— Когда-то так — если сел, то сел, — воспоминал Николай Мирон. — А поднялся — больше не сядешь. А теперь же курят. Вышел, покурил, опять воротился...

Из чужих приехали из города далекие родственники по Валиной линии, муж с женою. Жена была местная, ее знали, а мужа в первый раз видели. Скромненький, культурненький в костюмчике-галстучке, маленького роста, аккуратно подстриженный, похожий на ученого или на учителя математики. Он не курил и от спиртного отказался категорически, махнув в сторону кладбища: «Свежий пример!» Его сразу зауважали.

Только начали рассаживаться, как вдруг Сюзанна навзрыд заплакала:

— Я виновата!.. Если бы быстрей успела... Жил бы!

Валя, поджав губы, упрямо смотрела перед собой в тарелку. Весь ее вид говорил: да, виновата. И ты, и все за этим столом, только не я.

Махновочка даже руками всплеснула:

— Еще что выдумай! Тебе здесь совсем быть не надо! (Сюзанна была беременна.)

И повела ее домой. А за столом вышла новая заминка. Люди переглядывались, перешептывались. Надо было что-то сказать, и так сказать, чтобы не обидеть вдову, а это было практически невозможно. Любые слова воспримутся как обвинение Вали. Например, если начать жалеть покойника — «чего он умер, мог бы жить да жить...» Или если, например, посочувствовать ему — «вот и отмучился...»

— Ну, кто скажет тост? — громко спросил Григорий, который копал яму и поэтому здесь, за столом, чувствовал себя свободно. — Ну, так и быть, давайте я скажу тост.

Но тут встал Кулинич.

— Брата моего Петра уже не поднимешь — ему пусть земля пухом. А что с его работы никто не приехал, — злорадно повысил голос Кулинич, — венка не прислали — так пусть они когда-нибудь побачац сами!.. — торжественно, мстительно окончил он.

Вот это слова! Так сказал, что позавидовать можно. И виновных нашел, и Валю не обидел.

В конце стола сидели две осиротевшие Петровы дочки, Вера с Надей, уже большие девки. На их некрасивых, нахмуренных, с красными глазами лицах выразительно читалась досада, недовольство: и без того им с таким отцом жизнь не была медом, а теперь и вообще что выдумал, показал фокус — взял и умер!.. Маленькие Люба с Васильком честно копировали взрослых, компотом в рюмочках не чокались, лобики наморщили, в руках носовые платочки, на коленях полотенчики... Только раз поднялась в их уголке возня, и послышался шепот Любки на весь дом:

— Не трогай, мой папа умер, а не твой!..

Сначала немного стеснялись чужого человека за столом. Но этот городской родственник, этот ученый или учитель, вел себя, как мышь. Не пил, мало ел. Что-то ему заминало. Прятал под скатерку руки. А жена его как-то умоляюще, растерянно смотрела на земляков, словно загодя прося за что-то прощения. Терпел он терпел — и все же не выдержал: скоро кувыркнул пятьдесят граммов, потом, не закусывая, подряд одни за другими еще три раза по пятьдесят. Решительно отвел женину руку с котлетой на вилке. Поднялся, звонко постучал рюмкой о бутылку, требуя тишины, и повел такой разговор.

— Я объездил всю Беларусь и должен признаться, что такой дичи, как у вас, нигде больше не увидишь. Богатейшую историю, традиции, обычаи вы умудрились опустить до примитива. В Малоритском районе (граница с Украиной) дед ползет раком, а все равно по-украински: «Доброго ранку!» А у вас? Слышали ли вы про такую традицию, как голошение? Мужчины не голосят никогда, — он начал загибать пальцы. — Плач старухи более важен, чем молодой женщины, а голошение дочери по отцу более важно, чем жены по мужу. С кладбища возвращаются — надо три раза печь погладить и сказать: «Пусть умирают тараканы, а не люди». А вы руки сполоснули — и все? Скорей за стол.

Бедная жена, красная от стыда, шмыгала, тянула его за полу. Но лектор только входил в роль, поставил рюмку и загибал пальцы уже на второй руке.

— Три блюда: кутья, кисель, холодец... За траурным столом все должны быть печальными, никаких оговоров, шуток. А вы — тост, — посмотрел строго на Григория. — Говорить надо сдержанно, тихим голосом и только о покойнике, — посмотрел на этот раз на Кулинича. — А не о тех, с кем он работал,

не про венки... От прадедов спакон веков нам засталася спадчына — кому это было сказано? Вам? Кто это услышит? Вот девушка была, здесь сидела... Плачет, что не помочилась в рот. Дичь! Суеверия, наговоры, колдуны... Самое обычное язычество, поганство!..

Все и раньше чувствовали, что что-то не то. А тут просто разобиделись. Слово «поганый» знали все. Какой бы ни был ученый, а обзываться за столом... Это же не свадьба... Тихо загудели, несмело зашумели — вроде «выпил — так будь человеком»... Опытный Гриша давно не ел, слушал настороженно. Особенно его задели слова про колдунов. Он понял это как намек на отца. Никто до этого времени не имел права усомниться в том, что Игнат и в самом деле был человеком необыкновенным.

— А в рог? — спросил Григорий. Его глаза ничего хорошего не обещали, правая рука сжалась в кулак, синий от татуировок. — Если я тебе в рог дам?

Тут, как раз вовремя, вошла Махновочка, мгновенно оценила ситуацию. Бросилась разнимать. Как птица крылья, растопырила руки:

— Все, будет, будет! На поминках долго не сидят!.. Гриша, пошли... А вы — поехалите!.. — и стала толкать к дверям ученого вместе с женой. — Поехалите, слышите!.. — забыв, что никуда они не могут уехать, просто не доберутся в такое время до города.

Так Махновочка повела домой Гришу. И Василек пошел с ними.

Была зима, январь, колодец с оплывшим намерзшим льдом, звездное небо, тишина, синий снег и голубые, очень уютные окна домов. Ровно пересекала деревню улица. Темные заборы, тени от них и от домов только еще больше подчеркивали красоту ночного снега. Он искрился и скрипел под ногами. Василька держал за одну руку Гриша, за другую — мать, и он не столько шел, сколько ехал по скользкой, как каток, дороге, а то поджимал ноги и висел между взрослыми.

— Мама, а дядя ученый?

— Ученый, сынок. И ты, когда вырастешь, станешь ученым... Только водки берегись, видишь, что от водки бывает...

— Ну и что, что ученый? — сказал Гриша без злости, остыл на улице, смягчился. — Если он ученый, так пускай сперва пить научится. Я еще не таких ученых видел. Целую академию прошел.

— Ох, прошел, Гришечка, прошел, не дай бог никому пройти... Ты на них не смотри. Они сами по себе, а ты тихонько сам по себе. Он сказал по учености, а ты стерпи, промолчи, отойди в сторону... Разве ты чужому человеку свои мозги вставишь?.. У них ученость, а у тебя тоже и ум, и Сюзанна, и работа... Сам добился, никто не помогал...

— А кто мне помогал? Сам!

— Ох, сам, Гришечка, век сам, и не пропал, в люди вышел, и мать несчастную смотришь, не бросил, и все у тебя ладненько-складненько...

Со стороны если бы кто чужой услышал, так можно было подумать, что Гриша две аспирантуры закончил, а не две ходки имел за плечами. Где-то далеко, на другом конце деревни, прозвенело ведро у колодца, а казалось будто совсем рядом. И таким близким было небо, что звон ведра долетел до него, и звезды, большие и маленькие, тоже прозвенели тихим эхом в ответ.

— Так тепленько сидеть дома, телевизор смотреть, а ему холодно, — забывалась Махновочка и говорила про Петра, как про живого. — Так уж жалко его, так жалко! Такой хороший был... А что видел на своем веку? Ничего. Хорошие все несчастные, а злые — счастливые.

Здесь Григорий не согласился. Он считал себя и счастливым, и не злым.

— А чем он несчастливый? Яму выкопали, гроб сделали, венки купили... Все как у людей. Лежи себе.

— Он не в земле лежит, а висит на небе, — сказал вдруг маленький Василек, поджимая ноги. — Видит нас и все слышит.

И правда — такая красота была разлита вокруг, что не допускала она мысли о смерти; не бывает ее! не может ее быть в этой звездной бесконечности, среди вечной гармонии, где всему свое место, где ни одна космическая пылинка не возникает и не исчезает сама по себе, без чьей-то на то воли!..

А звезды все перемигивались, все тоненько звенели, словно и вправду это были бесчисленные души давно от нас отошедших, которые теперь там, вверху, продолжают жить, переговариваются между собою на своем языке, посматривают на нас и сочувствуют нам.

IX

Петра похоронили зимой, а летом к Вале посватался вдовец из соседней деревни, тоже, как и покойник Петро, моложе ее. Нормальный человек. Не пил, не курил. Имел бензопилу и сына такого возраста, как Любка. Валя пошла за него. Он продал свой дом, перебрался к ней, и они стали жить, как так и надо.

Почему таких мужчин тянет к таким, как Валя, что они в них находят — большая, вечная загадка, и разгадки ей пока нет в этом мире. Дело вкуса? Кому нравится поп, а кому попадья? А может, еще проще, и здесь обычный трезвый расчет: возьму такую ведьму — благодарна будет, больше любить будет, изменять не будет, а я, наоборот, под всю эту волынку развернусь, под шумок начну делать, что хочу... А дудки. Никогда так не получится. И разве под старость, когда уже, собственно говоря, поздно, спохватится такой мудрец — так что же это вышло? — не я ее, а она меня под себя подмяла, не я на ней, а она на мне всю жизнь проездила...

В конце умиротворенного, тихого августа, когда летали серебряные нити с черными паучками, калина гнулась от тяжелых гроздей, а под окнами вдоль стены кипели в самом цвету георгины, мальвы, и выбрасывали свои высокие стрелы «школьные» цветы гладиолусы, вечером Махновочка собирала сына в первый класс. Василек был рад, он уже умел читать, писать и знал таблицу умножения. Махновочка даже присмотрела и подвязала ниточками лучшие цветы, чтобы срезать их завтра свежими в букет. На диване лежали костюмчик, рубашечка, стояли сандалии — все новенькое. Кулинич специально возил сына в город на примерку. На столе — учебники, и тетрадочки, и ранец. Махновочка собралась сына мыть. Затопила печь, наставила горшков, лоханей, корыт... Мысли роились весело и беспорядочно. Она представляла, как они с отцом будут проверять дневник, помогать делать уроки; или как он вырастет и женится, а они с мужем будут любоваться на них, молодых, и только жаль, что нельзя в церкви, ведь сами они с Кулиничем расписались в сельсовете — так себе, не очень торжественно...

Она наставила горшков, сын был уже голенький, как-то оступился и сел в кипяток. После Махновочка рассказывала, что он не успел даже вскрикнуть, но она сама тогда взревела так дико, что никакой другой звук просто не мог быть услышан. У сына задок, и все, что можно, было сварено вкрутую, до синей черноты. Он умер, не доехав до больницы. Кулинич сам сделал маленький гроб, вычесал невысокий дубовый крест. Постоял с топором в руке, посмотрел на двор. Потом пошел и под корень стал сечь калину. Падали на забор, разбивались, лопались красные крупные ягоды. Куст сопротивлялся смерти. Топор спружинило на неожиданно твердом стволе, рука вздрогнула, и удар пришелся по ноге. Кулинич обеими руками зажал рану и проговорил:

— Болиц!..

Вот так оно сработало, это подлое, безжалостное, отвратительно-жестокое правило: а не забывай, кто ты в этом мире, не люби сильно, не привязывайся к кому бы то ни было, не привыкай, будь всегда наготове, чтобы не застигло врасплох, умей защищаться, держи про запас все варианты — вплоть до самого худшего... А позабудешь, расслабишься, захочешь посмотреть на этот мир широко раскрытыми васильковыми глазами — так мы напомним!..

Горе Кулиничи переносили мужественно. По крайней мере, внешне. Только появились некоторые новые черты в их поведении, характерах, привычках, и это новое удивляло.

Например, Махновочке все время нужно было, чтобы у нее были заняты руки. Доходило до того, что — все равно не спала — полола ночью огород, в темноте, на ощупь, отделяя картофельную ботву от травы.

— Чего ты опять ночью в огороде? — злились на нее.

— То я котика искала... Котик в борозду забежал, мяукает, — врала она, оправдываясь.

— Грех так сильно переживать! Еще беду на деревню накличешь!..

Смерть сына выявила не худшие качества Кулиничей, а лучшие. Их стало тянуть к людям, этим они думали спастись. Махновочка куда бы ни шла, как увидит кого на огороде или во дворе — бежит, спотыкается:

— Хоть немножечко помогу...

— Иди! — гнали ее. — Не надо твоей работы!

У Вали у ворот рос молодой дуб. Примак, чтобы показать свою хозяйственность, начал с того, что бензопилой его свалил, чтобы сделать новую верею. Очесал. Шнур натер углем, гвоздиком прибил, натянул на струну, приподнял — шпок! — отбилась ровная черная отметка, по которой можно долбить пазы. Кулинич издали усмотрел, идет, торопится, ногой загребает — все-таки повредил топором. В руке пешня тянется по земле, как щучий хвост.

— Куда ты идешь, куда? — сердито кричит примак. — Чего ты идешь, чего?

— Памагац!

Еще Махновочка полюбила ходить в гости. Каждый вечер брала гостинец и шла к кому-нибудь. Как увидят через окно, что она идет, так убегали или закрывались, затаивались, будто бы нет дома. Прошел слух, что она ходит воровать. И как-то так получилось, что стали называть ее уже не Махновочка, а Махновка, и вместе с этим ласковым суффиксом действительно как бы пропала, исчезла обаятельность, а осталось только что-то от нелюдимого, неприкаянного батьки Махно.

Махновка поняла, что ее просто чуждаются, когда пришла как-то к Вале, принесла желтых тыквенных семечек девкам.

— Знаешь что, — сказала Валя, — Петра больше нет, не ходите сюда. Ни ты, ни Кулинич. Я тебя слушать не хочу. А за ту лосятину отдам как-нибудь... У меня человек умер, так меня никто не пожалел, моего горя никто не видел, а у тебя уж такое горе, что только на руках носить.

Однажды утром Махновка собралась и пошла пешком за десять километров в город в церковь. Что там было, что она у кого просила, неизвестно, но возвратилась она и вправду другая, как бы отстраненная от людей.

До ее души теперь добраться было невозможно. Ей скажешь, дождь идет, она в ответ:

— Пускай идет! — а глаза застывшие, неподвижные.

— Селедку в магазин привезли...

— Пускай везут.

— Сюзанна Гришина девочку родила...

— Пускай рожает.

— И что же это за муки такие... Ты же еще не старая, сходи в поликлинику, проверься, теперь же и в пятьдесят рожают, не то что в сорок...

— Пускай рожают.

— Коли уж так невыносимо, так усыновите! Сходите в органы опеки, — советовали ей.

— Пускай усыновляют!

— Сходи ты, я тебя еще научу, в молитвенный дом. Попы не помогли, так может баптисты помогут...

— Пускай помогают, — сворачивала она на битую дорогу; голос сам по себе, а мысли в другом месте.

Этим поведением, как ни странно, стала она напоминать Григория. Одна я знаю что-то такое, читалось по ней, чего вы не знаете. Только у Григория было это с вызовом, с гаганьками, а у нее — с каким-то нехорошим самоуглублением.

А Гриша, новоиспеченный отец, которому уже начинала надоедать его степенность, и все чаще тянуло его на холостяцкие гульбища, — рассказывал нам, подросткам, что облепили его лавку, слушали его, набираясь блатной мудрости, — рассказывал, как ночью прибегала к ним Махновка, помешанная, седая, страшная, покатилась в ноги: «Гришечко, сыночек, отдайте мне девочку, вы себе еще родите!»

Мы хохочем...

XII

Еще года через три, в июле, Кулинич с Николаем Мироном пришли на мост посмотреть, как мы, уже большие парни, после школы, ловим рыбу.

Николай Мирон каким был, таким остался, ходил без палки, и если бы и теперь ездили в Дикий Луг, так и он бы поехал. Но давно уже никто никуда не ездит.

Не такой Кулинич. Сгорбленный, с палкой — покалеченная нога перестала сгибаться. У него сделался тик на глазу. Когда он говорил, веко начинало дергаться, и вместе с ним — щека, а со щекой задиралась верхняя губа, и все зубы с той стороны были видны. Гриша прозвал его за это Скалозуб.

День был теплый, душный. Николай Мирон посидел немного и пошел домой пить соду. Мы вылезли из воды, поделили улов. А Кулинич, опустив голову, все сидел и что-то бормотал. Подкрались сзади подслушать, что он там говорит. А он даже не услышал шагов, не заметил, что уже не ловят. Сидел, смотрел вниз на воду; и губы его шептали:

— Ниже, ниже, ниже...

Наверное, в мыслях он был далеко отсюда, где-то там, на Диком Лугу, в том времени, когда он был еще никакой не Скалозуб, а молодой, сильный, веселый, удачливый до такой степени, что даже рыбу мог поймать не замочившись; когда все было так светло, счастливо, и верилось, что впереди только лучшее.

А может, он хотел сказать: так что же это за штука такая — жизнь, как же она умеет обмануть человека, вознесет высоко, а затем неизбежно опускает все ниже, ниже, ниже?..

Перевод с белорусского Натальи КАЗАПОЛЯНСКОЙ.

МИХАИЛ ПОЗДНЯКОВ

Тропинка. Поле. Ни души...

* * *

Нашел льняное покрывало,
И всколыхнулась боль во мне.
Его когда-то мама ткала...
Я кросна вспомнил, как во сне.

Земное чудо здесь рождалось...
Челнок сновал туда-сюда...
Но уж и цвета не осталось
За эти долгие года.

Где перезвон пречистый самый,
Где синь бездонная течет, —
В раю моя сияет мама,
Покровы ангельские ткет.

* * *

Купил у старухи ромашки
И тысячу сунул в придачу.
И понял, что вышла промашка:
— Мужчина, — вдогонку, — а сдача?

Остатки от горького счета
Тихонько я в пригоршню сгреб...
Пристыжен, смущен от чего-то,
И горд за родимый народ.

* * *

Что рассказать о доле трудной
Души измученной, больной?
Она грозит, как голос трубный,
Гудит, грохочет над землей.

Она, как будто почивает
Под нежной сенью доброты...
Такое часто ли бывает
Средь горькой нашей темноты?

* * *

Какая сладость в тишине!
И в той, что чутко правит бором,
И в той, что в самой глубине,
Где невозможно быть актером.

Где думаешь светло о тех,
С кем сводит непреклонный случай,
Где вдалеке от всех утех
Тебя святые тайны учат.

Триолеты

1

Тропинка. Поле. Ни души.
Один стоишь пред Богом...
О, как же это много! —
Тропинка. Поле. Ни души...

Уходит прочь тревога.
Как ясно, хорошо в глуши.
Тропинка. Поле. Ни души.
Один стоишь пред Богом...

2

Листвою тихо шелестеть —
Упруго, солнечно, багряно.
В безлюдном парке утром рано
Листвою тихо шелестеть.

Волнением живым нежданно
Озвучить сброшенную медь.
Листвою тихо шелестеть —
Упруго, солнечно, багряно.

3

Весной приеду я в Забродье,
Чтоб детству в очи поглядеть,
Чтоб, как земля, помолодеть,
Весной приеду я в Забродье.

Душою чтоб не очерстветь.
Наносы смоет половодье.
Весной приеду я в Забродье,
Чтоб детству в очи поглядеть.

4

Не цвести, не красоваться груше.
Вот, чернеет голыми суками.
Меж туманов белых лепестками
Не цвести, не красоваться груше.

Будто колокольцами над нами
Все звонила дивными годами...
Не цвести, не красоваться груше.
Вот, чернеет голыми суками.

5

Мне вспомнились твои слова
И боль в душе вдруг встрепенулась.
Уснуть не смог, всю ночь я думал.
Мне вспомнились твои слова.

На очи слезы навернулись.
Но эта боль мне не нова...
Мне вспомнились твои слова
И боль в душе вдруг встрепенулась.

6

Какое это счастье — жить,
Когда свет совестливый, чистый,
Когда живешь с душой лучистой,
Какое это счастье — жить!

И хочешь к звездам пламенистым
Мгновенья жизни устремить.
Какое это счастье — жить,
Когда свет совестливый, чистый.

7

Зима пришла: метель и стужа.
Остывшей не согреть души.
Дух лета тихо откружил.
Зима пришла: метель и стужа.

Ужель так сильно нагрешил,
Что этой наледи не сдюжу?
Зима пришла: метель и стужа.
Остывшей не согреть души.

8

Черемухе цвести не рано ль?
Еще нахлынут холода.
Еще навалится беда.
Черемухе цвести не рано ль?

Заныла в сердце сквозь года
Давно залеченная рана.
Черемухе цвести не рано ль?
Еще нахлынут холода.

9

Когда теплом нахлынет память
Забытых чувств и дорогих,
Не надо плакать, встретив их,
Когда теплом нахлынет память.

Нам дней не встретить молодых
И трепетных черемух замять,
Когда теплом нахлынет память
Забытых чувств и дорогих.

10

Прощай, прошла пора наива,
Когда, как в сказке светлой, жил.
Во тьме холодной — ни души.
Прощай, прошла пора наива.

Пусть цветень в мае запуржит,
Не расцветет на сердце диво.
Прощай, прошла пора наива,
Когда, как в сказке светлой, жил.

11

Когда мое остынет сердце,
За тень пустую не цепляйся,
От нежности не задыхайся,
Когда мое остынет сердце.

Я не смогу, не удивляйся,
Огнем души твоей согреться.
Когда мое остынет сердце,
От нежности не задыхайся.

* * *

Догорает костерок, и зыбко
Дым уходит в темноту елин.
Подари мне, солнышко, улыбку.
Я в лесу задумчивом один.

Больше нет родной, любимой мамы...
Чтоб душа моя не умерла,
Одинокий, грустный, верно, самый,
У тебя прошу теперь тепла.

Уж неделю под дождем бедую,
Вспоминаю светлые деньки.
Знаю, не заменишь ты родную,
Так хотя б немного помоги.

И нежданно туча посветлела,
Приоткрыла солнца закуток,
Будто мама кротко посмотрела,
Прошептала: «Не горюй, сынок...»

Перевод с белорусского Глеба АРТХАНОВА.

АЛЕНА АФАНАСЬЕВА

Неизъяснимая любовь
Исповедь женщины

Рассказы

Я — «Ракиня»

Мне 31 год, и я выхожу из автобуса в Ракове.

Почти стемнело, и я уже напрягаюсь от предчувствия того, как будет неуютно и неприятно топать через лес полтора километра в темноте одной. Увидев человека из нашего санатория, не колеблясь, бросаюсь к нему: «Давайте пойдем вместе». Этого красивого, высокого парня видела пару раз в нашем танцзале, он никогда не танцевал, сидел, наблюдая за другими...

Мы пошли по привычной, хорошо утоптанной дорожке. Все, что располагается справа и слева от нее и дальше, все эти раковские места с капризной, немыслимо прекрасной речкой Ислочь и ее прибрежьем, вызывает неизменно глубокое восхищение в моем сердце, какой-то непостижимый пронзительный восторг. Я — «Ракиня», и здесь, под Раковом, наверное, должен был быть мой дом. Во всяком случае, то, что я чувствую — здесь место моего бытия, моего раскрытия, моей мечты и душевного полета. Здесь, как нигде в другом месте, я нахожу все, что нужно моей душе...

Я иду, а может, плыву, а может, лечу в утонувшем закате, такая же прекрасная и непостижимая, как все, что меня окружает. Я улетаю вперед и вверх в эти сумерки, в эту тайну, в эту сгущающуюся любовь, говорю легко и нежно, и моя рука описывает плавный полукруг, и я тянусь за нею, как на ниточке, туда, куда разворачивается моя ладонь — в эту душу, к этому сердцу, к этому мужчине, который мне нравится, и краем глаза наблюдаю, как он начинает волноваться, как сумерки сгущаются у его переносицы, и знаю, что сердце его начинает биться тяжело. И чем «выше» я подымаюсь, чем спокойнее становлюсь, чем мягче и проще моя улыбка, тем сильнее напряжение между нами, тем все более нервными становятся его слова и жесты: «Я должен закурить... Нет спичек...» Его руки слегка дрожат, когда он достает папиросы. «Мы скоро уже придем, подожди до санатория». «Я должен закурить немедленно. Если я чего-то хочу, я должен получить это немедленно». Он бросается к одинокой избушке в лесу, а я растворяюсь в теплом ночном воздухе, жду его, я знаю все, что он думает, чувствует, хочет, я знаю все, что за этим последует, все его слова. Я улыбаюсь от печали и любви и не ругаю себя за то, что не сдержалась, не была обычной и плоской, а позволила расслабиться и улетела, и умчала его за собой...

Он возвращается с прикуренной папиросой, мы идем дальше, перебрасываемся отдельными фразами, каждый обдумывает свое, я, в частности, делаю предположения насчет того, как он все это «оформит».

Вот мы проходим через территорию пионерского лагеря, вот и последняя беседка на обрыве на высоком берегу речки напротив санатория. Здесь

жестом, отрубив все колебания предшествующего отрезка пути, с вдруг сорвавшимся голосом он просит меня присесть. Говорит он минут сорок, или это сорок минут мы проводим там всего — в некоей прострации, в другом измерении, выпадая из реального бытия на звенящую, напряженную ноту чувств чувственной тайны.

— Мужчины будут ухаживать за тобой, будут дарить цветы, конфеты, шампанское, будут пить с тобой чай или кофе, и делать комплименты, вести разные разговоры, но в душе они будут думать об одном и том же, и когда-нибудь все равно скажут об этом... А я тебе об этом говорю сейчас и сразу... Прости меня за прямоту. Мы пропустим первый этап... Если я чего-то хочу, я должен получить это немедленно!..»

Ну, что ж, смело! Молодец. Не каждый будет действовать так прямолинейно и откровенно, без обиняков. Я рассматриваю его с любопытством и уважением: не клянчит и не волочится, не хватает, не лапает. Стоит далеко, у входа в беседку, а я сижу в глубине — рукой не достать, да он ее и не протягивает. Объясняет свои чувства прямо и честно, понимая, что с ним происходит, чего он хочет. Я его слушаю, и счастьем наполняется воздух. Хочешь получить немедленно? Ты так думаешь? Он так думает. Он думает, что понимает свою жажду и хочет скорее ее утолить, хочет напиться из родника, который еще не открылся. Я же знаю более того, чего он желает, о чем думает. Я знаю, что нет ничего прекраснее этой жажды, и время пить еще не настало. Я знаю, что оставлю его умирать с растрескавшимися губами, и он, как и я, никогда не забудет этот вечер, никогда не забудет зов моей любви, который он по ошибке принял за зов своего тела...

Сексуальный магнетизм

Такого успеха в «обществе» у меня не было больше никогда — ни до, ни после.

В санаторий заехала большая группа молодых мужчин с одного предприятия, как тогда говорили — ИТР. Некоторые из них принялись за мною ухаживать. В совокупности с теми поклонниками, которые уже были в наличии, — всего семеро.

Мужчины в очередь выстраивались, чтобы со мной потанцевать, наперебой звали к себе в комнату выпить чаю или бутылочку винца или попеть песни под гитару. И я ходила по разным блокам (по две комнаты в блоке), перезнакомилась со всеми их обитателями, со всеми веселыми компаниями. Короче, жить было весело. Только на предложения Димы я никогда не откликалась, когда он меня к себе приглашал («или хотя бы по лесу прогуляться»), а видела и чувствовала, что именно он относится ко мне как-то по-особенному и что его влечет ко мне с неимоверной силой.

Его отношение пугало и беспокоило меня. Когда мы с ним сталкивались на лестнице «вверх-вниз», по которой все привычно бегали в столовую и на процедуры, и я по своему обыкновению глядела на него просто и прямо — с мягкой, почти детской улыбкой — у него глаза словно поволокой затуманивались, взгляд становился каким-то ненормальным, и хотя он не дрожал, но все в нем выдавало внутреннюю дрожь, его словно раскачивало и казалось, что он вот-вот потеряет сознание и упадет. Мы с ним здоровались, иногда о чем-либо разговаривали. Но других движений в его сторону я не делала.

В ту пору я увлекалась астрологией, у всех выясняла даты рождения, определяла знаки зодиака, а также принадлежность к тому или иному дереву

по гороскопу «друидов». Дима родился в конце мая и был «каштаном». Я его так и окрестила.

Один раз, уже в самом конце заезда, я бегала по всем комнатам на этаже в поисках открывалки, или ножа, или чего-то в этом роде. Зайдя в одну из них, я обнаружила там Диму-«каштана». Он задержал меня, и мы принялись разговаривать. Я была приятно удивлена тем, какой это тонкий и интеллигентный мужчина, разговор был легкий, он шутил, веселил меня, и я постепенно проникалась к нему все большей и большей симпатией. Через полчаса я уже относилась к нему как к лучшему другу. Но один вопрос не переставал меня беспокоить и поэтому, осмелев, я его все-таки задала. Это, конечно же, был вопрос по поводу его взгляда, то есть по поводу того, как он на меня смотрел при встречах на лестнице.

— Ну, и какие ты делаешь предположения, — он меня рассматривал с какой-то непонятной улыбкой.

Я, окончательно осмелев и поняв, что ничего плохого мне тут не грозит, решительно поинтересовалась, уж не в наркотиках ли тут дело.

Теперь он посмотрел на меня с удивлением. Помолчав чуть-чуть, промолвил: «И как ты только догадалась?»

Потом стал объяснять, как трудно доставать наркотики и деньги на них, признался, что он потихоньку распродает родительские вещи и уже полбиблиотеки занес в «Букинист». Я смотрела на него со все возрастающим ужасом, задавала по ходу этой шокирующей исповеди уточняющие вопросы и увещевала. Наконец, через полчаса я уразумела, что он меня разыгрывает, и потому еще полчаса приходила в себя — отходила от полученного стресса, а он меня чем-то отпаивал. Наше общение затянулось, стало почти интимным, таким же стал и воздух в комнате, и вся ее атмосфера, ведь в комнату спустились сумерки, а мы забыли включить свет. Он стал передо мной на колени и сказал, как сильно меня хочет, сказал, что не может справиться с этим влечением, и как-то беспомощно твердил, не находя больше никаких аргументов: «Ты должна со мной остаться сегодня. Умоляю тебя, останься!»

Из всего как-то сумбурно вытекало, что в этом-то и заключается ответ на мой вопрос. Я смотрела на него с сожалением, почти с любовью. Я знала, как я поступлю. На этот счет у меня не было никаких сомнений. Должна! Почему они все говорят мне «должна»? Я жрица что ли в храме любви, где «должна» обслуживать всех желающих? Иногда мне начинало мерещиться, что это именно так.

Я ответила расплывчато, что-то мягко ему пообещала, объяснила, что мне необходимо на четверть часа удалиться и исчезла... навсегда.

У меня был мужчина, который был мне нужен. Ну, а все прочие «песни под гитару»? Скорее от избытка энергии да любопытства, замешанного на женском тщеславии.

В тот период времени, когда мне было немногим более тридцати, я часто размышляла обо всех этих встречах, изучала мужчин, углублялась в исследование вопросов любви. Одно из размышлений приняло форму стихотворения, названного мною

Распутье

Любовь одна,
Но много в ней ступеней.
По ним она скользит,
Стремясь собой заполнить

Все поднебесье.
Не бойся.
Бери, что дарит тебе встречный.
Он лучшее отдаст,
Желая нравиться.
С ним вместе, может быть,
Поднимешься на новую ступень
И станешь не только выше,
Но и глубже,
И богаче.
Потом пойдешь к другому пить колодцу —
Ведь в прежнем кончилась вода…
Но вот второй,
И третий,
И четвертый…
Какое мельтешенье!
От этого головокруженья
Не скатишься ль ты вниз?
Однако
Встречный каждый чем-то миру дорог
И потому прекрасен.
Среди них
Того ты встретить можешь,
С кем долетишь до пика
Любви,
А значит,
И покоя достигнешь, наконец!
Как быть?
Ступенька каждая
С такой дается болью…
Как быть?

До чего доводит любопытство

Я в командировке в Москве, работаю над диссертацией в Ленинской библиотеке. Во дворике, куда выхожу покурить, вижу индуса в чалме. Когда выхожу во второй раз, мы снова встречаемся и уже здороваемся. Ему 45—50 лет, мне 31. Для меня он старик, и потому я чувствую себя совершенно безопасно, когда начинаю расспрашивать его о чалме, об Индии и затем о нем самом. Он — профессор, преподает русский язык в Дели, а чалму, оказывается, носят не все индусы, а только сикхи. Его жена, полька, умерла десять лет назад от рака лимфосистемы. Когда он говорит о ней, на глазах у него выступают слезы. Они вместе учились в университете Патриса Лумумбы — там познакомились, там же и поженились.

— А на каком языке вы разговаривали дома, в семье? — любопытствую я. Он отвечает, что на русском. Вот это да! Я в восхищении: «Потрясающе!»

Пару дней мы общаемся на перекурах, впрочем, и сидим мы в соседних залах, видно друг друга через стекло. Затем он приглашает меня к себе в гости. Я в восторге. За чашкой чая наверняка можно узнать намного больше, чем на перекуре.

Он показывает мне, как закручивается и раскручивается чалма. Рассказывает о кастах и прочей индийской экзотике. На столе редкий по тем временам

изыск — орешки кешью, которые я обожаю. Ну, и вино, конечно. Не помню, как я оказываюсь с ним в постели. Это очень нежный и умелый мужчина. Когда я встаю с постели, я уже другая. И он для меня — другой.

В этой внезапно возникшей связи я представляю себя победительницей — ведь со мной моя молодость, ум и красота, и доброта, и уже видимая, уже различимая духовность...

На следующий день я тяну его к моей кузине, у которой остановилась в Москве. Однако в отличие от меня, она отнюдь не в восторге от знакомства с настоящим индусом, пусть и профессором Делийского университета. Прием ледяной. Мы быстренько пьем чай и отправляемся куда глаза глядят. Заходим в первое попавшееся кафе. Оно маленькое, грязноватое, как все точки общепита при Советской власти. Там можно танцевать в темном углу со светомузыкой.

Он не танцует, а сидит и смотрит, как я надрываюсь на пятачке в мучительном и страстном самовыражении. Я горда собою, своим полупрофессиональным блеском — два года бальных танцев не пропали даром.

Потом сразу что-то выключилось. Он больше не зовет меня к себе. А в разговорах на перекурах какая-то скованность, неловкость, ненатуральность. Поначалу я недоумеваю, потом начинаю волноваться: где ж моя победа?

Тут он вообще пропадает, что ж хороший повод забежать проведать.

В гостинице-общежитии для иностранцев коридоры пустынные. Застаю его над письмом, более похожим на эпопею: на столе разложено страниц десять, не меньше. Он взъерошен и не сильно рад моему появлению.

Неохотно поясняет, что письмо предназначено русской женщине, недавней коллеге, которая приезжала в Дели на два года поработать, завербовалась, как у нас было принято говорить, и полгода назад вернулась на родину в Москву.

Мне кажется, что вопросы я задаю небрежно и индифферентно, успешно обуздывая рвущееся сердце. Отвечает он поначалу неохотно, с некоторой неловкостью, отводя глаза. Он не может выставить меня вон: он слишком хорошо воспитан для этого. Он вынужден со мной беседовать, считаться со мной, отвечать на мои вопросы.

Постепенно он оживляется, не увидев ни подвохов, ни опасностей с моей стороны: я не ругаюсь, не критикую, ничего не требую, в общем, права не качаю. Напротив, как бы даже ему сочувствую — ему и ей — той, о которой он мне рассказывает с видимой любовью и такой же очевидной болью. Да, сочувствую и даже советы даю: я умею сопереживать, умею понимать других, особенно в том, что касается любви...

Тема разговора значима для нас обоих и равно захватывает. Он, увлекшись, объясняет, уже углубляясь в детали, входя в интимные подробности. Похоже, ему не с кем было эту тему обсудить, и я ему сейчас вместо товарища, которому можно излить душу. Моей растерянности он не замечает, как и страдания, перекосившего лицо. Правда, я креплюсь изо всех сил, стараясь его не обнаружить. Он отвечает уже на все вопросы, которые ему задаю.

Я узнаю, что ей тридцать пять (значит, немного старше меня).

Да, у них была связь в те два года, и они друг друга полюбили. Она ценила его в постели, да и вообще они неплохо понимали друг друга. А с мужем у нее были нелады, и она обещала его оставить, да только вот пока ничего не происходит, медлит. Он очень страдает, подозревает, что она, вернувшись в семью, уже не решается на те радикальные шаги, которые обещала ему сделать. Ведь есть дети. Вот в чем проблема.

Мое сопереживание — я словно в космосе летаю или в вакууме — поверх моей собственной боли, старается от нее отстраниться, оторваться. На ней я

сосредоточусь потом, позже, когда вернусь домой или завтра. Больше мешает недоумение, обида: как же со мной? Зачем была я? Зачем ты, как трактор, прошелся, проехался по мне?

Мы больше не встречаемся. Я неделю плачу и страдаю еще года два. Иногда натыкаюсь на его визитку в своей визитнице и тогда начинаю раздумывать о том, что где-то есть Индия, а в ней есть сикхи. А когда я буду в Дели, то обязательно его разыщу. Хорошо, что есть карточка.

Неизъяснимая любовь

Бывали теплые летние дни с бесконечно прекрасными щемящими привечерьями, когда воздух вокруг был пронизан чем-то пронзительно-зовущим, какой-то непостижимой тайной, мистической любовью. И как ни хорошо мне было на крылечке моего дачного сарайчика любоваться на чудесный горбатенький лужок с веселой зеленой травкой — неудержимо тянуло за ограду дач — в поля, луга, и я шла наугад, стремительно, за уносящимся и таким знакомым мне с детства призраком любви. Или садилась на велосипед и бороздила по всей округе, летела вслед за этим зовом любви, заезжала на чужие дачи, вглядывалась в лица случайно попадающихся на дорожках или в огородах мужчин — не он ли тот, кто бросил этот призыв? Ведь если есть зов, значит есть и зовущий на конце этого зова... Только простые и реальные лица занятых мужчин никак не согласовывались с неизъяснимой высотой и ирреальностью падающего с неба чувства. И я, устав и отчаявшись, печально и медленно возвращалась к своему крылечку, где меня точно ничто неизъяснимое не ждало...

Я с детства ждала эту любовь. Я запомнила ее вкус и ни с чем не могла его перепутать. Еще дошкольницей в первые мартовские, напоенные любовью и пробуждением дни — с нерастаявшим снегом и текущими безумными ручейками — выбегала с подружками поиграть в мячик на первых расчистившихся от снега кусочках асфальта. И вдруг подымала голову вверх и замирала от счастья, и сердце наполняла эта неизъяснимая любовь, о которой я никому не говорила, которая была моей сокровенной тайной, и надеждой, и бесспорной верой в то, что она меня ждет впереди, ибо предсказана и ощутима так четко и ясно!

А иногда на закате в пустынных полях и лугах, где я была совершенно одна на всем белом свете, на меня накатывал с трудом контролируемый животный страх, который боролся с зовом и иногда побеждал, и я тогда торопилась к своим дачам, боясь взглянуть по сторонам и оглянуться назад. Разве это может повториться? Приставленный к горлу нож: «Сейчас проверим, какая ты девушка!»

Когда мы спускались с холма с этим почти незнакомым деревенским парнем, вызвавшимся провести меня до сельсовета за несколько километров, и я увидела тропинку впереди между холмами на спуске и развернувшийся пейзаж, волосы на голове у меня встали дыбом: я знала, что что-то страшное ждет меня впереди — я столько раз видела эту картину во сне...

Я упала на колени, я рыдала, а кончик ножа все царапал мне горбик на шее... Может, он протрезвел, или одумался, или просто что-то щелкнуло. Сказал: «Ешь землю! Клянись! И чтобы никому ничего не сказала, а то достану из-под земли». И я взяла в руки горсть земли... И никому ничего не сказала... Почему? Не такая уж я пугливая, управа нашлась бы. Может, из благодарности?..

Обаяние голоса

Мне 38 лет.

Володя берет трубку, и я уже чувствую, что он улыбается: «Начальник сказал: “Тебе звонит женщина с очень красивым голосом!”»

Он это мне говорит всегда, когда я ему звоню и нарываюсь на его начальника. Господи, когда только этот «начальник» успевает расслышать мой голос? Ведь разговариваю я с ним ровно три секунды: «Здравствуйте, позовите, пожалуйста, Володю». Все!

Потрясающий народ мужчины! Такие чувствительные, тонкие! С собственной чувственностью им трудно совладать.

Есть и другой — Вовик, бывший одноклассник, который, извините за выражение, буквально «обалдевает» от звуков моего голоса. Этот прямо заявляет, что мой голос его возбуждает, и сразу начинает ворковать и требовать свидания. В конце концов, приходится с ним все контакты оборвать: надоедает объяснять, что я звоню ему по делу, а не для того, чтобы выяснять, почему я не хочу ему отдаться!

В безнадежность и тщету своих неутоленных и неразделенных желаний и стремлений мужчины поверить не могут, даже если расставание уже длиной в десятилетие. Это у них самоуверенность такая непробиваемая или способ защиты от тонкокожести?

...В десять вечера — неожиданный звонок: молодой незнакомый голос ссылается на знакомые имена — ему срочно требуется место для ночевки. Место у нас имеется, но только в коридоре, правда холл достаточно обширный.

Дом у нас гостеприимный, в нем часто кто-то «перелетный» гнездится, и все это знают. Приезжает молодой обаятельный мужчина, вручает галантно семь роскошных белых роз. Где их взял в столь поздний час? Минутное недоумение проходит за хлопотами: готовлю ужин, кормлю нежданного гостя, беседа завязывается какая-то плотная, взаимопроникающая — ни остановиться, ни оторваться друг от друга. Потом на столе появляется шампанское, коробка шоколадных конфет, еще что-то. Достает несколько смущенно, может быть, от того, что вынул не сразу. Признается, что вез жене. Меня эти «гостинцы» не радуют, хотя и лестно: в глубине души я понимаю, как я нравлюсь.

Он моложе меня на семь лет, и его жену (очень ничего) я как-то видела. Мне ничего не нужно, особенно внимание чужого, любящего свою жену мужа.

«Ничего, я завтра ей что-нибудь куплю».

Впрочем, увлекательная беседа не прерывается, хотя уже за полночь, и мы выходим на балкон покурить.

«Знаешь, как только я услышал твой голос по телефону, я пошел цветы покупать... Будь со мной сегодня. Или я всю ночь буду стоять здесь на коленях...»

«Еще один на коленях! Ну, мужики, вы меня «достали» вашим довольно-таки однобоким шантажом...»

Мужская страсть... Они отдаются ей так естественно, так... спокойно. Их ничего не смущает и не останавливает. «Я хочу...» — говорит он. И в этом — оправдание для всего, что дальше происходит, произошло, будет происходить.

Он уходит веселый, спокойный. Пусть празднует победу!

Птица пролетела мимо...

Крыло скользнуло по большой мечте о любви.

Я решила, что так будет лучше для него, для нас.

Что такое любовь?

Поздним августовским вечером я вслед за Габриэлой выхожу из поезда на маленькой железнодорожной станции в пригороде Болоньи и вижу на платформе на скамейке одиноко сидящего мужчину, который поднимается нам навстречу. Это Отелло, муж Габриэлы, точнее, бывший муж, ибо она с ним развелась лет шесть назад.

«Он тебе изменил?» — я говорю о наболевшем. «Нет».

Просто он болел и полгода находился дома и ревновал, ездил тайком к ней на работу в их паб, следил за ней, она засекла его машину... Потом один раз он высказался в резкой форме по поводу того, что его не устраивало, а она ничего не ответила ему сразу. Однако на следующее утро она собрала документы и пошла к адвокату... Продали дом, продали дело, поделили деньги, теперь у каждого из них свой дом...

«Он просто морально устал и высказал наболевшее...», — так оцениваю я ситуацию.

Габриэла молчит.

Сегодня она устроила мне настоящий праздник — свозила во Флоренцию на целый день. Мы посетили четыре музея. Однако еще утром под Болоньей ее машина сломалась, хорошо хоть до станции добрались... Всю обратную дорогу мы созванивались с Отелло, он приехал к нам на выручку. Мы здороваемся, Габриэла весело щебечет, небрежно подставляет щечку для поцелуя... Мы садимся с Габриэлой в ее машину и следуем за машиной Отелло к дому механика. В воздухе разлит аромат чего-то прекрасного... Я узнаю сладкий вкус любви на губах... Что же ты, залетная странница, вновь спустилась на мою душу? Каким попутным ветром тебя занесло?

Я провела сегодняшний день в радости! Столько прекрасных впечатлений свалилось на мою голову. И вся я какая-то свежая, чистая. Ели мы сегодня не очень плотно, перекусывали в разных местах, я фрукты с собою брала, сок. Физическая нагрузка хорошо очищает. И потом я довольно-таки долго молитвы в поезде читала — все вечернее правило выполнила и еще кое-что прочла попутно. Короче, на мою очищенную душу Господь пролил откуда-то немножечко любви. Я еду, наслаждаясь прекрасным вкусом любви, а перед глазами у меня образ мужчины на скамейке... Что-то в нем такое знакомое! Такое неуловимо общее... Ах, да, так Дима меня ждал... Какое-то общее у них с Димой ожидание. То есть ждали они как-то одинаково. Вот оно что! Общий, единый для всех в мире и для всего мира в целом образ любви, образ всех ее проявлений и воплощений, так сказать.

Мы оставляем машину Габриэлы у механика и пересаживаемся к Отелло, теперь он везет нас домой. Я с заднего сиденья наблюдаю, как они оживленно переговариваются, и мне не хочется вмешиваться в их разговор, мне вообще ничего не хочется — ни делать, ни говорить, а просто впитывать всем телом и душою то прекрасное, что теплой мглою окутывает меня сейчас. Мне кажется, что в машине стоит густой туман, такой густой, что его можно потрогать рукой, что воткни в него ложку — и она будет стоять, не упадет... Густой туман любви. Я в облаке из любви. Теперь уже мне все окончательно ясно и понятно, откуда любовь и чья она!

Мужчина на скамейке. Мужчина, ждущий свою женщину...

— Габриэла, ты знаешь, как сильно тебя любит твой муж? У вас облако любви стояло в машине!

Габриэла опускает голову. Молчит. Еще бы ей не знать! Она бы так не щебетала и щечку для поцелуя не подставляла бы. Если бы ее бывший муж

смотрел на нее, как на стенку, как на предмет не представляющий и не вызывающий никакого интереса...

Утром я проснулась счастливая и чистая. Мне впервые не хотелось молиться. И не нужно было. Любовь Отелло прошлась по всем клеткам тела, по всем порам души и, как губкой, смахнула всю грязь... Тот, кто любит, любит весь мир и весь мир спасает, всем помогает...

Любовь реальна, любовь материальна, она предметна, хотя и существует в виде определенной энергетической субстанции, главное — что существует. И как всем сущим, ею можно не только обладать, но ее можно, как любую вещь — взять и унести, переместить в нужное место и в нужное время — уворовать, ее можно уничтожить и можно просто потерять.

«Берегите Любовь» — расхожая фраза, говорится часто, но не зря, подумайте об этом. Берегите главное сокровище вашей души, вашего сердца. Не убережете — окажетесь нищими и убогими, а охочих до вашей любви и охотников на нее — хоть пруд пруди. Оглянитесь, задумайтесь и... берегите!

Что может случиться в танцзале где-то под Миланом

Моя итальянская подруга Роселла во второй раз привезла меня в этот огромный танцевальный зал под Миланом, где я в прошлый раз по недоразумению рассталась с понравившимся мне кавалером.

Тогда стоило мне появиться в зале, как мужчины выстраивались в очередь — человек по пятнадцать — пригласить меня на танец. Так что я вконец растерялась. Оказалось, что очень сложно выбирать при наличии широкого выбора. Я вконец запуталась в поклонниках, устала со всеми флиртовать, стараться всем нравиться и при этом выяснять, определять и понимать, кто же при этом нравится мне. Я так напряглась с непривычки, что, в конце концов, разозлилась и решила съехать — попросила Роселлу увезти меня, ибо просто голова разболелась от необходимости ее «ломать», принимая решение, кто из моих кавалеров лучше, с кем остаться.

На сей раз выбора не было вообще. День будний, народу в зале относительно немного, а привлекательных мужчин так и вообще не было. Я откровенно заскучала на своем диванчике, поскольку поступавшие приглашения от мужчин неказистых, маленьких, кругленьких, стареныких меня заинтересовать не могли, и я их все отклонила. Подходящей «партии» не было и не предвиделось. Я поняла, что пора собираться домой. Но тут в зал вошли два новых посетителя. Один из них — высокий, холеный, с усами и бородкой — сразу привлек мое внимание. Поэтому я вслед за вновь прибывшими мужчинами направилась в бар. Там можно было получить бесплатную выпивку по входному билету. Бар был пуст — отличная возможность продемонстрировать себя, показаться перед мужчинами во всей, так сказать, «красе» и дать себя хорошенько рассмотреть со всех сторон!

В итальянском танцзале существует ряд негласных правил. Дамы обычно сидят за низкими столиками на мягких диванчиках, расположенных в шахматном или ином порядке в уютных затемненных уголках зала. А кавалеры прохаживаются между рядами диванов, выбирая себе даму для танца. Если фланирующий кавалер даме понравился, она должна посмотреть на него пристально, и тогда он пригласит ее на танец. Конечно, если симпатия окажется взаимной. Что касается меня, то мой взгляд бил без промаха, так что, в конце концов, мне пришлось рассматривать мужчин украдкой, из-под ресниц. Дама также может привлечь кавалера, если пройдет мимо него и, опять-таки,

задержит на нем свой взгляд. Но на танец она никогда не приглашает. Мне очень понравилось то, что в итальянском танцзале мужская и женская роли реализуют себя в полной мере. Мужчина не жеманится, не кокетничает, не ждет ухаживаний, как у нас — он выбирает, наступает, действует. А женщина свободна принять или отклонить его выбор. После танца кавалер не имеет права задерживаться возле дамы, если только она сама не предложит ему присесть рядом.

Я, к сожалению, об этих правилах узнала с некоторым опозданием и потому при первом моем посещении танцзала не задержала понравившегося мне кавалера. Поэтому он потоптался возле меня пару минут и... испарился, чем удивил меня несказанно, ибо я не сомневалась, что понравилась ему тоже, и что после танца он останется возле меня и продолжит ухаживания! Наверняка, так бы и произошло, если бы танцы состоялись на родной территории. Только тут, увы, мне не хватило нужных знаний. Потом Роселла мне рассказала, что этот мужчина долго сидел напротив нас в некотором отдалении и сверлил меня своими черными очами. Достаточно было взгляда в его сторону. Но... я по сторонам уже не смотрела. Передо мной толпилась куча новых поклонников...

Он смотрел на меня, смотрел, а потом поднялся и ушел из зала...

Больше я его не встретила никогда, хотя надеялась... И в этот раз упросила Росселлу привезти меня сюда, вдруг он тоже будет. Увы!

На этот раз я действовала умело, решительно и — по правилам. Поднявшись с дивана, я проследовала в бар. Однако мой путь через весь огромный зал был значительно длиннее того, который проделали мужчины, двигаясь в ту же точку от входной двери. И потому мы едва не разминулись. Едва. Я еще была на подходе к бару, а они уже из него выходили — похоже, они там ничего не взяли. Таким образом, мои расчеты сорвались, ведь я полагала, что они задержатся у барной стойки, ожидая пока подадут выпивку, и я успею явиться туда тоже и привлечь к себе их внимание. Увы, возможность была упущена: мужчины в баре не задержались и уже двигались мне навстречу, о чем-то беседуя. Более того, на мою беду интересовавший меня мужчина шел и разговаривал, опустив глаза, так что сердце у меня упало: я поняла, что он меня не увидит, и мой незамысловатый маневр окажется однозначно холостым выстрелом.

По счастливому стечению обстоятельств, мужчина поднял глаза в момент, когда я к нему приблизилась, и тут он встретил мой прямой взгляд — открытый, с усмешкой. В ту же минуту я чуть не рассмеялась, ибо итальянец от неожиданности даже приостановился — чего-чего, а этого он не ожидал: ни меня — такой, ни взгляда моего — такого, ибо итальянские дамы, ограниченные строгим этикетом, не позволяют себе таких откровенно-игривых взглядов!

Взяв коктейль, я вернулась к своему дивану. Мужчина следил за мной глазами. Готов!

Заиграла музыка. Я приняла красивую позу и, вальяжно раскинувшись на диване, принялась ждать. Однако статный красавец не пришел. Я удивилась и расстроилась: неужели мимо цели — не попала? Или у него здесь уже есть женщина?

Начался второй танец, но и он не принес ожидаемого результата: понравившийся итальянец так и не появился. Осознав свой провал, я захандрила и снова стала подумывать о возвращении домой. Видно, не судьба мне сегодня в этом зале веселиться. Что ж, видно, не такая уж я красавица! Возомнила себя неотразимой. В общем, поделом, а то привыкла к легко достающемуся успеху в этом зале!

Снова заиграла музыка, но она уже меня не интересовала, я лишь прикидывала, как удобнее и незаметнее проследовать к выходу.

Когда оторвала взгляд от земли — обомлела: вот он стоит передо мной. Даже не сразу поняла и поверила, что приглашает на танец.

Мы протанцевали весь вечер и договорились встретиться на следующий день.

Он пришел с красивым большим букетом. Приятный вечер в ресторане, но становилось все скучнее и скучнее. Постепенно выяснилось, что говорить-то и не о чем. «Что ты ела на обед? А на ужин?» «Видно, завтра снова будет хорошая погода». Привычные, да и любимые для итальянцев темы. Только мы не так и не о том разговариваем: мы говорим о себе, о других, о важном и о личном! А у них это не принято, даже непозволительно: некультурно интересоваться личной жизнью, ее проблемами, вообще — делами.

Вышли из ресторана — он предлагает поехать в гостиницу. Я отвечаю: «Нет». Чуть не выплеснула ему в лицо свое возмущение, процедила про себя: «Да кто ты такой для меня!»

Все. Проехали!

Разговоры и мысли о духовном и физическом

От своих первых двух жен Дима явился ко мне стопроцентным законченным мещанином. Такой диагноз я ему поставила. Круг его интересов я иронично определила для себя тремя короткими составляющими: «ам», «бах» и «трах». Ну, «ам» и «трах» — это понятно. А вот что касается «бах» — так это определение касалось любимого времяпровождения отставного майора, которым являлось исключительно кино и исключительно боевики — «стрелялки», так сказать, ну, еще, пожалуй, «порнуха» и спорт. В общем, простые интересы. И вот в круге таких интересов я неожиданно оказалась и была вынуждена не только соседствовать с ними, но и жить, и делить их, так сказать. И это было непросто. Иногда это было невыносимо!

В конце второй недели нашего знакомства мы лежали рядом на диване, и я принялась читать ему свои любимые стихи — проникновенные, любовные, с философской жилкой. Во время чтения Дима весело на меня поглядывал, а потом стал игриво щипать за бока. Затем плавно перешли к сексу... Больше я не делала попыток читать ему стихи...

Мне Дима сказал, что в последний раз художественную книгу он прочитал в 9-м классе. Я сглотнула слюну и сказала бодро: «Надо развиваться!» «Охотно», — коротко и также бодро ответил он мне. Этот ответ меня порадовал и вселил надежду на возможное совместное духовное развитие и духовное будущее вместе (конечно, такое, каким его себе представляла я). Ведь до сих пор, да и в дальнейшем — все время пока мы жили вместе, у меня не пропадало ощущение того, что он видит меня лишь ниже пояса. А самое печальное, что для него не имеет значения, какой я в принципе человек — хороший или плохой, добрый или злой, умный или глупый, да и что вообще у меня на душе и в мозгах! Казалось, что в принципе ему все эти душевные качества по большому счету «пофиг» и не имеют принципиального значения для совместного проживания! И что ему все равно, какова я с «внутренней», так сказать, точки зрения. Притягиваю и устраиваю сексуально — вот и славненько, а больше ничего и не требуется! Важно обладание, а это акт физический, который имеет дело с телом, а не душою. И хотя он сильно заблуждался на этот счет, но о заблуждении своем не знал. Как ему было объяснить, что

безмерность его любви определялась безмерностью любви моей — той, что я носила в своей душе. Как было объяснить, что сексуальная притягательность человека всегда обусловлена устройством его личности, внутренним строем его души и что, погружаясь внутрь человека, мы не только получаем сексуальное удовольствие, но прежде всего проникаем в нутро своего сексуального партнера, познаем его суть путем моментальным, сакральным, интуитивным. И сексуальное удовольствие тем выше, чем духовнее наш сексуальный партнер, общаясь с которым в постели, мы получаем на самом деле двойное удовольствие: и половое, и духовно-душевное.

И если у вас по поводу кого-либо из вашего окружения складывается мнение типа «пожалуй, это неординарная личность» или «пожалуй, в ней (в нем) есть нечто особенное», «изюминка присутствует», то будьте уверены: и «неординарное», и «особенное», и «изюминка» — все это присутствует и в сексе с этим человеком, ибо половое отношение — это всего лишь одно из наших многообразных отношений, и в нем мы раскрываем себя точно так же, как и в любом другом отношении, проецируя на него нашу личность в целом, все ее сильные и слабые стороны. Чем сильнее и «цветастее» личность, чем глубже в ней проявлено собственное «начало», (то есть женское — в женщине, а мужское — в мужчине), тем интереснее и проникновеннее и сексуальное отношение с этим человеком. Не потому ли мы так ценим женственность в женщине и мужественность в мужчине и презираем обратное.

Может, это и не повод для подобных воспоминаний, тем не менее, все вышенаписанное для меня выливается, опрокидывается своей изнанкой в дальний прозрачный октябрьский вечер. И в нем — тот самоуверенный холодноватый итальянец. «Я — синьор, — гордо заявлял он мне, — а русские женщины... у нас столько их тут ночью стоит на дорогах...» Ему пришлось изменить свое мнение о русских женщинах: два его прямых «налета» я парировала сходу, категорически отказавшись углублять наши отношения в гостинице. После этого настал мой черед удивляться: в отличие от русских мужчин, итальянец бросать меня не собирался («ну, не хочешь в постель, можем и так гулять»).

Мы ходили по барам, пабам, танцзалам. И хотя я, несведущая в итальянском этикете, то и дело наступала ему на какую-либо «мозоль» своей прямолинейной бестактностью, нам было вместе легко и весело, ибо мы были избавлены от необходимости стараться друг другу нравиться: преследовать, завлекать, завоевывать, удерживать. И переживать из-за этого всего. Мы могли общаться непринужденно — спокойно и естественно. Наше отношение, в котором отсутствовали бури, присущие любовной связи, постепенно стало заметно теплее, чем вначале, и в конце концов как-то сдружило и сблизило нас.

Ухаживал он за мной немного свысока, не теряя своего достоинства. Внешняя небрежность и беспечность маскировали отсутствие надежды на большую близость в наших отношениях.

И вот последний вечер накануне моего отъезда на родину, последняя встреча.

Я надела свой лучший наряд, а он повез меня в какой-то особенный, свой любимый бар. Пили легкие коктейли, кофе. Милый вечер с поволокой печали, с налетом чего-то несбывшегося — вроде и легкое у нас было отношение, а вот нелегко расставаться навсегда, непросто — свидимся ли когда-нибудь!

Разговор то и дело прерывался молчанием: тонкая линия грусти пунктирно окаймляла эту встречу. Я держалась молодцом, но вдруг не смогла сдержать этот внезапно подкативший к горлу ком. Наверное, я захотела ускользнуть

от этого холодного, как небытие «никогда» и такого же леденящего душу «навсегда». Вдруг поняла, что успела привыкнуть к своему красивому, сдержанному кавалеру, и сердце сжалось от того, что вижу его в последний раз. Захотелось к себе приблизить, укоротить дистанцию, да просто узнать и понять, каков этот сеньор вблизи. Впрочем, во всем ли я отдавала себе отчет по поводу того, что со мной происходило тогда? Просто накатило — и все. И я уже знала, что скажу и что сделаю, но продолжала ерзать по полированной лавке, не в силах решиться и произнести эти слова. А потом возбудила в себе азарт («посмотрим на реакцию публики в партере»), и, сдерживая внутренний хохот, готовилась произнести заготовленную фразу.

Тем временем мой почти что друг с достоинством лил мне в бокал «Мартини». Необязательная беседа о том о сем то и дело замирала. И тут в одну из пауз я быстро вставила:

— Ты, кажется, предлагал мне поехать в гостиницу...

Рука с бутылкой напряглась и качнулась, а его прямой взгляд выразил не только бесконечное удивление, но и большой вопрос: не шучу ли я, не ослышался ли он. Я взглядом ответила: «Нет». Потом я стала смотреть на его руку, загадывая, прольется или нет любимая влага мимо сосуда («эх, зачем под руку сказала!»). Однако хорошее воспитание победило — итальянец собою быстро овладел и благополучно завершил процесс: ни капли не было пролито. Я получила свой стакан и сделала большой глоток, а его охрипший голос донесся до меня откуда-то издалека, словно из тоннеля: «Сейчас я расплачусь...»

Мы быстро собрались. Недопитый стакан остался на столе...

В тот вечер в гостинице я увидела другого человека. Как же он внезапно изменился!

Я что-то щебетала, не сильно проникаясь тем, что между нами произошло, но, взглянув на него мимоходом, осеклась.

Он вдруг стал серьезным — не видела его раньше таким. Не прислушиваясь ко мне, глубоко сосредоточенный на чем-то своем, внутреннем, он сел, выпрямившись, на край дивана и сказал с поразившей меня силой — с той, которая запомнилась на всю оставшуюся жизнь: «С сегодняшнего дня ты — моя любовь!»

Я развеселилась: проняла гордого синьора до самого основания, «достала» его до самой сути. А на самом деле... Не ожидала. И была в замешательстве. И глубоко тронута. И понять не могла, что же такое произошло, что явилось причиной для столь разительных и внезапных перемен в «синьоре» и для сделанного им заявления, не вязавшегося с привычным для меня легкомысленным его обликом?

Только теперь я понимаю больше и думаю, что вовсе и не его это была любовь, о которой он сказал мне тогда, а моя. И это та любовь, которая живет в душе у каждого человека и которая «у каждого своя». И она такова, что завораживает и заставляет желать себя. И перед нею нельзя устоять. И на нее невозможно не ответить...

Зачем он это сказал? К чему были эти слова при тех-то обстоятельствах! Они ничего не могли в нашей жизни изменить! И такая... не характерная для западного мужчины откровенность! А может, я просто плохо знаю западных мужчин?

Лишь много позже я оценила его решимость, отвагу и честность, потребовавшиеся для того, чтобы эти слова произнести. И еще что-то. Ведь мог же и не говорить! Но решил, захотел об этом сказать. Может быть, это был его прощальный комплимент?

Или его вызов тем «навсегда» и «никогда». Он сказал: «С сегодняшнего дня...»

Это значило, что все только начинается...

Кто-то мне когда-то сказал, а я потом обдумывала и «крутила» эту мысль со всех сторон, что личность человека развивается сферически. А это значит, что если он развивает в себе одни сферы своей личности, то одновременно происходит стимуляция развития и всех прочих сфер. И если человек подвигает — вверх и ввысь — одну из сфер своей личности, то она тянет за собой и все остальные — это момент обогащения всей личности. И это значит, что если ты умен, и добр, и честен, и вкалываешь, и четко и добросовестно выполняешь огромный список обязанностей по жизни — не жалей об этом. Ведь это все вклад в копилку твоего духовного и сексуального обаяния! Чем дальше ты продвинулся там и сям, тем больше ты привлекателен во всех отношениях, а продвинулся еще сверх этого — и ты просто неотразим. Итак, вы хотите быть сексуально привлекательными для другого пола — развивайтесь! Набирайтесь ума, набирайтесь доброты. Каждый из нас проецирует на секс все, что внутри себя имеет. Вы видите прекрасную, гармоничную личность? Полагаю, что и секс с этим человеком доставляет истинное удовольствие!

Обаяние личности это всегда и обаяние сексуальное. Так что делаем выводы и делаем все возможное и невозможное для того, чтобы поумнеть — раз, подобреть — два, развить сильную волю — три, развить в себе многообразные эстетические наклонности и вкус — четыре, и так далее и тому подобное.

Но я с Димой тему «философии секса» не обсуждала. Любые мои рассуждения на эту тему и возле нее он выслушивал из вежливости по необходимости и при первой же паузе в моем монологе «затыкал» мне рот поцелуем и тащил в постель. Я бы сказала: подкреплял теорию практикой, если бы он хоть сколько-нибудь этой теорией проникался! Но мои рассуждения на любые темы в лучшем случае его умиляли. Не скажу, чтоб оставляли равнодушным, но только он их не воспринимал всерьез: они не проникали в него ни глубоко, ни мелко. А я столько раз пробовала довести до его сознания среди всего прочего главную идею, которая меня беспокоила и волновала: о бесспорной необходимости — верности в любви. А иначе утрата любви абсолютно неизбежна: «Что сломается на небесах — на земле уже не соберешь!»

Впрочем, было ли ему в принципе интересно, что у меня внутри. Меня постоянно и тяжело преследовало чувство глубокой неудовлетворенности из-за поверхностности наших взаимоотношений. Из-за того, что внутренний строй моей души его абсолютно не интересовал, не представлялся важным. Все мои накопления и завоевания на жизненном пути, мне казалось, он не видел и не оценивал, не мог видеть. Ведь в нем самом не было внутреннего критерия для оценки всего, что «выше пояса».

Такое было ощущение, что он на меня смотрит, но не видит. Ну, как это? Вот же она, я! Во мне столько всего! Разве неинтересно? Это все неинтересно. То, что ему нужно было от меня, его устраивало, а все остальное не трогало, а, пожалуй, даже и раздражало. Особенно то, что я старалась жить по-христиански, старалась быть доброй и помогать людям там, где получалось. Впрочем, до поры до времени его устраивало все, что он во мне видел и находил. Ну, а если и не устраивало, то он умел с этим примириться. Он был, по сути дела, классный приспособленец: умел мириться со всем и принимать все, как есть. Все, абсолютно все — ради любимой женщины, ради того, чтобы находиться с нею рядом, постоянно. Вот так.

Ну, а я все то, что копила годами, что пестовала и чем втайне гордилась — этот весь мой духовный капитал — должна была свезти на помойку, что ли? Мне все это в моей жизни со вторым мужем только мешало. Однако могла ли я перестать быть собою, жить лишь с частью своей души, а о второй позабыть? Это было трудно. Это было невозможно. Из зерна противоречия должно было вырасти большое-большое растение.

Итак, Дима ответил мне прямо и обнадеживающе, однако за книги браться не спешил. Все же не без моего нажима вскоре он принялся за первый 700-страничный том стихов «Песнь любви». Часто приходил ко мне с книжкой в руках, чтобы прочитать то или иное стихотворение. Читал, запинаясь, коряво, плохо поставленным голосом. Все выдавало в нем внутреннее волнение. Затем принялся за второй том. Вместе с ним мы прочитали знаменитую трилогию Г. Сенкевича — «Потоп», «Пан Володыевский», «Огнем и мечом», — что давно было в моих планах. Затем были другие книги. Всего за четыре года совместной жизни он прочел под моим «мудрым руководством» восемь книг. Последнюю — рассказы Стефана Цвейга — дочитывал уже дома у своей матери, когда мы с ним разошлись. Да так и недочитал. Я ее забрала у него несколько месяцев спустя. Вот и все его духовные накопления со мной. Нет, пожалуй, не все. Было еще кое-что. Были двенадцать моих дневников — двенадцать толстых тетрадок, которые он раскопал и повытаскивал из всех моих тайников. Их я писала восемь-десять лет назад. Их появление было связано с самой глубокой и самой тайной любовью моей жизни. Дневники, полные переживаний и размышлений влюбленной и страдающей женщины. А женщина эта прочла не то пятьсот, не то семьсот книжек. И весь этот духовный «багаж» был вписан в эти дневники, пронизывал их от корки до корки...

Влюбленный муж ревниво изучал прошлое своей обожаемой жены, изучал, так сказать, всю ее «подноготную», сравнивая себя с «ним», с другим мужчиной, и с тем, как она любила кого-то, а не его. Он жадно поглощал всю относящуюся «к делу» информацию, а на самом деле он львиными дозами поглощал духовный мир своей жены, впитывал его в себя, проникался им...

На снимках и на видеокассетах первого года совместной жизни я вижу красивого и бравого молодца, открытого и несколько простоватого. На снимках последнего года нашего брака этот мужчина мне очень нравится: его мужественный облик приобрел оттенок красоты иного рода, чем вначале — он одухотворен. Он притягивает взгляд, и... он очень красив: своей ли любовью, а может, той глубиной, которая затаилась в его взгляде и между складок бровей — во всем его облике... Сейчас этот мужчина понравился бы хоть кому!

...В последние три месяца нашей жизни он уже книжек не читал, а все свое свободное время проводил у телевизора. В выходные дни телевизор включался утром и затем горел допоздна. Он смотрел по три, четыре, пять фильмов подряд и все, что заодно попутно «под руку» попадалось. Он сказал мне тогда: «До сих пор мы жили твоими интересами, а сейчас я хочу жить своими!» Вот это и были его интересы.

Ну, а то, что было прочитано в годы нашего брака — что это для него сейчас? Зря потерянное время? Возможно, да, возможно, нет. Ведь он купит потом и будет смотреть диск с фильмами по романам Сенкевича... И утром он будет продолжать вставать по будильнику под слова «Благословен Бог и Господь наш...» — так включается диск с утренними молитвами. Под них он одевается, готовит себе кофе, как было заведено в нашей жизни. Будет делать это еще год. А через год диск поменяется. Теперь утром его будит попса.

Как весело в новогоднюю ночь!

Скоро Новый год. Скоро все будут пить шампанское. Почему всем так весело? Почему они все так шумят? Я силюсь в это проникнуть и понять, но не могу, не получается. Я и весь остальной мир — мы на разных параллелях. Это у них праздник. А у меня состояние души еще хуже, чем обычно, хотя бы потому, что у всех сегодня праздник. Нельзя сказать, что я в горе или печали, но… познабливает. Изо всех сил стараюсь хотя бы внешне присоединиться к празднику и потому заглядываю в телевизор, но внимание неустойчивое, больше пяти минут его не хватает ни на одну передачу: все, что происходит в «ящике» мне неинтересно. Пробую что-то «сварганить» и на стол поставить, но ничего толкового «соорудить» не удается, на это не хватило ни времени, ни желания, и поэтому стол полупустой. Правда, бутылка шампанского на нем все же имеется, но пить его мне не хочется однозначно, да и не с кем. Дочь не «питок», ее в расчет не принимаем.

За час до полуночи мою посуду и как есть во всем домашнем — облезлом и обвисшем — поднимаюсь на площадку восьмого этажа покурить. Вот это и есть мое маленькое удовольствие, моя сегодняшняя радость. Люблю постоять наверху, полюбоваться на город с высоты. Он раскинулся до самого горизонта, весь в огнях, вид не заслоняют никакие строения, такой приятный для глаза и души простор! На площадке уже имеется незнакомый молодой мужчина, лет тридцати, похоже, это гость жильцов квартиры этажом ниже. В нее дверь открыта и доносится вся гамма звуков, присущая толпе народа, празднующей Новый год.

Мужчина как раз докуривает сигарету и сразу начинает возиться с сотовым телефоном: что-то включает, переключает, возможно, посылает СМС. Завидев это, я начинаю хихикать. Мужчина удивленно смотрит в мою сторону. Мне приходится объясниться: «Сейчас по телевизору анекдот передали. Содержание следующее: «Спешите поздравить ваших любимых с Новым годом, поскорее отправляйте СМС, пока ваши жены хлопочут над праздничным столом». Мужчина улыбается, но он немного задет моим намеком и потому все же хмыкает в ответ: «У вас что, подобный опыт имеется?» — «Пожалуй, да. Точнее, у моего мужа. Тоже посылал СМС». — «И что?» — «Отправился вслед за СМС!» Мы засмеялись. Молодой человек пристально на меня посмотрел, спросил вдруг как-то сочувственно: «И... когда отправился?» Я бросила небрежно: «Да совсем недавно...» Разговор зашел о любви, затронули больную тему, и я стала горячо доказывать необходимость соблюдать библейские заповеди и хранить чистоту любви. Мужчина принялся возражать, отстаивая полигамию (все мужчины одинаковы), приводить свои аргументы. Аргументов, похоже, не хватало, поэтому в конце концов он сделал «силовое» заявление: «И вообще, женщина, у меня жизненного опыта побольше, чем у вас». У меня внутри «гомерический смех»: у него «опыта побольше»! Да, он на двадцать лет моложе меня! Я приглядываюсь к нему повнимательнее: ну, может, на пятнадцать. Пусть не тридцать лет ему, а тридцать пять-тридцать шесть, так это максимум.

— Нет, — говорю уверенно, — опыта больше у меня.

Теперь он принимается меня исследовать и несколько минут внимательно рассматривает на темной площадке. Я же умираю со стыда: почему я не праздничная, как все, не в новогоднем наряде? Вышла сюда с немытой головой и в старых физкультурных штанах. Сегодня мы с дочерью вдвоем, гостей нет, зато есть депрессия, так что я не прибралась и даже в зеркало на себя не посмотрела.

Изучив меня, как следует, он с облегчением вздыхает:

— Нет, опыта больше у меня.

Голос звучит уверенно. — Вот так-так! Приятная неожиданность! Я уже не возражаю и не настаиваю. А пусть думает, что я молодая! Пусть! Вот что значит, когда в душе живет непобедимая любовь! Это она сделала меня на двадцать лет моложе — стоило только мне слегка оживиться и «на тему выйти»!

Он уходит, на прощание говорит:

— Женщина, все у вас будет хорошо. У вас — все будет в порядке! Не беспокойтесь ни о чем. И мы с вами еще встретимся! Обязательно! Не скоро, но встретимся!

Вот и Новый год пришел! Со своими необыкновенными сюрпризами и предсказаниями, с добрыми новогодними пожеланиями. С обещанием встречи. Разве это не хороший знак?

У меня все будет хорошо, раз этот молодой мужчина, поговорив со мной десять минут, захотел встретиться и нам встречу предсказал. И теперь я могу ждать и надеяться... На встречу с моей любовью.

С Новым годом! С Новым счастьем! Или с прежним?

Вместо эпилога

Мужская любовь, женская любовь. Мужская страсть, женская...

Какие они разные по выражению и по выразительности! Какие они одинаковые по сути. Мужчина ищет удовольствия и разнообразия, но вот, в конце концов, все равно попадает на страдание. Тогда обвиняет и клеймит весь женский род, а сам только что прошелся по женским сердцам!

Женщина ищет высокого, ищет рыцаря на белом коне, чистого и честного, бескорыстного, в том числе и в делах любви. Но, пытаясь понравиться мужчине, подгоняет себя под мерку его желания, его страсти. «Высокий полет» превращается в падение по касательной, а замахнувшись на важное и высокое, начинает терять себя, свое личностное, свое неповторимое. И уплощается, и упрощается, и утрачивает львиную долю своей привлекательности. Из белой лебеди получается курица, рухнувшая с насеста, и бурное кудахтанье. В конце концов она презирает и обвиняет весь мужской пол, за то, что ее не поняли, над нею надругались.

Мужчина и женщина. Вечный конфликт, вечная война. В этой совсем недиалектической борьбе противоположностей разве можно сыскать победителя? Здесь одни побежденные!

А за всем стоит славянская — «неразберипуть» — душа. Такая, что за любимым да с любимым — «хоть в омут с головой». В крайнем случае — «рай в шалаше». Такая вот она эмоционально-нерассудительная. Для души романской или там германской весьма непостижимая!

Взрослые мужчины, и женщины — взрослые. А все ведут себя, как дети: эмоционально, нерассудительно, безответственно, несерьезно! Только удары и оплеухи сыпятся направо да налево. Может, пора повзрослеть да начать любить серьезно и ответственно? Может, надо как-то этому научиться?

ЛЮДМИЛА ШАДУКАЕВА

Будь, Поэзия, со мной

К поэзии

Нет, ведь даже не распяли —
Нет креста, и нет гвоздей.
И библейские печали
Не сомкнули свод над ней.

Не грозили эшафотом,
И не звали на дуэль.
Поманили антрекотом,
Предложили крепкий эль.

Ненавязчиво шептали:
«Быть святой нельзя... Пойми».
Жалко... Лучше бы распяли,
На костре земном сожгли.

Ведь тогда... Тогда б воскресла,
А из пепла бы взошла!
Ну, а так — как встанешь с кресла,
Коль в загуле, коль пьяна?

Коли рифмы растеряла?..
Что за мелочь! Есть верлибр.
Словом — *«Вас тут не стояло.*
И без рифмы мы —
Вер... ли...»

Упрощаю?.. Умираю!
Зла, как ведьма. *Ты* прости.
Я без дактиля страдаю,
Мой анапест не в чести.

Пятистопный ямб любимый...
Ах, как били за него!
Стих конвертиком сложили
Под расстрельное письмо.

Пригвоздили приговором...
Что ж на помощь не пришла?
Заплетающимся словом
Оправдала их дела.

Кто здесь глуп? А кто с приветом?
Кто предательски жесток?
Разве можно так с поэтом —
Без любимых рифм и строк?

Отпою тебя рассолом,
Окроплю живой водой.
Будь любовью, верой, домом.
Будь, *Поэзия*, со мной!

Не бросай меня в морозы,
Через время — пронеси.
Коль сестра, прости за слезы,
От бездомности — спаси...

Счастье

Дворнику Танюше

Сигаретный огонек
В тонких пальцах тлеет.
Перекур кончай, Танек,
Подметай быстрее.
Посмотри — заждался двор
Молодой хозяйки.
Бродит счастье, словно вор,
В драной синей майке.
Но кому же ко двору
Рвань да спозаранку?
Счастью рыжему ору:
«Не тревожь Татьянку!
Видишь, дел невпроворот,
И начальник строгий...»
Ну, а счастье ширит рот,
Кланяется в ноги.
И берет из рук метлу:
«Помогу Танюше».
Видно, без толку ору,
Надрываю душу.
Улыбается Танек
Счастью без оглядки.
Кружит листья ветерок,
Целый двор в заплатках.
И летят, конца им нет,
Лоскуточки с клена
На оранжевый жилет,
На рукав зеленый.

Буратино

Чашка кофе
да горсточка риса —
вот и все,
что есть на обед.
С каким-то бродягой
сбежала Алиса,
украв моих пять
золотых монет.

Заснула случайно
в гостях я у сказки.
Там дверь без щеколды
и вредный сверчок.
Уж лучше без сказки,
пешком до Аляски,
зажав свое золото
в кулачок.

Ах, нос мой не острый,
не буратинный...
Такой бесполезный,
ну, хоть ты брось!
Алиса в бегах,
и глухая Тортила,
и дверь нараспашку —
все в жизни сошлось.

Очаг на холсте
и стихи на салфетке,
подружка Мальвина,
трамвайный билет,
бродяжка с авоськой,
фантазии в сетке...
И пять бесполезных
звенящих монет.

Лето

Снегам на смену вновь приходит лето.
С ним жизнь на много градусов теплей,
И можно жить открыто и раздето,
В пальто не прятать душу от людей.

И можно, не боясь молвы, разуться,
Последний рубль на церковь положить,
И выбросить надколотое блюдце,
И начинать с нуля... И просто жить.

ГАЛИНА МАЖЕЙ

Лесными тропами

Рассказ

Галина Мажей — «нелегал» в литературе. История вряд ли зафиксирует ее имя как художественное явление на рубеже веков. Логично спросить, почему же тогда критик «продвигает» этого автора? Отвечу. Есть люди, изначально обреченные писать. Они не выделяются из общей массы. Но где-то, когда-то им что-то было предначертано. А уж как сложится их творческая судьба — вопрос. Вдохновение! Сам Господь решает, кто попросту не может не писать. У каждого человека есть свой критический угол самореализации. Проклятый процесс творения к Галине Мажей приходит всегда неожиданно: во время стирки, в троллейбусе, во время ночного бдения не по доброй воле, а в результате эмоционального перевозбуждения. Во всяком случае, то, что предлагается читателям, никак не соотносится с графоманией. Это — осмысление жизни и своего желаемого объема и качества в ней.

Женский взгляд? Банально… Но понять и принять чью-то жизнь — это уже великий поступок. Это и хочу вам предложить.

Игорь ЗАПРУДСКИЙ

По лесу, принюхиваясь и оглядываясь, неуверенно брела волчица. Ей бы с ее готовыми появиться на свет волчатами лежать в логове и ждать волка с добычей. Но волк не придет. Волка нет. А волчата нетерпеливо толкались в отощавшие бока не первый день голодной матери. И материнский инстинкт остался единственным, что связывало ее с жизнью. А жизнь — это еда, которую нужно найти во что бы то ни стало.

Под тяжестью живота подгибались лапы, голодный звон в ушах мешал прислушиваться к звукам леса. И притупившееся чутье опоздало предупредить об опасности: злобный лязг капкана обрушился на помутненное сознание. Выть от боли не было сил. И боли тоже не было. Только где-то очень далеко кричали испуганные вороны, и липкая темнота обступила со всех сторон.

* * *

Солнце цеплялось за верхушки елей. Подсохшие прошлогодние сучья, устилавшие забытую тропу, потрескивали под старыми армейскими сапогами. Вороны заинтересованно каркали, кружа над кустарником. Стараясь не задевать ветви дулом ружья, пригибаясь, лесник осторожно подошел к кустам.

* * *

В темном углу, куда почти не проникал свет маленькой, засиженной мухами лампочки, на ворохе соломы, обессиленная, прерывисто дыша, лежала волчица. Опустевший после ночных родов живот был похож на грязную, разодранную в клочья тряпку и лежал между лап, словно нечто, не принадлежавшее ей.

Из помета выжил только один щенок. Он был крупнее и гораздо темнее остальных, с не по-волчьи толстыми лапами и широким лбом. Без сомнения, среди его ближайших предков была собака. Щенок был таким же тощим, как и его мать, но казался вполне здоровым.

Лесник осмотрел поврежденную лапу волчицы. Кость была переломана. Он промыл рану, присыпал ее сушеной дерезой. Потом разорвал на полоски единственную, не считая той, что была на нем, рубаху и сделал тугую повязку. Теперь осталось только ждать.

Поставив рядом с волчицей миску с водой, лесник снял с гвоздя телогрейку и вышел из избы.

* * *

На краю деревни, почти у самого леса, стоял маленький черный, с треснувшим стеклом в единственном крошечном окне, больше похожий на баню, дом. Он и был баней до пожара, который много лет назад уничтожил только что построенный, еще пахнувший смолой дом, погубил и родителей десятилетней Верочки. Глухой осенней ночью ревущее пламя жадно пожирало беззаботное детство девочки, за считанные минуты оставив ее сиротой. Обезумевшая от боли и страха, мать выбросила сонного ребенка через окно, а сама вместе с мужем осталась под рухнувшей крышей догоравшего дома. Оказавшись на земле, Верочка поползла на четвереньках прочь, не глядя вперед и не оборачиваясь, пока не натолкнулась на стену бани. Забравшись внутрь и закрыв дверь на крючок, девочка забилась под лавку. Утром Верочка выглянула во двор. На месте их красивого нового дома лежали обгоревшие бревна. Весь день какие-то люди ходили по пожарищу и что-то искали. Но потом ушли и они. И девочка осталась одна в чудом уцелевшей баньке. Копоть проникла через щели и тонким слоем покрыла все вокруг, забралась в нос, в волосы и еще долго ее вкус оставался во рту испуганной Верочки, которую считали сгоревшей, пока голод не выгнал ослабевшую девочку из укрытия. Нашедшая ее соседка не сразу узнала в исхудавшем, покрытом копотью, со всклокоченными волосами ребенке смешливую белокурую Верочку.

Женщина принесла ребенка в свой дом, накормила, вымыла и уложила спать. Когда на следующий день девочка проснулась, хозяйка дома обняла ее за худенькие плечики и тихо сказала:

— Будешь жить у нас. Где пятеро детей, там и шестому место найдется.

— Я пойду домой.

— У тебя нет дома, деточка.

— Я пойду домой.

Верочка разжала руки женщины и вышла из дома. Она решила, что будет жить в баньке и ждать своих родителей. Этой ночью во сне они приходили к ней, такие красивые, в белой праздничной одежде. Мама сказала, что они обязательно встретятся.

Как ни уговаривала соседка, зная, что у ребенка нет родственников и некому ее приютить, девочка настояла на своем.

Лето было в разгаре. Верочка каждый день полола грядки и наводила порядок в своем маленьком домике. Ведь когда вернутся мама с папой, все должно быть чисто и красиво.

Время шло, и постепенно деревня стала забывать о пожаре и о том, что где-то на краю деревни в баньке живет сирота. Да и непохоже было, чтобы она бедствовала. Даже песни поет, когда в грядках сидит или на речке белье полощет. Скоро люди, каждый в своих заботах, перестали вздыхать и причитать при встрече с девочкой. А она тихонько напевала мамины песни и улыбалась тем, кто спрашивал:

— Ну, как ты, Верочка?

— Все хорошо.

И люди уходили, не зная, что сказать ребенку, который то ли не понимает, что произошло, то ли понимает то, что другим не дано. С тех пор люди стали звать Верочку Песенкой. И все бы ничего, вот только осталась Песенка хромой: при падении из окна горящего дома она повредила ногу. Боль постепенно ушла, а хромота осталась. В школу в соседнюю деревню она ходить не могла, да и некогда было: как ни помогали люди, и в огороде было много дел, и козочку, подаренную соседкой, пасти и доить надо было. Да мало ли что еще. Не до книжек.

Шли годы. Песенка редко появлялась в деревне, разве что придет в лавку за хлебом да за керосином для лампы. Так и жила одна, не считая лет, у самого леса, тихонько напевая. Но суждено ей было снова взбудоражить деревенский люд. По весне родила Песенка сына. От кого — все терялись в догадках. И роды никто не принял. Как всегда и во всем, сама справилась. Вот вам и сиротка из баньки. В деревне столько одиночек, да каких: статных, красивых, голосистых, и нет им бабьего счастья. А Песенка всех обскакала на хромой ноге. Долго народ судачил, да и об этом стали забывать. Только иногда, глядя, как мать с сыном шли в лавку за хлебом и леденцами, кто-нибудь говорил то ли от зависти, то ли от восхищения:

— Гляньте, гляньте, Песенка с Припевчиком идут.

* * *

Лесник постучал ногами о крыльцо, сбивая налипшую на сапоги грязь, и, сгибаясь в дверном проеме чуть не до пояса, вошел в избу. При тусклом свете керосиновой лампы за столом сидела Песенка и что-то шила, в темном углу ее пятилетний сын играл с недавно родившимися козлятами. Оба оставили свои дела и молча смотрели на вошедшего. Тот поздоровался и попросил продать ему козьего молока. Не задавая вопросов, Песенка налила сколько было в принесенную бутылку, лесник еще немного потоптался, роняя куски грязи на вымытый до бела пол, поблагодарил и ушел, оставив после себя непривычные запахи самогонного перегара и папиросного дыма. Мать с сыном еще немного посидели, глядя на закрывшуюся за лесником дверь, и снова занялись своими делами.

С того дня каждый вечер лесник приходил за молоком, принося с собой в качестве платы то убитого на охоте зайца, то дрова, то сладости для ребенка. Мало-помалу все освоились. К приходу лесника молоко уже стояло налитым в бутылку, Песенка сидела за своим шитьем тщательно причесанной, а малыш нетерпеливо ерзал в углу, ожидая гостинца и очередного рассказа о больной волчице и маленьком волчонке по кличке Бурый.

И поползли по деревне слухи: к Песенке лесник захаживает. Может, и сладится у них. Видели, как Песенка похорошела? Вчера в лавку приходила, так глаза светятся, коса через плечо — прямо-таки невеста, даже хромать меньше стала.

Да она и сама стала замечать: в зеркальце чаще поглядывает, кофточку себе новую смастерила, а на днях задумала печь побелить, не дожидаясь пасхи. Неужто и в самом деле стал дорог ей этот угрюмый, нелюдимый человек. Ну, приходит каждый вечер, так ведь за молоком; в последнее время стал засиживаться допоздна, так куда ему торопиться. Кроме волка серого, кто его ждет в лесу дремучем? А к ним придет, глаза в пол, поздоровается, сядет в углу и ни слова ей, ни полслова. Разве что с сыном ее поговорит, про волков своих расскажет. Люди в деревне поженить их успели, а она его и по имени еще ни разу не назвала.

* * *

Придет время, и волчица станет здоровой и сильной, заберет своего волчонка и уйдет в лес. Почему-то ему казалось, что эта волчица особенная. Может быть, дело было в том, как она смотрела на него, когда он, напившись самогона и раскуривая папиросу от папиросы, рассказывал ей о том, что не хотели слушать люди, смеялись, не верили.

Наболевшее прошлое снилось, мерещилось за деревьями, не давало расслабиться руке, сжимавшей охотничье ружье. Прислушиваясь, как эхо уносит выстрел в глушь леса, он ощущал себя причастным к жизни, о которой не мог забыть: она впиталась в кожу, растворилась в крови, управляла сознанием. И так хотелось, чтобы хоть одна живая душа выслушала его рассказ о том, как он, два года не снимая с плеча автомат, жил за колючей проволокой; как с пристегнутым штыком к заряженному боевыми патронами автомату обходил по периметру зону, ожидая, что в любой момент на плечи с дерева прыгнет рысь, в страхе перед которой овчарки жались к ограждению, нарушая строго определенный порядок патрульной цепи; как, не выдержав издевательств «стариков», то и дело убегали в лес «молодые», прихватив с собой автоматы с полными рожками боевых патронов, и стреляли в исступлении в каждого, кто смел приблизиться; как за два года из тихого, застенчивого деревенского мальчишки он превратился в озлобленное существо, без промедления реагирующее на приказ стрелять на поражение.

И как все эти годы после тех, проведенных за «колючкой», он кричал во сне то от страха, то от злобы; как потом весь день держал его на цепи ночной кошмар, а к вечеру не выдерживал, напивался и снова ходил по периметру под зорким взглядом рыси, пока пьяный сон не стирал зыбкую грань между воспоминаниями и снами, и все начиналось с начала.

А этот зверь, сверкая дикими глазами, не смеялся над ним, не боялся и не уходил. И он рассказывал, вытаскивая на свет все, что, как волк, лежало, затаившись, в темных углах памяти, и становилось легче оттого, что он уже не один в этом не понимающем и не принимающем его мире. Таяла и капля за каплей стекала с души окаменевшая смола отчаяния и одиночества.

* * *

В избе было душно от протопленной печи и папиросного дыма. За столом сидел человек и пил свою воду. Временами он громко лаял, размахивая неуклюжими лапами, потом засыпал, снова просыпался и долго выл. Волчица щетинилась и скалила клыки, пока не поняла: этот человек — раненый волк, ему снится его последняя охота.

Волчица лежала в своем углу и тихо скулила от боли. Лапа, изуродованная зубами капкана и ее собственными зубами, когда она пыталась освободиться от ненавистного железа, заживать не хотела, гноилась и ныла особенно сильно по ночам, когда лесник, наконец, затихал, уронив голову на стол, заваленный пустыми бутылками, окурками и тарелками с засохшей едой.

А за стенами человеческого логова шумел лес, качаясь под порывами весеннего ветра. Косой дождь стучал по окнам, пугая сон волчонка, теплым комочком прижавшегося к телу матери. О да, она готова была перегрызть себе лапу, чтобы спасти его. Или для того, чтобы умереть свободной.

Обычно человек уходил на весь день и возвращался к вечеру, наполняя избу тревожным запахом пороха, с молоком для волчонка, дичью для нее и этой странной водой для себя. Волчица была слишком слабой, чтобы есть, от потери крови, разрывающей боли в лапе и родов, отнявших последние силы. Приходилось мириться с тем, что человек кормил ее детеныша, играл с ним, и щенок вертелся у ног и вилял хвостом. Надо встать и не дать человеку превратить ее волчонка в собаку. Она с трудом поднималась на три лапы, пошатываясь, делала несколько шагов и падала, скуля от боли и отчаяния, заползала в угол и беспомощно смотрела, как с каждым днем ее детеныш все больше привязывался к человеку и все меньше нуждался в ней.

* * *

Весна набирала силу. Волчонок креп и подрастал. Целыми днями он бегал по избе, принюхивался, прыгал, громко топая своими широкими толстыми лапами по деревянному полу человеческого логова.

Из распахнутого окна пахло лесом, жизнью. Лапа еще болела, но волчица уже вставала, и пока лесника не было, бродила по избе. Желание уйти на свободу и вздохнуть полной грудью клокотало внутри, подстегивая силы молодого волчьего тела. Еще немного, и придет день, когда она выпрыгнет из окна и помчится по невидимым лесным тропам в погоне за ветром.

* * *

Щенок лежал у двери и ждал возвращения человека. Его не волновали лесные запахи и звуки. Собачья природа, переданная по наследству от недавнего предка, капкан и забота человека сделали свое дело. Что ж, у каждого свой путь. А ей пора. Волчица подошла к щенку, лизнула его морду и выпрыгнула из окна.

В этот день лесник не ушел в лес. Он сидел под деревом недалеко от дома и наблюдал за окном. Ветер дул в сторону леса, значит можно курить. И он курил одну папиросу за другой и ждал, потому что чувствовал: именно сегодня волчица заберет своего детеныша и уйдет. Она уже не один день бродила по дому, почти не прикасаясь к еде, и нетерпеливо смотрела в окно, которое он в последнее время, уходя, оставлял открытым.

Лесник достал из кармана бутылку с самогоном, открыл и выпил несколько глотков. Снова закурил. Знакомыми тропами алкоголь уводил сознание туда, где клацали затворы автоматов, звучали отрывистые команды, где пахло страхом восемнадцатилетних мальчишек перед возможностью в любой момент получить приказ стрелять на поражение, отчаянием от неизбежности и болью от сознания того, что жизнь уже никогда не будет прежней.

Еще глоток, еще папироса. Пусть уходит и уводит своего щенка. Жил без них, как-нибудь и дальше жить буду. И увидел, как, вытянувшись, стрелой вылетела из окна волчица. Отбежала от дома, остановилась, оглянулась на мгновение и тут же исчезла среди деревьев. Ну, где же щенок? Что же он медлит? Или просмотрел? И, не дождавшись, лесник вскочил, сильно пошатнувшись, и быстрым шагом пошел, почти побежал к дому.

Угол, в котором жили волки, был пуст. Стоя в двери, он смотрел на примятую солому, на миску с водой и только сейчас понял, как сильно привязался к этим диким зверям, как много они значили для него: волчица, ослабленная болью и сильная желанием жить, и волчонок, глупый, доверчивый, ласковый. И вот их нет. Тихо и пусто в доме.

Лесник медленно опустился, опираясь о стену, и сел на крыльцо. Достал бутылку и допил самогон. В пачке осталась одна папироса, и та оказалась поломанной. Он смял пачку и швырнул ее в сторону леса. Еще немного посидел, уронив голову на руки, потом со второй попытки поднялся на отяжелевшие ноги и вошел в дом.

* * *

Бурый открыл глаза и увидел, как мелькнул в раскрытом окне хвост матери. Он вскочил, подбежал к окну и подпрыгнул. Слишком высоко. Рядом с окном стоял стул. Он запрыгнул на стул, с него — на подоконник. Впереди шумел лес, где-то очень высоко в небе, играя с летним солнышком, раскачивались на ветру верхушки деревьев. Где же волчица и почему она ушла без него? Он то садился, то вставал, тихонько скулил, не решаясь спрыгнуть на землю. И тут ему показалось, что он увидел среди деревьев серую спину волчицы. Сделал шаг вперед, вглядываясь в чащу, оступился и кубарем скатился на траву. Быстро поднялся и побежал туда, где, как ему показалось, ждала его мать.

Бурый бежал долго, путаясь в высокой траве, цепляясь за упавшие сучья. Устал и остановился, чтобы отдышаться. Где же волчица? Щенок посидел немного, поскулил и, уставший и голодный, пошел назад.

Быстро темнело. Бурый давно уже сбился со следа и шел теперь наугад, умирая от страха и голода. И тут вдруг услышал знакомый запах. Ну конечно же, так пахнут лапы человека! И, обрадовавшись, помчался по следу.

Когда он, наконец, прибежал к дому, было совсем темно. Из раскрытого окна густо пахло дымом. Щенок знал, что так пахнет та дыра, из которой лесник каждый день доставал свою еду. Вот только дыма слишком много и с каждой минутой становилось все больше. Бурый стал звать лесника, бегал под окном, подпрыгивал, пытаясь заглянуть внутрь, скулил, но человек не отзывался. Попробовал лапой открыть дверь, но та была плотно закрыта. И Бурому стало страшно. Он еще не понял, чего боится, только скулил все громче, то пятясь к лесу, то возвращаясь к дому.

* * *

Волчица бродила, пока не почувствовала усталость в ослабленных мышцах и боль в ноге. Ничего, лес вылечит ее. Звуки и запахи родного леса кружили голову. Впервые за последние дни она почувствовала голод. Как давно она не охотилась. Свобода!

В сумерках, пересекая поляну, с порывом ветра она уловила запах дыма. И вой щенка. Этот голос она узнала бы из тысячи других: голос ее детеныша.

Комом к горлу подступила тревога. И, забыв про боль в ноге, волчица побежала к дому лесника. Чем ближе, тем сильнее запах дыма, и тем отчаяннее вой щенка.

Она пыталась увести его от беды, но волчонок не слушался. Казалось, он даже не узнал свою мать. Что же делать? И волчица побежала в деревню. Она остановилась у крайней избы и принялась выть. Проснувшиеся собаки захлебывались лаем и рвались с цепей. Люди просыпаться не торопились: для живущих на краю леса в волчьем вое не было ничего необычного.

Песенка, крадучись, вышла из избы, чтобы проверить, плотно ли закрыта дверь сарайчика с козами. А волк был где-то рядом с ее домом и выл все громче и настойчивее.

Был бы у нее муж, нечего было бы ей бояться. А лесник сегодня за молоком не пришел. Может, больше и не придет. Женщина запахнула наброшенный на плечи платок и глубоко вздохнула. Со стороны леса пахло дымом. Что может гореть ночью в лесу? А ведь в той стороне дом лесника. Пожар. И давно забытые детские страхи шквалом ворвались в душу Песенки. Теперь она отчетливо слышала запах беды. Вбежала в дом, закрыла дверь на крючок и плотнее задернула оконные занавески. И уже в ушах гудел огонь, трещали и падали прогоревшие бревна и от едкого дыма было нечем дышать.

— Мама, что случилось?

Голос проснувшегося сына вернул ее к действительности. В избе было темно и тихо, и в этой тишине удары готового вырваться из груди сердца и шум крови в ушах заглушали волчий вой и лай собак за окном.

— Мама.

— Все хорошо, сыночек, все хорошо. Ты спи и ничего не бойся. А я скоро вернусь, — и выбежала из дома, схватив на ходу со своей кровати новенькое, купленное недавно покрывало.

Она знала, что горит дом лесника, и он там, в доме. Песенка бежала по ночному лесу наугад, спотыкалась и падала, подхватывала упавшее покрывало, поднималась и снова бежала, забыв о своей хромой ноге, не чувствуя, как хлещут по лицу ветви кустов. Где-то здесь должна быть тропинка, по которой ходил лесник, но в темноте ничего не было видно. Искать некогда.

С каждым шагом усиливающийся запах дыма привел ее к дому. Через открытое окно уже были видны языки пламени. Смочив у колодца покрывало, она набросила его на себя и побежала к двери. Но дверь была закрыта изнутри. Во дворе стояла колода, на которой лесник колол дрова, большая и тяжелая, но выбора не было. Песенка с трудом подкатила колоду, плотнее замоталась мокрым покрывалом и влезла в окно.

Она никогда не была в этом доме и не знала, где искать в дыму и огне кровать, на которой, скорее всего, и лежал пьяный лесник. И все-таки нашла. Обожженными и немеющими от тяжести руками, она подтащила расслабленное тело мужчины к окну, взвалила его на подоконник и столкнула на землю. Чтобы вылезть самой, сил уже не осталось. За спиной ревел огонь, как в детстве, когда горел их новый дом, но тогда ее спасла мама, выбросив через окно. Кто же спасет ее теперь? Страха не было, только усталость во всем теле с головы до ног. Грохота пожара тоже не стало. Тишина и покой. И в этой тишине Песенка скорее почувствовала, чем услышала голос, такой знакомый, такой родной:

— Верочка, что же ты стоишь? Прыгай.

— Не могу, нет сил.

— Ты сильная, Верочка, ты можешь все.

— Не могу.

— Прыгай!

В одно мгновение все вернулось: и пожар, и силы. И она выпрыгнула из окна, оставив за собой полыхающую горечь своего детства и падающие стены одиночества лесника.

* * *

Языки пламени взлетали выше верхушек сосен, освещая лес и людей, тушивших пожар. Одни растаскивали горящие бревна, другие заливали огонь водой из колодца, спасая уже лес, а не догоравший дом.

Светало. Песенка с лесником сидели под деревом, прислонившись к широкому, теплому стволу, и молча смотрели на то, что осталось от дома. Тесно прижавшись к леснику, лежал, вздрагивая, перепуганный щенок.

Люди, убедившись, что лесу беда не грозит, неторопливо расходились по домам, в полголоса обмениваясь редкими фразами о том, каким чудом лесник и Песенка остались живыми и невредимыми.

— Спасибо, что спасла меня.

— Волки твои тебя спасли, им спасибо говори.

— А ты как здесь оказалась?

— Ты вчера за молоком не пришел.

И, с трудом поднимаясь с земли, добавила:

— Пошли, там сын один в доме.

— Песенка, как зовут-то тебя?

— Песенкой и зовут.

— А мама тебя как звала?

— Верочкой.

Лесник смотрел на Верочку, на ее обгоревшее платье, растрепанные волосы, обожженные руки, вымазанное копотью лицо, на котором светились усталые глаза. Ему вдруг показалось, что он видит ее первый раз. Он улыбнулся тоже, кажется, впервые за много лет то ли ей, то ли родившимся в душе желаниям.

— Верочка, значит. Вера. А я Федор.

— Знаю. Пошли, Федор, пора.

А чуть поодаль, за деревьями стояла волчица и смотрела, как мирно лежал у ног человека ее волчонок.

Мать тихонько подала голос. Детеныш услышал, поднялся и пошел в ее сторону.

— Бурый, ты где?

Щенок остановился. Он смотрел то в сторону леса, где стояла его мать, то на человека.

— Эй, Бурый, за мной.

И щенок побежал, догоняя людей.

Она сделала для него все, что смогла. Волчица еще немного постояла, провожая их глазами, и понеслась вглубь леса навстречу свежему ветру и своей волчьей жизни.

В рассветной тишине лес смотрел, как уходят люди, оставляя свое сгоревшее прошлое, едва передвигая уставшие ноги, поддерживая друг друга. За ними бежал щенок, радуясь, что, наконец, все закончилось, и теперь его точно накормят.

Начинался новый день.

НИКИТА НАЙДЕНОВ

Сов падение

Игра сов
(игра слов)

Упала на п*о*л ночь.
Полночь.

Ни голо-
сов,
ни сов —
голо.

Камыш, камыш, камыш, камыш, ка — мышка.

Вдруг —
сов рать
(чтоб совсем
не соврать
сов семь)!

Нападение?
Совпадение?
Сов падение?

Мышь —
в камыш,
а коза, лось —
в рощу.

Оказалось
проще:
Поздно ночью совья рать,
когда спят русалки,
летит на озеро играть
в салки.

Нева

Снится в ванне
Ване, Ване, Ване, Ва — Нева:

В Неве сом —
невесом.
В Неве лик —
невелик.
В Неве дом —
неведом.
Невы дымка —
невидимка.
На берегах Невы —
не вы.
Увы.

Ива, синева,
иваси, Нева.

* * *

Желая умиротворенья,
Мишка умер от варенья.
Любил малиновую
медь,
но ведь
мед-
ведь
по своей сути с сотворенья
есть должен мед —
варенье сот —
так пусть и ест он
сот варенье.

Италия

Терзалась Наталия,
гадала: «И та ли я?
Есть ум, есть и талия,
ну и так далее...
Что ж надо Виталию?»

В Италию.

* * *

Лампочки и цоколи
щелкали и цокали.

Акало и окало
все вокруг и около.

* * *

— Крокодилы — язва Нила.
— Ты читала?
— Я звонила.
— Как в Египте Наде, Ване?
— Они дома на диване.

* * *

Напрочь сбрил себе Икар усы,
чтоб летать, как телеграммы.
Только не взлетят «Икарусы»:
им мешают в теле граммы.

Паранойя

— Потоп! Потоп!
— Потоп?
— Потоп!
— Потопотопо…
Пот и топот.
Капли в купели, на копья и купы
Паводок на выводок.

Брал Ной
по одной
паре
каждой твари
в свой ковчег,
где очаг и ночлег.

Пару северных оленей
для грядущих поколений.
Пару белок, пару зайцев
для иных цивилизаций.

Пару видов диназавров,
пару птиц для красной книги,
что забудутся до завтра,
как история из nihil.

Пару шимпанзе, гориллы,
пару змеек ядовитых,
чтобы люди говорили
о происхожденьи видов.

Всем есть пара: и сорокам,
и слонам, и носорогам,
пара тиграм, львам, медведям,
пара бурым, пара белым.

Капли с неба — тверже меди,
прям не дождь, а парабеллум.

— Осторожно: звери закрываются.

Есть вторая половина
у дельфина и павлина,
у ежа и у пингвина,
у кита и бабуина.

Только где же пара Ноя?
Пара Ноя — паранойя.

Кар навал

Сидит ворона, кар и кар.
А мне вот слышится: «Икар!»
Ну разве это кара? Вай!
Когда сто свеч и каравай?!

Для ритма худшая из кар — бас.
У лучше уходить на карбас.
А на прилавках «Каракум»,
а я читаю: Кара — кум.

На море просто кара — мель —
больному зубу карамель.
Но худшая из всех кар — течь,
когда пробила дно картечь.

МАРА РУСОВА

Сонюшка

Рассказ

Зареченск... Городков и местечек с таким незатейливым названием на бескрайних просторах Российской империи было, пожалуй, не менее десятка. И похожи эти городки были не только названием.

В каждом из них самая длинная и благоустроенная — центральная улица. В центре ее расположена церковь, а на приличествующем расстоянии заведение, соперничающее с ней (и весьма успешно!) в борьбе за души людей, — кабак. Между ними тянутся лавочки, главной достопримечательностью которых, особенно в изнуряюще жаркий летний день, является сам хозяин, обычно украшенный окладистой бородой и внушительных размеров брюхом.

На других улицах достопримечательностей нет. Они разбегаются от центральной, подчиняясь прихотям местного ландшафта. Домики то приближаются, то отдаляются, отстраняясь друг от друга пустырями с репейником. И каждый — словно визитная карточка своего хозяина. Вот тщательно выкрашенный крепыш, отгороженный от улицы железными воротами. Он не хуже генеалогического дерева рассказывает о нескольких поколениях хозяйственных, прижимистых, знающих себе цену мужиков.

А вот в конце улицы хлопает на ветру покосившейся ставней домик-бедолага, скрипит, жалуясь на своего бестолкового хозяина давно уже некрашеная, висящая на одной петле, калитка.

Неглавные улицы обычно пустынны. Люди собираются на них редко: по большим праздникам, на свадьбы да на похороны. А в обычный день проковыляет по улице сгорбленная, но все еще проворная старушка или промчится пацаненок. Да поздно вечером, натыкаясь на деревья и заборы, бредет домой хозяин дома-недосмотрыша, оглашая окрестности самым неистребимым наследием татаро-монгольского нашествия и возмущая местных блюстителей порядка — дворняг.

Были такие «зареченски» и в Беларуси. С поправкой на местный колорит — за каждым домом большое картофельное поле. А в центре — православная церковь и костел.

Вот на одной из улиц небольшого белорусского местечка произошло самое обычное и самое величайшее событие — появился на свет Человек. Родился шестой ребенок в небогатой еврейской семье.

Отцу, местному счетоводу, было уже под шестьдесят, и он не мог в полной мере порадоваться дочери-малышке, тяжело заболел еще до ее появления на свет.

Он стеснялся своего позднего отцовства. И так как уже не мог вставать с кровати, то все просил подержать на руках Сонюшку. Смотрел на нее и тихо шептал-напевал еврейские песни. И когда жена забирала у него дочку кормить, лицо его было мокрым от слез.

Едва девочке исполнилось три месяца, отец навсегда покинул родной дом. Когда неказистый гроб вынесли из дома, двор огласился дружными воплями горя и изумления: таким неожиданно маленьким показался этот последний приют человека, давшего миру шестерых детей. Он лежал в нем спокойный, примиренный. И лишь на кладбище, у самой могилы почудилось, что он досадливо поморщился, когда жена и старшие дочери снова истошно запричитали. Лишь Сонюшка молчала, тараща глазенки.

После смерти кормильца семья сразу обеднела. Взрослые дети устроились на работу. А главным человеком в доме стала малышка. Несмотря на скудость, она росла толстушкой — ей всегда оставляли лучший кусок. Она всегда и всем улыбалась, а как только встала на свои толстые ножки, тут же начала неутомимо бегать. Она почти не плакала, не боялась посторонних. Розовощекая, черноглазая, с густым облачком черных, вьющихся волос, она радовала глаз. Детское очарование спасло ее от участи других членов семьи. Когда начинались погромы, и на улице появлялись Булак-Балаховские черносотенцы, сопровождаемые женскими криками и предсмертными хрипами, какая-нибудь из соседок забегала в дом, хватала Сонюшку в охапку и, прикрыв ей лицо передником, уносила к себе.

Когда девочке исполнилось десять лет, из большой семьи в живых остались только она, мать да и одна из старших сестер, которая потеряла рассудок, когда на ее глазах зарубили двух младших братьев.

В доме навсегда поселилось горе. Разбитое окно угрожающе-печально сверкало трещинами-ранами, стол чернел обгорелым углом. Табуретки, сбитые кое-как, для прочности были перевязаны старыми поясами от утерянных нарядных платьев. На веранде в выбитых окошечках без устали свистел ветер.

Изменились и живущие в нем. Мать постарела, поседела, опустилась. Длинные седые пряди ниспадали на лицо, цепляясь за поношенную кофту. Она не меняла старую юбку, у которой отпоролся подол. И, не замечая этого, она каждый день мела им дорогу к кладбищу. Дети соседей со страхом смотрели ей вслед, она казалась им Бабой-Ягой. Женщины провожали ее взглядами, кто с сочувствием, кто с осуждением.

На кладбище она подолгу стояла у пяти могил, неухоженных, но трогательно заросших лесной земляникой. Празднично белела она в начале лета, трагически краснела капельками ягод-кровинок в середине июня и листьями цвета засохшей крови — осенью.

Часто мать брала с собой Сонюшку. Ее розовое личико тускнело по мере приближения к кладбищу. Она испуганно оглядывалась назад и прижималась к матери, пока та неподвижно стояла у могил. Окаменевшее выражение ее лица не менялось. Сонюшка скучала и шла собирать цветочки, наблюдала за жучками. И только, когда устав и проголодавшись, она начинала потихоньку хныкать, мать приходила в себя и с такой же безучастностью возвращалась домой.

Чем дальше они уходили от кладбища, тем веселее становилась Сонюшка. Дома она не унывала никогда. Ее смех и лепет преображали и заросший бурьяном двор, и изуродованный горем дом. Счастливая девчушка обладала удивительной способностью находить удовольствие в самом своем существовании. Ей не нужны были игрушки, она развлекала себя незатейливыми рисунками на песке, беседой с залетевшей во двор птичкой или пойманным жучком. А когда зимой приходилось целыми днями сидеть дома, она играла с посудой, жалела разбитое зеркало, ссорилась с табуреткой, о которую ударилась. Рисовала пальчиком на стекле. Или часами шептала или напевала о чем-то сестре, которая непрерывно покачивалась, заглушая неутихающую боль.

Сонюшка подросла и пошла в школу. Учеба давалась ей тяжело, но и в школе она стала всеобщей любимицей. Сначала однокашницы, беспощадные вдвойне, как дети и как женщины, издевались над Сонюшкой, высмеивали ее полноту, неповоротливость, тугодумие. Но она совершенно не умела обижаться. Даже когда ее пихали и она падала, то покорно вставала, отряхивала платье и через минуту, готова была играть с обидчицей.

К ней, несмотря на забавную внешность, не прилипло ни одно обидное прозвище. Даже учителя называли ее, как дома — Сонюшка. Самый строгий из них снисходительно выслушивал ее беспомощное лепетание и, заметив капельки пота, покрывающие от напряжения пухленький лобик, махал рукой и ставил удовлетворительную оценку.

И в пятнадцать, и в шестнадцать лет она продолжала оставаться ребенком. Ровесницы с готовностью доверяли ей свои сердечные тайны, не видя в ней соперницу. А собственное простодушие и наивность избавили ее от любовных страданий и от мужского внимания. Приятельницы искренне готовы были помочь ей, стараясь придать ее детской мордашке привлекательность: делали прически из ее тяжелых роскошных волос, дарили ей какую-нибудь вышедшую из моды пелеринку или бантик.

Эти вещи из другой жизни, где были праздники и люди привыкли радоваться, преображали Сонюшку дома. Она казалась красавицей рядом с матерью, которая лет десять носила одну и ту же кофту, облезлую и вытянувшуюся. И рядом с сестрой, безобразно располневшей, никогда не снимавшей одного и того же выцветшего платья. Она не соглашалась надевать никакую другую одежду, словно остатками женского чутья понимала, что лучшая одежда еще сильнее подчеркнет безобразие ее тела и печать постоянного страдания на лице.

Сестра давно уже ни на мгновение не могла отвести взгляда от того ужасного, что лишило ее рассудка, и больше ничего не замечала: ни первых победоносно-праздничных лучей весеннего солнца, которые заливали их убогую комнатку, ни полных света дней лета, когда кажется, что в мире есть только счастье и радость — нормальное состояние мира.

Не меняли ее состояния и золотисто-красные цвета осени, когда природа с торжественной роскошью украшает себя перед закланием холоду и мраку. Безумная, она жила вне времени, вне желаний и надежд. И только голосок Сонюшки мог ненадолго заставить ее очнуться от жуткого небытия.

А еще ощущение реальности возвращалось к ней, когда с улицы доносился шум. Она вскакивала, с ужасом оглядывалась, пыталась спрятаться и потом долго не могла успокоиться... Зная об этом, в дом давно уже не заходили люди.

Слабеющая день ото дня мать все чаще целый день проводила в постели, поднимаясь только для того, чтобы накормить дочерей.

Она уже не жила, а ждала, ждала, когда можно будет пристроить Сонюшку, понимая, что без нее наивная, совершенно беззащитная девушка-ребенок может стать жертвой любого несчастья или первого встречного негодяя.

Она поспешила сосватать Сонюшку как можно раньше. Жениха подобрали подходящего, очень похожего на Сонюшку, полноватого, покладистого Бориса, единственного мальчика в многодетной семье. Он тоже был любимцем и баловнем матери и семи сестер. В свои двадцать лет он, как и Сонюшка, остался почти ребенком. Сходство между ними и показалось родным гарантией счастливого брака. Будущие родственники к согласию пришли сразу, но с Сонюшкой мать долго не решалась заговорить о свадьбе. Когда же, наконец, сказала, дочка выслушала ее с недоумением и горько расплакалась. И только

долгие уговоры, обещание нового платья и угощений помогли добиться от нее нескольких слов, похожих на согласие.

Поспешили со сговором. Познакомили молодых, посадив их рядом. Борис с откровенным интересом рассматривал невесту, Сонюшка ни разу не подняла глаз. Они не сказали друг другу ни слова.

Второй раз они встретились уже на свадьбе. К круглому румяному личику Сонюшки очень шла фата, она стала похожа на пуни — ангелочка со старинных голландских полотен. А Борис в новом необмятом костюме казался засунутым в картонную коробку.

На свадьбе, казалось, они так и не заметили друг друга. Жених много и жадно ел, Соня, стесняясь посторонних людей, ковырялась в тарелке. Их наивный детский вид удерживал гостей от обычных пошлых шуток и криков: «Горько!»

А когда их повели к комнате, где они должны были остаться одни, Сонюшка заупрямилась, бросилась к матери, и ее пришлось едва ли не силой заводить в комнату.

Что происходило дальше, так никто и не узнал. Соня при расспросах краснела и убегала. Борис злился. Но, вероятнее всего, они скрывали не какие-то интимные проблемы, а тот забавный факт, что, утомленные, они проспали рядом крепко, сладко и невинно, как дети.

Свадьба почти ничего не поменяла в их жизни. Соня весь день проводила у своих, а Борис — в конторе, где его устроили на службу, которую он ненавидел: беспомощный, наивный, болезненно самолюбивый, он был объектом издевательств и насмешек своих беспощадных коллег.

Утром Сонюшка, посидев со свекровью, которая со снисходительной улыбкой слушала ее бесхитростные рассказы и время от времени поглаживала по крепенькому плечику со словами: «Вот, слава Богу, слава Богу», не уставая благодарить судьбу за добродушную, бесхитростную невестку, убегала к матери и сестре.

Мать Сонюшки после ее свадьбы уже не вставала с постели. Так и умерла под Сонюшкино лепетание, напугав ее своей неподвижностью и безучастностью.

На крик и плач Сони сбежались соседи. Похоронили несчастную, как дело сделали, отдав земле задержавшееся на ее поверхности тело. Старики завидовали такой легкой смерти, Соня безутешно, по-детски громко плакала. Сестру, поначалу напуганную собравшимися в доме людьми, с трудом успокоили. И она продолжила все так же непрерывно раскачиваться, словно читая вечную молитву.

Теперь Соня ежедневно приходила домой, чтобы заботиться о сестре. По вечерам она возвращалась в дом мужа. Когда с работы приходил Борис, Соня мрачнела, замыкалась и в супружескую спальню шла с явной неохотой. Проходили месяц за месяцем, минул год, другой. Свекровь с нетерпением приглядывалась к Сониной фигурке, но крепенькая талия ее не менялась.

У нее стали возникать сомнения, может быть, молодые по своей наивности и неопытности не исполняют супружеские обязанности. Свекровь попробовала расспросить Соню, но та краснела и отворачивалась. Наконец, пролепетала, что Борис постоянно требует от нее «должного», чего она старается избежать, тогда Борис сердится и настойчиво добивается своего.

Доверие к цветущему виду Сонюшки было у женщины так велико, что она повела к врачу сына. Местный фельдшер лечил и женщин, и мужчин, принимал роды, избавлял от нежелательного плода. Через его приемную прошли все жители местечка. Именно ему доверяли постыдные тайны,

порочные желания, семейные проблемы. И не только потому, что он умел хранить любые секреты, но и потому, что глубокая старость и кожная болезнь покрыли его лицо и руки темно-серыми пятнами, придавая ему сходство с валуном, покрытым мхом за тысячелетия своей неподвижности. Это сходство не столько обезображивало его, сколько отчуждало от мира людей, вызывая у его пациентов благоговейный трепет, который внушали простым смертным колдуны и шаманы много сотен лет назад, когда еще люди не научились прятаться от природы.

Его обезображенные руки казались невесомыми, когда касались душевных и физических ран. Сотни принятых им и столько же убитых в утробе матерей жизней сделали его бесстрастным мудрецом.

Старый врач остался с Борисом наедине. Мать он позвал не скоро. Сочувственно вздохнув, он сказал женщине, что ее сын так и не стал до конца мужчиной и детей у него никогда не будет. Мир огласился жалобными причитаниями женщины, которая потеряла надежду на продолжение своего рода. Мать долго плакала, призывала проклятия на свою голову, на голову сына, упрекала Бога. Когда она, наконец, успокоилась, то попросила врача скрывать эту горькую семейную тайну.

Но, увы, тайна недолго оставалась тайной. Вероятно, она сама поделилась с кем-то своим горем. И через неделю вся улица судачила о бесплодии Бориса.

Скоро и Сонюшка узнала об этом, хотя от нее этот секрет скрывали тщательнее всего. Эту «новость» по-детски косноязычно пересказал ей один из малышей, с которыми она постоянно возилась на улице. Наслушавшись пересудов старших и немногое поняв из этих разговоров, малыш решил получить разъяснения от Сонюшки.

Бедняжка бросилась с расспросами к свекрови, которая от неожиданности не сумела соврать. Молодая женщина разрыдалась, а когда Борис вернулся с работы, и они с Сонюшкой остались одни в своей комнате за тонкой дощатой перегородкой, близкие впервые услышали, как кричит Сонюшка. Борис пытался что-то не очень уверенно возражать, потом тоже закричал и выскочил из комнаты, остервенело хлопнув дверью так, что со стенки посыпались фотографии и звоном разбитых стекол завершили симфонию семейной драмы.

Борис долго сидел на сундуке под дверью, огрызаясь на расспросы домашних. И осмелился вернуться в комнату лишь когда там стало настолько тихо, что нельзя было понять, есть в ней кто-нибудь или нет.

После этого вечера отношения между молодыми супругами разладились совершенно. Соня часто оставалась ночевать в своем доме с сестрой, Борис задерживался на работе, иногда заходил посидеть в кабаке, но пить у него не получалось: на следующее утро он мучился рвотой и головной болью. И чаще всего вечерами он сидел с матерью и ныл, ныл, упрекая во всем ее. Если же случалось, что молодые спали вместе, свекровь до полуночи усердно молилась, словно уговаривала Бога.

А жизнь продолжалась, влекомая в своем безостановочном движении к тому, что становилось будущим. Мгновения, часы, дни и ночи протекали, как песок, сквозь пальцы задумавшегося человека, незаметно, усыпляя бдительность людей, завораживая их и заставляя забыть о конечности любого бытия. И только большая радость или большое горе, как придорожный столб, отмечали пройденный путь, заставляя людей оглядываться: «Господи, сколько же пройдено, — а сколько осталось?»

Однажды исчезла Сонюшкина сестра. Двадцать без малого лет просидела она на продавленной ее грузным телом кровати, ни разу не уходила со двора.

А этим весенним утром Соня прибежала в родной дом, загремела посудой, рассказывая обычные новости. И вдруг испуганно обернулась — комната была пуста. Она бросилась во двор. Пусто. Соня истошно стала звать ее. Но прибежали только соседки, тоже изумившиеся случившимся.

Несчастную нашли дней через десять, совершенно случайно, недалеко от городка, в лесу. Она лежала мертвой на лесной поляне у ручейка. Вокруг ее безобразно толстого тела цвели яркие лесные цветы. Высоко в голубом небе качали своими тяжеловесными кронами медноствольные сосны. Непрерывно журчавший ручеек напевал о красоте и гармонии мира. Казалось, что к бедняге неожиданно вернулся рассудок. И она ушла искать именно такой чудесный уголок мира, осознавая, что его придется сменить на последнее, очень темное и очень тесное убежище.

На похоронах несчастного существа было несколько человек. Соня горько плакала. За ее спиной перешептывались: «Радоваться надо... только обуза была... да разве она жила...» А Соня безутешно рыдала, ее никак не могли успокоить.

Борис уговорил жену переехать в ее опустевший дом. Он хотел избавиться от опеки матери, поиграть во взрослого и взялся приводить хозяйство в порядок. Поправил, как сумел, покосившиеся двери, вставил стекла, которые после сильного ветра опять выпали. Но больше всего времени у него уходило на то, чтобы стоять на крыльце с молотком в руках, здороваться с соседями, с удовольствием слушая их замечания: «Э-э, смотрите. Борька хозяйничает».

Тем временем вдалеке от тихого городка происходили исторические катаклизмы: шла война, свершались перевороты, называя себя революциями, перетасовывая и скидывая в отбой судьбы тысяч людей. Менялись идеалы, правительство, мода. Но до Зареченска, затерявшегося среди полесских болот, доносилось лишь едва слышное эхо перемен.

Новая власть — советская — заявила о себе возвращением в местечко, в родные места Яськи, троюродного Сониного брата. Юнцом он побузил, был сослан и пропал лет на десять. И вот появился теперь — в кожаных штанах при огромном, болтающемся ниже пояса и вызывающем неприличные ассоциации, маузере в деревянной кобуре.

Он очень изменился, зарос бородой, раздался в плечах, испугал родных чужим, совершенно бесстрастным лицом. В нем невозможно было узнать мальчика с черными густыми кудрями и блестящими миндалевидными глазами, напарника детских игр Сонечки.

С недоверием слушали земляки его разглагольствования о новой всемогущей власти, которая скоро построит мир одинаково справедливым и для сытых, и для голодных.

Яська сам себя назначил на главную должность. Явился в управу, размахивая маузером, и занял освобожденный перепуганными чиновниками кабинет. К нему покорно стали приходить с просьбами, за бумажкой с печатью. И с кем бы он ни разговаривал, сразу клал перед собой на стол длинноствольный маузер и не убирал с него руку, наводя панический ужас на собеседника.

Перемены, которые он олицетворял, горожане приняли, как и все остальные за последнее тысячелетие, почти безропотно. Убежденность Яськи, Якова Моисеевича, во всемогуществе новой власти была так велика и страстна, что заражала — особенно молодых, — как инфекционное заболевание. Его окружили помощники, тоже с готовностью размахивающие оружием.

Единственным человеком в городке, кроме матери, с кем представитель новой власти поддерживал неслужебные отношения, была Соня. Он заходил к ней попить чаю, вспоминал детство, шутил над ее полнотой, разыгрывал ее,

посмеиваясь над ее наивностью. Борис подобострастно раскланивался с влиятельным родственником, который не скрывал своего презрения к нему. Однако устроил на важную должность на единственном в местечке заводике.

Борис тут же переменился. Стал ходить медленно, вразвалочку, губы брюзгливо отвисли, потолстел и от этого посолиднел.

Убежденность в собственной значимости так и перла из него. Он не был так страшен, как Яков, но уже не был, как прежде, забавен. Теперь все с ним почтительно раскланивались, вчерашние насмешники говорили ему: «Вы». Ведь на заводике работало большинство мужчин, и теперь все они зависели от Бориса.

Соня тоже менялась, но только внешне: очень поправилась. Ее это старило. Но в остальном она оставалась прежней, почти ребенком, наивным, непосредственным. С утра ее дом заполняли малыши родственников и соседей. Детвора обожала ее, как любимую игрушку, с которой трудно расстаться, но которую можно бросить, ударить, забыть на какое-то время. Они обращались с ней довольно бесцеремонно. Но Сонюшка терпела от них все, и они благодарили ее искренней и пылкой любовью.

А Бориса дети раздражали. Он не решался об этом говорить жене, а старался возвращаться домой попозже, просиживая вечера иногда у матери, а нередко в кабаке, где, так и не научившись пить, проводил время в нравоучительных беседах, благо внимательная аудитория теперь окружала его мгновенно.

Впрочем, супруги были, пожалуй, вполне счастливы, только каждый по-своему. Они ненадолго сходились по вечерам на широком, почти квадратном супружеском ложе. Языкастые соседки порой любили погадать о том, что происходило между ними на этом ложе: между женщиной-ребенком и мужчиной-подростком. Но это была тайна, известная лишь им двоим.

А по утрам каждый возвращался к своей жизни, полной маленьких, но надежных радостей.

Новая власть и порядки, установленные ей, стали казаться незыблемыми. И когда люди привыкли к ним и научились подстраиваться, снова начались перемены. Яков Моисеевич, бывший Яська, неожиданно и необъяснимо исчез.

Приехали из центра люди и зашли к нему в кабинет. Они были очень похожи на него и бесстрастным выражением лиц, и кожаными плащами, и тем, что они тоже были при оружии, но не в деревянных неказистых кобурах, а в кожаных, с заклепками. Яська уехал вместе с ними и исчез навсегда.

Его кабинет занял другой, незнакомый никому человек, но в жизни городка ничего не изменилось. Горожане обеспокоенно посудачили да и забыли о Яське. Но для Бориса произошедшее стало роковым. Его сняли с должности. Он сразу стал незаметным, съеживался с испуганным взглядом, встречая знакомых. Над ним снова стали подсмеиваться, но он, в сущности, оказался единственным человеком, который подсознательно предчувствовал те трагические перемены, которые скоро обрушились на местечко, страну, эпоху.

Незнакомые люди вдруг стали появляться в Зареченске регулярно. Они приезжали в крытой грузовой машине, заходили то к одному, то к другому начальнику или просто заметному жителю городка. И те уезжали с ними и больше не возвращались. И никто ничего не мог узнать об их дальнейшей судьбе. Вскоре стало ясно, что ни положение, ни авторитет, ни обладание властью — ничто не защищало от таинственных посетителей и необъяснимого исчезновения. Люди стали жить в страхе. Борис казался воплощением этого страха. Бледный и напряженный, он просиживал рабочий день за конторским столом, прислушивался к каждому звуку. А по вечерам не выходил из дома.

Соня не замечала перемен в муже, ее жизнь, наполненная чужими детьми, их радостями, болячками, их теплыми ладошками, мягкими щечками, была по-прежнему счастливой. Несмотря на двойной подбородок, очень портивший ее, тяжелую походку, она оставалась прежней, относясь к миру со снисходительностью ребенка, готового всегда в мечтах, снах или в фантазиях изменить все к лучшему.

Сонюшка была совершенно равнодушна к себе и своей внешности, и это избавляло ее от мелочных переживаний, которые так терзают женщин.

Борис иногда поругивал ее за неаккуратность, за плохо приготовленную пищу, стыдил за безобразно растянутую кофту, за заляпанный подол платья. Но Соня не замечала мужа. Изредка они ужасно ссорились, скандалили. Непривычно было слышать громкий голос Сонюшки. Соседи, невольные свидетели семейных ссор, недоумевали: ну почему Борис не ладит со своей кроткой женой?

Возвращение на прежнюю, ничтожную должность доставило самолюбию Бориса безграничные страдания. Бывшие подчиненные с мелочным усердием провинциалов, чья жизнь не богата событиями, мстили ему за недавнее, как они считали, незаслуженное возвышение. Борис не умел достойно противостоять этому. Раздражение, обиду он срывал на Соне, которая не могла простить ему неспособности дать ей самое главное, единственное, что могло сделать ее счастливой — ребенка. И они озлобленно винили друг друга в своих несчастьях.

Родственники, близкие, радостно суетившиеся на их свадьбе, теперь с изумлением и даже обидой вздыхали: «Счастья нет, детей нет, а ведь так подходили друг другу. Кто знал, кто знал...»

На родной улице Соню все любили. Молодые мамаши, прибегая к ней забирать малышей, приносили то пирожков, то капусты, то яиц, то залежавшийся в сундуке платок или отрез. Они-то и заставляли сменить ее износившийся наряд, приготовить что-нибудь на ужин для Бориса.

Жизнь Сонюшки, редко выходившей за пределы своего двора и не соприкасавшейся с внешним миром, была полна событий и содержания. То лягушка запрыгнет в комнату, вызвав восторженный визг малышей, то выхаживают воробушка с подбитым крылышком. То затеют красить яйца к пасхе или печь мацу — все в шелухе, в муке, все смеются друг над другом.

Бытие Бориса было тоскливым, полным неудовлетворенности, презрения к людям, которые не видели его очевидных достоинств.

А эпоха шла предначертанным (Господи, кем же?) путем. Из громкоговорителя, украшавшего столб возле давно закрытого костела, все реже звучала бравурная музыка. А все чаще — слова, самым распространенным из которых стало Сталин. Правда, в обычной повседневной жизни городка почти ничего не менялось. По праздникам, теперь уже советским, улицы заполнялись нарядными, искренне счастливыми людьми: женщины были рады возможности надеть свои лучшие наряды, почувствовать себя красивыми. Мужчины — дополнительной возможности выпить.

Но раз за разом по улицам городка мелькал, как видение, как жуткий призрак, крытый грузовик, увозивший знакомых и близких. Чувство страха и недоумения не покидало души людей.

Особенно стало страшно, когда увезли начальника завода. Он покорно сел в машину и исчез, а дверь его дома не открывалась, и никто не отвечал на робкий стук, и никто не видел его жену и дочь-подростка.

Девочка пришла в магазин через три дня, неузнаваемо бледная, и в ответ на сочувствие и расспросы только плакала и закрывала лицо руками.

Не меньший ужас вызвал увоз (ни у кого не поворачивался язык сказать: арест) местной достопримечательности — чудака-химика.

Человек лет шестидесяти, потомок старинного шляхетского рода, некогда негласных владельцев края, был одним из тех чудаков, кто украшает мир, как елочная игрушка, яркая, заметная, но, по сути, бесполезная.

Лет тридцать назад он окончил столичный университет. Вернулся в Зареченск. Остатки состояния предков растратил на химическое оборудование и реактивы. И заперся в небольшом каменном доме делать великое открытие, увлеченно что-то смешивая и сливая. Он не обратил внимания даже на то, что отобрали имение, принадлежавшее его предкам. Он часами мешал порошки, жидкости, суспензии и радовался, как ребенок, если в пробирке менялся цвет или выпадал осадок. Нередко, скуки ради, к нему заходили местные мужчины поудивляться вместе. Но в лаборатории долго никто не выдерживал: в ней был отвратительный запах, от которого слезились глаза и першило в горле. Совершенно непонятно было, почему этого не чувствовал сам химик. Тощий, в прожженной одежде, с разноцветными пятнами ожогов на руках, исследователь был вечным предметом насмешек и все-таки тайной гордости зареченцев: нигде такого нет. Он был самым безобидным существом на свете и вряд ли вообще знал, при какой власти живет. И его увезли ночью, и лишь двое случайных свидетелей видели, как его сажали в машину, а он растерянно оглядывался, поблескивая очками.

А недели через две машина появилась снова. Ранним осенним утром. Сначала подъехала к дому старого врача. Из-за резко ухудшившегося зрения он перестал работать и с самого утра усаживался на лавочку у своего дома, подставляя солнцу обезображенное экземой лицо, казавшееся олицетворением абсолютной мудрости. С ним почтительно здоровались все проходившие мимо. Он ведь извлек из тесной утробы матери почти всех жителей городка, заставил сделать первый вздох и видел их в чем мать родила.

Опустевшая после исчезновения старика скамейка вселила в души людей ужас. Никто, даже те, кому это полагалось по их положению, не знали, когда и за кем приедет страшная машина.

А страшный грузовик появлялся снова и снова. И вот однажды он снова подъехал к конторе завода. Средь бела дня. Вывели старика — бухгалтера, молодого мастера, заметного в городке бурными отношениями со своей красавицей женой и бледного, едва переставляющего ноги Бориса.

Потом грузовик, распугивая людей на улицах, подъехал к дому каждого из них. У старика взяли несколько книг. В доме мастера приход чужих страшных людей сопровождал такой детский рев, что они там не задержались.

А у Бориса их с детским удивлением встретила Сонюшка. Пришедшие сдернули с кровати постельное белье, вывернули на пол банки с крупой и приказали Соне собираться. Бедняжка стояла перед ними, как испуганный ребенок, прижав ладони к лицу. Тогда самый молодой из пришедших бросил на пол покрывало и стал скидывать на него какие-то кофты, одеяла, подушки. С этим узлом и подвели к грузовику и долго не могли подсадить ее, тяжелую, толстую, беспомощную. Перевалившись через бортик, она рухнула прямо к ногам мужа.

Через несколько недель эшелон, полный таких же несчастных, увозил их в неизвестность. Соня и Борис неузнаваемо изменились и стали похожи друг на друга и на сотни таких же людей с изможденными лицами, затравленными взглядами. Соня поседела, похудела, выглядела старухой.

Они прошли загадочный путь исчезновения других людей. Три месяца в скотном вагоне, переполненном плачущими детьми, страдающими стариками, испуганными женщинами.

Через несколько дней пути один из стариков умер. Он лежал на полу, удобно вытянувшись, совершенно равнодушный к страданиям окруживших его людей, отнимая пространство у живых в переполненном вагоне.

Около него на коленях стояла жена и, мерно раскачиваясь под перестук колес, читала молитвы. А Борис, заглушая ее голос причитаниями, завидовал умершему, пока на него не прикрикнули.

Совершенно измученных и сломленных, их привезли в далекий городок. Там их расселили по домам местных жителей. Соне и Борису дали адрес. Это оказался низкий крепкий домик. На их робкий стук дверь открыл высокий с лохматой, никогда не стриженной бородой, старик-раскольник. Он мучительно долго рассматривал их, замерзших, испуганных, виновато опустивших голову. Борис взялся было объясняться. Но старик пригласил их в дом, теплый и полный запахов сытости и благополучия.

Он провел их в маленький закуточек, одной из стен которого была печь. Там стояла огромная деревянная, навечно сколоченная кровать. Вместо двери — веселые ситцевые занавески. Было тепло, даже жарко. Они сели рядом на кровать, опустили голову и заплакали.

Бориса взяли на работу в одну из заготконтор. Он стал получать паек. И жизнь вопреки или наперекор страхам и ожиданиям стала налаживаться. В первый же день, как они поселились, из-за пестренькой занавесочки выглянула толстенькая мордашка двухлетнего мальчугана, внука хозяина, и через день его уже было невозможно оторвать от Сонюшки. С утра Соня улыбками, гримасами или гостинцем заманивала его к себе в закуток. И весь день оттуда доносился смех малыша.

Однажды вечером хозяин, чинно поздоровавшись, зашел к Соне. Поговорил за жизнь и оставил на столе связку мороженой рыбы, еще через несколько дней зашел, посмотрел на внука, сладко посапывающего под Сониным платком, помялся и достал откуда-то из рукава завернутый в чистую цветастую тряпочку толстый ломоть зазывно розовеющего сала.

И то, что Соня приняла это сало, и они с Борисом его съели, окончательно сблизило староверов с постояльцами. Хозяйка, отстряпав, приходила к Соне погулять, то есть поболтать. Сама Соня говорила мало, да и о чем ей было рассказывать. А хозяйка была рада возможности выговориться: плакалась на суровый нрав своего старика. С гордостью вспоминала предков, вдохновенно говорила о твердости их веры. С увлеченностью сильного человека, привыкшего к борьбе и постоянным испытаниям, рассказывала о суровых законах тайги, о хитрости и беспощадности зверя, о медведях-шатунах, в голодной ярости сдиравших кожу со лба человека, чтобы прикрыть ему глаза, и пожиравших его с каким-то мистическим остервенением. Рассказывала о беглых каторжниках, которые в своей осознанной жестокости были намного страшнее самого голодного зверя.

Борис не любил и побаивался хозяев. Если они заходили при нем, он с серьезным видом шуршал какими-то бумагами, демонстративно кашляя, вот, мол, мешают серьезному человеку делом заниматься.

Иногда сам хозяин засиживался с Сонюшкой. Его истории, немногословные, сдержанные, она слушала с детской жадностью, полуоткрыв рот. На глаза этой немолодой женщины набегали слезы. Старик, вдохновленный ее вниманием, превращался в поэта, находил неожиданно для себя выразительные слова.

Сонюшку полюбили и здесь. Благодаря поддержке хозяев и пайку Бориса они жили вполне сносно, иные из переселенцев готовы были им позавидовать. Но Борис, как всегда, постоянно жаловался и ныл. Он относился к

жизни, как избалованный, капризный ребенок. Требовал от всех особого к себе отношения, подарков, приятных сюрпризов, и если не получал желаемого, то обижался.

А Сонюшка была счастлива рядом с малышом, который заполнял ее жизнь. Бог добросовестно выполнял свою главную обязанность по отношению к таким, как Соня, — защищать и оберегать нищих духом.

Но то ли нет все-таки Бога, то ли великодушие его не безгранично, то ли он не слишком добросовестно относится к своим обязанностям, как и простые смертные, но когда люди привыкли к тому, что жизнь их налажена навсегда, неожиданно начались беды.

Осенью, как только окреп лед, прихвативший местную реку, по ней, как по дороге, люди с бесстрастными лицами увезли в райцентр старика-раскольника. От зареченских призраков их отличало только то, что они были в тулупах, а не в кожаных плащах. Волками смотрели на приехавших сын и зять старика, в голос выли мать и дочь. Громко всхлипывали Сонюшка и малыш, крепко вцепившийся в ее юбку.

А дней через десять местные власти забрали у них все зерно, объявив, что идет война, и армии нужен хлеб. Амбар остался стоять с открытыми воротами, словно ртом, распахнутым воплем отчаянья.

Через день в комнатку Сони и Бориса вошла хозяйка, опухшая от слез. Она долго причитала: «Добытчика нашего, кормильца, деда моего пристрелили, пристрелили, как собаку. Не смирился он, дикий человек, плюнул в лицо какому-то начальнику, так они его на месте и убили. Как мы без него проживем, чем кормиться будем?»

Борис, напуганный арестом и расстрелом хозяина, договорился со своим начальством, и им с Соней выделили отдельный опустевший дом.

Он был огромный, промерзший, неподготовленный к зиме и вскоре стал для них ловушкой: дров не было, и они страшно мерзли. По утрам Борис впрягался в небольшие сани и тянул их в лес. Не умея действовать топором, он набирал охапку хвороста, который весело, шумно и быстро сгорал в огромной прожорливой печи, не нагревая ее. И снова становилось беспощадно, по-сибирски холодно, когда, кажется, что промерзшие кости тянут остатки тепла из плоти, их окружавшей. Борис вышагивал по холодной избе, ругаясь и проклиная всех и все. Пытался ломать на дрова старую, но изумительно крепкую, навечно сделанную мебель.

Если он не хотел снова идти за дровами, Соня молча натягивала на себя старое пальто, впрягалась в сани сама. И лишь тогда Борис брел за ней, злобно ругаясь...

К рождеству в городке начался голод, столь беспощадный, что люди перестали замечать друг друга.

За следующие месяцы маленький староверец, любимец Сони, превратился в синеватый скелетик, целыми днями он лежал у печки, даже плакать у него не было сил. Он перестал узнавать Соню, приносившую ему припрятанные от Бориса жалкие угощения.

Улицы городка опустели. В домах стояла тишина. Безучастно наблюдали ослабевшие люди за страданиями своих близких. Испокон веков жители этих краев привыкли к сытой, благополучной жизни и тяжело переносили испытания голодом. По вечерам не светились окна, люди рано ложились в постели, храня тепло ослабевших тел.

Борис стал засиживаться на работе: там было теплее. Там же съедал почти весь свой паек, не в силах бороться с голодом и, оправдывая себя тем, что Соня толстая и собственных запасов хватит ей надолго.

Она же целыми днями просиживала у печи, подкладывая в ненасытное пламя хворостинку за хворостинкой, смотрела на огонь, стараясь насладиться теплом. Радовалась отсутствию мужа. Ела она очень мало, но как это бывает с полными людьми, почти не худела. И это вызывало злобное раздражение у некоторых из соседей, убежденных, что они смогли припрятать продукты.

Когда ей удавалось обхитрить Бориса или ценой еще одного голодного вечера сэкономить пару сухарей, Соня спешила к знакомому дому, сжимая в варежке гостинец.

Но в конце зимы бедный малыш умер. Его коротенькие торопливые похороны были ужасны. Ни звука не сопровождало скорбную процессию. Молчали мать, отец, даже бабка, которая брела за гробочком, едва переставляя отечные ноги. И только Соня плакала у могилки, размазывая слезы по грязному лицу.

После смерти мальчонки она перестала выходить из дома. Целыми днями лежала она, накинув на себя одежду, которую собирала по всему дому, пыталась топить печку щепками да ветками или хламьем с чердака. От недоедания ноги Сони распухли, она не могла надеть даже безобразно разношенные бесформенные ботинки мужа.

Как не оттягивал Борис свое возвращение домой, оставаться ночевать на работе ему не разрешали. Поздно вечером, испуганно озираясь, он брел по темным и жутко тихим улицам. Как только рассветало, он, намерзшись за ночь, впрягался в ненавистные санки и брел за дровами. С каждым днем приходилось идти все дальше и дальше в лес, потому что на опушке были обломаны ветки на высоту человеческого роста. Он привозил на санях связку хвороста и многословно объяснял Соне, как надо жечь его, чтобы хватило надолго, но привезенным согреться было невозможно. Соня выбиралась из-под груды тряпок, садилась у печи. И когда отблеск пламени окрашивал в красновато-розовые цвета ее щеки, что-то похожее на ту прежнюю детскую жизнерадостную улыбку трогало ее губы.

В обессиленном голодом и горем городке о таких, как они, чужаках, забыли. Переселенцы были самыми обреченными из обреченных. У них не было здесь ни близких, ни родных, у них здесь не было прошлого. И казалось, теперь ни у кого из них не могло быть здесь будущего. Неисчислимое множество людей превратилось в заложников огромного, безликого чудовища, порой не знающего, ради чего оно требует и принимает эти жуткие жертвы. Чудовища, имя которому — государство.

В начале марта, когда появились первые, самые робкие и ненадежные признаки весны, и в душах людей стала воскресать надежда, вдруг начался жуткий буран. Обычное для этих мест явление, но на этот раз буран затянулся более чем на неделю. Когда, наконец, ветер затих, и снежная пелена осела, стало видно, что заметены все дороги. Дом Сони и Бориса совершенно вымерз за это время. Борис не мог ходить на работу. Целыми днями они лежали, прижавшись друг к другу, почти не разговаривая. Иногда Борис, порой не в силах выносить тишину, громко молился, выпрашивая у Бога милости себе. В доме не осталось ничего деревянного кроме кровати, да пары табуретов, даже ставни Борис отодрал и сжег.

Когда погода наладилась, он с радостью впрягся в сани и побрел в лес, утопая в снегу. Вернулся нескоро, уставший, весь в снегу, но довольный, с горой наломанных ветром ветвей.

С радостью сидел он перед весело потрескивавшей печью и был в прекрасном настроении. Завтра его ждала теплая контора, сытный паек. Жизнь продолжится, страхи, нанесенные бурей, растают под лучами солнца.

Но к утру следующего дня Борис изнемогал в жару, бредил, бормоча что-то со злобой. Вечером напуганная Соня привела местную знахарку. Неутомимая старушка переходила из дома в дом с мешочками трав и старинными заговорами и была единственной, если можно так сказать, медицинской помощью, в той части городка, где жили переселенцы. Старушка ощупала Бориса и, печально покачав головой, долго что-то шептала над ним.

К вечеру Борис затих, мокрый от пота. Соня испуганно тормошила его, плакала, упрекала, но он был безучастен. Когда рассвело, Соня выбежала на улицу, метнулась к одному дому, другому. Безжизненно темнели окна. Над крышами домов блестели крупные звезды, единственные свидетели ее беспомощности, обещая тихую морозную ночь.

По осунувшемуся до неузнаваемости лицу Бориса стекали редкие капли пота. Это был единственный признак жизни. Бедная женщина зарыдала от безысходности. Когда она устала от слез, то прилегла рядом с мужем.

Когда лучи солнца достигли окна и приласкали их лица, она решительно поднялась. С трудом натянула на ноги ботинки. Потом накрутила на себя всю теплую одежду, что можно было найти в доме. Сверху — пальто, поверх него — растрепанную безрукавку из овчины, которую нашла на чердаке.

Потом втянула в дом многострадальные дровяные санки, выстелила их тряпками, перетащила на них Бориса и укрывала его до тех пор, пока он не превратился в бесформенную кучу. Сверху она водрузила на него матрас, на котором они спали. Голову Бориса тщательно обернула полотенцами. На нос пристроила очки — без них Борис совсем плохо видел — и старательно закрепила их шнурком. Потом Сонюшка впряглась в разлохмаченные веревочные постромки, вытянула сани из дома, со двора и потянула их по дороге, уже разъезженной машинами. Бедняжка не совсем хорошо понимала, куда она идет. Ей представлялся недолгий путь, в конце которого она увидит светлую больницу с добрыми врачами, там спасут ее мужа. Еще ей представлялся двор, полный счастливых детских мордашек. Много весенних цветов, которые в ее воображении вырастали прямо на снегу. И там ей будет наконец-то тепло и не так страшно.

Никто из соседей не видел ее ухода: люди, ослабевшие от голода, подолгу не покидали постелей. Может быть, какая-нибудь сердобольная душа остановила бы ее.

Сначала санки показались ей непомерно тяжелыми, и она испугалась. Постромки давили на плечи даже сквозь толщу одежды. Мороз стальными обручами обхватил лицо. Первое время Соня поминутно оглядывалась, не упал ли Борис с саней. Но платок при этом сбивался, обнажая ухо, которое начинало мерзнуть, а руки, чтобы поправить его, было очень трудно поднимать, и она перестала оборачиваться.

Но с каждым шагом идти становилось легче, отступали тревога и беспокойство, затихала боль в плечах. Навстречу величественно, неспешно продвигались деревья, укутанные в роскошные снеговые шубы, заставляя любоваться своим первозданным величием. По дороге шла ровная, укатанная колея, и по ней санки скользили легко. Соне казалось, что еще немного усилий, и из-за поворота появится сверкающая снежной белизной больница.

Через час надежды и мысли — все заменила усталость. Ей становилось все холоднее и холоднее, ноги она почти перестала чувствовать. Она пробовала идти быстрее, крикнула несколько раз что-то ободряющее Борису.

Еще через полчаса она стала понимать, что дальше идти не сможет. Она впервые подумала о том, что не знает дороги. Остановилась, решив, что

разумнее было бы вернуться. Но, постояв, она тут же перестала ориентироваться и понимать, в каком направлении ей теперь надо идти.

И вдруг совершенную тишину зимнего леса — деревья стояли неподвижно в своих нарядах и казались узорами на оконном стекле — стал заполнять скрип полозьев. Соня сначала испугалась неожиданного звука и постаралась идти быстрее.

Через какое-то время ее нагнал очень высокий молодой человек, бодро шагающий длинными ногами рядом со своими санями.

Покрытые инеем борода, усы и брови делали его похожим на сказочного Деда Мороза. Он окликнул Сонюшку, участливо заглянул ей в лицо и стал расспрашивать о цели ее пути. Заплетающимся от усталости языком она объяснила, куда и зачем идет. Неожиданный попутчик укоризненно покачал головой.

Он подошел к Борису, наклонился над ним, и Соне показалось, что поговорил с ним. Вернувшись, он предложил ей пересесть в его санки, а на ее вопрос, как же Борис, ответил, что надо поспешить. Сонюшка подошла, заглянула в лицо мужа, он казался глубоко спящим, ему не мешал даже снег, залепивший его очки. «Согрелся», — с облегчением подумала Соня и согласилась забраться в сани незнакомца.

Молодой человек набрал в жесткую, грубой вязки, варежку снега и стал растирать ее лицо. Соня сначала испуганно сопротивлялась, потом, почувствовав непреодолимую усталость, уступила. Хорошенько укрыв ее, человек зацепил ее санки за свои. Стегнул лошадь, и деревья с невероятной быстротой стали проноситься мимо них.

Но и при такой скорости спасительное жилье все так и не появлялось. Соня стала невыносимо мерзнуть. Холод пробирался все глубже и глубже через толщу одежды. Она дрожала, но стеснялась сказать попутчику о своем состоянии. Он и так то и дело оглядывался на нее и погонял лошадь.

Ее начал бить озноб, и трясло ее так сильно, что она впервые почувствовала, какое большое у нее тело. Молодой человек остановил лошадь, подошел к Борису, забрал у него матрас, пальто и всем этим накрыл Соню.

И то, что Борис не пошевелился, не возмутился, не захотел сам перейти в сани, заставило ее тревожиться. «Наверно, ему совсем плохо», — решила она.

Озноб сменился жаром. Соне было все хуже, кружилась голова. Деревья затеяли непрерывный хоровод вокруг дороги, и ей было непонятно, почему в такой неожиданно жаркий день снег на них не тает.

Они добрались до крошечной, в несколько дворов, деревушки. Соня была уже почти без сознания, когда ее стали снимать с саней. Ее случайному попутчику пришлось отдать весь свой запас махорки, чтобы уговорить старого бобыля, единственного, кто открыл на его стук дверь, пустить их в дом.

Как во сне, бедная женщина осознавала, что ее внесли в дом, раздели и уложили на топчан у горячей печи. В тепле она ненадолго пришла в себя: ей показалось, что она в той спасительной больнице.

Сквозь беленькие шторки на чистенькие половички лил солнечный свет. Но Бориса рядом не было. Она пошевелилась, пытаясь подняться. Подошел ее попутчик, сказал, что ей надо отдыхать. А когда она спросила о Борисе, он ответил, что его отвезли в больницу.

Соня облегченно кивнула головой, но когда снова закрыла глаза и отчетливо вспомнила неподвижное лицо мужа со сдвинутыми набок очками, серыми губами и с нетающим снегом на щеках, то явственно поняла: он умер еще тогда, в дороге. Ей стало невыносимо тяжело на душе, и она поняла, что тоже умирает. И, примиренная, приняла это. Перед ее внутренним взором пронеслось

все, что она знала о смерти. Вспомнила мать, высокую, статную в черном платье на похоронах отца, сестру, безобразно выпирающую из дешевого гроба, маленького старовера, неузнаваемо худенького.

Она испытала к этим ушедшим от нее людям, и даже к Борису, непреодолимо сладостное чувство нежности и единения. И с готовностью отдалась уносящему ее потоку.

На следующий день сердобольный попутчик и бобыль, приютивший их, матеря и Бога, и черта, крошили ломами мерзлую землю, часто останавливаясь от усталости. Они сложили в неглубокую яму два тела. Борис пролежал сутки в дровяном складе, прикрытый бревнами от волков. Закидали несчастных комьями мерзлой земли, сверху воткнули связанный из веток крест.

Исчезли еще два человека из миллиарда-миллиардов, исчезли, как горсть праха под беспощадными колесами поступательного движения мира. Движения куда?

ВИКА ТРЕНАС

Словом трепетным стать

* * *

Ты из рода гламурных девчонок с распахнутой настежь душою,
и на это печаль лишь причиной, Христос воскрешенный,
ну и всякое прочее, впрочем, должна же быть мера,
ты росток того райского сада, но грешный, ты вера
избавленья от дум, ты причал, ты отчаянье, эхо
пролетевших событий и кары Господней за это,
и распятая ветром разгневанным на перепутье
дорог, ты кричишь в никуда: не забудьте меня
не забудьте

* * *

Опьянев от печали, поэт любовался собой
он весенним дождем все страницы чужие листал
ты становишься болью тобою становится боль
чтоб понять: в глубине его глаз пустота
чтоб запомнить пустые движенья разбитой души
чтоб найти, где в глубинах ее исчезает зима
где волшебные сны не стремятся тебя задушить
и куда ты гостей по желанью впускаешь сама

Вкус отчаянья

Ощутить вкус необычайного отчаянья
от метких выстрелов рифмами в тишину
и утратить желание тронуть тебя за руку
и захлебнуться чувством непоправимой утраты
в гнездах моей души
подрастают птенчики стихов
пора стать взрослыми и оставить
пристанище хромой любви
я не торговка, чтобы сводить счеты с жизнью
на скомканной бумажке своей судьбы
но так долго я не стояла на одном месте никогда
но никому я не смотрела в глаза так долго

Посттриолет

Чудовище с печальными глазами
тоску свою узрело за окном
от скуки следует лечиться сном
чудовище с печальными глазами
на дне озер наполненных вином
таится трезвость с горькими слезами
чудовище с печальными глазами
тоску свою узрело за окном

Воспоминания о лете

Встали деревья вдоль местных дорог
словно подростки с серьезными лицами
ссорятся с ветром, тусуются с птицами
ждут долгожданных небесных даров
теплый веселый стремительный дождь
встретит объятьями пыльные листья их
и неизвестно: мне раны зализывать
или от дождика прятаться в дом

* * *

Найди меня среди вещей забытых
слепи меня из всех несчастий быта
и я приду, и смолкнет все вокруг
и я приду, и вновь замкнется круг
но как понять, как в темноте не спутать
хозяин ты или такой же путник

* * *

В отчаяньи ломаю крылья
зачем их ангелу растить
ведь к дьяволу или могиле
и так нетрудно доползти
очнувшись от душевной раны
приснись мне в предрассветной мгле
где нашим крыльям утром ранним
навек остаться на земле

Баллада о битом стекле

Ты заставлял ходить по битому стеклу
и я почти без боязни ступала
как человек глаза от страха жмурит
так дом заброшенный зажмурил окна

за воздух ты приказывал держаться
перед собой выталкивал с балкона
презрение твои кривило губы
и я пошла от боли зубы сжав

блеск упоенья в суженых зрачках
в них отразилось и мое молчанье
и перевернутое небо
и птица в нем
и вверх корнями тополь
я помню
страшно мне
ведь это был не сон

* * *

Будь боязливым, мне лентой глаза завяжи,
Будь осторожным и раны мои не трогай.
Будто по лезвию, шла я небесной дорогой,
Птицам бросая стихи, как частицы души

В их опустевшие, в их разоренные гнезда.
Бог да простит тебя, я же тебя не прощаю,
Высохшей ниве я горсть своих слез обещаю.
Шла среди звезд — только лезвия это, не звезды,

Там, где ты встретишь, тебя никогда не встречают,
Где позовешь ты, молчаньем тебе отвечают.

* * *

Буду речкой, той, что течет назад,
буду словом, но слово это сказать
ты не сможешь — уста онемели

сердце билось в окошко моей души,
журавлям отлетающим надо спешить —
ибо следом приходят метели

как приятно теперь быть безмолвной рекой,
подо льдом сознавать тишину и покой —
засыпая в морозной постели

как приятно теперь словом трепетным стать
и стихи свои в памяти перелистать,
что тебя удержать не сумели

Перевод с белорусского Геннадия АВЛАСЕНКО.

БОРИС КРИВЕЛЕВИЧ

Это было в Мордовии

Рассказы

Сборы

Было это в Мордовии, вдали от крупных культурных центров, посреди бескрайних хлебных полей, неподалеку от столичного города Саранска.

Мы, слушатели университетской военной кафедры, должны были, прежде чем нам присвоят офицерское звание, пройти армейские сборы. Воинская часть, офицерскому персоналу которой было поручено исполнение этой задачи, была дислоцирована в Мордовии. Всех нас переодели в новую солдатскую форму и каждому выдали погоны рядовых. Был, правда, среди нас один мужичок, по имени Семен, который, будучи на несколько лет старше остальных, успел до поступления в университет отслужить срочную и получить звание старшего сержанта. Но он не хотел нами командовать и поэтому, зная, что местным отцам-командирам лень будет копаться в личных делах, попросил никому не говорить о том, что он уже служил в армии и тоже нацепил погоны рядового.

Воинская часть, в которой проходили наши сборы, была расположена неподалеку от небольшой мордовской деревни, состоящей из двух-трех десятков крытых соломой приземистых крестьянских домов. Между частью и деревней, прямо через поле, пролегла широкая тропа. Тропу эту протоптали солдаты, которые бегали по ночам в самоволку, находя у большегрудых мордовских девушек, всегда готовых угостить военного кружкой самогона и согреть его истосковавшуюся по ласке военную душу своим девичьим теплом, не только искреннее понимание насущных солдатских проблем, но и готовность оказать бескорыстную помощь в их разрешении. Вокруг колосились бескрайние мордовские поля, которые, словно аллея просторную парковую лужайку, рассекала бесконечно-прямая грунтовая дорога, густо обсаженная деревьями.

Наша солдатская жизнь шла скучновато. В самоволки мы не ходили. Сборы длились один месяц, и за этот срок мы не успевали настолько соскучиться по женской ласке, чтобы кинуться в гостеприимные объятия местных красавиц. Днем мы уходили за пределы территории части, легко проникая сквозь дырявый забор из колючей проволоки, и играли в карты, уютно расположившись среди густых ржаных колосьев. Офицерам, опечению которых мы были верны, это нравилось, поскольку, мешаясь у них под ногами в помещении пункта наведения, мы нарушали ритм жизни удаленной «точки».

Если нам надоедали карты и мы оставались на территории части, нас все равно всячески старались выпроводить за забор. Даже суточные наряды — дежурство по кухне или заступление в караул — были для нас своего рода развлечением, поскольку они хоть как-то разнообразили наше монотонное существование.

Места в казармах для нас не нашлось, поэтому жили мы в больших брезентовых палатках, расставленных между довольно высокими насыпями, на которых были установлены вертушки радиолокационных станций и качели высотомеров.

Солдаты срочной службы, отбывавшие в этой части воинскую повинность, тоже скучали. Конечно, самоволки и шашлыки из диких степных голубей, пойманных на чердаке казармы, скрашивали солдатский быт. Но не настолько, чтобы заставить их не искать других развлечений.

В народе широко известен самодеятельный жанр солдатских шуток. Тех шуток, которые требуют для своей реализации наличия некого объекта, терпеливого и безответного. Таким вот объектом солдатских шуток стал один из новобранцев, крупный, неуклюжий и добродушный. Он производил странное впечатление. Казался беззащитным и безобидным. А скорее всего, не просто казался, а именно таким и был. Однако, странным образом, те, кто пытался шутить над ним, сами зачастую оказывались в неловком положении.

Так, как-то раз, желая позабавиться, сержант послал его к командиру части за получением личного оружия. Зная крутой нрав командира, сержант рассчитывал, что тот, даже не пытаясь ни в чем разобраться, накричит на солдата и с позором выгонит из штаба.

Но когда Гриша (новобранца звали Гришей) громко, как учил сержант, постучав десять раз в дверь командирского кабинета, подошел строевым шагом, держа у виска руку в бравом воинском приветствии, к командирскому столу и, четко выговаривая слова, громким голосом доложил, что явился за получением личного оружия, командир части, уже открывший было рот для того, чтобы заорать, что являются не солдаты, а привидения, и что с каких это пор привидения ходят к нему требовать личное оружие, которое полагается только офицерам, вдруг задумался, посмотрел внимательно в честные Гришины глаза и спросил его ласковым голосом:

— Скажи-ка, кто это тебя ко мне послал?

Выслушав искренний ответ ничего не подозревающего Гриши, он еще более ласковым голосом произнес:

— Иди, скажи ему, твоему сержанту, пусть зайдет быстренько ко мне...

И, секунду помолчав, добавил:

— Сразу на всех получит.

Некоторое разнообразие в нашу жизнь внес и выезд в подшефный колхоз на уборку корнеплодов. Специально по такому поводу сняли с консервации один из автомобилей, не использовавшихся в повседневной жизни, но стоящих, на случай объявления боевой тревоги, в состоянии готовности.

Сначала все шло неплохо. Проехав километров пятнадцать, мы оказались на колхозном поле, где уже работала полеводческая бригада, почти целиком состоящая из молодых женщин. Работа в компании женщин, окруживших нас своим вниманием, и сопровождающаяся незамысловатыми народными шутками, шла быстро, весело. Раньше мы и подумать не могли, что пребывание человека в военном коллективе делает для него столь приятным общение со всеми, без разбора, представительницами слабого пола.

Потом нас кормили обедом. После солдатского пайка гороховый суп с мясом показался чрезвычайно вкусным. Колхозницы заботливо подливали нам добавки. Еще и еще. После обеда работать мы были уже неспособны. С трудом перевалились через борт кузова и тронулись в обратный путь.

Но полностью насладиться прелестями жизни в тот день нам было не суждено. Не доехав до части десяти километров, машина встала. И завести

ее никакими способами не удавалось. Случись такое в какой-нибудь гражданской организации, способы борьбы с последствиями поломки могли бы быть разными и, наверное, потребовали бы некоторых раздумий. А тут проблема была решена по-военному просто. Последовала команда выйти всем из машины и, уперевшись как следует, катить ее по дороге. Так что через каких-нибудь три часа мы уже закатили нашу машину в ворота части. Жаль было только испорченных воспоминаний о вкусном колхозном супе.

Запомнился и охотничий пес, еще щенок, очень породистый, которого кто-то из солдат украл в деревне, во время самоволки, у заезжего охотника. Пес был всеобщим любимцем, но жалко было смотреть, как породистая собака превращается в дворнягу, болтаясь целый день по территории части и выпрашивая подачки. Мы решили, в свою очередь, стащить щенка. И, когда сборы закончились, ночью, перед отъездом из части, мы втроем — я, Семен и Серега Антонов, с которым мы вместе тренировались в городской альпинистской секции «Буревестника», отчаянный парень из небольшого владимирского городка Вязники, отправились «на дело». Это потом, когда он уже заведовал кафедрой в университете, Серега стал важным и толстым. А тогда, пока мы с Семеном лежали «на стреме» в неглубокой канаве, он проник через маленькое окно на охраняемый часовым объект и забрал щенка. Благо, что тот уже хорошо знал нас и не гавкал, а только вилял хвостом. Вывезли мы пса за пределы части в большом пустом чемодане, а потом Семен отвез его в свои родные Вятские Поляны.

Когда мы после каникул пришли в университет, на доске объявлений деканата висел список организаций, на работу в которые нас должны были распределять. Мы с интересом прочитали этот список и лишь потом в самом конце увидели заголовок: Министерство Обороны. Там значилось десять фамилий. Это были фамилии тех, кого призывают на службу в Армию. Была в этом списке и моя фамилия.

Университетский диплом мне выдали только после того, как я сдал свой паспорт сотрудникам военкомата.

Укрощение дедов

Офицерскую форму мне выдали не сразу. Не оказалось на воинском складе нужных размеров. Поэтому первые десять дней моей лейтенантской службы прошли в курилке возле казармы. Просто некуда было деваться больше. Единственное место, где был навес от дождя и скамейки.

Вот и сидел я целыми днями в этой курилке, а солдаты приходили покурить, поинтересоваться, кто я такой и почему сижу здесь целый день. Заводили со мной ни к чему не обязывающий треп, обсуждали друг с другом свои солдатские проблемы, пересыпая речь крутым матерком. Думаю, если бы командир части был хоть немного умнее, он отправил бы меня куда-нибудь и не заставлял бы болтаться целыми днями в гражданской одежде на территории части. Ведь пока я разгуливал в штатском, было нелепо требовать от солдат соблюдения субординации. Я оставался для них сугубо штатским парнем, вчерашним студентом. И даже впоследствии, уже переодевшись в офицерский мундир, я все равно не мог рассчитывать на то, что отношение солдат ко мне быстро изменится. Мне пришлось начинать даже не с нуля, а с того уровня, до которого успел опуститься мой авторитет. Пока я, болтая с ними в курилке, ждал поступления формы на склад, солдаты успели почувствовать

себя ровней со мной. Я в их глазах стал фигурой слабой, не обладающей ни силой, ни авторитетом, а потому беззащитной. А солдатская среда, как знает каждый, кто служил в армии, это среда жесткая, беспощадная, не прощающая слабости тем, кто, хотя бы однажды, не смог за себя постоять.

Но настал, наконец, желанный миг и вскоре после того, как мне выдали форму, меня назначили в суточный наряд помощником дежурного по части. Помощник дежурного — не офицерская должность, однако для того, чтобы меня можно было в дальнейшем назначать дежурным по части, нужно было, чтобы я сходил в наряд вместе с опытным офицером. Чтобы посмотрел, что и как нужно делать, какие документы оформлять, кому докладывать.

Согласно приказу командира части, помощнику дежурного разрешалось ночью спать два часа: с 2 до 4 часов. Поэтому я в два часа ночи пошел в казарму, выбрал свободную койку и лег на нее, сняв предварительно сапоги. Почти сразу стал засыпать. И вдруг, сквозь полудрему, увидел, как некая серая тень, бесшумно приблизившись ко мне, наклонилась над тем местом, где стояли снятые мной сапоги, и так же бесшумно удалилась. Все произошло так, что я даже подумал было, что мне это приснилось. Однако, пересилив себя, поднялся и, сев на кровати, стал натягивать сапоги. Но сапоги на мои ноги не налезали. И тут я сообразил, что тень, склонившаяся над моими сапогами, мне не приснилась.

Мои офицерские хромовые сапоги, сорок третьего размера, были подменены другими, поношенными солдатскими кирзачами, размера, примерно, тридцать пятого. Это была типично солдатская шутка, рассчитанная на то, что я буду смущаться, постесняюсь поднимать шум, не захочу выглядеть смешным, стану просить, чтобы мне вернули офицерские сапоги. Однако шутники просчитались.

Я разозлился, вышел прямо так, как был, в галифе и босиком, к тумбочке дневального, наорал на того, позвонил в штаб дежурному по части и сообщил ему, что у меня, прямо в казарме, в то время, как я, находясь на дежурстве, в соответствии с приказом командира отдыхал там, украли сапоги.

Дежурный по казарме и дневальный, поняв, что дело принимает неприятный для них оборот, засуетились. Откуда-то из дальнего угла казармы прибежал полусонный солдатик и принес мои сапоги. Доложил мне, что нечаянно обнаружил их стоящими в проходе возле стены. На этом инцидент был исчерпан. Ни дневальные, ни дежурный по роте, которые несут ответственность за порядок в казарме, наказания не понесли. Судя по этому, шутка с моими сапогами была проделана с ведома некоторых офицеров штаба. Мне становилось понятно, что подобного рода шутки являются естественными по отношению ко вчерашнему штатскому, пусть даже он надел погоны не по собственной воле.

Активно подключился к моему воспитанию и командир части. Штаб находился на небольшой возвышенности, и из окна своего кабинета командир мог при желании видеть все, что творилось на территории. А если он вооружался биноклем, то от его взгляда вообще никакая мелочь не могла укрыться.

А я поначалу не придавал совсем никакого значения тому, отдал ли мне честь проходящий мимо солдат. Как человек сугубо штатский, наивно полагал, что мне его честь совершенно не нужна. Командир же решил доказать обратное.

Увидев, что солдат не козырнул мне, а я не обратил на это никакого внимания, командир тотчас же вызывал меня к себе в кабинет. Там, поставив меня по стойке «смирно», он орал хорошо отработанным командным голосом, что я, не требуя от солдат отдания чести, грубо нарушаю тем самым

Устав — главный закон воинской службы, непреложное соблюдение которого является главной обязанностью каждого военнослужащего.

И постепенно он добился того, что я обозлился и, чтобы избежать очередной выволочки от него, начал приставать к солдатам с требованием отдавать мне честь. А они уже стали привыкать к тому, что я не обращаю на это никакого внимания, и не хотели уступать, терять обретенную свободу.

Но особенно трудно давались мне попытки призвать к порядку «дедов». «Деды» — это солдаты, у которых уже заканчивается срок службы. Им уже, как это было принято в то время, были назначены «дембельские работы», то есть было дано задание (обычно нужно было что-то построить), после выполнения которого их обещали сразу же отпустить домой. «Дедов» уже пьянил веющий из-за забора части ветер свободы. Они игнорировали утреннюю зарядку, подавая плохой пример остальным солдатам, бродили по части, расстегнув воротники, держа руки в карманах. Их сдерживало только то, что командир части мог, если они его разозлят, существенно отодвинуть день их демобилизации. Конечно, командир на многое закрывал глаза, так как был заинтересован, чтобы дембельские работы были выполнены. Но существовала определенная граница, переходить которую «дедам» все-таки не следовало. И они прекрасно это понимали.

Когда пришла пора в первый раз заступать на самостоятельное дежурство по части, командир вызвал меня к себе на инструктаж и долго втолковывал, что я должен обратить особое внимание на «дедов», что они постоянно ходят в самоволки, приносят в часть алкоголь. Пока что их не удается поймать, но ловить нужно. И если кого-нибудь из них все-таки удастся поймать и примерно наказать, то это окажет благотворное влияние на общее состояние дисциплины.

Дежурство началось спокойно. Я не спешил. Принял документацию, сейф с личным оружием офицеров, заглянул в караульное помещение, в казарму, принял доклады начальника караула, дежурного по казарме, дежурного по столовой, прошелся по территории. Доложил по телефону в штаб армии, что принял дежурство. И стал ждать.

Я был уверен, что «деды» не упустят возможности порезвиться во время первого дежурства офицера, только начинающего службу. Они считали меня малоопытным и безобидным. Однако я только казался безобидным. Внешность бывает обманчива. На самом деле я прошел достаточно суровую школу колымского детства, занимался борьбой и боксом, ходил в горы. Нет, мстительным я никогда не был. Но и обижать себя никогда никому не позволял.

Оказалось, что время, проведенное в курилке, не было потеряно мною впустую. Сидя там без дела и слушая беззаботную трепотню солдат, я поневоле узнал, в частности, как они ходят в самоволки, где они преодолевают забор, каким образом выбираются ночью из казармы и возвращаются обратно.

После полуночи, посадив на свое место, возле телефона, помощника дежурного, я пошел в казарму. На первый взгляд там все было в порядке. Однако по дрогнувшему вдруг взгляду дневального, по нарочито бравому тону его доклада, я понял, что пришел вовремя.

Ощупывать кровати солдат в поисках свернутых из шинели и простыней «кукол» я не стал. Тем более, что самовольщики зачастую, для того, чтобы замести следы, укладывают на свои кровати других солдат, а «кукол» укладывают уже на их места. Так что, проводя поиски, мне пришлось бы будить людей, включать свет в казарме, поднимать шум. Это было бы нежелательно.

Я поступил иначе.

Я просто сделал вид, что поверил дневальному, тихо прошел по коридору, вошел, не включая свет, в учебный класс, в котором обычно проводились политзанятия с личным составом, составил поудобнее у стенки, где находился выключатель, стулья, и расположился там полулежа. Задремал.

Дремать так, вопреки ожиданиям, пришлось недолго, минут сорок. За окном, выходящим в сторону забора, который отделял территорию части от всей остальной территории нашего государства, послышалась какая-то возня. Потом окно почти бесшумно открылось, и в него, по очереди, залезло несколько солдат.

Подождав, пока они закроют за собой окно, я встал и нажал кнопку выключателя. Передо мной, жмурясь от неожиданно вспыхнувшего света, стояли «деды». Они были нетрезвыми и никак не могли сообразить, что происходит, и каким образом я оказался здесь перед ними.

— Знакомые все лица, — сказал я, — и какими же это судьбами занесло сюда таких уважаемых людей?

Они молчали, пытаясь оценить ситуацию.

— Ладно, — сказал я им, — идите спать. Поговорим обо всем этом утром.

Они, окончательно сбитые с толку, молча ушли. А я, теперь уже не выключая свет, расположился на своем прежнем месте и опять задремал. Минут через двадцать входная дверь приоткрылась, и предводитель «дедов», сержант Мартынов, робко протиснулся в класс. Я смотрел на него, ждал, что он скажет. Помявшись какое-то время, он начал:

— Товарищ лейтенант, вы поймите — нам ведь служить осталось всего неделю...

Беседа наша была недолгой, но мы хорошо поняли друг друга.

Командир части, очевидно предвкушая удовольствие, которое он получит, распекая новоиспеченного лейтенанта, приехал в часть рано. Недавно дневальные прокричали подъем, и личный состав вышел на утреннюю зарядку.

— Товарищ полковник! За время дежурства происшествий не было... — начал было я, подойдя к нему строевым шагом, но он меня остановил.

Я с наслаждением смотрел, как у него медленно отвисает челюсть. Взгляд его был устремлен на плац, где в одном строю с солдатиками-первогодками старательно маршировали и выполняли спортивные упражнения отпетые разгильдяи-«деды».

— Так говоришь, все в порядке? Ну что ж, молодец, лейтенант, — выдавил он из себя, оправившись, наконец, от изумления и пошел в сторону штаба.

Я, как и пообещал «дедам», оставил их самоволку без последствий. Просто умолчал об этом происшествии.

Они, в свою очередь, не подводили меня. Беспрекословно выполняли мои приказы, старательно козыряли при встрече, лишая командира части возможности распекать меня.

Дней через десять их демобилизовали. Мы расстались почти друзьями. Они были благодарны мне за то, что я не стал наказывать их за самоволку и дал тем самым возможность вовремя демобилизоваться, а я был благодарен им за то, что они помогли мне избавиться от прессинга, которому подверг меня командир части.

ЮЛИЯ ВАГАНОВА

Весенний блюз

Я верю

Я верю в приметы по-девичьи,
В какие-то там пустяки,
В случайные разные мелочи,
В везение с легкой руки,
В любовь, что целительней мази,
Нас лечит от всякой хандры.
Я верю в священные связи
Людей, и зверей, и травы...
И в самую близкую близость,
И в самую дальнюю даль,
В нежданную Божию милость
И звезд неземную печаль...

Душа поэта

Внезапно повинуясь чувству,
Стремится в синий беспредел,
Бывает жутко в ней и пусто,
Как в склепе среди мертвых тел.
Она такой бывает разной...
Не для того ль она жива,
Чтобы упав однажды наземь,
Вдруг разлететься на слова...

Как научиться мне любви

Как научиться мне любви
Нездешней, неземной,
Не той, что губы жжет твои —
Иной, совсем иной.
Для всех объятых страстью тел
Она — холодный душ,
Она — великий беспредел
Соединенья душ,
Измерен ее хрупкий вес

Не на земных весах,
Она — мой взгляд в глаза небес,
Мой побежденный страх...

Слепая любовь

Любовь... что в мире есть она?
Но нет ответа...
Наверное, полная луна
Ее примета,
И разговоры дотемна,
И до рассвета...
Любовь — суровая зима,
Она же — лето...
Коварный шепот за спиной,
И пересуды,
И в запоздалый час ночной
Мытье посуды...
И наказание мое,
Сродни похмелью,
Бывает, выгонишь ее —
Стоит за дверью...
Заходит в дом, включает свет,
Всегда без спроса,
Одна — сплошной на все ответ,
И знак вопроса...
Прижи́лась чудом среди нас,
За все прощая,
Но, впрочем, у нее нет глаз —
Она слепая...

Весенний блюз

Хочу я попросить у ветра,
Что рвет подолы юных муз,
Исполнить соло в стиле «ретро» —
Какой-нибудь весенний блюз.
Пусть будет звук внезапно новым,
Каким бывает лишь весной,
И мир, в объятьи бестолковом,
Сольется в музыке со мной...
Я сгину в сладостной неволе,
Я задохнусь в его плену,
И тысячу своих любовей
Отдам вдруг за его одну...

На этой земле

Посвящается Кате

На этой земле, дорогая,
Рождаясь, дыша и живя,
Мы время проводим играя,
Мы сами играем в себя...

То ангел, то бес хороводит,
Но в играх случается сбой,
Однажды вдруг время приходит
Душе становиться собой...

Болит... это значит живая,
И любит, и верит в мечты...
На этой земле, дорогая,
Лишь с ней настоящая ты...

Звезда Давида

Памяти моего деда
Давида Пинхасика

Не исчезаешь ты из вида,
Со мною говоришь во сне...
Над головой звезда Давида
Горит в небесной вышине...
Поэзия — моя планида,
Любовь — как сладкое вино,
Меня ведет звезда Давида,
Души просвечивая дно.
Всегда дорога будет видной
И в самой непроглядной тьме,
Ведь надо мной — звезда Давида,
И это все, что нужно мне.

Новое старое имя

Хорошие книги, как и хорошие люди, не всегда переживают дурные, остроумно заметил Генри Филдинг, великий соотечественник и старший по времени, коллега Барбары Пим по профессиональному цеху. Впрочем, едва ли кто рискнет предложить свои объяснения по поводу того, почему так происходит. Ибо порой даже самые убедительные аргументы *pro et contra* не выдерживают никакой критики, особенно, в сопоставлении с таким мерилом для любого произведения искусства, каким является вечность. Ведь подобные вещи, как известно, случаются сплошь и рядом, и не только в литературе. У всех на памяти примеры того, как начисто забыли на пару сотен лет партитуры Иоганна Себастьяна Баха, вычеркнули из музыкальных анналов на те же двести лет имя Антонио Вивальди или случайно обнаружили при разборе руин разрушенной бомбежкой библиотеки произведения Альбинони, чью музыку тоже не исполняли добрых два с половиной столетия.

А потому несколько десятилетий, отделяющих нас от того времени, когда жила и работала Барбара Пим, — это и в самом деле сущий пустяк для истории (в том числе и для истории мировой литературы), который можно с легкостью проигнорировать, разбираясь в творчестве писательницы.

И все же, и все же... Чем больше я размышляю о творчестве Барбары Пим, одна загадка не дает мне покоя. Жили-были две писательницы, практически в одно и то же время. Они писали книги практически на одни и те же темы: весьма локальные сюжеты и весьма типичные психологические медитации о душевных переживаниях своих современниц. Но одна из писательниц (имею в виду Франсуазу Саган) стала почти культовой фигурой не только во Франции, но и во всем мире, самой настоящей героиней гламура и пиара. А вторая, Барбара Пим, довольствовалась скромным успехом лишь у себя на родине и умерла практически в полной безвестности, так и не вкусив великой славы при жизни. Хотя, положа руку на сердце, скажу: читать книги Барбары Пим на языке оригинала — одно удовольствие. Они написаны легким, изящным языком, они остроумны, полны иронии и самоиронии, они даже смешны, как смешной бывает наша обыденная жизнь, особенно, если взглянуть на нее через призму высокого искусства.

Думаю, Барбару Пим можно с полным основанием назвать «наследницей по прямой» еще одной замечательной английской писательницы Джейн Остин. Чьи книги, кстати, тоже пропылились в полном забвении в книжных собраниях и на библиотечных полках почти те же традиционные двести лет (воистину, пробный камень для произведения искусства!), пока дотошные голливудские сценаристы не извлекли их на свет божий и после нескольких

удачных экранизаций не вернули Остин в большую литературу. И это притом, что ее романами в свое время восторгался сам Вальтер Скотт.

Что ж, такие крутые повороты в судьбах мастеров искусства внушают некоторый оптимизм, а потому запомним, так, на всякий случай, новое для нас имя: Барбара Пим. А заодно и несколько фактов из ее биографии.

Барбара Пим (1913—1980) родилась в небольшом провинциальном городке Освестри, графство Шропшир, на самой границе с Уэльсом. Девочка получила превосходное образование в чисто английском стиле. Частная школа, потом Оксфордский университет, где она занималась изучением английской литературы. В годы войны — служба в армии. Конкретно, в королевской женской службе ВВС. После войны Барбара Пим трудилась в Международном институте Африки и даже стала заместителем главного редактора журнала «Африка». Официальным началом ее литературной карьеры, как профессиональной писательницы, принято считать 1950 год, когда был опубликован ее роман «Газель, которую приручили».

Но, подобно французской коллеге, свой первый роман она тоже написала очень рано, в шестнадцать лет, под впечатлением от тогдашнего бестселлера, романа Олдоса Хаксли «Желтый Кром». Правда, на долю творения юной писательницы не выпало того шумного успеха, который сопровождал первый роман восемнадцатилетней Франсуазы Саган под названием «Здравствуй, грусть». Впрочем, как утверждают критики и исследователи творчества Пим, уже в романе, озаглавленном «Молодые люди в маскарадных костюмах», отчетливо проступает все то, что в полной мере раскрылось в ее более поздних произведениях.

Суть уникального дарования Барбары Пим — это умение расцветить заурядную, обыденную жизнь самых обычных, ничем не примечательных людей многоцветием красок и оттенков, сделав свой рассказ интересным и понятным читателю любого уровня образования. Тонкий юмор, остроумные диалоги, такое же остроумное описание мелких деталей скучного быта — чем не современная комедия современных нравов? Вот это и есть квинтессенция того, что ныне английские критики велеречиво именуют «стилем Барбары Пим».

Хотя, повторюсь, при жизни писательница не услышала громких похвал в свой адрес. Книги ее продавались плохо, рукописи, то и дело, возвращались назад к автору, отвергаемые многочисленными издательствами, как явно неходовой товар. И лишь немногие в те годы понимали, что у книг Барбары Пим впереди еще долгая жизнь. Я бы сказала, очень долгая жизнь. Недаром в 1977 году на страницах одного из номеров еженедельного литературного приложения к газете «Таймс» маститые критики тех лет Филипп Ларкин и лорд Дэвид Сесиль дважды охарактеризовали Барбару Пим как «самого недооцененного писателя XX столетия».

Что ж, пришло время платить по старым долгам. Думаю, что предлагаемый читателям «Нёмана» журнальный вариант, пожалуй, одного из лучших романов Барбары Пим «Лекарство от любви», увидевшего свет в 1961 году, — есть наша белорусская лепта в признание ее незаурядных литературных дарований.

Как справедливо написано на английских страничках биографии писательницы в интернете, романы Барбары Пим сверкают на фоне современного литературного ландшафта, как самые настоящие

бриллианты чистейшей воды. И, несмотря на то, что минуло уже более тридцати лет с тех пор, как писательница ушла из жизни, мир, воспроизведенный на страницах ее произведений, по-прежнему легко узнаваем. Он хорошо знаком даже тем из нас, кто никогда не был в Англии и не знаком с провинциальными нравами жителей Альбиона. Ибо это есть, в каком-то смысле, универсальный мир, отмеченный печатью большого и оригинального таланта Барбары Пим, ее любовью к самым обычным людям, каковыми являются в своем большинстве герои ее книг, и ее искренним желанием поделиться своей любовью с нами, ее благодарными читателями, сумевшими, наконец, воздать должное творческому наследию писательницы.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

БАРБАРА ПИМ

Лекарство от любви

Роман

1

Существует множество способов того, как лечить разбитое сердце. Но, пожалуй, самый неожиданный — это отправиться на научную конференцию.

Когда Далси Манаринг наконец поняла, что жених отнюдь не торопится вести ее к венцу, в чем он через какое-то время признался и сам, промямлив нечто маловразумительное насчет того, что недостоин ее и что он один виноват в том, что все так вышло, то в ту минуту она почувствовала, что перед ней разверзлась пропасть. Вот так одномоментно можно стать самым несчастным человеком на свете. Потребовалось несколько месяцев, чтобы вывести себя из состояния глубочайшей депрессии, в которую ее повергло столь неожиданное признание человека, которого, как ей казалось, она даже любила.

Но надо же было как-то выводить себя из этого психологического ступора. А потому, получив приглашение на конференцию, Далси решила, что это именно то, что нужно женщине, которую недавно бросили. В конце концов, это отличная возможность познакомиться с новыми людьми и немного отвлечься от собственных невеселых мыслей, наблюдая за жизнью со стороны. И не столь уж важно, что конференция намечена на выходные и продлится всего лишь два дня. Да и место выбрано совершенно неподходящее для такого мероприятия.

Ибо что может быть забавнее, чем толпа взрослых, причем скорее пожилых, чем молодых людей, без устали снующих по коридорам пансиона закрытой женской школы в Дербишире? А привело их в этот укромный уголок, где на лоне природы обучают будущих леди, всего лишь неуемное желание обсудить всякие скучные научные проблемы, которые абсолютно не волнуют все остальное человечество. Да и сами комнатки, в которые их поселили (к счастью, устроители не додумались разместить участников по дортуарам), так вот, и сами эти крохотные комнатки с двумя одинаково узкими железными кроватями показались ей страшно неподходящей средой для обитания сразу двух человек. По правде говоря, тут и одному развернуться-то негде.

Далси немедленно погрузилась в размышления о том, кого же ей все же подселят на эти два дня и три ночи. Ну, во-первых, это наверняка будет она, а не он! Ведь не додумаются же организаторы конференции подселить к ней мужчину! А это даже интересно — пожить пару дней с незнакомой женщиной, мелькнуло у нее, и, заслышав шаги в коридоре, она мгновенно напряглась, лихорадочно соображая, что именно следует сказать, когда распахнется

дверь. Однако шаги проследовали далее и замерли возле одной из соседних дверей. А что, если пойти и познакомиться с ближайшими соседями самой?

* * *

Конечно же, она совершила непростительную глупость. Виола Дейс поняла это сразу же, как только увидела каморку, в которую ее впихнули. И тут она с ужасом обнаружила, что будет в этой консервной банке не одна. Потому что прямо напротив стояла еще одна кровать, застланная точно таким же покрывалом с точно таким же вафельным рисунком. Итак, ей придется делить эту убогую комнатенку с кем-то еще! Сама мысль об этом показалась ей нестерпимой. Она осторожно приподняла покрывало и увидела, что соседняя кровать пока не заправлена: подушка без наволочки и два серых одеяла. А может быть, и пронесет, подумала она, и к ней никого не подселят. И тогда комната окажется всецело в ее распоряжении. В противном случае придется промучиться целых три ночи. Она достала сигарету и закурила, высунувшись из окна. Внизу рдели пышные кусты георгин, яблони и груши сгибались под тяжестью наливающихся плодов. А дальше, за садом, протянулись сплошной полосой до самых гор бесконечные топи, поросшие вереском. Красиво, ничего не скажешь!

Кто-то тихо постучал в дверь. От неожиданности Виола вздрогнула и сказала почти резко.

— Входите!

Она отвернулась от окна и увидела на пороге высокую женщину, чуть за тридцать. Блондинка, приятное лицо. Женщина была одета в добротный костюм из твида, на ногах — обычные туфли на прямом ходу. Пожалуй, они смотрелись несколько громоздко на ее худых ногах.

Еще немного, мелькнуло у Виолы, и незнакомка рискует превратиться в типичную старую деву, скучную, некрасивую особу, как их обычно изображают в английских романах. Хорошенький контраст с ней самой! Виола словно взглянула на себя со стороны: бледное, даже немного изможденное лицо, рассыпавшиеся в беспорядке темные волосы, черное платье.

— Меня зовут Далси Манаринг, — представилась незнакомка. — Я ваша соседка, вот решила зайти познакомиться, а заодно и пригласить на ужин. Не возражаете?

— С какой стати мне возражать? — довольно неприветливо отреагировала Виола. — Кстати, меня зовут Виола Дейс. А в чем здесь принято ходить на ужин? И вообще, чем тут народ занимается?

— Пока никто ничего толком не знает. Но думаю, что в первый раз можно появиться в том, в чем стоишь. Знаете, это как во время морского круиза на пароходе, который только-только вышел в открытое море. Обычно в первый вечер пассажиры не переодеваются к ужину, предпочитая неформальный стиль. Да и вообще у меня сложилось впечатление, что конференция подобного уровня здесь проводится впервые. И публика очень разношерстная: есть представители религиозных организаций, писатели, работники издательств. Впрочем, все мы в каком-то смысле писатели.

— Пожалуй, вы правы, — согласилась с ней Виола, извлекая из сумочки яркую губную помаду. После чего принялась сосредоточенно накрашивать губы, явно вознамерившись с самого же начала выделиться из общего круга остальных участников, всех этих припорошенных академической пылью научных мужей и дам.

Далси с некоторым интересом наблюдала за процессом: густо напомаженные ярко коралловые губы смотрелись немного неестественно на бледном смуглом лице, но вместе с тем это сразу же бросалось в глаза. Отчего-то Далси почувствовала внутреннее неудовлетворение при мысли о том, что ее собственный макияж слишком уж примитивен и прост.

— Довольно странная идея собрать всех нас вместе, не так ли? — сказала она вслух. — Ведь кто мы есть, в конце концов? Скромные корректоры, редакторы, библиографы. Занимаемся подготовкой справочного аппарата, пишем комментарии и прочую докуку для всяких литературных и научных гениев, которым недосуг заниматься подобной чепухой самим.

«А ведь ей подобное самоуничижение даже доставляет удовольствие», — подумала Виола. Такое впечатление, что ее соседка устала от всего на свете.

— О, нет! Это не про меня! — быстро возразила она. — Я занимаюсь собственными исследованиями. А недавно вот начала писать роман. Я вообще приехала сюда только потому, что среди прочих докладчиков здесь предполагается выступление...

Она вдруг спохватилась и замолчала. Прежняя тоска нахлынула на нее с новой силой. Ну зачем она потащилась в эту глухомань? Чего ради? Конечно же, она совершила просто непозволительную глупость. Да и почтенная мисс Манаринг мало что поймет из ее объяснений. Впрочем, она и не собирается изливать душу этой подсушенной вобле, которой вполне пристало возиться с рубрикаторами, аннотациями, карточками и прочим инструментарием справочного фонда.

— А я занимаюсь составлением картотек и каталогов, — почти весело проговорила Далси, вторя ее собственным мыслям. — Знаете, очень удобно. Потому что можно работать дома. Когда болела мама, это было для меня именно то, что надо. Но и после ее смерти я все никак не решусь перейти на полный рабочий день.

Внизу послышались звуки колокола, созывающего всех на трапезу. Его мелодично печальные раскаты еще более усугубили мрачное настроение Виолы, а последние слова Далси и вовсе настроили ее на похоронный лад.

— Пойдемте вниз! — подвела она черту под их разговором. — Кажется, нас уже приглашают.

Надо во что бы то ни стало, под любым благовидным предлогом, отвязаться от соседки сразу же после ужина, твердо решила Виола.

* * *

Элвин Форбс извлек из чемодана плоскую бутылку, наполненную до половины джином. Она благополучно проделала долгое путешествие из Лондона в эту глухую деревушку в Дербишире среди его пижам и рубашек. Он поставил бутылку на туалетный столик, но соседство с желудочными каплями, таблетками сухих дрожжей и тоником для волос

показалось ему несколько странным. Поскольку в комнате не было ни комода, ни тумбочки, то, пожалуй, бутылке самое место в шифоньере. И, кстати, вполне традиционное, ведь спиртное испокон веков прячут среди белья и одежды. И он туда же. Позор!

Следующая по важности вещь в его багаже — это конспект лекции, с которой ему предстояло выступить на конференции — «Некоторые проблемы редактирования текстов». Бумаги он положил на стул возле кровати.

При более внимательном осмотре комнаты Элвин все же обнаружил небольшой навесной шкафчик над умывальником. Он явно предназначался для лекарств и всяких туалетных мелочей, и бутылка перекочевала из шифоньера туда. Еще вопрос, честная ли здесь обслуга, мелькнуло у него, и услужливое воображение тут же нарисовало ему картину, как горничная утром прикладывается к его бутылке, а потом приступает к уборке комнаты. Но делать нечего, придется рискнуть, размышлял он, перекладывая в шкафчик таблетки и капли. После чего записки перекочевали со стула на туалетный столик, заняв место рядом с расческами и бритвенным прибором. Следом из чемодана был извлечен последний номер литературного журнала, редактором которого он являлся, а также большая фотография в кожаной рамке. Его жена Марджори. Он положил журнал на стул и тут же представил себе, как станет листать его, лежа в постели. Малосимпатичное, наверное, зрелище со стороны. А вот для фотографии места точно не было, и после некоторых колебаний Элвин снова сунул ее в чемодан, захлопнул крышку и задвинул чемодан под кровать. Да и с какой стати она должна красоваться на видном месте, особенно сейчас?

Он слегка приоткрыл дверь и выглянул в длинный коридор, пытаясь определить, где у них тут туалеты. Он уже даже двинулся в одну сторону и сделал несколько неуверенных шагов, как вдруг увидел пожилую женщину в пенсне, облаченную в махровый халат, расписанный ярко красными цветами. Убранные под сеточку волосы, полотенце и банные принадлежности в руке не оставляли ни малейшего сомнения в ее намерениях. Женщина решительно двигалась в его сторону, явно давая ему понять, что в душевой она будет первой. Элвин мгновенно ретировался к себе и, захлопнув дверь своей комнатенки, с ужасом представил себе, каково это будет мыться в одном душе с дамами. Неужели организаторы начисто забыли о том, что разделение полов все еще существует? Дама прошествовала мимо его комнаты и остановилась возле соседней двери. Так это же мисс Фейт Рэндалл, перевел он вздох облегчения. Кстати, ее имя тоже значится среди докладчиков. «Проблемы индексации литературных первоисточников». Впрочем, насколько ему известно, на любой научной конференции все доклады начинаются с этого сакраментального слова: «Проблемы чего-то там».

Несколько приободрившись, он снова вышел в коридор, а, вернувшись спустя какое-то время к себе, с удовольствием плеснул немного джина в стакан для зубных щеток, добавил туда воды из-под крана и выпил залпом, словно это было лекарство. Хотя, в какой-то степени, так оно и было. Пора на ужин. Элвин подумал, что устроители, скорее всего, разместят докладчиков за отдельным столом, не рискнув смешивать профессуру с рядовыми участниками. Интересно, с кем его посадят? А что, если с мисс Рэндалл? О чем он станет говорить с этой почтенной дамой в пенсне? И что я знаю об индексации текстов, мгновенно пришел он в ужас от такой перспективы. Если ему не изменяет

память, ключевые слова в любой картотеке размещаются в алфавитном порядке: аборт, абордаж, адюльтер, что там еще? Кажется, он налил себе слишком много джина.

* * *

Интересно, кто этот симпатичный мужчина? — прошептала Далси, обращаясь к Виоле, пока они коротали время в фойе в ожидании последнего удара гонга.

— Симпатичный мужчина? — удивилась Виола. — Где?

Она как раз занималась тем, что изучала присутствующих, и пока — увы! — не обнаружила ни одного приятного лица. Впрочем, с каких это пор на научных конференциях должна собираться красивая публика? Ну, разве что это конференция по проблемам современного кино, на которую в обязательном порядке приглашают пару-тройку звезд. Но стоило Далси задать вопрос, как Виола мгновенно поняла, о ком идет речь. И даже немного разозлилась на себя за то, что сама не догадалась и даже не почувствовала каким-то мистическим образом присутствие Элвина.

Она глянула в его сторону, увидела львиную гриву из золотистых кудрей, красиво вылепленный нос, карие глаза, так удачно гармонирующие со светлыми волосами.

— Ах, так это же Элвин Форбс!

— А! «Некоторые проблемы редактирования текстов», припоминаю. Но вид у него такой, будто главные его проблемы совсем не связаны с редактированием. Хотя с его-то внешностью удивляться не приходится. Красивый мужчина! А что конкретно он редактирует? Я как-то подзабыла. И вообще, он хоть понимает суть наших проблем?

Виола назвала журнал, в котором Форбс подвизался в качестве главного редактора.

— Когда-то мы с ним часто встречались, — добавила она. — Было время, когда мы...

Виола оборвала себя на полуслове и принялась сосредоточенно теребить серебристо-черную опушку своего палантина.

— Понятно! — проронила Далси, хотя на самом деле ничего ей не было понятно. И что могло связывать этих двоих? Кем они были? Любовниками? Коллегами по работе? Редактор и его помощница? Или, столкнувшись как-то раз с ней в библиотеке теплым весеннем вечером, этот красавчик просто зажал ее среди картотечных шкафов в каком-нибудь пыльном углу справочно-информационного отдела? Сделать окончательный вывод на основе незаконченной реплики Виолы не представлялось возможным. Как же все эти роковые женщины любят напускать туман, когда дело доходит до их личной жизни. Порой это очень раздражает.

— Он женат? — упорно продолжила она свое дознание.

— Разумеется! — нетерпеливо воскликнула Виола. — В каком-то смысле.

Далси молча кивнула, давая понять, что информация принята к сведению. Странная концовка ответа. До сих пор ей казалось, что люди либо состоят в браке, либо нет. Но в каком-то смысле! Она увидела, что Элвин Форбс направляется в их сторону.

— Привет, Ви! Вот уж не ожидал встретить тебя здесь! — проговорил он оживленным тоном. Пожалуй, радость показалась Далси немного нарочитой, словно специально рассчитанной на гостей конференции.

— Здравствуй, Элвин! — откликнулась Виола, всем своим существом противясь тому, что при их разговоре присутствует ее несколько чудаковатая соседка. И потом, она терпеть не могла, когда ее называют «Ви». Это лишний раз напоминало ей, что ее настоящее имя вовсе не Виола, а Вайолет. Конечно же, только отцу (кому же еще!), большому поклоннику поэзии Вордсворта, могло взбрести в голову назвать свою дочь «фиалкой». Как это там у него? «Фиалка нежная укрылась у камня, поросшего мхом». Ну, и какое отношение имеет вся эта поэтическая чушь к ней? А потому, когда ей исполнилась семнадцать, она решительно перешла на новое имя и стала называть себя Виолой. — Я видела твою фамилию среди докладчиков. Так что у нас еще будет повод встретиться.

— Да! Надеюсь, у нас получится просто поболтать о том о сем.

Но в этот момент раздался гонг, и оживленная толпа устремилась в столовую. Процессию возглавил какой-то почтенный джентльмен с седой бородкой.

Столовая оказалась огромной комнатой, способной принять в несколько раз большее число людей, чем собравшиеся участники конференции, которые с легкостью уместились за двумя большими длинными столами. Несколько в стороне стоял еще один стол, поменьше, за который усадили организаторов конференции и докладчиков. Элвин, отпустив маловразумительную шутку об овцах и пастырях, с явным облегчением откланялся и заторопился к своему месту. Его соседями по столу оказались двое пожилых, безвредных на вид мужчин, в одном из которых он узнал известного специалиста по библиографии. То-то, станет вещать о триумфах и поражениях своей науки в деле составления судьбоносных комментариев.

Места Виолы и Далси оказались с самого края стола. Высокая, очень домашняя на вид женщина уже приступила к разливанию супа из большой супницы, стоявшей посреди стола. Казалось, это занятие доставляло ей истинное удовольствие. Она окунала черпак в приятно пахнущий бульон, от которого еще шел пар, с таким видом, словно средневековая монахиня, потчующая бездомных нищих благотворительным обедом.

После первого подали второе: тонко нарезанное мясо с овощным гарниром.

— А чем вы конкретно занимаетесь? — продолжала упорствовать в своем любопытстве Далси. — Проставляете индексы на входящей литературе? Редактируете журнал? Или что?

— Я занималась собственными исследованиями, — после минутной паузы ответила Виола. — Работала над докторской диссертацией в Лондонском университете. Но из-за проблем со здоровьем пришлось оставить научную работу. Между прочим, кое-какие исследования я проводила и для Форбса.

— Наверное, с ним было приятно работать.

— О, да! И полезно! Он ведь отменный специалист в своем деле.

— И к тому же такой красавец! — вмешалась в их разговор дама, наливавшая им суп. — Думаю, это немаловажный фактор при совместной работе.

Далси исподтишка бросила взгляд на табличку с ее именем, приколотую большой брошкой-камеей, изображающей Леду и лебедя.

Джессика Фой, прочитала она. О, так это же известная персона! Заведующая крупной научной библиотекой. Далси даже растерялась от столь неожиданного открытия, словно не в силах совместить высокий статус почтенной дамы с образом кухарки, разливающей суп.

— Да, доложу я вам! — продолжила, как ни в чем не бывало, Джессика. — Вести совместные исследования с красивым мужчиной — это невероятное везение. Можно сказать, подарок судьбы. И что вы там исследовали?

— Творчество одного малоизвестного поэта восемнадцатого века.

На сей раз Виола не стала тянуть с ответом.

— Вот как? Разве остались еще поэты, до которых пока не добрались дотошные американцы? Вам повезло! Знаете, в наши дни большой спрос на забытые имена. Особенно, среди поэтов. Их явно не хватает на всех исследователей.

— Тогда, может быть, наступит день, когда наши ученые обратят свои взоры и на простых смертных. Займутся изучением биографий тех, кто никогда не притязал на славу или успех, — задумчиво проронила Далси.

— Дай-то бог! — несколько экзальтированно воскликнула мисс Фой.

— Лично мне всегда нравилось узнавать что-то новое о жизни людей, даже самых обычных, — продолжала Далси. — Это так интересно! И очень помогает скрашивать наши серые будни.

Виола посмотрела на соседку с несколько озадаченным видом. Странная женщина! Надо же! Не боится признаться вслух о том, что у нее серая жизнь, которая нуждается в раскрашивании.

— Ну, будни можно чем-то заполнить! Например, выйти замуж, — проговорила она неуверенным тоном, вдруг вспомнив худые ноги Далси в тяжелых башмаках.

— Пожалуй, вы правы! — охотно согласилась с ней Далси — Я, между прочим, была почти на грани замужества. Вот только не уверена, что супружеская жизнь сильно изменила бы мой характер.

— А все потому, что вы не из тех женщин, которые позволяют мужчинам лепить из себя, что им хочется, — назидательно заметила мисс Фой. — Кстати, я точно такая же! — добавила она с чувством глубокого удовлетворения.

Далси отвернулась, чтобы спрятать улыбку, которую вызвали у нее последние слова.

А вот у Виолы лицо стало раздраженным. Пожалуй, мелькнуло у Далси, ее соседка была бы только рада, если бы кто-то принялся из нее что-то лепить. Впрочем, озвучить свои мысли вслух она не рискнула. В конце концов, есть вещи, о которых не принято спрашивать. А вот ее бывший жених Морис едва ли способен что-то вылепить из другого человека. Слабак! Квелое, изнеженное создание! Наконец-то она может признаться себе в этом. И к тому же, на целых три года младше ее.

После ужина всех пригласили в конференц-зал, где участникам конференции огласили распорядок пленарных заседаний. Так, на сегодня не планируется никаких лекций и дискуссий. Зато предполагается чисто светская вечеринка, на которой народ может перезнакомиться друг с другом поближе. Будет кофе.

Виола, никогда не отличавшаяся особой общительностью, выслушала сообщение с холодным безразличием. Если бы не возможность перекинуться парой слов с Элвином Форбсом, она бы отправилась в

постель с книжкой в руках. Впрочем, перспектива торчать весь вечер в тесной комнатенке тоже показалась ей безрадостной, а потому она присоединилась к остальным участникам, заполнившим гостиную, в которую уже волнами наплывали ароматы кофе, и доносилось постукивание чайных ложечек.

— Кофе — это замечательно! — мечтательно проговорила Далси.

И Виола с раздражением подумала, что ее соседка принадлежит к той ненавистной ей категории женщин, у которых все и всегда «замечательно». В том числе и безвкусный суррогатный кофе, который им сейчас предстоит вкушать посреди толпы незнакомых людей. Лично она терпеть не могла таких «добреньких», как она уже мысленно окрестила Далси. Вечно они суют нос в чужие дела, пытаясь помочь всем и вся даже тогда, когда их об этом никто не просит. Надо как можно быстрее отвязаться от нее. У Виолы даже мелькнула мысль поменять комнату. Впрочем, стоит ли затевать переезд всего лишь из-за пары дней? Да к тому же, она не знает, к кому обращаться с подобной просьбой.

В одном конце гостиной широкие стеклянные двери вели в зимний сад. Виола твердо решила, что пока они будут ждать своей очереди за получением кофе, она постарается незаметно ускользнуть от Далси и спрятаться в оранжерее или где-нибудь еще.

Оказалось, что это действительно оранжерея с множеством раскидистых пальм в горшках и стенами, густо завитыми виноградной лозой, зеленая крона которой свешивалась с потолка. Виола с некоторым облегчением уселась в кресло и стала рассматривать сочную листву у себя над головой, среди которой чернели тяжелые гроздья поспевающего винограда. Как хорошо, что ей хоть на минуту удалось избавиться от всех этих надоедливых людей! И зачем она только сюда приехала! Она прикрыла глаза, всем своим видом давая понять, что хочет, чтобы ее оставили в покое. Однако из полуопущенных век она успела заметить, как Элвин Форбс подошел к двери, посмотрел через стекло и тут же поспешно ретировался прочь, заметив ее в кресле. Вместо того чтобы зайти в оранжерею и перекинуться с ней той самой парой слов, на которые она так надеялась, он затеял оживленный разговор с мисс Фой и ее соседкой. Они говорили достаточно громко, и ей было слышно, что они обсуждают избитую тему о том, как тесен мир, особенно, если речь идет о мире академической науки, где все всех знают.

— О, вы только взгляните! — воскликнула Далси, указывая рукой в сторону оранжереи. — Как красиво! Такой восхитительный виноград! Вы не возражаете, если мы нарушим ваше уединение? — обратилась она к Виоле.

— Ради бога! — сухо ответила та. — Насколько я понимаю, оранжерея открыта для всех.

Потолкавшись еще какое-то время среди остальных участников и гостей конференции, Виола и Далси поднялись наверх и разошлись по своим комнатам.

Перед сном Далси почему-то стала вспоминать свой дом. Большой дом в пригороде Лондона, доставшийся ей от родителей. Когда-то в этом доме жила вся их семья: отец, мать, они с сестрой. Но сейчас родителей уже нет в живых, а сестра вышла замуж и переехала в другой город. Далси представила себе вид, открывающийся из окна ее спальни: груша, сплошь покрытая спеющими плодами. Красиво, будто на полотнах прерафаэлитов. То же совершенство красок и линий. Вообще, сентябрь — это ее любимый месяц. В саду обильно цветут георгины,

циннии, самые разноцветные бархатцы. И работы полно! Нужно срочно разбираться с поспевающими яблоками и грушами, консервировать сливы, готовить из них настойки. А еще что-то делать с паданцами, которые посбивал ветер, хотя бы рассортировать их для начала, выбросив вон гнилушки. Год выдался урожайным, а потому работы — тьма. Да и огромный дом, который временами казался ей почти бесхозным, тоже отнимал много сил. Как хорошо, что скоро к ней приедет племянница. Старшая дочь сестры поступила на какие-то секретарские курсы в Лондоне. Ну, а жить, разумеется, будет у нее. Далси уже даже решила для себя, в какой комнате поселить девочку и как обставить само помещение. Потом мысли ее плавно перекочевали на ее излюбленную тему, и она стала размышлять о том, сколько в мире бездомных и одиноких людей. И вообще, сколько вокруг горя и нищеты. Кажется, незаметно для самой себя она задремала. Потому что внезапно прохватилась от легкого постукивания в дверь.

— Кто там? — проговорила она спросонья, скорее удивившись, чем испугавшись.

В дверях показалась женская фигура, очень похожая на леди Макбет. Темные волосы рассыпаны по плечам, длинный халат из серебристого атласа, тускло отсвечивающий в темноте. Это была Виола.

— Извините, что разбудила вас, — сказала она виноватым голосом. — Но никак не могу заснуть на новом месте. А тут еще на свое горе забыла дома таблетки. В последнее время я никуда без них не выправляюсь. И вот теперь ума не приложу, что мне... — голос ее сорвался. Женщина была явно на грани слез.

— У меня есть «Ренин», — мгновенно подхватилась с кровати Далси.

— Ах, у меня нет проблем с пищеварением! — рассердилась Виола на тупость соседки. Надо же! Вообразить, что она мучается без сна, потому что объелась за ужином.

— А я, когда у меня бессонница, начинаю читать какой-нибудь скучный роман. Это так убаюкивает, поверьте мне! Засыпаешь моментально. Вы чем-то расстроены, да? — участливо поинтересовалась Далси. — Наверное, из-за Форбса?

— Да, — неожиданно для себя призналась Виола, присаживаясь на край кровати.

— Вы влюблены в него? — довольно бесцеремонно задала свой следующий вопрос Далси. Впрочем, о каких церемониях можно вести речь, когда тебя в буквальном смысле этого слова растолкали посреди ночи?

— Сама не знаю, — честно призналась ей Виола. — От него недавно ушла жена. Вот я и решила, что после всего, что у нас... Словом, что он обратит, наконец, на меня внимание.

— В поисках утешения, что ли?

— Ну, да! Мы ведь вместе работали и были большими друзьями. Вот я и решила...

— Наверное, он посчитал, что прошло еще слишком мало времени после разрыва с женой, чтобы начинать новую романтическую историю.

— Ах, причем здесь это? Я могла бы просто утешить его по-дружески, и ничего больше!

— О да! Женщины, как правило, обожают утешать, не требуя ничего взамен.

— Мне хотелось помочь именно ему, и никому больше. Ради него я готова расшибиться в лепешку.

Далси хотелось спросить о причинах разрыва Форбса с женой, но посчитала подобное любопытство бестактным. Однако у нее возникла странная уверенность, что во всей этой истории он является скорее стороной потерпевшей.

— Наверное, ваш приятель все еще переживает по поводу семейного разлада, — предположила она вслух.

— Да, но это не помешало ему приехать на конференцию.

— Просто для того, чтобы сменить обстановку. Иногда это помогает.

— Да, но он меня избегает. Страшно растерялся, когда мы столкнулись с ним в холле перед ужином, вы же видели. По-моему, ему было даже неловко. Вам так не кажется?

— Знаете, там толкалось столько народу. И всем, скорее всего, было неловко.

— Но и потом, после ужина, когда я сидела в оранжерее. Ведь он же увидел меня через стекло, я точно знаю, но сделал вид, что не заметил.

— А может, он боится сквозняков, потому и не пошел в оранжерею. Или не хотел вас беспокоить. Ложитесь спать! Утро вечера мудренее. Вот увидите, завтра все образуется! — с трудом сдерживая зевок, проговорила Далси. Ей отчаянно хотелось спать. Она чувствовала, что поступает по-свински, выпроваживая соседку. Но ведь ночь на дворе!

Ей бы сейчас стакан горячего молока не помешал, подумала она рассеянно. Удивительно, сколько серьезных проблем можно легко решить с помощью горячего молока, мелькнула у нее последняя мысль, и она отключилась, мгновенно погрузившись в сон.

2

Утром Далси прохватилась от громкого топота десятков ног по коридору. Что это? Пожар? И куда бегут все эти люди? В бомбоубежище? Но тут она окончательно проснулась и поняла, что участники конференции воодушевлены перспективой получения своей чашечки утреннего чая. Вот так! Оказывается, всем этим ученым мужам и дамам, постоянно занятым решением всяких сложных научных проблем, не чужды и обычные человеческие слабости. Далси встала с кровати, накинула на себя халат, расчесала волосы. Пожалуй, надо будет прихватить чашечку и для Виолы. Соседка, скорее всего, спит беспробудным сном после бессонной ночи.

Элвин Форбс, лежа на кровати, прислушивался к веселому позвякиванию чайной посуды на коридоре. Наверное, ему, как одному из докладчиков, подадут чай прямо в комнату. Он даже представил себе аккуратную горничную в наколке и накрахмаленном фартучке. Но вместо нее на пороге появилась мисс Рэндалл в своем неизменном пенсне и уже знакомом ему цветастом халате. В руке она держала чашечку с блюдцем.

— Ох, уж эти мужчины! — шутливо попеняла она своему соседу. — Валяются в постели до последнего, ждут, пока их обслужат женщины!

Пожалуй, ее шутливость была несколько наигранной. Вполне возможно, она даже смутилась, увидев, что Элвин все еще в пижаме и лежит в кровати.

— Сахар я не стала класть в чай. Не знаю, как вы больше любите. Положила на блюдце, — проговорила она, ставя чай на туалетный столик подле кровати, и, тяжело ступая на цыпочках, направилась к двери.

— Большое спасибо! — крикнул ей уже в спину Элвин. — А я не знал, что мы должны сами...

Но женщина уже закрыла за собой дверь, и Элвину стало неловко оттого, что вот его обслужила пожилая дама, а сам он разлегся на постели, как барон.

Он приподнялся на локоть, придвинул к себе чашку, не стал класть в нее два кусочка сахара, лежавшие на блюдце, и сделал первый глоток. Чай оказался на удивление крепким и горьковатым на вкус. Как и наша жизнь, подумал он меланхолично. Вернее, так могут говорить о своей жизни женщины. Его бывшая жена Марджори, к примеру, или Виола Дейс, сидевшая вчера с отрешенным видом в плетеном кресле под кадкой с пальмой. Она даже глаза закрыла, чтобы никого не видеть. Да уж! Какое отношение имеет тема его доклада «Некоторые проблемы редактирования текстов» к жизни всех этих женщин? Нужно будет обязательно перекинуться парой слов с Виолой. Не сейчас, за завтраком, а позднее. Быть может, перед обедом. Тогда и людей вокруг будет поменьше. Все разбредутся гулять по саду, вот и можно будет спокойно побеседовать.

* * *

Атмосфера за завтраком была достаточно скованной. Ощущение того, что ты чужой в этой толпе и все вокруг чужие, особенно острым бывает именно с утра, когда люди еще не успели толком проснуться и включиться в общий ритм. Разговор за столом обрывался, не успев завязаться. А отсутствие воскресных газет самым пагубным образом сказывалось на скудности тем для обсуждения. Даже мисс Фой, раскладывая по тарелкам овсянку с сосисками, была на редкость немногословна.

Виола так и не появилась за завтраком, хотя когда Далси принесла ей чай, соседка уже проснулась и даже собиралась вставать. Она увидела ее, когда возвращалась к себе после завтрака. Виола выходила из ванной в своем атласном халате бледно-сиреневого цвета и в купальной шапочке в тон халату.

— Кажется, на завтрак вы уже опоздали, — сказала ей Далси.

— На завтрак? Какой завтрак? — проговорила Виола таким голосом, словно впервые слышит это слово. — Терпеть не могу никаких завтраков! Я никогда не ем по утрам. Чашечка чая — вот все, что мне нужно.

— А нас угощали кашей с сосисками!

Собственный голос показался Далси чересчур сытым.

Виола передернула плечиками, всем своим видом демонстрируя, что даже само слово «сосиски» вызывает у нее лишь омерзение.

— Тем более! Сосиски я вообще терпеть не могу! Что у нас с утра по расписанию?

— Вначале с лекцией выступит Элвин Форбс, — проговорила Далси скороговоркой, вспомнив те душевные муки, которые испытала ее соседка минувшей ночью из-за этого человека, — а затем, — голосок ее зазвенел почти жизнерадостно, — запланирована небольшая служба в местной часовне... для всех желающих.

— Понятно! — рассеянным тоном обронила Виола.

— Тогда до встречи на лекции. Мне еще нужно убраться в комнате.

— До скорого! — ответила Виола, проскальзывая в свою комнату. Ее немного озадачило то, что Далси не предложила зарезервировать место и для нее.

А Далси, перетряхивая матрас и расправляя простынь, размышляла о том, что лично она не имеет ничего против того, чтобы выслушать откровения незнакомого человека по проблемам редактирования текста. Даже несмотря на то, что он собирается рассуждать об этом в такое прекрасное воскресное утро. Да, интересно, что может поведать своим слушателям о редактировании книг мужчина, которого так любят. Или любили когда-то. Впрочем, что ей известно о той близости, которая может возникнуть между двумя учеными, работающими над исследованием одной проблемы? Вполне возможно, у этих двоих была сугубо духовная связь. Так сказать, общность интересов, и ничего более. А что было у нее с Морисом? Да ничего! А уж об общности интересов или духовной связи и говорить не приходится. «Эта твоя работа!» — вспомнила она саркастический тон, которым он комментировал ее вечную занятость, и ей почему-то стало больно.

Лекция должна была пройти не в лекционном зале, а в гостиной. Удобные мягкие стулья, огромный рояль в углу — все настраивало на атмосферу дружеской дискуссии. Собравшиеся курили, причем женщины дымили гораздо энергичнее своих собратьев по науке, и вскоре по комнате поплыли темно-сизые клубы табачного дыма.

Бедняжки, думал Форбс, бегло просматривая свои записки перед началом выступления. Наверняка большинство из них не замужем, вот и пытаются хоть как-то заполнить пустоту своего существования. Однако напрасно устроители разрешили курить во время лекций. Здесь и без того очень душно.

Элвин показался Виоле еще бледнее, чем накануне. Хотя, с другой стороны, вряд ли она смогла бы влюбиться в краснощекого здоровяка. «А разрыв с Марджори на него сильно подействовал, — мелькнуло у нее при беглом взгляде на докладчика. — Уязвленная гордость, задетое самолюбие и все такое. Что ж, самая пора заняться обустройством жизни по новой. Негоже мужчине быть одному. Да, но еще вопрос, один ли он! Можно подумать, что ты в курсе всех его сердечных дел, дорогуша».

Мисс Фой, сидевшая неподалеку, в это время размышляла о том, что, конечно, Элвин Форбс — прекрасный специалист, и журнал, который он издает, выше всяких похвал, но! Разве он понимает весь тот груз проблем редакторской работы так, как понимает и разбирается в них она? Впрочем, она всегда с интересом слушала своих коллег по профессиональному цеху. И выступления Форбса она уже не раз слышала. Его сегодняшняя лекция, хотя, безусловно, и интересная, все же не так впечатляюща, как его былые выступления. Она извлекла очередную сигарету из пачки и раскурила ее от предыдущей. Хоть бы кофе дали после лекции, подумала она с надеждой. Ни на какую службу она, разумеется, не пойдет. Прогулка по окрестностям с лихвой заменит ей молитву, которую она вознесет господу, созерцая сельские пейзажи. Да и потом, кто знает, есть ли он, этот бог, на самом деле?

«Да, все эти высоколобые ученые смотрят на нас, библиографов, как на каких-то недоучек, людей второго сорта», — думала в это время Далси с легким раздражением, слабо улыбнувшись озвученной оратором старой шутке. А между тем именно правильно проставленный индекс делает

книгу книгой, не позволяя ей затеряться в безбрежном море информации. И всякие любовные переживания не имеют к этому ровным счетом никакого отношения. Что-то он сегодня очень бледен, мелькнуло у нее. Но все равно хорош! Такие красавчики всегда нравятся женщинам.

Надо бы попросить открыть окно, подумал Элвин и мгновенно потерял нить своих рассуждений. Хотя он и не читал лекцию по конспекту, но тут растерялся и стал беспокойно перекладывать листочки с одного места на другое, лихорадочно пытаясь вспомнить, о чем именно он собирался сейчас порассуждать. Душно! Здесь очень душно. Неожиданно для самого себя он принялся пристально изучать аудиторию. Он перехватил удивленный взгляд, которым смотрела на него Виола Дейс. Нет, пожалуй, в ее взгляде было не столько удивление, сколько замешательство. Внезапно сигарета мисс Фой приблизилась к нему близко-близко и пахнула дымом прямо в лицо, в глазах у него потемнело, и все погрузилось во мрак. Откуда-то издалека он услышал женский голос, довольно приятный.

— Кто-нибудь! Ну, помогите же! Ему плохо!

Первым оказался председательствующий. Он подхватил Элвина за плечи, не дав ему осунуться на пол, и осторожно усадил на стул.

— Бренди! — громогласно завопила мисс Фой, с надеждой оглядев присутствующих. Напрасно! Публика, съехавшаяся на научную конференцию, привыкла обходиться без столь крепких горячительных напитков.

— Есть вода, — робко предложил председательствующий.

— У меня есть нюхательная соль. Сейчас принесу, — сказала Далси. — И, пожалуйста, откройте окно.

Надо же! Везти с собой в такую даль нюхательную соль, презрительно подумала Виола, искренне переживая, что сама она ничем не может помочь Элвину.

Он открыл глаза и спросил слабым голосом.

— Что со мной?

— Ничего страшного! — бросился успокаивать его председатель. — Вы рассказывали нам о проблемах редактирования текста, а потом у вас, видно, закружилась голова, и вам стало плохо.

— Да! — с готовностью согласился с ним Форбс.

А он и в самом деле настоящий красавец, вдруг подумала Далси. Словно древнегреческий бог, изваянный из мрамора.

— Я недавно переболел гриппом. Наверное, он дал осложнения, — стал оправдываться Элвин. — Глупо все получилось! Прошу простить меня!

— Вам не в чем себя винить! — сказала, как отрезала, Далси голосом строгой медсестры. — Здесь действительно очень душно. На вашем месте я бы немедленно отправилась к себе в комнату и прилегла.

— Да! — он бросил на нее благодарный взгляд. — Пожалуй, я так и сделаю.

К счастью, он уже почти закончил лекцию, оставалось лишь сделать выводы и ответить на вопросы. Но, разумеется, в сложившихся обстоятельствах никто не ждет от него, что он станет отвечать на их вопросы.

— Ах, какая жалость! — воскликнула мисс Фой у него за спиной. — А я так хотела его спросить... Ну, ладно! Еще успеется. Потом, когда ему станет лучше.

Председательствующий несколько растерянно оглядел собравшихся, словно решая, нужно ли какое-то формальное завершение мероприятия, но, поняв, что никто не ждет от него официального объявления о том, что можно расходиться, поспешил сойти с трибуны.

— Через полчаса начинается служба в часовне! — напомнил он всем, бросая взгляд на часы. Но никто не отреагировал на его приглашение. Большинство женщин сгрудились вокруг Элвина и спешили наперебой поделиться с ним своими секретами быстрого приведения себя в чувства. Крепкий сладкий чай, хороший отдых, сон в темной комнате, прогулка быстрым шагом на свежем воздухе — сыпались рекомендации со всех сторон.

На службу Далси и Виола отправились вместе. По дороге женщины ни словом не обмолвились об инциденте с Элвином Форбсом. Они молча вошли в часовню, наполненную зеленоватым светом, льющимся через узорчатые окна, густо завешенные листвой рододендронов и плюща, обвившего все стены храма. Какая-то моложавая дама уже восседала с самым решительным видом возле фисгармонии, нажимая изо всех сил на педали.

Потом к ним обратились с короткой проповедью. Проповедник, явно не из церковных служителей, постарался очень ловко вплести тему их профессиональных занятий, объединив ее со служением Всевышнему. Дескать, составление библиографических справок, корректура и редактирование текстов, индексирование новых поступлений — все это тоже важно и нужно, особенно, если делается во славу Творца. К тому же, занимаясь таким богоугодным делом, все они имеют меньше возможностей для того, чтобы творить зло, в отличие от всех этих писак, режиссеров и прочих деятелей искусства, заполонивших все вокруг своими мерзкими романами, пьесами, фильмами и всякими прочими постановками и инсценировками.

Да, но и удовлетворения мы получаем меньше, подумала Далси. Даже когда шаруешь полы в собственном доме или копаешься в саду, удовольствия испытываешь несравненно больше. Да и единение с Богом в такие минуты гораздо теснее, чем тогда, когда проставляешь индексы на новых книгах. Она снова унеслась мыслями к себе домой, стала прикидывать, что и как она сделает в первую очередь по возвращении. И зачем она только поехала на эту конференцию, вдруг подумала она с удивлением. Ведь дома полно работы. Зачем ее понесло в такую даль?

В конце службы проповедник вознес общую молитву за здравие всех присутствующих, вскользь обронив, что особенно молится за здравие того, кого сегодня настигла болезнь. Он не назвал имени Элвина, но Далси моментально представила себе утонченное бледное лицо Форбса. Как он был красив, когда она склонилась над ним там, в гостиной, а он смотрел на нее широко раскрытыми глазами, в которых плескалось смятение и страх. Ну, вот один несомненный плюс от поездки уже есть. Потом еще знакомство с Виолой, которая, несмотря на все свои выбрыки, все же весьма интересная особа. С ней можно даже подружиться.

Перед ленчем она увидела Виолу и Элвина — они стояли вместе возле виноградной теплицы и о чем-то беседовали. А что мешает ей встретиться с ними в Лондоне? И не случайно, а с умыслом. То есть пригласить их к себе на воскресный обед. Далси почти машинально принялась перебирать в уме, кого еще можно пригласить к столу, и какое она спланирует меню.

Элвин приподнял свой бокал и отпил пару глотков темно-красного вина. Такое ощущение, что его только что изготовили из тех тяжелых гроздьев, которые свешиваются над их головами. «Да, чтобы получить наслаждение от такого вина, его надо пить где-нибудь на Средиземном море, любуясь красотами тамошней природы», — подумал он. Но уж точно не в Дербишире.

— Лично я люблю вечера, — задумчиво проговорила Виола. — И разговоры тогда текут неспешнее, чем днем.

3

Далси жила в красивом месте. Это было уже предместье, но район был крайне востребованным или, выражаясь языком агентов по недвижимости, «весьма желательным», потому что, говоря опять же их словами, «он спасает от перенаселения Кенсингтон». А что касается всяких там шикарных супермаркетов типа «Харродз» и прочих, то, по меткому замечанию ее соседки миссис Белтон, «для того чтобы что-то продать, эти люди доберутся куда угодно».

Далси работала в основном дома. Так повелось еще с тех пор, когда заболела мама, и нужен был постоянный уход за ней. Но и после ее смерти Далси не спешила возвращаться к прежней рутинной работе целыми днями в каком-нибудь издательстве. Она имела репутацию отменного корректора и опытного библиографа, который в случае необходимости сам может провести небольшое исследование по заданной теме, покопавшись в справочном фонде Британского музея или в библиотеках различных научных обществ.

На следующий день после возвращения с конференции она по своему обыкновению немного поработала над очередным библиографическим справочником, потом перестирала кое-какие мелочи и решила накрыть себе стол для ленча в саду. Тем более что солнечное сентябрьское утро обещало не менее погожий день.

Скоро должна была подойти женщина, помогавшая ей с уборкой по дому, и Далси уже приготовилась слушать ее бесконечные разговоры обо всем на свете.

Мисс Лорд, высокая, сухопарая, седовласая, до недавнего времени трудилась продавщицей галантерейных товаров в одном из больших универмагов Кенсингтона, но со временем однообразная и довольно утомительная работа ей наскучила, и она с радостью оставила место продавщицы для того, чтобы превратиться в обычную приходящую прислугу. У нее сразу же обнаружился настоящий талант по части уборки помещений. Да к тому же в наше время, как она сама не раз декларировала, все люди равны, и никакой, даже самый непрестижный труд нынче не считается зазорным. От прежней профессии мисс Лорд сохранила лишь страсть ко всяким красивым безделушкам, которая постоянно и очень умело подогревалась обильной телевизионной рекламой, пропагандировавшей изысканную роскошь и умение наслаждаться жизнью. К мужчинам мисс Лорд была абсолютно равнодушна. Ее отпугивала их грубость и полное отсутствие какого бы то ни было изящества. Исключение составляли представители духовенства, да и то только в том случае, если они не курили трубки. Сама же она предпочитала сигареты с фильтром под чашечку хорошего чая или кофе.

— Решила вот устроить себе ленч в саду, — встретила ее Далси, ставя на огонь турку с кофе.

— Да, в саду сейчас очень красиво, — согласилась с ней домработница. — Вы срежете цветы, чтобы я расставила их по вазам?

— Чуть позже. А сейчас мне надо разобраться со сливами.

— Ох, уж эти хлопоты с переработкой урожая! — тактично вздохнула мисс Лорд. — Дары земли... Кстати, скоро праздник урожая. Вы, наверное, собираетесь отправить какую-то часть фруктов в церковь?

Этот вопрос в неизменном виде задавался каждую осень, и ответ на него тоже оставался неизменным.

— Пожалуйста, сделайте это вместо меня. Все что угодно, и в любом количестве. Сливы, яблоки и, разумеется, цветы.

— Ах, как это любезно с вашей стороны, мисс Манаринг. Конечно же, далеко не каждый из нас имеет собственный сад. Лично я собираюсь испечь к этому дню пирог. Хотя страшно не люблю возиться с дрожжевым тестом. Мороки много. И никогда не знаешь наверняка, что получится в итоге. Кстати, пару лет тому назад в нашей церкви сделали к празднику такой шикарный пирог. Красоты необыкновенной. Но потом оказалось, что он не настоящий, — мисс Лорд понизила голос до шепота. — Его сделали из пластика, представляете? Но ведь это же неправильно! Разве такой пирог можно отправить в больницу или в приют?

— Да уж! Ваш рассказ напомнил мне старую притчу о слепом нищем, который просил хлеба, а ему подали камень.

— Вы правы! Только вместо камня у нас был пластик. Вот такой в нашей церкви новый викарий. Но на пластике его нововведения не закончились: он велел, чтобы все прихожане обращались к нему не иначе, как «отец». А мы пожаловались епископу на такое самоуправство. Вот! И кто посмеет укорить нас за это?

— Согласна! Не всякое новое лучше старого. Кстати, у меня тоже ожидаются в скором времени перемены. Ко мне приезжает племянница, она будет жить вместе со мной.

— Старшая дочь вашей сестры? Вы уже как-то раз говорили мне об этом, мисс Манаринг. И где вы ее собираетесь разместить?

— Думаю, в большой спальне.

— В комнате покойной миссис Манаринг? — опешила домработница.

— Да. Мне хочется, чтобы эта комната снова приобрела жилой вид. Следующий раз мы с вами подумаем, что и как там переставить. Кровать надо убрать, а туда поставить один из диванов, что стоит в гостиной. Наверное, девочке нужен будет еще и книжный шкаф.

— Ох, уж эти книжки! — с осуждением в голосе прокомментировала мисс Лорд последнюю реплику Далси. — Когда-то в молодости я тоже баловалась чтением, но сейчас у меня нет времени на подобные глупости.

— А я вот в свое время окончила университет именно по отделению английской литературы, — скорее про себя проронила Далси.

— Ну, и что вам это дало, мисс Манаринг? — насмешливо поинтересовалась у нее служанка.

— Трудно сказать. Образование — это такая вещь... Оно самоценно само по себе. К тому же, английская литература — это так увлекательно и интересно.

— Наверное-наверное, — с сомнением в голосе отозвалась мисс Лорд.

— И потом, всегда можно устроиться на преподавательскую работу. Или найти другую интересную работу.

— Как у вас, да? Все возитесь со своими карточками и листочками. Вон валяются по всему полу!

Мисс Лорд добродушно рассмеялась, но в ее смехе Далси уловила легкую издевку. Она почувствовала себя униженной и молча начала перебирать сливы.

— Вот из этих, которые совсем уже перезрели, я сварю повидло, — проговорила она примирительным тоном. — Поставлю прямо сейчас.

Занятая сортировкой ягод, Далси предалась мыслям о том, как именно она обставит комнату к приезду племянницы. В первую очередь надо немедленно поменять портьеры. Старые из голубого бархата уже изрядно выцвели, да и вид у них обветшалый. Хотя, с другой стороны, в зимнее время они хорошо защищают от сквозняков. Но вряд ли юной девочке понравится это старье. Ей захочется видеть на окнах что-нибудь веселенькое, и современной расцветки. Как-то у нее сложатся отношения с племянницей? Ведь она приходится девочке тетей, а потому несет за нее ответственность. Шарлота уже давно живет с мужем в Дорсете. Ее муж Робин руководит тамошней гимназией, а по совместительству еще и курирует работу местного музея. У них трое детей, и Лорел — старшая из них. В этом году она окончила школу и вот готовится выпорхнуть в самостоятельную жизнь. Далси представила себе, каково это быть юной, полной тяги к новым впечатлениям и встречам. И каково придется ей самой? Как она станет мучиться ночами без сна в ожидании, когда племянница вернется домой с очередной вечеринки.

Далси глянула в окно и увидела сквозь редкий частокол забора и деревья в дальнем конце сада миссис Белтон. Соседка, облаченная в цветастое летнее платье, восседала на таком же ярком полотняном кресле, наверняка приобретенном ею в «Харродз», и внимательно следила за тем, как специальные насадки-распрыскиватели, подсоединенные к шлангу, орошают газон на лужайке перед домом. Миссис Белтон, элегантной даме с слегка подсиненными седыми кудрями, всегда в форме, всегда с ровной спиной и красивой походкой, было около шестидесяти. Всем своим видом дама настойчиво демонстрировала окружающим, что знавала и лучшие времена в своей прошлой жизни. И не переставала повторять, что раньше она ни за что бы не пошла на то, чтобы сдавать верхний этаж своего дома. И там сейчас в качестве квартиранта обитает бразильский дипломат, респектабельный джентльмен и все такое, но все же чужой человек в доме.

Синьор Макбрайд-Перейра, как и большинство жителей Бразилии, он имел смешанное происхождение и в самом деле был очень милым джентльменом лет пятидесяти. Дородный, с мягкими карими глазами и приятной улыбкой, не сходившей с его лица, он безукоризненно владел английским, и вообще жил в полном соответствии с английскими традициями и обычаями.

— Быть иностранцем в чужой стране, — любил повторять он, — всегда очень трудно. Особенно, если ты — американец. Ну, а уж выходец из Латинской Америки — это вообще самое последнее дело!

Сейчас он сидел подле миссис Белтон, забавляясь с ее серым пуделем по кличке Феликс. Он что-то рассказывал хозяйке своим хорошо поставленным, певучим голосом, но что именно, Далси не могла расслышать.

До нее лишь долетал мелодичный серебристый смех, которым миссис Белтон сопровождала отдельные реплики дипломата. Несмотря на ее вечные жалобы на то, что вот, дескать, пришлось на старости лет пустить к себе в дом жильца, ей явно нравилось общество мистера Перейра. К тому же, она могла наслаждаться им безо всякого ущерба для своей репутации, ибо вместе с ней жили ее дети — сын Поль и дочь Моника.

Далси вышла на улицу и направилась в сторону забора с большим блюдом слив. Решив не мешать соседским разговорам, она сделала вид, что просто прогуливается по саду, любуясь осенними цветами. Если они заметят ее и окликнут, вот тогда она подойдет к ним поближе и угостит сливами.

— Ах, мисс Манаринг! — мгновенно разглядела ее миссис Белтон. — Какие у вас дивные георгины! Чудо, как хороши!

— Не хотите слив? — тут же предложила Далси и приподняла блюдо повыше. — Угощайтесь!

— Сливы? — немного озадаченно переспросила ее миссис Белтон, словно ей предлагали какой-то невиданный экзотический фрукт. — Как мило! Разве можно отказаться от слив?

Она быстро подхватилась с кресла и посеменила к изгороди своей красивой, по-старомодному грациозной походкой.

— Ах, какая прелесть! — снова повторила она, забирая у Далси блюдо из обычного стекла. — Они будут так красиво смотреться на моих десертных тарелках из рокингемского фарфора. Ну, как прошла ваша конференция?

— Было очень интересно! — оживленно воскликнула Далси и сама удивилась. Что же там было такого интересного? — Когда вместе собирается столько специалистов, то у них всегда найдется что обсудить, — поспешила она с пояснениями, чувствуя, что они получились несколько суховатыми и не очень убедительными.

— С кем-нибудь познакомились? — с надеждой в голосе задала свой следующий вопрос соседка.

— Да. Там было много хороших специалистов и просто приятных людей.

Интересно, как эти два качества уживаются вместе, мелькнуло у нее, и она продолжила уже с меньшим воодушевлением.

— Вот, к примеру, Элвин Форбс! — ей доставило удовольствие произнести его имя вслух. — Серьезный ученый, хорошо известен в кругах специалистов. И собеседник интересный, — торопливо добавила она, заметив, как по лицу миссис Белтон разливается скука. — А еще я познакомилась там с красивой молодой женщиной по имени Виола Дейс.

— Понятно! У вашей новой знакомой довольно странная фамилия. Вы не находите, синьор Макбрайд-Перейра, что в ней есть что-то рыбье? Дейс, Дейс... Это же какая-то мелкая рыбешка, типа плотвы. Но тоже из породы карповых, если мне не изменяет память.

— Не буду спорить! — широко улыбнулся дипломат. — У меня на родине ее точно не употребляют в пищу. Вполне возможно, английским католикам ее позволительно есть, — предположил он с сомнением в голосе.

Далси почувствовала, как медленно погружается в ватную атмосферу некой ирреальности, как это случалось всякий раз, когда она начинала о чем-то говорить с собственными соседями. Впрочем, она не

переставала восхищаться их умением полностью отключаться от проблем сиюминутной жизни с ее каждодневными заботами и хлопотами. Наверное, вот так же неспешно текла жизнь британцев в самом начале двадцатого века или жителей Сан-Паулу в конце девятнадцатого столетия.

Вечером Далси принялась разыскивать по телефонному справочнику номер домашнего телефона Виолы Дейс. И не нашла! Тогда она стала листать справочник на букву «Ф». Элвин Форбс, Квин-сквер, 11, — прочитала она домашний адрес. А ведь это не так уж и далеко от нее. Они вполне могут столкнуться носом к носу в один прекрасный день. А что мешает ей самой спланировать такую неожиданную встречу? Женщины ведь весьма изобретательны и могут организовать такое, что ни одному мужчине и в голову не придет.

4

Да, в этом городе нигде не спрячешься, с некоторым раздражением подумал Элвин Форбс, поспешно отворачивая голову в сторону. Все утро он потратил на бесплодные дискуссии со своим адвокатом по поводу грядущего бракоразводного процесса. А потому настроение у него было далеко не самым лучезарным. А тут еще эта встреча!

Впрочем, довольно безобидный эпизод сам по себе. Он как раз вышел из здания суда неподалеку от станции метро «Темпл» и, купившись на хорошую погоду, решил пройтись пешком до метро прямо через парк. Время было обеденное, и парк буквально кишел людьми. Офисные клерки из близлежащих контор заполнили все лужайки, наслаждаясь последними солнечными денечками. Целые компании расположились прямо на траве между пышными кустами георгин, о чем-то оживленно болтали, кто-то читал книгу или просматривал газету, а некоторые просто лежали на земле, ничуть не заботясь о том, что после вчерашнего дождя трава еще может быть мокрой, и, вперив взгляд в небо, бесцельно созерцали плывущие облака. Именно среди этой последней категории мечтателей Элвин и разглядел Виолу. Правда, она не лежала, а сидела, обхватив руками коленки и подставив лицо нежаркому осеннему солнцу. Глаза у нее были закрыты. Сказать честно, вначале его внимание привлекли ярко-красные парусиновые башмаки на шнурках, которые были на ногах загоравшей. Довольно странная обувь для такого места. Он и предположить не мог, что на подобную безвкусицу пойдет та Виола, которую он знал когда-то. Впрочем, что невозможно для Виолы, вполне уместно для Ви или Вайолет. А в том, что это именно она, сомневаться не приходилось.

Он почти бегом проследовал мимо и перевел вздох облегчения лишь тогда, когда купил билет до станции Южный Кенсингтон. Интересно, что она там делала, размышлял он, стоя на платформе. Совершенно непривычное для нее окружение. Все эти офисные клерки, мелкие служащие и чиновники средней руки, с упоением греющиеся на солнце. И среди них — она в красных парусиновых башмаках на шнурках. И выражение лица у нее какое-то полубезумное. Неужели это любовь к нему толкает ее на столь эксцентричные поступки? Он машинально взглянул на толпу людей, выходящих из подъехавшего состава, словно ища у них ответа на свой вопрос. В толпе мелькнуло смутно знакомое лицо. Приятная внешность. Где же он видел эту женщину раньше? Ах, да! Та злополучная лекция в Дербишире. Опозорился он тогда перед

аудиторией по полной программе! Вот только едва ли он вспомнит, как же зовут эту милую незнакомку. Но уже через минуту, подхваченный людским водоворотом, заносящим его в вагон, он благополучно забыл и о лекции, и о женщине, случайно увиденной им среди пассажиров, всецело сконцентрировавшись на предстоящей работе в Музее королевы Виктории и принца Альберта, где он собирался провести всю вторую половину дня.

Далси тоже успела выхватить из толпы лицо Элвина. И мгновенно почувствовала неприятную пустоту в желудке. Ее даже замутило от страха, но она сразу же рассердилась на себя за столь неподобающую чувствительность. К тому же, у Форбса был такой отрешенный вид. Он был всецело погружен в собственные мысли, судя по выражению лица, не очень веселые. Впрочем, со стороны многие люди производят впечатление вечно озабоченных своими проблемами.

Она же все утро потратила на домашние хлопоты. Ходила по магазинам в поисках подходящей ткани для портьер в комнату Лорел. Потом заказала ей книжный шкаф и письменный стол, размышляя по пути, что вот теперь комната преобразится полностью и приобретет вполне современный вид. Странно, но все эти приятные хлопоты не доставляли ей удовольствия. И чего она так суетится, спрашивала она сама себя. В конце концов, девочка уже совсем взрослая, у нее свои вкусы, вполне возможно, совершенно не совпадающие с тетиными представлениями о домашнем уюте. Случайная встреча с нищим, просящим подаяния на Оксфорд-стрит, еще более усугубила ее дурное настроение. Он просил милостыню с таким страдальческим выражением лица, словно умирал от боли. Она подала ему шесть пенсов и быстро проследовала дальше, ругая себя за слабохарактерность. В конце концов, в стране есть Министерство социальной защиты населения и все такое. Они и обязаны заботиться о малоимущих. К тому же, ей уже сто раз говорили, что нищенство в наши дни превратилось в весьма доходный бизнес. Поди, вечером развалится возле телевизора и начисто забудет про все свои болячки. Хотя, с другой стороны, такой способ зарабатывать деньги на существование ничуть не унизительнее ее собственной работы. Подумаешь, классифицирует литературу для других людей, проставляет индексы на чужих книгах или копается в справочных фондах библиотек в поисках нужной, опять же другим, информации.

Вот и сегодня во второй половине дня у нее запланировано посещение библиотеки Британского музея. Но, вспомнив Элвина Форбса, она решила, что в ее библиотечных изысканиях есть все же и кое-что положительное. Чтобы немного развеяться и отрешиться от мрачных мыслей, она решила немного прогуляться. Побродить по парку перед станцией метро «Темпл»: там всегда такие чудные цветы.

Виола продолжала сидеть на прежнем месте. Если Далси умудрилась откопать рациональное зерно в своей работе, то Виола, нежась на солнце, пришла к выводу, что языческий образ существования совсем не так уж плох. Точнее, он очень хорош. Без всех заумных разговоров, просто поклонение солнцу, нудизм и прочие вещи, кажущиеся абсолютно неуместными и даже эксцентричными в современном обществе. Она открыла глаза и уставилась на собственные ноги. Ужасно безобразные туфли! Зато в них удобно ходить пешком, бродить по городу, совершать экскурсии по всем церквям Сити, что она и намеревалась сделать сегодня после обеда. А за таким занятием она едва ли встретит кого-нибудь из своих знакомых. Следовательно, ей наплевать, как

она выглядит. И хлопчатобумажное платье, наверняка измявшееся от сидения на траве, и парусиновые тапочки алого цвета на шнурках — это именно то, что ей надо для того, чтобы чувствовать себя вполне комфортно.

— О, какая приятная неожиданность! Виола Дейс, не так ли? — услышала она чей-то голос, подняла голову и увидела улыбающуюся Далси, державшую в одной руке большую сумку, до верху набитую книгами, а во второй — какой-то пакет, завернутый в серовато-коричневую бумагу.

— Как это вы замечательно придумали понежиться здесь на траве! — воскликнула она с энтузиазмом, плюхаясь рядом, от чего часть книжек высыпалась на траву. — Не возражаете, если я тоже посижу с вами?

Разумеется, вслух Виола не рискнула сказать, что возражает, ибо появление Далси не вызвало у нее особой радости. Какая же я необщительная, тут же укорила она себя. И с людьми вечно держусь так высокомерно. Вот вам, пожалуйста! Подошла милая женщина, наверняка, с самыми лучшими намерениями, а ты уже готова наброситься на нее.

— Я уже собираюсь уходить, — сказала она холодно. — Нигде поблизости нет приличного места, чтобы перекусить. А потому я прихватила с собой пару бутербродов и съела их прямо здесь, вместе со всеми этими клерками, коротающими обеденный перерыв на свежем воздухе.

Она рассмеялась немного нарочитым смехом, давая понять, что у нее нет ничего общего с такой заурядной публикой.

— Бедняги! — тут же пожалела несчастных Далси. — Им ведь уже пора уходить. Обеденный перерыв вот-вот закончится. Ну, а вы? Чем вы занимались после того, как мы разъехались по домам?

Вопрос показался Виоле крайне бестактным, и она лишь еще глубже спряталась в свою раковину. Хотя, в самом деле, а чем она занималась все последнее время?

— Написала пару статей, — бодро солгала она. — А сейчас вот обдумываю замысел нового романа. Такая работа кажется мне более стоящей, чем какие-то там исследования! — добавила она почти с вызовом в голосе.

— Да, наверное, вы правы! — не стала спорить с ней Далси. — Ведь это же творчество, собственное творчество! Даже если в итоге получится какая-нибудь ерунда. Что вам не грозит, — тут же поспешила успокоить она собеседницу. — По-моему, у вас есть литературный талант. Вы умеете схватывать характер человека, любите наблюдать, а потом переносить свои наблюдения на бумагу.

— О, мой роман вовсе не относится к категории нравоучительных! Терпеть не могу подобной литературы! — проявила свою обычную несговорчивость Виола.

— И как далеко вы продвинулись в своей работе? — миролюбиво поинтересовалась у нее Далси.

— Пока лишь одни наброски, а весь сюжет я держу в голове. Ну, а вы? Чем вы занимаетесь? — перешла она в контрнаступление.

— Варю варенье, консервирую фрукты, готовлю приправы на зиму, — быстро перечислила круг своих обязанностей Далси. — А еще занимаюсь тем, что обставляю комнату для своей племянницы. Она скоро переедет ко мне жить.

— У вас большой дом?

— Да. Особенно для меня одной. Он остался мне от родителей. Четыре спальни.

— Но это же где-то на окраине, насколько я помню. А я вот снимала небольшую квартирку прямо в центре, возле Ноттинг-Хилл-Гейт, но просрочила с платежами, и пришлось расторгнуть договор.

— Я искала вас по телефонному справочнику, — призналась Далси. — Но не нашла вашего номера. Подумала, что было бы приятно встретиться с вами опять.

Виола промолчала, никак не отреагировав на признание.

— И представляете, какое странное совпадение. Буквально за пару минут до того, как я увидела вас, я столкнулась в метро с Элвином Форбсом. И он...

— Вы с ним говорили? — почти грубо перебила ее Виола.

— Нет, я как раз выходила из вагона, а он заходил. Скорее всего, он меня и не заметил. Зато я его сразу узнала. А вы с ним часто виделись после конференции? — спросила она без всякой задней мысли.

— Нет! — коротко отрезала Виола. — Что вы собираетесь делать после обеда?

— Думаю поработать немного в публичной библиотеке.

— Тогда можем прогуляться немного. Я хочу осмотреть церкви на территории Сити. Вот и башмаки одела для этой цели подходящие.

«Так вот почему она вырядилась в такой экстравагантный наряд, — подумала Далси и мгновенно представила себе Виолу среди развалин или на лесах, воздвигнутых вокруг реставрируемых церквей. — Интересно, а настоятели не станут возражать против подобных экскурсий? Впрочем, какие настоятели, если внутри храма одна разруха? Да еще днем! Наверняка только привратник присматривает за ходом работ».

Некоторое время они шли молча.

— Ну, что ж! До встречи! — пролепетала Далси почти униженно, когда они дошли до угла Флит-Стрит. — Мне сюда.

— Обязательно надо встретиться, — дежурно пообещала ей Виола, вовсе не горя желанием новой встречи. — Я позвоню вам как-нибудь. И мы вместе поужинаем.

— Замечательная мысль! — искренне обрадовалась Далси.

— Тогда можно сразу условиться и о дате. Как насчет понедельника?

«А она ведь хочет поскорее отвязаться от меня», — подумала Далси, соглашаясь на предложенный ей день.

— Вот и прекрасно. Жду вас к себе на ужин в половине восьмого. Кэрри-Стрит, 19, — продиктовала свой адрес Виола. — Мой звонок — верхний.

— Спасибо! Приду с удовольствием!

— Но сразу же предупреждаю: на обильный стол можете не рассчитывать!

Они распрощались, и настроение у Далси заметно улучшилось. Что из того, что ей дали ясно понять: никакого праздника живота не будет. В конце концов, люди ходят в гости друг к другу вовсе не для того, чтобы поесть. Она сразу же мысленно перебрала все то, что вызывает у нее наиболее стойкое отвращение. Ливер, рубец, манная каша, инжир. До такого меню Виола точно не опустится. К тому же Далси почти инстинктивно почувствовала, что Виола нуждается в ее дружеском участии, и была благодарна ей за то, что она сама сделала первый шаг к сближению.

Она свернула на Флит-Стрит и остановилась у подъезда научного института, в справочном фонде которого ей надо было поработать в

поисках нужной информации. Оставив вещи в гардеробной, Далси направилась к умывальнику, чтобы сполоснуть руки, и с недоумением обнаружила, что вся раковина завалена цветами.

— Что за ерунда, — начала она, немного раздосадованная возникшим препятствием, и замолчала, увидев высокую женщину, которая зашла в комнату. — Вот хотела помыть руки, а здесь цветы.

— Прошу простить меня! — сухо обронила женщина. — Это мои цветы. Просто пока не нашла места, куда бы их можно было пристроить. Я несу их больному.

— Ах, так? — с сочувствием воскликнула Далси, и в ее голосе послышалось раскаяние. Ну, вот! Снова чужая беда. Не много ли для одного дня? Озабоченный какими-то своими проблемами Форбс, нищий с гримасой боли на лице, потом Виола, валяющаяся на траве в ярко-красных тапочках на шнурках. Она уже приготовилась тихо выскользнуть из комнаты, как женщина остановила ее вопросом.

— Скажите, вы случайно не присутствовали в прошлом месяце на конференции в Дербишире? Мне кажется, я вас где-то видела.

— Да, была.

— Забавное получилось мероприятие. Особенно тот инцидент с падающим в обморок докладчиком, — женщина рассмеялась немного нервным смехом. — Никто не ожидал подобного поворота в избитом регламенте мероприятия.

— Да, — эхом отозвалась Далси. — Такая жалость, что мы не смогли дослушать лекцию до конца.

— Невелика потеря! — презрительно фыркнула женщина. — Тоже мне тема! «Некоторые проблемы редактирования текста». Можно подумать, это кому-то сегодня нужно!

— Тогда зачем ехать? — удивилась Далси.

— А вот это уже другой вопрос. Но в любом случае, мне интересно, что сейчас с Элвином Форбсом. И я обязательно все узнаю. Что, кстати, совсем не трудно. Потому что Форбс — родной брат нашего викария.

— Вашего викария?

— Ну, да! А что тут удивительного? Даже у неженатого священника могут быть родственники. Вот и у нашего с вами лектора имеется родной брат-викарий.

Позднее, перебирая каталожные карточки в справочно-информационном отделе, Далси спохватилась, что даже не поинтересовалась у незнакомки, в каком именно приходе служит брат Элвина Форбса. Но что мешает ей заняться самостоятельным расследованием? Это будет даже интереснее. Она сама начнет копаться в телефонных справочниках, адресных книгах. И при этом постарается обойтись без пособий типа «Кто есть кто», потому что они — самый простой путь к получению нужных сведений. Нет, в этой работе ей все же нужна некоторая недосказанность, неопределенность формулировок и сведений, то есть только то, что питало бы воображение и оставляло место для собственных домыслов. А потому ей совсем не обязательно знать такие подробности, как: на ком женат ее герой, есть ли у него дети, и где он проводит свой отпуск.

А в том, что Элвин Форбс уже превратился в ее героя, сомневаться не приходилось. Невероятно, но факт! Она влюбилась. Что ж, можно констатировать, что какая-то польза от всех этих научных конференций все же, несомненно, есть.

5

Сидя в такси, Лорел нетерпеливо смотрела по сторонам, желая удостовериться, что шофер везет ее именно туда, куда ей надо. Вот за стеклом промелькнул огромный мемориал в честь принца Альберта. Теперь можно и расслабиться. Лорел откинулась на спинку сиденья, рассеянно глядя в окно. Хорошо было бы жить в самом центре Лондона, в одном из этих красивых многоквартирных домов с изысканными фасадами, обращенными окнами в парк. Но, с другой стороны, у тети Далси ей на первых порах будет гораздо лучше, чем у какой-нибудь посторонней женщины, которая наверняка с первого же дня установит жесткий регламент для своей квартирантки: ровно в десять и ни минутой позже быть дома. А тетя у нее еще совсем не старая, да и особых вредностей за ней не водится. Правда, скучноватая, и элегантности в ней тоже ни грамма. Вечно ходит в одном и том же твидовом костюме и в туфлях без каблуков. И никогда не красится. Мама сказала, что тетя совсем махнула на себя рукой после того, как у нее что-то там разладилось с женихом. Бедняжка!

Далси встречала племянницу, стоя на ступеньках крыльца, и при этом выглядела так, как и должно выглядеть тетушке, волнующейся за целостность доставки вверенного ей на время ребенка. «И как только родители решились отпустить девочку одну в Лондон, — негодовала она про себя. — А что, если бы какой-нибудь незнакомец пристал к ее молоденькой племяннице прямо на вокзале?» Даже подумать страшно, какие опасности подстерегают неопытную восемнадцатилетнюю барышню в большом городе.

«Еще бы! Пристанут и умыкнут меня в Южную Америку», — презрительно подумала Лорел, слушая тетины охи и ахи. Она поставила коробку с жареной курицей и дюжиной домашних яиц на крыльцо (мама буквально силой всучила ей эту посылку, заставив тащить куриные яйца в Лондон), после чего огляделась по сторонам.

Внушительного вида дома по обе стороны улицы, аккуратно подстриженные кустарники, садовые деревья, с которых уже начала осыпаться листва. Какой-то пожилой мужчина чинно проследовал мимо их дома и раскланялся с тетей с той церемонной учтивостью, которая сразу же выдавала в нем иностранца. В саду напротив женщина старательно подвязывала кусты хризантем. В окне соседнего дома мелькнуло чье-то лицо, мелькнуло и тут же исчезло за складками кружевной гардины. «Какой же это Лондон», — разочарованно подумала девочка. Лондон — это широкие, залитые светом вечерних огней улицы, рестораны Сохо, шумные кафе, в которых в любое время дня и ночи полно народу, это прогулки по тенистым паркам и, конечно же, бесконечные разговоры со сверстниками обо всем на свете. Что ж, на какое-то время придется смириться с тем, что есть, а потом она подыщет себе собственную квартирку, такую, как ей хочется.

Далси, разглядывая украдкой свою племянницу, тоже расстроилась, но уже по другому поводу. Лорел так выросла за минувший год. Настоящая девушка, с которой надо обращаться на равных. Ну, и о чем они, интересно, станут говорить? О работе? О тех домашних мелочах, которые роднят всех женщин, независимо от возраста? О чем еще?

— Идем, я покажу тебе твою комнату, — проговорила она вслух. — Надеюсь, тебе понравится. Я приготовила для тебя спальню с окнами в сад. Там тебе спокойнее будет заниматься. Я ее полностью обновила.

— После смерти бабушки? — с юношеской прямолинейностью уточнила Лорел.

— Вообщем-то, да, — немного растерялась Далси, не ожидавшая такого вопроса в лоб. — Надеюсь, ты не имеешь ничего против самой комнаты. Она действительно самая красивая в доме.

Лорел мгновенно припомнила свои детские впечатления от поездок к бабушке. Слабый запах лаванды, постоянно горящий, даже в летнее время, камин, множество фотографий в серебряных рамочках на туалетном столике и на крышке комода, старинная акварель, изображающая Везувий. Сколько она себя помнит, бабушка всегда лежала в постели. Что же с ней все-таки было?

Далси распахнула дверь, и Лорел увидела, что от бабушкиной комнаты действительно мало что осталось. Светло-бирюзовые обои с неброским белым рисунком, вполне современный диван-кровать, кресло, письменный стол, пустой книжный шкаф и совершенно голые стены. Ни одной картинки.

— Я решила, что ты подберешь эстампы по собственному вкусу, — пояснила Далси, перехватив ее изучающий взгляд.

— А где та картинка с Везувием? Мне она очень нравилась в детстве.

— Она сейчас висит у меня в комнате, — коротко ответила Далси, не став пояснять, что акварель тоже любима ею с детства.

Лорел подошла к окну. Сад как сад, такой же, как у них дома, разве что побольше. То же осеннее изобилие и уже первые признаки увядания: желтые листья на траве, паданцы под деревьями, возле которых вьются осы и суетливо толкутся птицы, пышно рдеющие кусты георгин, разноцветье цинний и первые соцветия ранних хризантем.

— Приводи к себе друзей. И вообще, чувствуй себя, как дома. Здесь есть небольшая газовая конфорка. А в этом шкафчике — чайник и прочие мелочи. Всегда можешь сварить сама себе кофе или вскипятить воду. А пока пойдем вниз, и я угощу тебя чаем в столовой.

Лорел умыла с дороги руки и снова подошла к окну. Какой-то молодой парень бесцельно прогуливался по соседнему саду. А он — ничего, мелькнуло у нее. Даже очень ничего! С таким вполне можно познакомиться в каком-нибудь баре. Наверное, он здесь живет. Надо будет разузнать у тети. Девочка воспряла духом и в столовую вошла в уже более приподнятом настроении.

— Я пригласила сегодня соседей на чашечку кофе, — сказала Далси, когда они с Лорел уже мыли посуду после чаепития. — Это миссис Белтон, ее дочь Моника, сын Поль и синьор Макбрайд-Перейра. Он из Бразилии, работает здесь в дипмиссии и снимает квартиру в доме миссис Белтон.

— Как здорово! — обрадовалась девочка. — А сколько лет Монике и Полю?

— Точно не знаю, но они оба уже взрослые молодые люди. Моника преподает в Лондонском университете, а у Поля — собственный цветочный магазин, который мать специально купила для него. Он — очень милый юноша. Надеюсь, он тебе понравится.

«Еще чего не хватало», — сердито подумала Лорел, однако принялась наводить красоту по полной программе, стараясь, главным образом, для знойного сердцееда из Бразилии, образ которого услужливо нарисовало ее воображение, опираясь на многочисленные южноамериканские сериалы. Впрочем, завидев гостей, она мгновенно поняла, кто есть кто. Вместо темпераментного мачо перед ней предстал тот самый пожилой джентльмен,

который так прочувствованно здоровался с тетей на улице. Зато в Поле она узнала молодого человека, которого она успела заметить из окна. Моника, такая же светловолосая и бледнолицая, как и ее брат, производила впечатление невзрачной и совершенно неженственной особы. Трудно было поверить, что она — родная дочь миссис Белтон, надушенной, ухоженной дамы, мелодично позвякивающей при каждом движении бесчисленным количеством браслетов, нанизанных на ее запястья. Соседка явилась в гости с маленьким пуделем на руках, подсиненным в тон ее волосам.

— Наш Феликс будет паинькой, — объявила она с порога. — Он умеет вести себя в обществе. Я прихватила с собой его подушечку.

С этими словами миссис Белтон водрузила на ковер возле камина небольшую розовую думку, обшитую цветными воланами.

Лорел обрадовалась: появление животного — это всегда хороший повод для того, чтобы начать разговор.

— Привет, Феликс! — проговорила она и положила руку на его маленькую квадратную мордочку с намерением погладить пса.

Маленькие черные, похожие на бусинки, глазки блеснули недобрым светом. Пудель вдруг злобно ощерился и вцепился зубами в ее браслет. А в следующее мгновенье браслет уже валялся на полу.

— Ах, у него такие острые зубки! — проворковала миссис Белтон, с обожанием глядя на своего любимца. — Что ты наделал, маленький негодник? Порвал браслет, да?

— Да, нет! Ничего страшного! — смутилась Лорел. — Просто застежка слабая.

— Надеюсь, он ее не сломал? — забеспокоился Поль. — Можно, я взгляну?

Лорел протянула ему браслет.

— Да, здесь действительно все дело в застежке. Я починю ее в два счета.

— Надо же нам хоть как-то извиниться за Феликса, — сухо проронила Моника.

— А при чем здесь Феликс? — немедленно возмутилась ее мать. — Ну, да! Мальчик немного раскапризничался, потому что попал в чужой дом. Вот сейчас мисс Манаринг угостит мальчика его любимым эклером, и песик сразу же успокоится. Правда, мисс Манаринг?

Далси, всецело поглощенная процессом разливания кофе, пробормотала что-то вежливо нечленораздельное. Ей и в голову не могло прийти, что Феликса действительно нужно потчевать эклерами.

— Могу предложить ему для начала печенюшку, — предложила она.

— Не надо нам ваших печенюшек! — обиделась за своего питомца миссис Белтон. — Мы хотим эклер. Правда, Феликс?

Феликс, почувствовав, что в любом случае какое-то лакомство ему гарантированно, принялся носиться по комнате, как угорелый, радостно повизгивая и подпрыгивая, и норовя при этом угодить всем под ноги.

— Да, только животному под силу создать такую атмосферу доброжелательности и детской непосредственности! — глубокомысленно изрекла его хозяйка. — Феликс способен растопить лед отчужденности в любом обществе. Я уже не раз имела возможность убедиться в этом, когда брала его с собой.

— А у вас, мисс Манаринг, есть домашние питомцы? — поинтересовался синьор Перейра у Далси.

— Да знаете, как-то не успела еще обзавестись, — отшутилась Далси. А, собственно, почему нет? Особенно сейчас после смерти

матери и разрыва с женихом, когда она осталась одна-одинешенька не только в этом огромном доме, но и на всем белом свете. И вот что удивительно! Ей ни разу не пришла в голову мысль о каком-нибудь котенке или бездомной собачонке. А вот у миссис Белтон — семья, двое детей, а она, между тем, души не чает в своем пуделе.

— Чем вы собираетесь заняться после окончания курсов секретарей? — спросила Моника у Лорел. И девочка мгновенно смутилась, почувствовав себя школьницей, которая держит ответ перед строгой классной руководительницей.

— Я хочу работать секретарем в каком-нибудь издательстве, — пролепетала она вполголоса, стараясь произвести на преподавательницу университета впечатление умной и образованной девушки. — Это ведь так интересно! — воскликнула она и покраснела, почувствовав всю наивность своих последних слов. — Но в бизнес или торговлю точно не хочу идти.

— А какие у вас были любимые предметы в школе? — продолжила свой допрос Моника.

— Английский язык и история, — с готовностью отрапортовала Лорел.

«Бедняжка», — усмехнулась про себя Далси. Сколько таких же вот глупышек, выпархивая во взрослую жизнь, отвечают точно так же. А в сущности, что стоит за этим ответом? Ну да, детская увлеченность героями прошлого: Наполеон, Карл I. Кто еще? Или любовь к поэзии Китса и Мэтью Арнольда. Разве сама она была другой? Помнится, как озадачил родителей ее собственный выбор профессии после школы. Благо, что они могли позволить себе роскошь отправить ее учиться в Оксфорд. И вот итог: она проставляет индексы на чужих книгах и проводит небольшие информационные поиски для других людей. Для тех, кто умнее ее, у кого больше способностей к научной работе и все такое. Правильно съязвила тогда в разговоре с нею мисс Лорд: «Ну, и что это вам дало, мисс Манаринг?»

С другой стороны, какого ответа можно ждать от ребенка, еще не имеющего ни малейшего понятия о том, что такое взрослая жизнь и настоящая работа. А потому, конечно же, английский язык и история.

6

Далси не забыла о своем намерении самостоятельно покопаться в справочной литературе, чтобы выяснить, в каком приходе служит брат Элвина Форбса. И когда спустя какое-то время она снова оказалась в публичной библиотеке, то первым делом направилась в читальный зал, где хранятся самые разные справочные каталоги. К сожалению, «Крокфорд», ежегодный справочник, в котором публикуются имена всех священнослужителей англиканской церкви, оказался на руках. Далси обвела взглядом посетителей зала и увидела, как пожилой мужчина в затрапезном костюме что-то старательно выписывает из него себе на листок бумаги. «Наверное, переписывает адреса и фамилии священников, — подумала Далси, — чтобы потом направить им письма-прошения с просьбой о материальной помощи». Далси снова впала в меланхолию при виде стариков, явно преобладающих среди публики читального зала. Скорее всего, этим несчастным просто некуда идти, вот они и коротают время в библиотеке за чтением газет и журналов.

Наконец «Крокфорд» освободился, и Далси приступила к собственным изысканиям. Поиск оказался удачным и очень скоро вывел ее на искомый объект.

«Форбс, Невил Артур, окончил Лондонский университет в 1937 г., бакалавр гуманитарных наук, — прочитала она в короткой библиографической справке. — В годы войны служил капелланом на флоте. С 1954 года — викарий прихода Норд-вест в Лондоне». Дальше шли какие-то цифры, набранные совсем мелким шрифтом, из коих следовало, что ежегодный доход мистера Форбса-старшего составляет 626 фунтов, и что он является владельцем собственного дома.

Норд-вест, Норд-вест, так ведь это совсем недалеко от ее дома. По крайней мере, пешеходная прогулка в те места ей вполне под силу. Нужно только обувь выбрать поудобнее. А главное, и повод есть. Ведь именно в этом районе живут ее дядя Бертран и тетя Гермиона. В ближайшее же воскресенье она напросится к ним на чашечку чая, а там, глядишь, успеет еще попасть и на вечернюю службу.

Далси принялась рисовать себе портрет преподобного отца Форбса. Но почему-то перед ее мысленным взором тотчас же появлялось лицо Элвина, и сам он, облаченный в костюм священника. Несмотря на то, что скудная информация в «Крокфорде» не пролила свет на то, кто из двух братьев является старшим, Далси была почему-то абсолютно уверена в том, что Элвин — младший. Рука ее непроизвольно потянулась к справочнику «Кто есть кто». «Дай бог, чтобы там было хотя бы пару слов о младшем Форбсе», — подумала она, приступая к новому поиску. Но на удивление, информации об Элвине оказалось гораздо больше, чем о его брате. Во-первых, давалась дата его рождения: 3 июня 1912 года. Правда, про родителей не было сказано ни слова. Зато сообщалось, что он женат на Марджори, дочери Джеймса Уилтона, и что детей у них с женой нет. Дальше прилагался список научных публикаций Элвина Форбса, около десятка статей и монографий по проблемам литературы семнадцатого и восемнадцатого столетий. Сообщались даже сведения о любимых развлечениях: «хорошее вино и интересные беседы».

Далси закрыла справочник, раздосадованная и на себя, и на объект своих изысканий. Надо же! Любитель умных разговоров и хорошей выпивки. Тогда его можно только пожалеть, ибо на конференции в Дербишире он был лишен и того, и другого. Далси даже улыбнулась, вспомнив, как старательно он избегал общества ученых дам, пытающихся втянуть его в свои научные дискуссии.

Так, и что же у нас в сухом остатке? Жена, которая ушла от мужа и вернулась к собственной матери. А еще несчастная женщина по имени Виола, несчастная до такой степени, что ей безразлично все на свете. И она позволяет себе даже такие экстравагантности, как развалиться на траве в самом центре Лондона, выставив на всеобщее обозрение нелепые полотняные туфли красного цвета. Далси сознательно вынесла за скобки еще одну особу, обычно всегда такую трезвомыслящую. Кажется, она уже тоже почти готова на всякие безрассудства во имя своей любви. Но об этом она подумает позже, на досуге.

Занятая собственными мыслями, Далси даже не заметила, как дошла до дома, и только тут вспомнила, что живет не одна. Мысль о том, что вот сейчас ей придется почти насиловать себя, настраивая на пустые разговоры с восемнадцатилетней девочкой, снова вызвала у нее прилив дурного настроения. Но не успела она переступить порог прихожей, как раздался звонок. Звонила Лорел. Она просила разрешения у тети задержаться на

вечер в центре. Собирается сходить с подружками в кафе, но домой она постарается вернуться не очень поздно. Далси еще раз напомнила ей расписание автобусов, намеренно указав время отправления не последнего, а предпоследнего из них. «Ну и что теперь мне делать», — размышляла она, стараясь поставить себя на место своей сестры Шарлоты. А ведь, если бы она вышла замуж за Мориса, у них бы тоже могли быть дети. Впрочем, Далси как-то очень плохо представляла себя в роли матери. Разве что матери Мориса. Он ведь, в сущности, был самым настоящим взрослым ребенком. Да, вот бы у них получился семейный союз на славу! И на зависть всем. Жена немного выше собственно мужа, немного старше и много-много умнее его. Она даже улыбнулась собственной шутке, хотя на душе у нее скребли кошки. Что из того, что объект твоих былых воздыханий недостоин тебя? Все равно это больно, когда любовь заканчивается так, как закончилось у них все с Морисом.

Она увидела в окно Поля Белтона, идущего по дорожке к их дому с огромным букетом роз: бледно-розовые бутоны на длинных тонких стеблях без шипов. «Такие же, как он сам, — подумала Далси, — нежные и хрупкие. Этот мальчик совсем не похож на взрослого мужчину».

— Добрый вечер! — проговорила она, распахивая перед соседом дверь еще до того, как он успел нажать на кнопку дверного звонка.

— Ах, мисс Манаринг, это вы! Добрый вечер! Вот хотел вернуть браслет. Я починил застежку. И цветы... — Поль вспыхнул от смущения.

«Бедняга», — подумала Далси с сочувствием. Конечно, менее всего на свете парнишка предполагал столкнуться носом к носу со старой теткой вместо молоденькой племянницы.

— Как мило! Уверена, Лорел будет тронута. Она еще не вернулась с занятий. Я все передам ей, и она сразу же позвонит вам.

Поль медленно побрел к себе домой. Его руки, не занятые никакой поклажей, обвисли и уныло болтались по обе стороны туловища. Кисти показались Далси чересчур красными. Бедный мальчик! Он ведь целый день возится в воде: поставить цветы, достать цветы. Зато ему ничего не стоит приволочь соседке шикарный букет оранжерейных роз, вдруг ожесточилась она на юного соседа. Подумаешь, красивый жест! Все равно завтра утром у этих роз был бы нетоварный вид, и их пришлось бы выбросить вон.

Она поставила цветы в вазу и понесла наверх в комнату Лорел. Она еще ни разу не заходила к девочке после того, как та поселилась у нее в доме. И немного нервничала, даже не зная почему.

Первое, что бросилось в глаза, это разобранная постель. В шесть часов вечера! Но, наверное, Лорел очень торопилась утром, вот и не успела заправить кровать. Да, но кто, по ее мнению, должен делать эту работу вместо нее? Если оставить цветы здесь, то племянница поймет, что тетя была у нее в комнате и видела царящий в ней кавардак: одежда, разбросанная по всей комнате, чулки, свешивающиеся со спинок стульев, распахнутые настежь створки шкафа, выдвинутые ящики стола. Бог мой! Да девчонка даже толком еще не распаковала свои вещи.

Далси молча обозревала весь этот хаос, стоя посреди комнаты, не выпуская вазу с цветами из рук. Она уже собралась идти вниз, как вдруг ее внимание привлекла фотография молодого человека, стоящая на прикроватной тумбочке. Лицо юноши показалось Далси знакомым. Странно, но сестра ни словом не обмолвилась насчет того, что у Лорел уже есть парень. Наклонившись над фотографией, Далси принялась пристально изучать ее. Да она еще и подписана! Какими-то корявыми

печатными буквами, словно у юноши нет собственного почерка. А, да это ведь известный исполнитель рок-н-ролла. Его лицо действительно часто мелькает на телевизионном экране, вот оно и показалось ей знакомым. Далси перевела вздох облегчения.

Она вручит розы племяннице, когда та вернется, и не скажет ей, что наведывалась к ней в комнату. Тогда ей не придется и комментировать то, что она там увидела. А сейчас она займется ужином. Приготовит себе что-нибудь простое, в духе французских крестьян. Хрустящий багет, сыр, салат, заправленный оливковым маслом и уксусом, вино. Впрочем, вместо изысканной салатной заправки по-французски сойдет и майонез, а вино ей вполне заменит апельсиновый сок.

Лорел вернулась домой около десяти, совсем даже не поздно. Глаза ее сияли от избытка новых впечатлений, которые она получила сегодня вечером в кафе-баре. И эта безыскусная радость и ощущение молодости почему-то задели Далси, и она решила, что все же скажет племяннице о том, что наведывалась к ней в спальню.

— Поль Белтон заходил к тебе после работы. Принес твой браслет и вот эти розы. Я вначале хотела поставить их у тебя в комнате, зашла и увидела, что ты оставила кровать неубранной.

— Да, я очень торопилась. И потом подумала, что сегодня должна прийти эта. Как ее там? Ну, женщина, которая прибирается у нас в доме. Ах, какие чудные розы! Надо будет обязательно поблагодарить его!

— Мисс Лорд не обязана убирать за нами кровати, — сухо отрезала Далси. — Пожалуйста, впредь имей это в виду. А цветы действительно просто замечательные. Обязательно позвони Полю или даже зайди в магазин и поблагодари лично.

— Пожалуй, я так и сделаю! — охотно согласилась с ней Лорел.

— Хорошо провела время? — перевела разговор на другое Далси.

— Да, мы посидели немного с одной девочкой в кафе, а потом пошли к ней домой. Она снимает такую прелестную комнатку на Куинс-сквер, всего в двух шагах от колледжа.

— Куинс-сквер, Куинс-сквер, — машинально повторила Далси и чуть не подпрыгнула от неожиданности. Так ведь это же домашний адрес Элвина Форбса, который указан в справочнике «Кто есть кто». Далси тут же представила себе ряд огромных респектабельных домов по обе стороны улицы, расположенной почти в самом центре Лондона рядом с Голландским парком. Предусмотрительные хозяева особняков уже давно превратили многие из них во множество уютных однокомнатных гнездышек, которые охотно снимают молоденькие девушки, мечтающие о красивой жизни в столице, или одинокие женщины, которые — кто знает? тоже, быть может, мечтают о чем-то своем. А интересно, Форбсу принадлежит весь дом или только квартира в нем? Надо это выяснить!

От мыслей о Форбсе Далси отвлек телефонный звонок. Вначале голос звонившей женщины показался ей совершенно незнакомым, но когда та назвала себя, то Далси моментально узнала знакомые интонации. Звонила Виола Дейс.

— О, какая приятная неожиданность! — воскликнула Далси с несколько преувеличенной радостью, лихорадочно соображая, что понадобилось от нее Виоле в столь позднее время. Неужели она собирается отменить свое приглашение на обед?

— Пожалуйста, помогите мне! — глухо проговорила Виола в трубку.

— Да, разумеется! С удовольствием! — наверное, ей понадобилась

помощь в проведении какого-то исследования, пришла в голову совершенно нелепая мысль, и Далси охотно ухватилась за нее. — Говорите, что именно вам надо.

Виола перешла почти на шепот.

— Я сейчас не могу сказать вам все. Особенно здесь и сейчас. Но в двух словах ситуация такова: мы только что крупно поскандалили с хозяйкой дома, у которой я снимаю квартиру. Короче, мне надо съезжать, и незамедлительно. Вот я и прошу вас. Вы бы не могли пустить меня к себе на некоторое время? Естественно, я заплачу.

— Да... почему бы и нет? — страшно растерялась Далси от столь неожиданного поворота в их разговоре.

— Вы ведь сами говорили, что у вас есть свободная комната. Пожалуйста, разрешите мне пожить в ней пару недель, не больше, пока я не найду для себя что-то подходящее. Понимаю, что я откровенно навязываюсь вам, но...

— Вовсе нет! — решительно перебила ее Далси, уже успев прийти в себя. — Мне будет очень приятно видеть вас в своем доме. А когда вы собираетесь съезжать?

— Все это мы обговорим, когда вы придете ко мне на ужин.

— Тогда до встречи. Я жду ее с нетерпением.

— О, я не планирую никаких особых изысков, — отрезала в своей обычной, несколько грубоватой манере Виола и тут же отключилась.

Далси отошла от телефона со смешанным чувством удивления и досады. Она прекрасно понимала, что Виола и в самом деле откровенно использует ее и, тем не менее, в глубине души ей даже немного льстило, что из всех своих знакомых Виола выбрала именно ее. Пусть всего лишь для того, чтобы попользоваться ее слабохарактерностью. Да, но интересно, в какую комнату ее поселить? Если бы не Лорел, то она, безусловно, отдала бы ей мамину комнату. Пожалуй, порядка в комнате не стало бы больше. Разве что вместо фотографии рок-н-ролльного музыканта на прикроватной тумбочке появилась бы фотография Элвина Форбса.

— Звонила моя приятельница, — пояснила Далси племяннице, вернувшись на кухню. — Просится пожить у нас какое-то время.

— А где вы ее разместите, тетя?

— Но у нас же есть еще свободная спальня. И еще одна небольшая комнатка внизу, рядом с холлом. Правда, она совсем крохотная.

— А в спальне стоит швейная машинка, гладильная доска и еще куча старых журналов. И вообще, она забита всяким хламом до отказа.

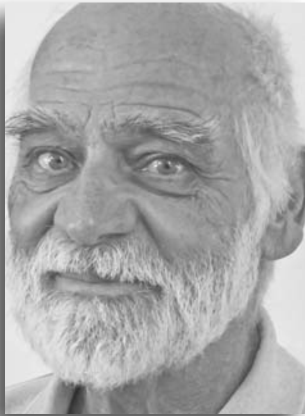
— Да, ты права! — вздохнула Далси. Она вспомнила, что перенесла в эту комнату все любимые мамины картины и остальные ее вещи. Не хотелось избавляться от них сразу же после ее смерти. Впрочем, со старьем проблем не возникнет. Стоит только позвонить в какой-нибудь благотворительный фонд, и они тут же приедут и заберут все с превеликим удовольствием. А картины пусть пока повисят. В конце концов, Виола собирается пробыть у нее не более двух недель.

— В любом случае, новость приятная, — заметила Лорел и добавила наставительным тоном. — А то вы все одна и одна. Хоть будет с кем словом перекинуться!

— О, да! — мечтательно протянула Далси. — Будет!

Перевод с английского Зинаиды КРАСНЕВСКОЙ.

Окончание следует.

СЭМ ОКЛЕНД

Улыбки за чашкой чая

Когда ты способен радоваться чужим поэтическим открытиям, как своим, когда у тебя есть потребность ретранслировать то, что тебя зацепило, что близко тебе по духу, тогда ты получаешь от занятий поэтическим переводом истинное творческое удовлетворение. У меня со стихами Сэма Окленда произошло иначе. Это был заказ. Взяться за перевод книги эротического содержания меня, человека в этом отношении закрытого, вынудила необходимость: не так часто поэту выпадает случай заработать литературным ремеслом. Еще один внутренний конфликт был вызван тем, что я не люблю сплошной белый стих. Я воспитана в другой поэтической традиции, и в моем представлении целая книга стихов, не организованных ни рифмой, ни даже ритмом, — это скучно. Мне пошли навстречу: позволили часть переводов зарифмовать. Еще мне позволили скомпонованные случайным образом стихи выстроить в виде сквозной линии взаимоотношений мужчины и женщины. Трудно заранее просчитать, как сработает резонанс автора и переводчика. Но тут, признаюсь, результат превзошел мои ожидания. Анализируя текст, пытаясь разобраться в сути написанного на чужом языке, я невольно пропускала чувственные мужские откровения сквозь призму своего, женского, восприятия, своей эмоциональности. Перевод получился максимально близким к источнику (это мое кредо), но произошла некая его трансмутация. Не ставя перед собой такой цели, я интуитивно сместила акценты с телесных на духовно-психологические. В процессе работы для меня настал и свой «момент истины». Я будто бы сыграла мужскую роль в щемящей любовной драме двоих зрелых людей. Для меня это был уникальный опыт.

Татьяна ШПАРТОВА

Во взгляде — отблески секретов

Она за чашкой чая улыбалась:
в словах — намеки о семейных связях,
о доме, о друзьях и сослуживцах;
во взгляде — отблески секретов
утаенных.

Встревает телефон —
издалека
зовет, чтобы вовлечь ее уладить,
устроить, ублажить других, кто вхож
в ее кружок, среду и мирозданье.

Мешает ложкой —
серебро о край стекла
привносит музыку
в уже безмолвный воздух,
она, как сахар, тает в сладкой смеси,
которую они вдвоем смакуют.

И он за чашкой чая улыбался:
в словах — намеки о семейных связях,
о доме, о друзьях и сослуживцах;
во взгляде — отблески секретов
утаенных.

Он к горизонту движется все дальше,
она глядит, пока он не исчезнет
за кромкою привычного ей мира, —
ведь это все
случиться может снова, —
ведь это все
уже случалось прежде...

Через людную комнату

Мне улыбнулась через комнату она —
мне одному, —
и памяти плеснувшая волна
струит тепло по телу моему.

Я только взор потупил — шеи зов
невольно за собой его увлек,
а ниже — ее черный свитерок,
тот, что ласкал я и ласкать готов...

Мой взгляд,
пропутешествовав до пола,
вернулся осмотрительно назад;
я маюсь, сторонясь толпы веселой,

и размышляю (те мгновенья где?)
о страсти, о желанье, о нужде.

И наблюдаю издали, сквозь море
пустых личин, ее занявших в разговоре;
мне интересно, ведомо ли ей,
чего б хотел я с ней, и только с ней? —
о чем бы никогда и ни за что
не догадался больше бы никто.

Воспоминания доброго широкого матраса

Прошло немного времени, и вот,
в обители любовных мемуаров,
глазами в потолок,
спиной к твердыне доброго широкого
матраса,
лежу
и размышляю, как была
событьями богата жизнь моя;
но шум воды из ванной
вновь вернул
меня в реальность нынешнего дня,
дав мозгу импульс
подготовить тело
для
удовольствий предстоящего момента,
выдерживая памяти напор
и
к будущему
яростно стремясь.

Расстояние

Как мне сейчас Востока не хватает!
И та, что в круговерти городской
нашла меня,
души не отпускает.

Касанья красоты не достает
и острого укуса наслажденья,
той зыбкой грани вольного паренья,
пока освобожденье не придет.

Мне не хватает потного блистанья,
усталости на треке,
где желаньям
мы замкнуты на параллельный бег —
и прямо,
и правдиво,
и навек.

Любовь

Ты во фразе «я тебя люблю»
одного не называешь слова;
все равно значенья никакого
странности такой не придаю;
важно, что мы вместе, оба здесь,
и у нас в запасе время есть.

Не хочу выискивать причин
в дебрях подсознательных глубин.
Просто ты не веришь звону слов,
что расхожей делают любовь.

Даже если я тебя дразню,
повторяешь: «я тебя...»
Мы смеемся — слово без звучанья,
но ему не нужно опознанья.

Важно, что мы вместе — я да ты,
и в словах признанья нет нужды.

Лишь той, единственной не достает

Я шел по берегу сегодня
рано утром,
печатая на слипшемся песке,
сыром от ливня
или от прилива,
едва заметный сиротливый след, —
но в одиночестве своем
не одинокий.

Ты рядом шла со мной,
рука в руке,
и так же оставляла на песке,
сыром от ливня
или от прилива,
невидимый пунктир своих следов, —
ты в одиночестве своем
не одинока.

Я так хочу, чтобы настал закат,
вечерний миг, стирающий следы,
когда слепящий диск
степенно сходит
в мрачнеющие тайны океана
и исчезает,
предваряя ночь,
что обретает привкус поцелуя,
тепло объятий,
памяти улыбку.

Вдвоем под дождем

В трепете свечи туман клубит,
комнату заполнить норовит —
будто тень, красавица нагая
из проема светлого шагает
мне навстречу, и совместно с нею
теплым фронтом влажный воздух реет,
что рожден горячею струей
в схватке с полом ванны ледяной.

Ты меня в туман к себе зовешь,
в ласковый, уютный, теплый дождь,
где, сливаясь вместе, наши тени
обретают общее движенье.

Двери закрываются за нами,
лишь для пустоты играет пламя.

Пинта эля да пустой стул

Один
сижу, укрывшись в уголке
таверны, завсегдатаев чураясь,
их болтовней и дымом наполняясь,
густеет воздух; греется в руке,
пустея понемногу, кружка эля —
я пью, воспоминания лелея,
и этот стул напротив тем мне мил,
что он тебя однажды приютил.

Мгновения у кухонной раковины

Вручную чашку вымыла мою
она на кухне ультрасовременной —
не пожелала даже оставлять
ее в посудомоечной машине,
где скапливалась целый день посуда;
а серебро столовое на чистку
уже отправлено в положенное место...

Я наблюдал за нею у стола
и поражался, как она спокойна, —
необъяснимый в доме незнакомец,
а дверь ведет на улицу одна.

Подкравшись сзади возле безупречной
чистейшей раковины
думал я о том,
что между нами перед этим было, —

как на меня она поглядывала сверху,
и как глядел я снизу на нее,
и как мы оба потеряли разум,
а, может быть, покинул разум нас...

Я так обнять ее хотел,
рвануть к себе
и повторять безумные движенья,
чтоб высечь пламя,
что меня лишит дыханья
и закричать ее заставит: «Боже мой!»

Но время вышло,
простыни просохли
и сложены,
их ждет уже комод,
везде порядок — отпечатки стерты;
поколебавшись, чмокнул ее в шею
и испарился —
как не приходил,
а, может быть,
и даже вовсе не был.

Гуляя в одиночестве по городу

Снег валит,
бреду я, одинок,
с продувным февральским ветром
споря,
что с открытого сюда принесся
моря,
под рассвета зимнего клинок.
Местных моряков ватага, смелых,
запрудила пирс обледенелый
и под россыпь озорных словечек
греет руки у походных печек.

Я бреду сквозь город, одинок,
всматриваясь в даль, где сиротливо
пара кораблей идет с приливом,
где натянут в небе ледяном
мост, пришвартовавший островок,
что встречал когда-то лишь паром.

Ото всех на пирсе отчужден,
я бреду желанием гонимый
отыскать объятия любимой,
впасть в любви неторопливый
сон,
пить тепло, дыханье, запах той —
той, что ускользнула в мир

чужой,
что мечтой восстала из глубин,
от мороза, взрывов ли пурги,
ноздри мне забившей и мозги...
Я бреду вдоль берега один —
путь мой пуст, нетронут белый снег,
и намека нет на прежний след.

Перевод с английского Татьяны ШПАРТОВОЙ.

МИХАИЛ ВЫСОЦКИЙ

Генеральный конструктор

В феврале исполнилось 85 лет Герою Беларуси, генеральному конструктору по автомобильной технике «Объединенного института машиностроения» Национальной академии наук Беларуси, академику, доктору технических наук, профессору Михаилу Степановичу Высоцкому. Журнал «Нёман» предлагает вниманию читателей избранные главы из автобиографической книги Михаила Высоцкого «Генеральный конструктор. История жизни».

Как я обругал Королева

За что я люблю жизнь: за ее неожиданные повороты, что меняют привычное течение дел, за те загадки, ответы на которые приходится искать, прилагая титанические усилия... Но зато награда — появление нового, чего никогда не было, что движет мир вперед. И я расскажу эпизод, который сыграл важную роль в моей жизни. Внезапно я оказался на гребне советской науки...

В конце 1956 года наше конструкторское бюро Минского автомобильного завода получило срочное и, как нас предупредили, чрезвычайно ответственное задание: требовалось разработать особый низкорамный прицеп. Поручение было секретное, поэтому никто на заводе не знал, для чего потребовалось такое изделие. Особенность его была в минимальной высоте: один метр по верхнему краю платформы. Это было на двадцать-сорок сантиметров ниже обычного прицепа. На прицепы предполагалось устанавливать большие кунги, но компактно, при этом они должны были свободно проходить на железнодорожных платформах под всеми мостами.

Как же снизить высоту прицепа? Эта мысль не давала покоя. Предположим, кое-что можно было выиграть, уменьшив диаметр колес. Но как быть с рессорной подвеской, рамой, подрамником для кузова? Наибольший резерв крылся именно в подвеске. Рессору можно было поменять на торсион, гибкий вал, более компактный и способный выдержать большие нагрузки. В то время торсионы начинали использовать в танках на Харьковском и Челябинском заводах. Но в автотехнике этого не было...

Пришлось поначалу до всего доходить методом проб и ошибок, а затем с технологией изготовления позволили ознакомиться в Харькове. И еще одно суровое требование: тормозная система должна быть герметичной и работать в любых погодных и дорожных условиях. Поэтому технологию изготовления герметичных тормозных шлангов пришлось осваивать на заводе впервые.

Несмотря на все сложности задачи, первую партию прицепов мы изготовили вовремя и отправили в Москву, на завод «Прожектор». И только я на завод приехал, узнал потрясающую новость: готовится сенсационное событие — запуск первого спутника земли! Для этого и понадобились наши прицепы. На них установили кунги, а затем стали монтировать двигатели, дизель-генераторы, различные приборы и оборудование, систему управления запуском.

Запускать спутник предполагалось в пустынной, необжитой местности, где не было ни необходимой инфраструктуры, ни подходящих дорог. Поэтому все системы стартового обеспечения базировались на наших прицепах.

Требования по качеству ко всему, что устанавливалось на прицепы, были жесточайшие. Каждую деталь сопровождал контрольный листок с указанием даты, фамилии исполнителя и его росписью. Причем каждый модуль на случай отказа дублировался. И тут-то нам пришлось хлебнуть горя. Стояла ранняя осень 1956 года...

Однажды к вечеру погнали готовый прицеп на обкатку за пределы завода. Перед проходной водитель резко нажал на педаль, и шланг тормозной системы сорвало со штуцера. Тормозная жидкость струей хлынула на землю... В спешке кто-то из рабочих отступил от технологии, и шланг оказался недостаточно надежен. А ведь мы столько бились над качеством тормозов! И вот такой подарок.

— Ну, все, завтра кого-то уволят, — пророчески заметил один из инженеров на проходной «Прожектора».

Как раз заканчивалась смена, и десятки людей были свидетелями нашего фиаско. Поиски виновного мы отложили на потом... Пришлось срочно гнать прицеп в цех и менять тормозной шланг.

Еще драматичнее складывалась ситуация с торсионами. Их следовало закаливать таким образом, чтобы наружные слои металла получались твердыми, пружинящими, а сердцевина оставалась мягкой, не давала бы стальному прутку под нагрузкой разрушаться. Термисты технологический процесс не отработали, и торсионы лопались, как стеклянные. Сроки сдачи прицепов военпредам между тем стремительно приближались, а настроение наше падало. От сломавшихся торсионов оставались куски в ступице колеса и кронштейне рамы. Руками их не вытащишь, пришлось сделать приспособление вроде домкрата. За каждую замену торсиона я прямо на месте без формальностей платил сто рублей. Детали взамен вышедших из строя мы прямиком и в спешке возили с МАЗа.

Для подготовки к повторной сдаче прицепов придирчивым военпредам я привез из Минска бригаду слесарей. МАЗ шел на любые затраты, чтобы своевременно выполнить важнейший государственный заказ. А все шишки посыпались на меня, ведь я отвечал за его исполнение. Я почернел, и язва моя разыгралась так, что ночей не спал...

Так работали на космос тысячи и тысячи людей. С колеса началась история умного человечества. Но получается, что на колесах МАЗа и моего прицепа советская космонавтика въехала в космос. Прицеп, конечно, — своеобразная бронированная телега, но говорю, как крестьянский сын, без телеги на этом свете — никуда!

Спешка и многодневная нервотрепка привели к трагикомической ситуации, которая, однако, в те времена могла закончиться печально... В очередной

раз мы грузили на эшелон свои прицепы на окраине Москвы, у шоссе Энтузиастов. Но неприятности подстерегали нас до последнего момента. Помню, почти всю нашу технику уже погрузили на железнодорожные платформы, остался последний прицеп. И надо же — опять, как назло, лопнул торсион. Пришлось срочно менять. Вместе с мазовской ремонтной бригадой я полез под прицеп, чтобы ускорить дело. На счету была каждая секунда, нервы — на пределе. Второпях стали выбивать обломки из шлицев — тяжело идет.

Ребята изо всех сил стараются — мокрые, нервные! — та яркая картина и сегодня, как наяву, у меня перед глазами. Я тоже помогаю, ситуация бешеная. Эшелон стоит, нас ждут. А я в ту пору уже всех военпредов в лицо знал. И тут подбежал какой-то мужик: телогрейка, запыленные кирзовые сапоги, и понес с матом:

— Чего вы тут копаетесь, как курицы? Кто старший? Ты старший? Чего топчешься?

Я вижу — работяга. Мастер какой-то, а может, железнодорожник нервный...

— А ты чего лезешь не в свое дело, сам пошел!.. Тебя тут не хватало! — В молодости я не любитель был ругаться. Но сорвалось с языка. Одним словом, послал я его в те же далекие места, куда и он нас.

Но мужик молодец, видит, мокрые лбы у ребят, все в запарке — махнул рукой и дальше побежал вдоль состава. Вижу, мастер с «Прожектора» с белым лицом несется:

— Что ты, молодой человек, наделал? Ты кого послал? Сейчас «скорая помощь» подъедет — и тебя увезут за кудыкины горы.

— Какая еще «скорая помощь»? — огрызнулся я.

— «Воронок», — уточнил мастер шепотом.

— Да за что, скажите толком? — разозлился я.

— Это же был сам генеральный конструктор! Главный — всей системы! — приглушенно сказал он.

Это меня ошарашило.

Сам! Вот это да. Товарищ Сергеев! Фамилии Королев мы тогда не знали. Он свои статьи в газетах подписывал фамилией Сергеев. Было отчего мне вздрогнуть: он крутостью славился. В минуту бы вылетел. Хотя на дворе был уже 1957 год, но и 1953-й рядом. Сердце екнуло, а на лице — восхищение! Так вот он какой, наш знаменитый конструктор!

Меня спасло, что Королев — бывший заключенный и в лагере перевидел много всего, но не ожесточился. И за внешними вещами видел дело, человека. Спасло и то, что он был такой же по характеру заводной, ради дела — в лепешку. А какой он был на самом деле, мы узнали только в 1966 году, после его смерти в январе, аккурат на Старый Новый год... Была раскрыта тайна главного ракетчика страны, академика, дважды Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии Сергея Павловича Королева.

С портрета на меня смотрел гений ракет, а в жизни — тот самый крутолобый коренастый мужик в обычном ватнике, с которым я так неожиданно столкнулся при отправке прицепа. Вот когда я ахнул! Стало неловко за свою невольную резкость. А какими интересными были первые воспоминания! Мы все тогда прочитали в «Комсомолке» в очерках Я. Голованова, что самыми обычными у Королева были такие ситуации, когда он в гневе говорил:

— Моему заму объявить выговор! Пишите.

А зам его, не отрываясь от работы, привычно отвечал:

— Сергей Павлович, как же вы мне его дадите? Вы ж меня вчера уволили.

И в нашей стычке было что-то задорное, мальчишеское и что-то символическое: отпор одному генеральному конструктору дал тогда еще мальчишка, но

тоже другой генеральный, однако в далеком будущем. Позже мне, работая на космонавтику, пришлось так или иначе учиться у Королева и много перенять из его характера, его стиля работы, из умения решать невыполнимые задачи.

Проклятый торсион наконец стал на место... Все-таки мы успели: последний наш прицеп занял место в эшелоне! И 4 октября 1957 года первый спутник земли послал всему миру знаменитый позывной: бип-бип-бип! Но, как это было принято в то время, о создателях космического путешественника не было сказано ни слова.

С бетонного острова посреди степи, освещенная мощными прожекторами, ушла ввысь ракета.

Весной 1957 года состоялась моя первая командировка в Польскую Народную Республику в составе делегации во главе с И. М. Деминым по приглашению варшавских автомобильного и мотоциклетного заводов.

В 1958 году меня назначили начальником СКБ № 3 по прицепам и полуприцепам для монтажа передвижных электростанций и систем управления запуском искусственных спутников и ракет стратегического назначения самых различных модификаций — от перевозки ракет до их пуска. Пришлось мне общаться с учеником и соратником Королева — В. Уткиным, дважды Героем Социалистического Труда, генеральным конструктором ракетно-космических систем из Ленинграда, где создавались мобильные средства противовоздушной обороны.

В 1960 году я был назначен заместителем главного конструктора по тем же прицепам и полуприцепам, что завершилось созданием обширной гаммы моделей, которые перевозили от восьми до восьмидесяти тонн. Вначале мы сконструировали и изготовили полуприцеп для транспортировки двух затаренных ракет класса «земля — воздух». Потом пошли дальше. По техническому заданию ракетчиков сделали полуприцеп, у заднего борта которого предусматривалось место, где монтировалась пусковая установка. На боевой позиции она приводила ракеты в вертикальное положение и запускала к цели. Эта система при испытаниях показала хорошие результаты, и «стреляющие полуприцепы» поступили на вооружение частей противовоздушной обороны. И вовремя!

Советскую границу 1 мая 1961 года со стороны Пакистана пересек очередной крылатый разведчик. Но на этот раз ему был уготован «сюрприз». В КБ В. Уткина была создана высотная зенитная ракета, а размещалась она на полуприцепе нашего специального автопоезда.

Бывает же и такое совпадение! На высокогорной станции слежения именно в это время дежурил мой земляк и школьный товарищ Иван Урбанович, с которым мы в юные годы вместе учились в Семежевской школе. Он первый засек радаром нарушителя и сообщил о нем командованию. Установил по приборам и обнаружил знаменитого шпиона, о котором вскоре узнал весь мир, а США долго не могли оправиться от шока...

Американский летчик Пауэрс ничего не заметил и, уверенный в своей безнаказанности, продолжал полет к району, где находились крупнейшие на Урале военные заводы. Но вскоре одна из ракет, выпущенных с наших полуприцепов, нашла цель. Об истории летчика Пауэрса с тех пор написано немало. Вся Москва с большим интересом знакомилась с обломками самолета-шпиона, которые были выставлены в Центральном парке имени Горького. Но вот о роли в ней продукции с нашей минской маркой, пожалуй, говорится впервые.

Чтобы завершить космическую тему скажу, что фамилия Королев в моей жизни заставила меня удивиться дважды — и очень сильно. Первый раз в 1966 году, когда я узнал настоящую фамилию таинственного отца ракет Советского Союза. А второй раз в 1970 году, когда в мой кабинет вошла

известная в республике журналистка Валентина Королева. Элегантная и красивая женщина пришла брать интервью у замотанного тысячами хлопот главного конструктора...

Встреча с Королевой

Будет несправедливо жаловаться на судьбу в личном плане. Я прожил с моей первой женой Машей двадцать семь лет, она разделила со мной все трудности становления семьи, воспитания детей, моей хронической занятости.

И вдруг в тот период, когда вероятность каких-либо серьезных увлечений была равна нулю, словно палуба качнулась под ногами, и давно забытое завладело моей волей, чувствами, разумом. Почему нулю, да потому, что, выполняя огромный объем работы днем, я корчился по ночам от жгучей боли, доставляемой запущенной своей язвой, и, наверное, здорово докучал этим своим домашним. Впрочем, сын уже женился и ушел из дому, дочери отпраздновали свадьбу.

В рабочие дни наш директор Иван Михайлович Демин ввел в распорядок встречи за обедом, где, как он объяснил, можно поговорить спокойно без телефонов и текучки. На обедах присутствовал иногда кто-то из гостей, сходу решались какие-то проблемы, шел обмен мнениями уже не в кабинетной обстановке, а более раскованно и свободно, как это бывает в короткий промежуток между забитой заводскими делами первой и второй половиной дня.

В один из таких дней, опаздывая и боясь заставить себя ждать, я влетел в столовую, извинился, поздоровался и осекся: напротив Ивана Михайловича сидела стройная блондинка с карими глазами. Высокая прическа, не лишенный любопытства взгляд...

Я пошел мыть руки, она что-то сказала Ивану Михайловичу, который вполголоса о чем-то ее спросил. Я сел напротив: заводской борщ был великолепен, погода за окном восхищала, хотелось быть замеченным и остроумным. Но кто мог затмить Ивана Михайловича, который читал стихи про есенинскую собаку, и как читал! Блондинка — я запомнил от волнения только имя — Валентина, просила его почитать что-нибудь еще: вот уж не ожидала никак, что наш суровый деловой директор имел такой лирический склад души. Как я завидовал ему в тот момент: кондовый технарь, ничего не помню наизусть из лирики ни русских, ни белорусских поэтов!

Счастливая для меня мысль осенила Ивана Михайловича:

— Вы о нем напишите, — его лукавые, с прищуром глаза всегда смеялись, когда он прятал какую-то тайную мысль. — Миша у нас самая подходящая фигура для вашего пера.

Да, о таком авторе можно только мечтать!

Обед показался очень коротким.

— Отвезите Валентину Николаевну в редакцию, — распорядился Иван Михайлович. От моего сопровождения наша гостья вежливо отказалась, но пообещала:

— Мы еще увидимся, у меня есть просьба, хочу рассказать о ваших женщинах-конструкторах.

Провожая ее к машине, я позавидовал своему шоферу Василию — мог бы и сам гостью прокатить, не каждый день встречаешь на заводе таких женщин. Интересно, фамилия ей досталась от папы или от мужа?

Фамилия, как оказалось, была папина. И материал о женщинах-конструкторах появился. Но надо же, судьба не послала мне и на этот раз встречу. Болел или в командировке был, не помню.

Тем временем вышел фильм об Иване Михайловиче, его показывают до сих пор в исторической хронике о заводе.

И так сложилось, что нашелся повод отметить фильм об Иване Михайловиче и рецензию на него в гостях у Валентины Николаевны. Потом последовала встреча в редакции у нас на заводе вместе с ее мужем. Валентина показала общий план «Трассы», так хотела она назвать свой очерк для толстого журнала.

И тут вдруг мы надолго потерялись. У нее дома беда, а я валялся по больницам со своей проклятой язвой.

— Я вас разыскивала, вы долго отсутствовали. Командировка?

— Нет, больница. Предлагают операцию. Случилось кровотечение во время командировки.

— Но язву можно лечить! Сколько людей вылечилось и забыло про свою болезнь. Вы что, хуже?

— Это не мой случай...

На следующий раз она преподносит мне схему и систему лечения ореховыми перепонками, настоянными на спирту. У нее опыт: они с мамой выхаживали отца, тяжело больного раком желудка. А еще, у нее больной сын, требующий постоянного наблюдения и ухода. С болезнями знакома не понаслышке. Вроде чужой человек, а желание помочь настолько сильно, уверенность так велика, что я, преодолев скептицизм, склоняюсь к мысли, что меня надо лечить дома не менее тщательно, чем в больнице.

Через полгода от язв моих остались только рубцы. Валентина очень не любит, когда я вспоминаю ее заслуги в моем излечении, и в том, что я забыл дорогу в больницу.

— Что ты всем рассказываешь про эти ореховые перепонки, целебные гречки и супы! Вроде как взял меня в жены сирую, убогую только за то, что я тебе помогла. Боишься прямо сказать, что полюбил женщину, для которой готов был на все?

Если прямо сказать, то в моем случае труднее всего было связать судьбу именно с красивой и умной женщиной. А вдруг через пару лет я, уже немолодой, перестану устраивать ее, надоем своей ревностью, взрывным характером, вечной занятостью, автомобильной доминантой на всю оставшуюся жизнь?

Однажды, когда мы были в Москве, я привел ее к храму. «Поклянись, что ты никогда мне не изменишь и не разлюбишь». Мы поклялись, не осеняя себя крестом. По тем временам мы были атеистами и не решились войти в храм. Странно, но при всех своих атеистических убеждениях мы ощутили вдруг уверенность, что браки и впрямь свершаются на небесах, и мы застраховали навечно то самое бесценное, что было у нас.

Валентина отказалась взять мою фамилию.

— Я уже не рожу тебе детей. Твоя фамилия по праву принадлежит твоим детям и внукам.

Хорошо помню, как сложно было нам впервые появиться вдвоем на заводском юбилейном вечере Михаила Федоровича Лавриновича. Я нервничал, пряча за внешней бравадой свое беспокойство, как примут мою жену в нашей заводской среде, активно обсуждавшей сенсационную новость о моем разводе. Я заметил, что самый большой спрос с тех, от кого меньше всего ожидают подобного шага.

Сидеть за столом, улыбаться, занимать руки приборами — это одно, а когда все пойдут танцевать? С кем будет моя Валена, только со мною? И как камень с души — с первых тактов музыки подхватил ее первый кавалер. Потом второй, третий. Вот уже и Иван Михайлович идет через зал, не скрывая, что знаком, улыбаясь приветливо, будто и не носил в душе сурового для

нас наказания. Простили, поняли, пусть пройдет много лет, они будут знать, что в нас не ошиблись...

Десять лет спустя, в горбачевский сухой закон, когда боялись праздновать свои юбилеи в ресторанах, наша квартира с трудом вмещала самых близких друзей-автозаводцев. Мы оба, прощенные, были в своей теперь уже семье.

С высоты своих лет смотрю в прошлое и думаю: а надо ли было писать воспоминания о том, как распалась моя первая семья, как я полюбил грешной любовью другую женщину и стал в какой-то момент возмутителем общественного спокойствия?

Но разве был бы полным рассказ о себе без переживаний, страданий, раскаяния и прощения грехов? Разве интересно нам смотреть фильмы, где у героев все ровно и гладко, гламур и шоколад вместо превратностей судьбы, мук совести и ревности, воспитания чувств, все, над чем трудится душа, как поэт сказал «и день и ночь»?

У нас все образовалось. Дети уже давно с отпочковавшимися семьями. Двое внуков — у сына и у дочери — носят мое имя. Внуков всего пятеро: один — у сына, четверо — у дочери. Внук Михаил (сын Анатолия) — спортсмен, волейболист, женат. Дочь с мужем и двумя младшими живут и работают в Италии. Двое других — внучка и внук — минчане, дизайнеры, работают в Республиканском компьютерном центре машиностроительного профиля моего института. У внучки родилась дочка — моя правнучка.

Моя Валена всегда рядом, всегда со мной ее фотография в левом кармане — близко к сердцу — так мне спокойнее. Станет трудно или плохо — достану, посмотрю, иногда покажу кому-то, чтобы познакомить заочно. С фотографии смотрит на меня женщина, похожая на звезд экрана 60—70-х годов прошлого столетия. Был тогда стиль красавиц какого-то королевского образца: Элизабет Тейлор, Джина Лоллобриджида, Софи Лорен. Так мне, по крайней мере, кажется.

Для меня она в любые годы жизни красивая.

Я ей иногда говорю:

— Один Бог знает, за что тебя так наказали. Сына выходила, и я не подарок в твоей судьбе...

Ее предупреждали: сын более тридцати лет не проживет. А он прожил, считайте, две жизни. Выходила, продлила годы любовью. Правда, в свое время теща помогала. Но уже и тещи семь лет как нет.

А я? Разве бы я вытянул по больницам еще тридцать невыносимых лет? Но пришла она — и я живу. Подарила мне вторую жизнь. Как и сыну.

И мне трудно представить теперь, что все могло произойти иначе.

«PERESTROYKA-2000»

27 февраля 1985 года я провел памятное совещание со специалистами Управления главного конструктора МАЗа. Мы попытались заглянуть вперед на пятнадцать лет и назвали свою разработку магистральным автопоездом 2000 года. Рубеж тысячелетий представлялся чем-то этапным. Уже тогда мы задумали создать целое семейство автопоездов модульной конструкции. Сначала предлагали достичь общей грузоподъемности почти в сорок тонн, но затем превзошли и этот рубеж.

Предполагалось, что машины модульной конструкции за счет применения пяти-шести комбинаций удовлетворят потребности транспортников в магистральных перевозках. Можно будет отказаться от производства десятков

моделей и модификаций обычных грузовиков. Степень унификации резко возрастала. Даже двери кабины закрывались с помощью пневматики, как в автобусе международного класса. Комфорт стал делом принципа.

Кабина стала выше, чем у автопоездов других марок. Зато пол в кабине ровный, и водитель мог передвигаться в ней не сгибаясь, в полный рост. Это очень важно для водителя: встать, потянуться, размяться.

Оригинален был и дизайн нового автопоезда. Огромное панорамное лобовое стекло, закругленная крыша делали его похожим на туристический автобус. Да и с полуприцепом кабина составляет одно целое. «МАЗ-2000» по аэродинамическим качествам не уступал легковым автомобилям. Это давало солидные преимущества. При максимальной скорости 120 км/ч автопоезд оказался более экономичным, чем обычные автопоезда, и менее шумным. А придать такой оригинальный внешний вид автопоезду будущего конструкторам МАЗа помогали специалисты белорусского филиала Всесоюзного НИИ технической эстетики.

Когда машина, как говорится, достаточно уверенно встала на колеса, я отправился с ней «на смотрины» в Москву, в отраслевое министерство. Его руководство, конечно, поездило по белому свету, знало все автомобильные новинки.

Смотрины прошли удачно. Похоже, «МАЗ» действительно смог стать законодателем мод в автомобильном мире. Впечатление было таким, что нашу машину тут же решили отправить на международный автосалон в Париж!

Заместитель министра автопрома Морозов по этому поводу сказал:

— Надо как-то показать, что машина из Советского Союза... Давайте напишем на кузове по-латински «Перестройка»!

Идея оказалась толковой. Это было самое лучшее рекламное клише. Громкий лозунг в то время владел миром и являлся как бы ключевым, знаковым: прочтешь — и все само собой становилось ясно.

Нам предстояло продемонстрировать на одной из крупнейших автомобильных выставок в мире совершенно оригинальную модель, претендующую на то, чтобы открыть новое направление в строительстве грузовиков и перевозке грузов. Сотни тысяч простых посетителей и миллионы телезрителей должны были ее увидеть. В ту осень на 68-м автомобильном международном автосалоне в Париже в восьми павильонах общей площадью 205 тысяч квадратных метров свои экспонаты представили 1600 фирм из 27 стран.

Причем грузовикам отвели места больше, чем легковым автомобилям. Салон практически был и ярмаркой: любую машину можно было купить, причем в любой понравившейся комплектации. Все это говорило о том, насколько жесткая конкуренция царила в то время на европейском авторынке. Уже тогда в западных автомобилях широко применялась электроника, по дизайну и отдельным материалам они не уступали легковым. Вот в какой атмосфере нам предстояло продемонстрировать свою новинку. Мы понимали, что заявить о себе сможем, если покажем что-то необычное, меняющее традиционное представление о грузовике.

Попробую вспомнить, как же прошел наш мировой дебют...

Автопоезд готовили к дальнему рейсу, как космическую станцию. Позади многодневные испытания, обкатка, проверка на соответствие союзным стандартам и высоким требованиям Европы. Конструкторы, технологи и испытатели, похоже, до сих пор не могли прийти в себя. Машину заправили топливом, снарядили всем необходимым. И — как завершающие штрихи — отмыли до зеркального блеска стекла кабины, подкрасили небольшие царапинки. К четырем часам дня все было готово. На площадке у экспериментального цеха собралась группа работников отдела главного конструктора и производственников. Последние наставления, пожелания счастливого пути...

Магистральный автопоезд выехал за транспортные ворота автозавода и в сопровождении нескольких бортовых машин покатил в порт Клайпеды для погрузки на теплоход. Немногочисленные прохожие с интересом рассматривали необычную машину.

Автопоезд, на тенте полуприцепа которого большими латинскими буквами было написано PERESTROYKA-2000, благополучно прибыл в порт и был погружен на теплоход. Судно прошло южную, самую оживленную часть Балтийского моря, минуя Кильский канал, перешло в Северное море, обогнуло берега Германии, Нидерландов и бросило якорь в устье бельгийской реки Шельда. Там, в порту Антверпена, машину спустили на сушу. При пересечении французско-бельгийской границы возникли новые осложнения. Наши водители не успели получить бельгийскую въездную визу, а медлить с прибытием автопоезда на большой Парижской автомобильный салон было нельзя: он уже открывался. Пришлось на последний участок пути по Бельгии нанять бельгийского водителя.

Гражданин маленькой, но богатой европейской страны, который неожиданно для себя оказался за рулем автомобиля XXI века, был от него в восторге. Ему еще не приходилось вести машину с таким низким уровнем шума, легким управлением. Бельгийца распирала гордость, он чувствовал себя участником великого дела.

В столице Франции экспонат из Беларуси не ждали. Идея представить там новый минский автопоезд возникла слишком поздно, заказать для него место не успели.

Но мы были в себе уверены. И машина произвела взрыв общественного мнения.

Как мы покоряли Париж

«Перестройку» приютила в своем павильоне французская автомобильная фирма «Рено», с которой мы тогда сотрудничали. Не в лучшем месте, а в дальнем углу, где демонстрировались пожарные и другие спецавтомобили. Казалось, наш автопоезд останется незамеченным.

Конечно, далеко не все посетители выставки знали, где находится Минск, и совсем немногие догадывались о существовании там автозавода. Зато громкое «имя» нашей новой машины было на слуху у всех. Благодаря Горбачеву русское слово «перестройка» облетело весь мир, как в свое время это произошло со словом «спутник». Весть о том, что «Перестройка» уже в Париже, быстро распространилась по выставке. И это притом, что на 68-м автосалоне была собрана изысканная коллекция новинок.

Мы — представители МАЗа — к тому времени уже прилетели в Париж самолетом. В том числе и главный инженер МАЗа (потом и его генеральный директор) Георгий Александрович Исаевич, знающий дизайн. Он нашел разноцветные самоклеящиеся ленты, которых в СССР еще не было, и принялся приукрашивать автопоезд на европейский лад. А я отвечал на вопросы посетителей нашего стенда.

Кто знает почему, но возле нашего автомобиля постоянно стояла толпа. Думаю, мысли у всех были одинаковые: это же надо, во что превратился вчерашний грузовик! Лобовая часть напоминает дизайн самого современного автобуса. Огромное гнутое ветровое стекло плавно переходит в обтекатель, он же — крыша кабины. Двухосный прицеп — продолжение кабины. Под кабиной двигатель — в виде отдельного модуля.

Сначала зрители были озадачены. В демонстрационном боксе перед ними лежали только части машины — прицеп, кабина, тележка с двигателем.

Я хотел быть немного волшебником, поэтому обвел рукой эти агрегаты и сказал:

— Три минуты — и из этих модулей возникнет машина!

И она возникла — из моих кубиков конструктора. Огромный автопоезд возник, как в сказке.

— Невероятно! Поразительная скорость сборки! Это просто фокус! — ахали зрители и журналисты.

— Никаких чудес. А тем более фокусов, — отвечал я. — Перед вами основное преимущество сборных модульных секций. Что мы имеем сегодня? Несколько десятков моделей разных модификаций. Каждая производится отдельно, отличается индивидуальностью, характером — и в эксплуатации, и в обслуживании. Все это слишком сложно и расточительно. А новый модульный принцип позволяет нам ограничиться изготовлением пяти-шести блоков-секций, предельно унифицированных между собой. Из этих секций мы можем скомпоновать автомобили любого назначения, любой мощности, с любым количеством осей, доводя грузоподъемность до девяноста тонн!

И вот среди роскошных «Рено-Межане» и «Ситроенов» наша «Перестройка» была названа «таинственной звездой салона». Лучше всего о произведенном шоке говорили визиты экспертов крупнейших автомобилестроительных концернов, которые пристально изучали и «ели глазами» каждую деталь машины.

Антверпенская газета «Ллойд Анверсуа» так комментировала визит в город советского автомобиля:

«Возможно, модульная концепция этого автомобиля никогда не станет реальностью, это судьба многих прототипов. В любом случае ясно одно: он вызвал удивление — как своим замыслом, так и смелым шагом».

В интервью газете я заметил:

— Уверен, что мы на верном пути. Но это только начало. Вижу автомобиль во многих отношениях уже другим, более совершенным.

Салон подарил мне не только пачку газет и журналов с интервью, но и пакет предложений о сотрудничестве от многих европейских и американских фирм.

Приятно было, что возле «Перестройки» известные специалисты улыбались, чувствовали себя раскованно, начинали мечтать, предавались фантазиям. Разгорались дискуссии о транспортировке контейнеров. «А что, если увеличить длину этого «МАЗа»? Можно было транспортировать 45 и 48-футовые контейнеры. Но впишется ли автомобиль в европейский коридор?»

Я тогда дал интервью шестидесяти четырем журналистам. И самое приятное в том, что по адресу на моей визитке вскоре пришло все, что они написали. Такое внимание уникально. В жизни не было такого и не повторится. Стала историей наша советская перестройка, и самой страны Советов уже нет на карте мира. И те статьи — музейная редкость.

Многие, прочитав на тенте русское слово латинскими буквами «PERESTROYKA», непритворно удивлялись: «Вы из СССР?»

Вот тогда я сполна почувствовал гордость за свою страну. «Мы из Беларуси, — уточнял я, — из Минска». «А где это?» — следовал вопрос. И вскоре я держал карту СССР — так легче разъяснять людям, откуда мы приехали.

Пришли полюбоваться на нашу машину немцы-MANовцы. Интересуются:

— А чей на машине стоит мотор? Наш? Так почему нигде это не написано? Это же такая громкая реклама нам.

— Давайте, — говорю, — привозите надписи — наклеим.

Представители концерна часто потом навещали нас со своими нынешними и потенциальными клиентами:

— Смотрите, наш двигатель стоит на машине будущего!

Побывал у нас даже президент Франции Франсуа Миттеран. Мы помогли ему сесть за руль. Хотя он и солидной был комплекции, но в кабине нашего грузовика чувствовал себя вполне свободно, не сгибаясь, встал во весь рост. «Рено» лишь несколько лет спустя сделало такую высокую кабину с ровным полом, как у нашей «Перестройки».

Вся наша небольшая белорусская «колония» в Париже была воодушевлена успехом минского модульного автопоезда. Нас охватила эйфория! Подстегивал огромный интерес со стороны прессы. Наши комментарии с фотографиями и восторженными отзывами посетителей и самих корреспондентов публиковались на первых страницах самых влиятельных западных изданий.

В Минск вернулись из Парижа с триумфом. Заместитель председателя Совета министров В. Н. Новиков распорядился для поощрения создателей «Перестройки» перечислить 50 тысяч рублей. Сумма по тем временам немалая. Казалось, успех пришел к нам всерьез и надолго. Министр автопрома Н. А. Пугин выступил за организацию производства новых минских автопоездов и обратился с соответствующим письмом к председателю Совета Министров Н. И. Рыжкову. Он ссылался на всеобщий интерес к нашей новинке, проявленный в Париже, на то, что Запад ничего аналогичного не имел даже в наметках.

Оказывается, в Минавтопром даже поступали предложения о закупке лицензии на производство «МАЗ-2000». Это неудивительно, ведь новая компоновочная схема была нами запатентована в пяти странах.

Мы всерьез взялись за осуществление этих планов, изготовили еще один образец двухзвенного модульного автопоезда. В управлении главного конструктора был создан крупный отдел по доводке «МАЗ-2000». Но требовалась не только модернизация производства. Следовало отказаться от многих стереотипов в организации междугородних и международных перевозок, изменить саму их стратегию, а значит, и психологию тех, кто руководит процессом. Надо было менять и нормативы, в том числе регламентирующие максимальную длину автопоезда. Мы придерживались, напомню, европейских норм, хотя наша страна с ее бескрайними просторами скорее должна была пойти по американскому пути, где длина автопоезда может быть больше. Словом, прежде чем наши многозвенные автопоезда пойдут по трассе Брест—Владивосток, о чем всегда мечтал, необходимо было проделать огромную работу.

Все радужные планы так и остались на бумаге. «Перестройка» забуксовала, как писала популярная в то время газета «Социалистическая индустрия». Она справедливо отметила: чтобы поставить чудо-машину на конвейер, требовалось активное содействие многих смежников, нужен экологически чистый двигатель с горизонтальным расположением цилиндров. Для первых образцов автопоезда мы использовали немецкий мотор, но советская промышленность ничего подобного не производила. И, похоже, не очень к этому стремилась.

Но случилось непредвиденное: Советский Союз потряс ряд техногенных и природных катастроф. Вспыхнули межнациональные конфликты. То в одной, то в другой республике возникали сильные центростремительные силы. СССР переживал глубокий кризис, в том числе экономический, дело шло к развалу...

Так наш «МАЗ-2000» «Перестройка» оказался на выставочной площадке Минского автозавода, тоже переживавшего нелегкие годы.

К сожалению, не удалось заводу реализовать и еще одну мою принципиально важную разработку. Опираясь на опыт создания модульного автопоезда

«МАЗ-2000» «Перестройка», мы спроектировали и изготовили опытные образцы автопоезда «МАЗ-5245» с высокой кабиной и ровным полом в обычном исполнении, в так называемой классике. Можно было свободно перейти с одного места на другое, стоять во весь рост, два спальных места, холодильник, плита, кондиционер — словом, полный набор удобств. Такой кабины в мире еще никто тогда серийно не производил. Но запустить ее в производство заводу не удалось. К сожалению, в ноябре 1995 года умер генеральный директор Георгий Александрович Исаевич, я перешел на постоянную работу вице-президентом Академии наук Беларуси — эти работы практически были прекращены. Зато фирма «Рено» вскоре стала производить похожие машины, которые в настоящее время массово ходят по нашим дорогам. Горько было слышать оскорбительное шептание за спиной, что это мы, якобы, продали свою идею французам. Отвечу коротко: конструктору стоит один раз увидеть, и этого достаточно, чтобы повторить идею, а наша «Перестройка» простояла в Париже десять дней. Но повторили всего лишь в обычном классическом исполнении.

На краю пропасти

Надо же, Беларусь — республика-партизанка и сборочный цех большой державы — стала вдруг буксовать, производства останавливались. Но мужественные руководители на местах — директора предприятий и люди власти сопротивлялись, делая все, чтобы не допустить этого.

Что касается МАЗа, то он устоял потому, что в свое время внедрил хорошие противовесы.

Когда пришла разруха, все стало прямее и жестче, игры в экономику закончились. С ярославскими двигателями автопоезда покупали мало, брали только с «мановскими». За ними очередь. Мы сотни этих автопоездов выпустили уже при генеральном директоре М. Ф. Лавриновиче... Нашли палочку-выручалочку. А ведь Лавринович в числе прочих мне тоже говорил:

— Видишь, какие наезды? Брось эти немецкие двигатели. С нас нашего хватит. А ты все экспериментируешь!

Но весь прежний мир рухнул. Где Москва, ЦК, Госплан, Ярославль? Рынок! Надо продавать и жить. И вот все лежат на боку, тонут, загибаются. А МАЗ торгует автопоездами с немецкими двигателями. Я заметил, грустно качая головой:

— Ну, как, Михаил Федорович? Кременчуг стоит, ЗИЛ стоит, а ты — богач! Видишь, дорогой, — спасли мы завод и директора тоже. Поэтому хоть и говоришь, что выговоры получал, не утонул, как другие, а завод спасен.

Рынок живо расставил все по местам. Я угадал в который раз. В наш сбыт в те годы нельзя было попасть. Все стояли толпой: и предприниматели, и директора госпредприятий, и прочие. Все хотели купить наши автопоезда. Их легче доводить. И на наших дорогах лучше не надо.

Но класть яйца в одну корзину опасно. И вот... Подавай автобусы!

Сегодня белорусские автобусы стали привычной частью городского пейзажа. В них не надо карабкаться по ступенькам, они вовремя сменили венгерские «Икарусы». До автобусов у меня руки раньше не доходили, да и давали по этим рукам — хватало войны за автопоезда. А как развалился Союз — хочешь не хочешь, надо своим умом жить. Поехали с М. Ф. Лавриновичем и главным инженером Г. А. Исаевичем (он сменил его на посту технического директора) в Германию.

Заехали в Штутгарт. Город размером с областной, а в нем цвет всемирно известных гигантов: автомобильные «Даймлер-Бенц» и «Порше», электротехнические «Роберт Бош» и «Стандард электрик Лоренц», заводы точной оптики «Кодак» и «Цейс». Такое соседство настраивает на очень боевой дух. Но мы спешили в известную фирму автобусов «Неоплан». Немцы со скепсисом встретили нас, знали, что творится в стране после распада Союза. Но быстро поняли идею — меня как конструктора интересовали мои «кубики»: как найти подобие в узлах, унифицировать конструкцию, чтобы полегче перейти с автопоездов на пассажирский транспорт? Удалось нащупать аналогии, и в один день решили. Протокол о намерениях — и вперед.

— Приезжайте к нам на своих автобусах! — пригласили мы немцев. — Устроим вам рекламную акцию.

Немцы пригнали в Минск два новых автобуса для городских и дальних перевозок. Надо было убеждать власть, но Председатель Совета Министров Вячеслав Кебич сослался на занятость, не смог приехать на завод. Пришлось пригнать автобус прямо на площадь к Дому правительства.

Вышел председатель Совета Министров, осмотрел автобус. И вместе с министрами покатался на нем по проспекту Франциска Скорины. Путешествие ему понравилось, пообещал помочь, так что «захват белорусского Дома правительства» оправдался. Должно быть, такая тактика в наших условиях порой является универсальной.

Шел полный развал всего, практически крах страны. Союз развалился. Все рушилось. Остался в Беларуси во главе всей власти один премьер Кебич, который всем и занимался. Но удавались дела и тогда. В то трудное время я и Лавринович добились организации производства автобусов на МАЗе, и Кебич поддержал.

И еще, в 1990 году на экраны страны вышел с моим участием, как главного консультанта, художественный фильм киностудии «Беларусьфильм» «Стервятники на дорогах» о водителях-испытателях, которые продемонстрировали все достоинства и возможности «МАЗов» нового поколения.

В итоге, 30 апреля 1991 года Указом Президента СССР мне было присвоено почетное звание «Заслуженный работник промышленности СССР» за большой личный вклад в разработку и внедрение в производство принципиально новой высокоэффективной автомобильной техники. Удостоверение, подписанное Президентом СССР М. С. Горбачевым, — единственное в Беларуси.

А в июне 1991 года меня вызвали в Москву за этой наградой. На своем закате советская власть утвердила новое звание — заслуженный работник промышленности. Награду вручали в Кремле, в Георгиевском зале.

Организаторы решили придать торжеству семейный характер. Пригласили лауреатов с женами и мужьями. Вручал награды М. С. Горбачев. До этого я виделся со всеми первыми лицами страны, увиделся и с последним руководителем СССР. Зал сверкал помпезной позолотой, радугами хрустальных люстр. Собрался цвет интеллигенции страны. В зале сидели прославленные творцы промышленного потенциала великой державы.

Наступила и моя очередь. Горбачев вручил знак и удостоверение, пожал руку. Сказал несколько общих слов, и они не запомнились. В памяти осталось другое: ожидание Президента СССР, сдержанный гул голосов, некоторое любопытство, появление быстрого и говорливого лидера, после — большой прием, роскошные столы. Элита страны собралась на праздник.

В 1992 году СССР распался. Так я остался единственным обладателем в Беларуси удостоверения № 28, подписанного человеком, который прихлопнул могущественную КПСС и некоторое время носил титул Президента СССР.

Фото Валерия ХАРЧЕНКО.

Юбилей

ОЛЬГА ГУБСКАЯ

Жизнь, воплощенная в слове
(еще раз о романе М. Горецкого «Виленские коммунары»)

Максим Горецкий принадлежит к числу тех выдающихся деятелей белорусской культуры, наследие которых требует постоянного нового прочтения, соответствующего мировоззрению современного общества, которое все стремительней развивается. Творчество классика белорусской литературы Максима Горецкого нельзя назвать малоисследованным. В своих работах к нему обращались такие ученые, как Алесь Адамович, Дмитрий Бугаев, Тереза Голуб, Татьяна Дасаева, Василий Журавлев, Виктор Коваленко, Владимир Конан, Ева Леонова, Михаил Мушинский, Михаил Стрельцов, Тамара Тарасова, Михаил Тычина, Иван Чигрин и многие другие. Многие вопросы горецковедения затрагиваются во время Горецких чтений, которые проводятся ежегодно, начиная с 1992 года. Активно исследуется «малая проза» писателя (повести «Скарбы жыцця», «Сібірскія абразкі», «Дзве душы», «Ціхая плынь»), драматические произведения «Антон», роман «Камароўская хроніка». При этом недостаточно исследуемым является роман М. Горецкого «Віленскія камунары» (1931—1932), который по сути своей опередил современное осознание «приобретений» революций 1905—1917 гг., показав завуалированно вторым планом не только историю о том, как давалась народу Великая победа революции, но и как формировалось при этом белорусское национальное движение.

Уникальность вышеназванного романа состоит в том, что он был написан в тот период, когда Максим Горецкий в очередной раз сталинских зачисток белорусской интеллигенции был арестован по делу несуществующего СВБ (Саюза вызвалення Беларусі. — прим. авт.). Как отмечает племянник писателя Р. Горецкий, активно курирующий вопросы горецковедения сегодня, «10 апреля 1931 года решением Коллегии ОГПУ был вынесен внесудебный приговор по делу СВБ на 86 осужденных. Под № 39 отмечено:

«Горецкий М. И. — 37 лет, белорус, белорусский писатель, ученый специалист БАН:

а) в период с 1924 года по день ареста состоял в литературной к/р организации «СВБ» и проводил задачи этой организации;

б) направлялся центром организации в Горки для работы по созданию филиала в Горецкой СХА, т. е. совершил преступление, предусмотренное ст. 76, применительно к ст. 64 УК БССР (ст. 58—11, применительно к ст. 52—2 УК РСФСР). Виновным себя не признал». Таким образом, Максим Горецкий получил пять лет ссылки и был отправлен в г. Вятка. Это был период мучительных душевных терзаний и физического унижения человека, некогда стоявшего в основных рядах национального белорусского литературного движения. Белорусский деятель осознавал всю абсурдность сложившейся ситуации, но при этом не терял надежды на изменение своего положения к

лучшему. В этот период он активно переписывался с близкими ему людьми, особенно женой, Леонилой Устиновной, работал над «Камароўскай хронікай» и старался закончить роман «Віленскія камунары», в котором видел единственный и, возможно, последний шанс на спасение, на возвращение своего имени в белорусский литературный дискурс.

«Як будзеш мець час, Лёля, вышлі мне бандэроллю мае нататкі пра «Віленскіх камунараў» (калі іх табе вярнулі з усімі рукапісамі); можа я іх тут апрацую для друку (а напішу і па-руску, і па-беларуску — дзе-небудзь прымуць)», — просил в одном из писем жену Максим Горецкий. Тогда у него еще теплилась надежда на возможность снятия ярлыка «нацдем», которое в контексте того времени приравнивалось к «врагу народа». «Цяжка мне іх («Віленскіх камунараў» — прим. авт.) пісаць для друку, усё баюся, каб не зрабіць якой памылкі ў асвятленні», — делился с женой своими переживаниями писатель.

Ценность романа «Віленскія камунары» как раз и состоит в том, что он воплотил в себе два явления: желание писателя на реабилитацию собственного имени в глазах политической системы, воплощенное в тексте романа через реалистическую типизацию, и бессознательное отражение собственного восприятия действительности, жестокой и уничижительной, отраженной в поэтике абсурда, которая, конечно, не доминирует в произведении, но уверенно прослеживается как в языке, так и в стилистике образа главного героя романа, фигуры амбивалентной, многосторонней. С одной стороны, Матей Мышка выступает, как герой революции, с другой стороны, благодаря своим наивным и непосредственным поступкам, позволяет автору показать весь цинизм эпохи.

Однако такое прочтение романа и трактовка главного персонажа стали возможны только сегодня, а в далекие 1960 годы (напомним, что роман был опубликован в журнале «Полымя» в 1963 году) суть романа сводилась к исторически достоверной трактовке М. Горецким революционных событий 1917 года. И это не удивительно, ведь имя писателя Максима Горецкого, реабилитированного только в 1959 году, должно было войти в литературу, а не вызвать новую волну недовольства. Ученые, как их сейчас называют «шестидесятники», Д. Бугаев, А. Адамович, М. Лужанин, И. Чигрин, М. Мушинский, М. Стрельцов и другие, с упоением и восхищением открывали для себя нового, ни на кого не похожего, если иметь в виду белорусскую литературу, писателя Максима Горецкого.

История выхода романа «Віленскія камунары» начинается с письма, написанного в декабре 1958 года Гавриилом Ивановичем Горецким, братом писателя, адресованного Леониле Устиновне и Галине Максимовне, жене и дочери Максима Горецкого. Упоминание об этом письме можно найти в книге «Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі» (2008) М. Мушинского. По его свидетельству, в этом письме Г. Горецкий предлагает связаться с П. Глебкой, чтобы поговорить с ним насчет возможной публикации романа «Віленскія камунары» и других произведений М. Горецкого. И несмотря на то, что в первое собрание сочинений М. Горецкого «Выбранае» (1960), вышеуказанный роман не вошел, литературоведы, понимая настоящую ценность материала, приложили максимум усилий для того, чтобы в 1963 году в журнале «Полымя» это произведение было напечатано. Автором предисловия выступил М. Лужанин, посвятив М. Горецкому такие слова: «Мы, у першую чаргу літаратары, літаратуразнаўцы і мовазнаўцы, як след яшчэ не прачыталі Гарэцкага. А пара б перадаць яго творы чытачу са справядлівай ацэнкай іх, фактаў літаратуры, цвяроза суаднесеных да часу стварэння і часу новага прачытання. Пара, каб

гэты мастак буйнога, сапраўды-такі «самароднага», не падобнага на нічый іншы, таленту стаў на сваё заслужанае, але так і не здабытае пры жыцці месца».

Уже 6 мая 1964 года секция переводчиков ССП проводила заседание, посвященное чтению перевода «Віленскіх камунараў» на русский язык. На это мероприятие был приглашен брат писателя Г. Горецкий, который позднее, в письме к жене писателя, Леониле Чернявской-Горецкой и Галине Горецкой писал: «А. Р. Гатаў сказаў караценькую ўступную прамову і прачытаў 6—7 кавалкаў, пераважна з першае часткі... Потым папрасілі мяне сказаць пра брата. Гаварыў я караценька аб месцы «Віленскіх камунараў» у літаратурнай творчасці Максіма. Адзначыў, што гэты раман як бы мадэль вялікай эпапеі «Камароўскай хронікі».

Потым гаварыў перакладчык Дораў. Ён адзначыў станоўчыя бакі рамана, але выказаў думку аб невыразнасці далейшага лёсу Мацея Мышкі. Ён застаўся ў Вільні як абываталь, без азначанай палітычнай мэты. Дораў раіў нават перарабіць канец... (!?)

Затым цёплую прамову сказаў Гарбачоў, беларускі пісьменнік і перакладчык з Віцебшчыны, неафіцыйны прадстаўнік беларускай літаратуры ў Маскве...

Гарбачоў адзначыў, што «Віленскія камунары» належаць да рэдкіх твораў пра рэвалюцыю, яе першыя крокі на ўскраіне Расійскай імперыі, мастацкую праўдзівасць твора, амаль дакументальнасць, лёс чатырох пакаленняў і прыход апошняга пакалення да Кастрычніка; неабходнасць пазнаёміць рускага чытача з творчасцю аднаго з пачынальнікаў беларускай прозы...

Апошнім выступаў Аўг. Сям. Мазалькоў. Ён казаў, што Максім — яго настаўнік, па « Гісторыі беларускае літаратуры» яго ён вучыўся... Мазалькоў станоўча ацаніў «Віленскіх камунараў». Ён адзначыў, што Максім першы напісаў беларускі раман «Дзве душы», раней Якуба Коласа; што Максім — арыгінальны пісьменнік, імя якога ў часе культу было пад забаронай; выданне «Віленскіх камунараў» на рускай мове — як бы новае нараджэнне пісьменніка, зварот яго савецкай грамадскасці, і што гэта — самае важнае.

Ну, вось і ўся мая кароценькая справаздача. Мы з Ларою былі рады, што імя Максіма не баяцца гаварыць уголас, з пашанаю, без зняважлівых лаянак і заўваг. Але прапанова Дорава здалася нам недарэчным напамінкам, што крытыку тыпу вось такіх шуканняў заганы яшчэ трэба чакаць».

Это письмо не только показывает нам, как советская критика восприняла роман сразу после выхода в свет, но и отражает советскую логику формирования отношения к произведению вообще: оно обязательно должно было прокламировать государственную идеологию, взгляды героя должны быть четко очерчены и предопределены.

Конечно, с позиции человека, живущего в дне сегодняшнем, можно утверждать, что взгляды ученых 1960—1980 гг. объединены определенной однобокостью восприятия произведения, так как практически единогласно тогда утверждалось, что эстетической задачей писателя было создание образа коммуниста, который воплотит в жизнь новые социальные и политические основы, а сам роман — суровая летописная правда о борьбе за октябрьскую победу.

Суровой летописной правдой про то, как белорусский и литовский народы боролись за Октябрь, называл роман «Віленскія камунары» Б. Саченко. Документальную точность произведения подтверждали и сами участники событий на Вороней улице в Вильнюсе. Так, один из них, литовский коммунист А. Якшевич в своей рецензии на роман-хронику отмечал следующее: «Нават асобныя дэталі, апісаныя ў рукапісе, цалкам адпавядаюць таму, аб чым расказваюць жывыя сведкі і ўдзельнікі гэтых падзей, а таксама таму, што

я сам бачыў і перажыў. «Лоўля людзей на вуліцах горада...» — гэта прыйшлося перажыць і мне ранняй вясной 1918 г. (У часе нямецкай акупацыі Вільнюса). «Нямецкая акуратнасць, што межавала з тупагаловасцю», «гігіена...», «Я сам паспрабаваў такую лазню ўжо летам 1918 г. у мястэчку Кашэдары...».

При этом начиная с 1980 годов уже наблюдается динамика в восприятии романа М. Горецкого «Віленскія камунары». Так, А. Адамович подчеркивал, что многое еще в творческом наследии писателя не рассмотрено и не оценено по-настоящему (книга «Браму скарбаў сваіх адчыняю», 1980); М. Стрельцов отмечает смелую форму произведения, в которой, по его мнению, присутствуют элементы авантюрного романа (статья «Чалавек з Малой Багацькаўкі», 1984); Л. Корень пишет о вынужденной историко-революционной трактовке содержания «Віленскіх камунараў» (статья «Максім Гарэцкі», 1996); Д. Бугаев указывает на необходимость перечитать творческое наследие М. Горецкого без оглядки на идеологические нормы и цензурные запреты (статья «Аплочана жыццём», 2003); И. Чигрин отбрасывает традиционный взгляд на коммунистов в романе и утверждает, что это люди-манекены, жертвы теории (книга «Паміж былым і будучым», 2003); М. Мушинский предлагает при анализе романа сконцентрировать внимание на изучении образной системы произведения (книга «Падзвіжнік з Малой Багацькаўкі», 2008).

Таким образом, становится очевидным, что трактовка романа «Віленскія камунары» имеет неоднозначный характер, и это доказывает, что М. Горецкий создал такое литературное пространство, которое дает возможность каждому читателю быть участником сложного литературного события под названием «произведение», которое заставляет анализировать не только события внутри сюжета, но и выносить их за пределы произведения, чтобы войти в исторический контекст. Ведь уникальность романа состоит еще и в том, что в 1930 годы он создавался контекстом, а вернулся в литературное пространство 1960 годов уже фактором контекста. Это очень интересное кросс-культурное явление, которое позволяет нам, пользуясь открытиями в области литературоведения и современными теориями, ориентированными на работу с текстом, прочитать этот роман, дистанцировавшись от позиций прошлого, чтобы вдохнуть в него историю настоящего, оставить частицу себя, как это сделал в своем романе Максим Горецкий.

Писатель, как непосредственный очевидец революционных событий и жертва репрессий, очень точно передал в романе атмосферу, в которой вынужден был жить. И несмотря на четкое понимание того, что художественное произведение в определенной мере отдалено от непосредственной фигуры писателя, человека Максима Горецкого, ибо в произведении живет свой герой и свой автор, творчество писателя М. Горецкого необходимо рассматривать сквозь призму автобиографичности. При этом следует отметить, что автобиографичность в романе носит двойственный характер: с одной стороны, история рода Мышек воспринимается читателем как автобиографическая исповедь главного героя, с другой стороны, имеет место высокохудожественная обработка фактов биографии писателя.

М. Горецкий в описании судьбы Матея Мышки отразил определенные моменты своей собственной. Можно утверждать, что жизнь писателя и является тем основным событием, на базе которого возникает событие новое, художественное. Это та особенность романа, которая наделяет его полифоническим звучанием. Внимательное сопоставление жизни героя с жизнью самого писателя, его мыслями, размышлениями, дает возможность раскрыть глубину авторского замысла. В знак подтверждения вышесказанного обратимся к фрагментам произведения и биографическим материалам М. Горецкого.

В романе четко прослеживается два «сознания», показывается две истории жизни. Фактами биографии писателя герой романа Матей Мышка «наделен» с самого детства. Автор же в романе, четко понимая это, ни на секунду не отпускает персонаж путешествовать по страницам романа самостоятельно, то и дело между строк оставляя свои знаки, видимые только опытному, профессиональному читателю.

Итак, из произведения читатель узнает, что отец Матея, Михась Мышка, был арестован как революционер: «Маці ездзіла на суд, а мяне з сабою не брала. Бацька яшчэ і пасля суда сядзеў троху ў Вільні. І прасіў маці, каб яна, калі будуць іх высылаць, прыехала б да яго і мяне б з сабою ўзяла. Але развітацца нам з ім не ўдалося. Адкрытка яго была затрымана ў турме ці на пошце. І калі мы сабраліся ехаць да яго ў Вільню, прыйшла другая, што скінуў бацька ў дарозе, калі ўжо ехаў». В этом моменте выразительно прослеживается параллель с одним из эпизодов жизни М. Горецкого в Вязьме, известном по воспоминаниям Л. Чернявской, жены писателя, напечатанных в книге «Ахвярую сваім “я”...» Р. Горецкого: «Праз тры дні Л. Чарняўская з сынам прыехала ў Вязьму, атрымала дазвол на перадачу (бялізну, цукар, махорку, сухары перадаць чамусьці не дазволілі). І ў камендатуры, і ў астрозе прыйшлося доўга стаяць на моцным марозе ў вялізнай чарзе, бо людзей, жадаючых аддаць перадачу, было вельмі шмат. Ад М. Гарэцкага прыйшла запіска: «Спасибо за передачу. Получил все. Отсылаю абратно корзинку и 2 рубашки. Заботьтесь о себе. Максим». Л. Чарняўская ўспамінае: «І гэта запісачка была апошняя, пісаная да нас рукой Максіма. Вярнулася я ў Пясочню. Пайшла да следчага, каб дазволіў спатканне. Ён, праўда, абяцаў, але, калі я з’явілася па дазвол, сказаў, што зараз справа Гарэцкага не да іх належыць. Яшчэ раз паехала я ў Вязьму, звярнулася ў камендатуру. Дзяжурны абвясціў, што Максім Іванавіч Гарэцкі ўжо выбыў з Вязьмы, а куды — не ведае. З гэтым я і вярнулася дамоў». С биографическими аллюзиями такого типа читатель встречается на протяжении всего романа.

Так, на первый взгляд не связан с судьбой писателя эпизод о столкновении между польскими и литовскими националистами за костел Святого Якуба. Матей учился в двухклассной министерской школе, жил надеждой и был счастлив, однако это счастье прервала политика. Герой произведения рассказывает читателю о том, что во время одного из таких столкновений на службе, которая впервые проходила по-литовски (за что собственно и боролись литовские националисты), находилась его мать, набожная католичка. Убегая от конного городового, она попала под ноги коня, и Матей, желая ее защитить, бросил в городового камнем, за что и был схвачен и передан в полицейский участок. Позже все пошло по прогнозируемому сценарию. «На другі дзень прыйшоў я ў вучылішча. І толькі паклаў кнігі на парту, як выклікае мяне загадчык. ...З трэпетам стаяў я перад яго маленькім нізенькім пузкам... А ён разгладзіў сваю чорненькую бародку, пабалаваўся залатым ланцужком каля верхняе кішэні ў камізэльцы і потым спакойным, роўным, чыстым голасам сказаў:

— Вот что, друг любезный... Если бы ты был только хулиган, мы бы тебя наказали, но оставили бы в училище, так как могли бы еще перевоспитать... — (А ў мяне ўжо і сэрца замлела і ногі падгінаюцца.) — Но, к сожалению, — казаў ён далей, — у нас есть совсем достаточные основания думать, что ты, кроме того, что хулиган, еще и не-ис-пра-ви-мый по-ля-чиш-ка... — (Гарачая кроў заліла мне твар.) — А потому, — скончыў ён пагладжваць бародку і балавацца ланцужком, і ўклаў рукі ў кішэні штаноў, — а потому, друг любезный, такая зараза нам в училище не нужна, и мы тебя увольняем».

В этом эпизоде снова звучат два голоса: наивно-серьезный — Матея и мудрый, горько-ироничный — автора. В этой семейной истории Мышки находит отражение как общее, так и частное: история разделения белорусской нации по вероисповеданию и судьба самого писателя, преданного патриота Беларуси, который первый раз был арестован поляками по подозрению в коммунистической деятельности (1922), а второй раз — коммунистами по обвинению в польском шпионаже (1930). Такие взаимоисключения и парадоксы истории и политической жизни, раскрытые М. Горецким в романе, не являются единичными проявлениями действительности того времени.

М. Горецкий ведет своего литературного персонажа дорогами, по которым прошел сам. Так, герой романа волей судьбы был заброшен в немецкий трудовой лагерь в Беловеже. Матей Мышка с восторгом рассказывает читателю про аккуратненькую баню, в которую водили пленных немцы каждые десять дней, про деликатное и заботливое отношение к пленным рабочим: «У лазню *ганялі* нас абавязкова праз кожныя дзесяць дзён. Змяшчалася яна ў асобным, вясёленькім *барачку,* як і кухня, бальніца, швальня... Усё было вельмі акуратна, вельмі арганізавана, усё ішло па гадзінніку на руцэ ў немца. Мыцца — 25 хвілін. Даюць лыжачку жыдкага мыла, наліваюць на далонь, — і марш пад душ... Адзяёмся мы ў другім прымыльніку, праз лазню ад першага...

— Хутчэй, хутчэй, *рускія свінні*! — ласкава жартуючы, падганяе немец з гадзіннікам на руцэ.

— Ну, ну! Хутчэй, хутчэй! *Польскія свінні...* — таксама ласкава ўторыць яму другі немец, таксама з гадзіннікам на руцэ...».

А потом читатель знакомится с доктором, маленьким, подвижным лысым человечком, который за минуту мог «вывернуць пацыенту бялкі, патыцкаць пальцам у бруха, сказаць, што годзен у лесарубы, і наўздагон крыкнуць, што есці трэба не па-сабацку, а па-людску». «Да чаго ўсё было добра, па-гаспадарску пастаўлена і арганізавана!», «Жыць было весела...», — так характеризует свою лагерную жизнь Матей Мышка.

Однако в этом эпизоде очень ощутимо присутствие alter ego, которое ненавязчиво, но последовательно выделяет: «рускія свінні», «польскія свінні», «не па-сабацку, а па-людску».

Автор контролирует эмоциональное настроение читателя и умело корректирует его восприятие. С одной стороны, мы видим образ Мышки, способного посмеяться и всегда чем-нибудь утешить себя, и это не удивительно, ведь главный герой романа воплотил в себе собирательный образ народа, наивного, но не темного, которому «помажь салом по губам» — он только сделает вид, что счастлив, потому что вынужден терпеть несправедливость. Ему трудно разобраться в политических играх, но за шумом воды и мыльной пеной он хорошо слышит «русские свиньи», а во фразе «есть нужно не по-собачьи» иронически понимает «старательную» заботу о здоровье.

Именно так и происходило во время революции, и сам М. Горецкий, переживший голод, ссылки и разочарование, стремится через мировоззрение Матея, через могущественный народный оптимизм, переосмыслить пережитое. Это своеобразный способ проанализировать действительность, желание правдиво рассказать о которой не оставляло М. Горецкого на протяжении всей жизни.

Жизненную основу, обеспечившую чрезвычайную психологическую убедительность романного героя, можно найти в биографии автора, если обратиться к вятской переписке М. Горецкого со своими родными, а конкретно, с женой, Леонилой Устиновной: «Добры дзень, Лёля. Пішу табе на лесазаводзе № 2 «Заря революции», куды мяне паслала на працу біржа...» (5 ліпеня 1931 г., Вятка);

«*У лазню* я хаджу ў месяц *разы два-тры* (гэта як раз амаль кожныя дзесяць дзён, як у творы. — заўвага В. Г.). Лазня вельмі добрая, каштуе ўсяго *25 кап.* (падабенства лічбаў: 25 кап. і 25 хвілін. — заўвага В. Г.), а знаходзіцца таксама недалечка, па дарозе мне на службу; у раздзявальні кожнаму асобная шафка з вешалкаю і палічкамі; парнага аддзялення, праўда, няма, але гэта, можа і добра, — больш культурна; ёсць і асобныя нумары з ваннамі — гэта каштуе, здаецца, рубель ці рубель 25 к.» (20 верасня 1931 г., Вятка);

М. Горецкий щедро делится фактами собственной биографии со своим литературным персонажем. Так, биографическое начало имеет эпизод с арестом Матея Мышки, который в романе подается как очередное приключение авантюриста. Матея арестовывают на следующий день после встречи с неожиданно появившимся знакомым. «Я не ведаў і дагэтуль не ведаю па якой прычыне мяне арыштавалі. Тады я думаў, што за тое, што я быў у Савецкай міліцыі і браў удзел у кантраляванні на вакзале, або па заяве каго-небудзь з добранькіх суседцаў. Падумаць на Рабэйку, што ён мог даказаць на мяне, мне і ў голаў не прыйшло», — размышлял Матей. Последняя фраза Мышки больше похожа на утверждение, чем на сомнение. И профессиональный читатель понимает, что М. Горецкий имел право на утвердительный характер фразы, ибо эпиграф «Гэта старая гісторыя...» — как раз-таки намек писателя на то, что такой момент был и в его жизни.

Известно, что М. Горецкий был арестован польскими властями в Вильнюсе в ночь с 19 на 20 января 1922 года. Две недели просидел без допроса, а позже узнал, что обвиняют его по целым шести пунктам Уголовного кодекса, среди которых и содействие коммунистической работе. Р. Горецкий в своей книге «Браты Гарэцкія», используя материалы «Камароўскай хронікі», так описывает арест Максима: «У ноч з 19 на 20 студзеня, прыблізна а трэцяй гадзіне, — стукаюць... «Хто?» — «Адчыняйце!» — прыглушаны і нязвычны голас гімназіяльнага вартаўніка, а з ім як бы і яшчэ нехта за дзвярыма мнецца. Рэвізію пачалі з пакойчыка, які служыў сталовай, і ў якім жыла Міліна маці <...> «Апранайцеся!» — *«Чаму?» Ён думаў, што нічога ж не знайшлі, дык не арыштуюць <...> Пасадзілі ў адзіночку № 40 ці 45 на другім паверсе.* На чорнай дошцы ўнізе не напісалі прозвішча, а паставілі тры крыжыкі: дужа страшны злачынец! Два тыдні сядзеў без допыту».

В романе «Віленскія камунары» М. Горецкий создает следующую ситуацию для Мышки: «На другі дзень увечары (гэта было 17 снежня, за тыдзень да каляд), калі вярнуўся я з вакзала, прыйшлі немцы і арыштавалі мяне. Вобыску ў кватэры ніякага не рабілі. Проста прыйшло двох немцаў-жандараў, паказалі ордэр ад камендатуры і сказалі апранацца. Завялі ў турму на Лукішкі». Тюремные досмотры всегда являются фактом унижения человеческого достоинства, однако литературный персонаж М. Горецкого был готов и к таким испытаниям: «Штаны і сарочкі мае былі ў дзірках, сам я быў вельмі худы, і ён, падла (супрацоўнік турмы Рудольф. — прим авт.), адышоўся ўбок і закурыў люлечку, стаяў і глядзеў на мяне, пасміхаючыся, а потым скрозь зубы заўважыў:

— Ох, які ты пралетарый!

Я паслаў яго к чорту, ён не пакрыўдзіўся. Але аловак і запісную кніжачку ў мяне адабраў!»

Возникает вопрос: за што арестовывать Матея, какой он враг, если и одежда у него дырявая, и забирать, кроме карандаша да записной книжки у него нечего? Безусловно, М. Горецкий иронизировал, поддерживая авантюрно-приключенческую атмосферу романа, однако этот, на первый взгляд, формальный и в чем-то даже занимательный момент из жизни главного героя можно

соотнести с судьбой самого автора, у которого перед арестом «разабралі абраз, расчынілі самавар, калолі сяннік, выстуквалі сцены, глядзелі электрычным фанарыкам у яе (Мілінай маці) папіросы, вывернулі яе падвойныя панчохі...» Не чувствовал ли себя М. Горецкий в тот момент раздетым, беспомощным и беззащитным? Не отобрали ли и у него, как у Матея Мышки, книжечку с карандашом, если понимать под этим право на свободное творчество? Скорее всего так оно и было. Именно потому Матея, как когда-то и самого писателя, завели «па жалезнай драбіне *на другі ці трэці паверх, да дзвярэй «цэлі» (камеры) нумар 40*». Автор проводит своего героя по тем же жизненным тропам, по которым некогда прошел сам, проявляя желание донести до читателя что-то большее, чем просто описание судеб персонажей-бунтарей Мышек.

Жизненный оптимизм Матея Мышки имеет ту же природу. Именно через письма и заметки Горецкого можно понять, до какой степени по-философски позитивно стремился писатель относиться к жизни, несмотря на всю сложность и несправедливость, которые ему приходилось преодолевать. В своих письмах к жене он пишет: «Не сумуй, трэба жыць, як прыходзіцца. Бывае горш, нічога не зробіш» (18 жніўня 1931 г., Вятка).

«Радуюся, што дзеці добра вучацца» (24 верасня 1931 г., Вятка).

Писатель временами даже обращается к самоцитированию: «“Неяк яно будзе”, — казаў ці думаў Жартаўлівы Пісарэвіч» (14 студзеня 1932 г., Вятка).

«І што вы за людзі: жывіцё ўсё нейкімі надзеямі, а ўзяць жыццё, як яно ёсць, не прызвычаіліся. Ну, нічога, нічога: усё добра будзе» (14 лютага 1932 г., Вятка).

Писатель ищет радость во всем, это «ўсё добра будзе» проявляется почти в каждой его мысли, в каждом взгляде на вещь или явление: «Ізноў стаяць маразы. Але ў мяне цёпла, купіў дроў» (26 лютага 1932 г.).

«Яшчэ маразы, але сонца ўжо прыгравае» (29 лютага 1932 г.).

В этом «удовлетворении» временами проявляется и «чудачество» Мышки, однако именно из переписки М. Горецкого становится понятным, что это не совсем уж и чудачество, а свойственное для того времени, аргументированное обстоятельствами поведение. Так, М. Горецкий посчитал необходимым рассказать про некоторые детали своего быта, радость от которых современному человеку, отдаленному от той эпохи, от глумления над человеком, когда в невыносимых условиях необходимо было жить и работать, может показаться странной: «Я ўсё чакаў, каб падмарозіла, але цяпер мне ўжо не бяда: купіў калёшы. Праўда, на левую нагу № 15, а на правую № 12, але заплаціў усяго 5 руб. і вельмі задаволены гэтым набыткам» (10 лістапада 1931 г.).

«Хаджу ў новым пінжаку і вельмі рад» (11 красавіка 1932 г.). И этот, на первый взгляд, псевдооптимизм М. Горецкого целиком оправдан, ибо условия жизни были настолько сложными, что любой минимальный комфорт считался счастьем.

Однако и у писателя, как и у его героя, были минуты душевного беспокойства и грусти. И это является свидетельством того, что Матей Мышка — не комический персонаж и что писатель не только иронизирует над ним и вместе с ним, но и показывает ту иронию судьбы, которую прочувствовал сам. И контраст обычной жизни — (того «мышиного бега» от столовой до работы и домой) с серьезными душевными размышлениями — не столько композиционный прием, сколько непосредственное состояние писателя во время создания романа. Так, в своих письмах М. Горецкий временами открывает душу, позволяет проявиться своим эмоциям и переживаниям:

«І мне бывае часам сумна, але я ўжо закамянеў» (23 жніўня 1931 г.).

«У поўным разбродзе я цяпер, не ведаю, якім шляхам і да якой прафесіі ці занятку больш кіравацца» (24 кастрычніка 1931 г.).

«Часам находзіць на мяне вялікая злосць і крыўда, што фактычна адкінулі мяне ад літарацкае работы, як апошнюю непатрэбшчыну. Бо ці ж магу я ў сваіх цяперашніх умовах пісаць? А няўжо ж я так-такі нічога не варты, нават з самага левага пункту погляду? І вось надоечы напісаў у Менск начальніку ГПУ, каб вярнулі мне мае затрыманыя рукапісы. Але хто там пачуе мой голас, калі я не пісьменнік, якога б нехта цаніў як пісьменніка? Ну, нічога. Усё нічога. Усё добра будзе» (29 красавіка 1932 г.).

М. Горецкий описывает и то, как рядовые обыватели возвышаются, становятся полноправными хозяевами жизни. При этом возникает вопрос: почему так поступает писатель, который во время написания произведения уже хорошо понимал и правду о революции, и ее результаты и перспективы? Литературовед Т. Голуб утверждает, что работа над романом «Віленскія камунары» «яшчэ цепліла надзею пісьменніка на змену абставін і адначасова была пэўным часовым кампрамісам з боку аўтара. Асвятляючы тэму рэвалюцыі, ствараючы вобразы камуністаў, як мужных і адважных барацьбітоў, змагароў за светлую будучыню, Максім Гарэцкі імкнуўся не толькі сцвердзіць сябе як пісьменнік, але і паказаць сваю прыхільнасць да рэвалюцыйных ідэй, чым спадзяваўся выклікаць давер у высокапастаўленых асоб, якія маглі б змяніць яго трагічны лёс».

Однако в этом контексте необходимо вспомнить строки из произведения «Скарбы жыцця», которое писалось приблизительно в одно время с романом «Віленскія камунары», и в котором автор точно отвечает на вопрос: почему революция имела успех, и почему он сам на некоторое время встал под ее знамена. Эмоции М. Горецкого здесь схожи с теми чувствами, которые переживает Матей Мышка, только у последнего они трепетные и радостные, а у писателя — щемящие и болезненные. Передавая их, он будто бы оправдывается за то, что произошло: «І я пайшоў. Старыя дарогі пераступіў. Новыя шляхі рассцілаліся прада мною. Сілам сваім рабіў парад. Зброю сваю аглядаў. *На новыя баі рыхтаваўся... вялікія баі!*

Чорная заслона з вачэй ужо спала. Прад вачыма нібы пабялела. Слёзы аблягчэння дробна крапілі мяне, асвяжалі. *Дыхаць мне было лёгка і прыемна.*

Сеў на шумнабежны воз і на крылах шпаркасці яго ў новыя, *нязнаныя прасторы паляцеў*. Вольныя вятры веялі мне свежым павевам. *Новая эпоха мярэжыла ў тумане...*

Там буйныя краскі цвітуць: п'яная моц слодычччу ад іх ліецца... І баяўся я самлець ад тэй моцы вялікай, перавышаючай мае малыя сілы... Маною д'ябальскаю атручала мяне».

В своем произведении «Віленскія камунары» М. Горецкий приводит читателя к пониманию того, каким образом такие, как Матей Мышка, обыватели, которые и являлись составной частью революционных масс, попадались в пропагандистские ловушки. Автор показывает, что молодые красивые «товарищи» из Москвы — тоже в большой степени жертвы системы. Эти юноши, так же как и молодой Горецкий, искренне верили в справедливость своего дела, потому и глаза у них горели, и речи были пламенными, а это-то и притягивало утомленных, бесправных людей. Положение некой неожиданной эйфории сопровождало участников революционного движения, и именно в таком настроении они нередко делали выводы и принимали политические решения.

На страницах романа М. Горецкий дает читателю возможность поприсутствовать на выборах в Совет рабочих депутатов, которые проводились 15 декабря 1918 года в Вильнюсе. Двести депутатов, среди которых девяносто шесть коммунистов, бундовцы, национал-демократы Литвы, эсеры, социал-демократы-интернационалисты, литовские народники, поалей-цианисты —

все предчувствовали не только перемены, но и надеялись на непосредственное участие в формировании нового строя. Как замечает Мышка: «Адразу ж пачаўся бой за месцы ў прэзідыуме». И этот бой неожиданно для Мышки оказался несправедливым, ибо комфракция не соглашалась допустить в президиум представителей других партий, кроме бунда и социал-демократов-интернационалистов. Герой романа, описывая те события, отмечает: «Мушу прызнацца, што пазіцыя камфракцыі здалася мне спярша як бы крыху нейкім гвалтам над правамі іншых партый, — настолькі яшчэ быў я тады наіўны і палітычна слабаразвіты».

Эта наивность характерна не только Матею. Приведенные выше слова — это также и признание М. Горецкого в собственной наивности, которая в свое время позволила ему написать статьи «Будзем жыць!» (1918), «Няхай жыве Камуністычная Беларусь!» (1919) и, укоряя Скирмунта и Воронко в неискренности намерений помочь белорусскому народу получить независимость, надеяться на то, что единственное спасение — в коммунизме и создании единой Советской России.

Уверенный в необходимости идти за большевиками, во главе которых стоял Ульянов-Ленин, М. Горецкий в свое время, не понимая еще или не замечая парадокса мысли, эмоционально утверждал: «Теперь вильсоновская братия пусть помозгует, кто же истинный представитель Белоруссии: пан ли Скирмунт, Воронко ли, неведомый никем, наспех написавший несколько книжонок на русском языке по белорусскому вопросу и ничего общего с народом не имеющий, или Дмитрий Жилунович, рабочий по выделке кож (м. Копыль Минской губернии), еще в 1906 году выпустивший сборник белорусских пролетарских стихотворений, гонимый царским режимом, польскими панами и лидерами белорусско-буржуазного возрождения за то, что действительные интересы крестьянского рабочего класса в Белоруссии и идеи коммунизма ставил выше всего? Ответ ясен. Няхай жыве камуністычная Беларусь!» Через определенное время З. Жилунович, как известно, так же был репрессирован: его исключили из партии в 1931 году за осознанное проведение национал-оппортунистической и национал-демократической линии и поместили в Могилевскую психиатрическую клинику, где он и умер, не выдержав физических и моральных издевательств.

Позже в своем произведении «Скарбы жыцця» М. Горецкий напишет: «Я клін у сабе нашу. Клін у мяне ўвагналі...» Так вот история Матея Мышки — это повествование о том, как этот клин вгонялся, как чувство какого-то насилия соседствовало с пониманием причастности к великому делу, к созданию новой жизни.

Благодаря сохранившимся письмам М. Горецкого можно выявить еще один аргумент в пользу автобиографизма в романе «Віленскія камунары». Среди перечня имен, которыми М. Горецкий подписывал свои письма, таких как Максім Гарэцкі, Максім, бацька, Ма, М., можно выделить еще несколько: Брадзяга, Задумекус і Стары дурань. Подпись под письмом «Брадзяга» не только указывает на социальный статус и героя, и писателя, но и помогает понять жанровую специфику романа, а также является своеобразным косвенным подтверждением того, что произведение носит авантюрный характер. М. Горецкий сам чувствовал себя «бродягой» по жизни, без постоянного пристанища, без семьи, с которой его разлучили. Его судьба — это серия сложных «приключений» и испытаний. Это он, М. Горецкий, был выброшен из социальной ячейки общества, но не сломался, не погиб, не потерял себя и не изменил своим принципам. То же самое он «передал» своему герою Матею Мышке. И не случайно М. Горецкий не подписывался тогда «Лявоніус Задумекус»: это

было время собирать силы, а не страдать от рефлексии, душевного самоанализа. Для автора это было нелегко, так как несмотря на большие заслуги перед белорусской культурой и обществом, писателя уже в конце 1920 гг. отвергла Советская Беларусь. Воспоминания о Вильнюсе периода 1910—1920 гг. не оставляли его даже в ссылке. В письме к жене М. Горецкий писал: «...У Менск мяне зусім не цягне... Можа, прыйдзецца бавіць час у Вятцы ці яшчэ дзе далёка, аж пакуль не адчыніцца дарога да Вільні. Туды б я таксама паехаў».

Вот такой циничной, безжалостной и беспринципной была революционная и постреволюционная эпоха. Эту силу цинизма, пропустив через историю собственной жизни, не мог не отразить в романе белорусский писатель. И сделал он это, как великий мастер слова, вынужденный работать под внимательным цензорским взглядом, через посредников — литературного персонажа и автора романа, оставив свое видение действительности между строк.

Если внимательно присмотреться к герою романа «Виленские коммунары», то можно с уверенностью сказать, что это фигура неоднозначная как в художественном воплощении, так и в своем существовании внутри произведения. Матей будто бы и революционер — ходит в Рабочий клуб, слушает лекции, голосует за большевистские идеи, даже участвует в защитной операции виленских коммунаров, но при этом он чувствует себя независимым человеком, которым по большому счету движет не столько слепое желание воплотить в жизнь идеи большевиков, сколько сила собственной выгоды. В этом смелом для 1930 годов образе ощущается актуализация архетипа трикстера, но не мифологического, несущего контекст прошлого, а уже модернизированного варианта «советского трикстера», который, конечно, аккумулировав в себе народную мудрость героев белорусского фольклора, определенное плутовство героев европейских авантюрных романов, хитрость и находчивость Гоголевских персонажей, все же трансформировался в нечто особенное под воздействием изменений в социально-политической жизни.

Как отмечает Марк Липовецкий, занимающийся исследованием архетипа трикстера, трикстер оказался востребован в советскую эпоху как персонаж, противоположный «наивному герою», модифицированному Ивану-дураку, который в официальной культуре изображался как основной герой революционной эпохи (см., например: «Страна Муравия» (1936) А. Твардовского, «Член правительства» А. Зархи и И. Хейфица, «Светлый путь» (1940) Г. Александрова), а в контрофициальной — как основная жертва советской социальности («Усомнившийся Макар» (1929) А. Платонова, «Один день Ивана Денисовича» (1959/62) А. Солженицина, «Привычное дело» (1966) В. Белова, «До третьих петухов» В. Шукшина и др.).

М. Горецкий обращается именно к такому способу отображения действительности, создает именно такой образ в связи с требованием времени, ибо «советский трикстер» «наиболее адекватно воплотил силу цинизма, необходимого для выживания в постоянно меняющихся, непонятных и непрозрачных социальных условиях советского общества, отражая — в комической, игровой форме — ту реальную социальность, которая сложилась в результате большевистского эксперимента, и которая не вписалась в бинарные структуры как официально советского, так и неофициальных дискурсов». М. Горецкий, как непосредственный очевидец революционных событий и жертва репрессий, точно передал в романе ту атмосферу, в которой вынужден был жить. Несмотря на то, что роман «Віленскія камунары» писался для печати, автор нашел возможность не только передать дух эпохи, но и в социально-бытовых и политических заметках создать такой художественный многогранный образ, который, с одной стороны, репрезентировал героя революции, а с другой

стороны, через его наивность и непосредственность показывал реальную историческую ситуацию, раскрывал весь цинизм эпохи.

Подчеркнем, что образ Матея Мышки не является прямым воплощением архетипа трикстера, а репрезентует его в трансформированном виде, продиктованном сменой исторических эпох. Так, Матей Мышка — не мошенник, не авантюрист, у него нет осознанного желания обмануть, украсть или изменить принципам, а если он иногда и решается на мелкие, сомнительные с позиции традиционной морали, поступки, то делает это с такой непосредственностью и искренней мотивированностью, что даже не возникает желания укорять его.

Таким образом, литературный трикстер советского времени отличается от мифологического, но существуют определенные черты, которые подчеркивают общую природу образа. Принимая во внимание результаты современных исследований про трикстера, можно выделить следующие наиболее важные характеристики, которые проявляются в советской литературе: «советский трикстер» амбивалентен, выполняет функцию медиатора, лиминальный, склонный к театральности, прямо или косвенно связан с сакральным контекстом. В той или другой степени эти черты свойственны и образу Матея Мышки.

Как уже говорилось, для архетипа трикстера характерны амбивалентность и лиминальность. Это значит, что трикстер всегда находится за пределами морали, поскольку, как отмечает М. Липовецкий, имеет способность «“не влипать” в какую-то одну систему ценностей, нарушать, разрушать и непочтительно высмеивать границы между оппозициями, в том числе и сакральными». Лиминальность трикстера проявляется в способности находиться между позициями, определенными законами. В соответствии с этим трикстер — всегда человек дороги, а его социальная позиция изменчива. Все это можно применить к характеристике Матея Мышки — трикстера по воле судьбы, приключения которого начались еще в детстве и не заканчиваются на протяжении всей жизни: в юношестве Мышка переходит с работы на работу, во время немецкой оккупации Вильнюса с интересом наблюдает то за поляками, то за немцами; попадает то в лагерь для военнопленных в Беловеже, то в тюрьму, а между всем этим с интересом наблюдает за политической борьбой многочисленных партий. Главный герой не только физически переходит с места на место, но и интеллектуально путешествует по идеологиям, предложениям и обещаниям партийных лидеров. Такая форма путешествия — удачная находка М. Горецкого, которая дает возможность писателю в выгодном свете показать многопартийную идеологическую борьбу за власть в Вильнюсе и определить роль маленького человека в большом вихре политики.

Так, М. Горецкий мастерски манипулирует советским и несоветским дискурсом при создании образа Матея Мышки, с одной стороны, насыщая его речь советскими фразеологизмами, с другой стороны, создавая такой контекст, который целиком их дискредитирует. «Дзе я працую, там маё і ўсё...», — таким эпиграфом начинается глава «Клуб на Вароняй», в которой рассказывается, как Матей Мышка вместе с жителями Вильнюса собирал книги в Рабочий клуб. «Свое» состояло из тех книжечек, которые русские, когда уходили, «кінулі ў горадзе ў поўным бяззладдзі. Дык рабочыя, ходзячы на работу, калі бачылі, што валяецца без гаспадара, цягнулі яе на Варонюю… І так, патрошачку-патрошачку, сабралася ў нас на Вароняй бібліятэка ў некалькі тысяч тамоў». Так из чужого, брошенного не по своему желанию без присмотра, возникало «мое», и этот пример — только деликатный намек на советские методы давления и манипуляции, про которые когда-то вслух заявлял М. Горецкий в произведении «Чырвоныя ружы» (1926). Однако Матей

Мышка искренне делает свое дело, думая, что приносит пользу большевикам, что все действительно совершается ради его же будущего блага.

При этом «революционер» Мышка не спешит отдавать преимущество своего голоса какой-нибудь партии, он всегда где-то между полюсами, идеологиями, конкретными системами ценностей. Так, он посещает собрания в Рабочем клубе на Вароней, но точно подчеркивает, что лекторы тянули каждый в свою сторону, но говорит при этом апеллируя к большевитским выражениям: «Пры ўсім тым, *абуджалі яны ў рабочых масах сацыяльную свядомасць, не давалі драмаць класаваму пачуццю*. І рабочыя праз іх рабіліся больш пісьменнымі, больш развітымі людзьмі». Эти устойчивые советские фразы в контрасте с трагическим сюжетным содержанием романа являются примером заданной М. Горецким всегда макаронической речи персонажа.

Мышка критикует организаторские способности политиков, но одновременно с этим во время восстания, стоя на страже с карабином, сам выступает революционером-романтиком, мечты которого далеко в небе. В его мыслях очевидно проявляется наивное обожествление власти, которое вызывало в сознании простых людей большевитское могущество, смешанное с усталостью от всего, что происходит, и как итог этих мыслей-размышлений звучит в конце пафосная утопическая фраза: «А можа быць, там, у іх ёсць ужо такія дасканалыя прылады, што бачаць яны на нашай зорачцы-Зямлі не толькі вялікія сінія акіяны, чорныя плямы мацерыкоў, але і трубы фабрык і паседжанні Саветаў... І можа быць — даўно ўжо прайшлі яны наш шлях. І даўно ўжо няма ў іх ні бедных, ні багатых, ні эксплуатаваных, ні эксплуататараў, ні нацый, ні рэлігій, ні войнаў і турмаў, ні голаду і ўсіх нашых пакут <...> і можа быць усімі сіламі хочуць яны нам дапамагчы. Пасылаюць нам адтуль свае веды і свой досвед. Але мы не ўмеем прыняць ад іх тых вясцей. *І сваімі сіламі робім тое, што вядзе чалавецтва да шчасця»*.

М. Горецкий мастерски иронизирует над пафосными лозунгами и стереотипами, в которых идеализируется война. Так, Матей Мышка радуется (как «жартаўлівы Пісарэвіч»), что его, с покалеченной рукой, мобилизуют, что «не думаўшы, не гадаўшы, трапіў» Мышка «крываручкі на вайну... І на такую, дзе і галавы не шкода: калі трэба, дык і трэба! А самае-то важнае, калі *жыцця свайго для справы не шкадуеш*. Тады нічога і не баішся. Тады і змагацца лёгка, і нават *ісці на смерць — прыемна!*» В отличие от компетентной авторской позиции наивный персонаж, возможно, хочет засвидетельствовать свой героизм, влезть в какую-нибудь авантюру, чтобы вернуться оттуда новым человеком, не «криворуким», не сыном меньшевика, а героем времени — и революция выглядит тут наибольшей авантюрой.

Такая способность героя впитывать в себя противоположные идеологически-культурные элементы (сначала он радуется, что попал на войну, потом мечтает про мирный путь разрешения конфликта) и при этом создавать компромиссные прежде всего для себя ситуации предопределена именно архитипными способностями трикстера медиатора-парадоксолиста.

Образы, созданные писателем, не соответствуют представлениям об идеальных персонажах современной М. Горецкому советской литературы. Автор подчеркивает, что организаторы пролетарского движения смотрели на своих представителей с четко прослеживаемым прагматизмом. Об этом свидетельствует фрагмент диалога между Кобаком и Мышкой:

«— Аб чым задумаўся? — кажа ён [Кобак. — В. Г.]. — Кінь журыцца. Справы нашыя някепскія. Па-першае, мы іх усё ж ткі добра праўчылі. А па-другое, *«пралетарыям няма чаго губіць, апрача сваіх ланцугоў»*.

— *Аднак жа лепей жыць, чым паміраць,* — запярэчыў я, от так сабе, дзеля свае прывычкі казаць «але» або «аднак» насупроціў сказанага».

Читателю понятно, что ответная реакция персонажа совсем не формальная, поскольку одно из самых известных большевистских высказываний, которое, как принято считать, является призывом к свободе подневольного класса, в приведенном контексте является своеобразным философским размышлением перед оправданием возможной смерти.

Матей Мышка проявляет желание и способность выживать в сложное время большевистсткой реконструкции. М. Горецкий создает такое дискурсивное поле, в котором происходит обыгрывание большевистских лозунгов и прокламаций через введение их в нестандартный контекст, и способствует этому созданный образ Матея Мышки — трикстера по своей природе, назначение которого — показать те политико-идеологические противоречия, которые дискредитируют понятие «гуманизм». С одной стороны, маленькому человеку предлагали большое и светлое будущее, а с другой стороны, отправляли на верную смерть. Это противоречие и порождает Мышку-трикстера — человека, который, в принципе, согласен «получить» лучшую жизнь и даже прикладывает для этого усилия, но одновременно понимает, что в этих предложениях есть что-то искусственное, что *«ісці на смерць не страшна, але не вельмі прыемна»;* что *«лепш жыць, чым паміраць»*, даже когда «акрамя ланцугоў і губляць няма чаго». Таким образом, трикстер Матей дискредитирует и обыгрывает социально-политические парадоксы большевистской системы, а точнее, той системы ценностей, на которой она базировалась.

Таким подходом к художественному отражению действительности М. Горецкий близок с Я. Гашеком, «создателем» чешского «трикстера» — солдата Швейка, героя романа «Приключения бравого солдата Швейка» (1921—1923). Как и Швейк, грубый среди всеобщей грубости, Матей Мышка выступает наивным и временами меркантильным среди всеобщей народной наивной веры в то, что своими руками под руководством чужих слов можно построить собственную счастливую жизнь. И когда веры в собственные силы не хватало, проявлялась банальная жажда выживания, при которой меркантильные интересы преобладали над иллюзорной верой в изменение жизни к лучшему. М. Горецкий, как и Я. Гашек, через образы своих героев выступает против всей той общественной системы, в которой было потеряно уважение к человеку как наиважнейшей ценности жизни, что, в свою очередь, превращало его в системное средство реализации мощных проектов и тем самым нарушало традиционный порядок жизни и порождало хаос. А хаос порождал смерть, такую же неоправданную и жестокую.

В конце октября 1937 года в отношении М. Горецкого выходит «Постановление 1937 года Октябрь 27 дня г. Смоленск»: «Я, начальник Кировского РО УНКВД сержант Гос. Безопастности Быстров, рассмотрев материал на гражданина Горецкого Максима Ивановича, 1898 г. рождения, уроженца Малая Бочатьковка, Мстиславского р-на БССР, по национальности белорус. В 1922 году арестовывался польскими властями, перебежчик. Судимый к пяти годам лишения свободы за участие в контрреволюционной организации белнацдемовцев, образование имеет высшее, работает учителем школы в гор. Кирове.

Принимая во внимание, что он подозревался в антисоветской деятельности, а потому руководствуясь 145 УПК —

Постановил:

Горецкого Максима Ивановича арестовать и содержать под стражей гор. Сухиничи.

Нач. Кировского РО

Сержант Госбезопасности (Быстров)».

Как же быстро этакие быстровы решали вопросы человеческих судеб. Документ приводится со всеми ошибками: переврано не только название места рождения, но и фамилия бывшего ссыльного. Очевидно, что все проводилось в спешке, ведь Сталин дал приказ: «Виновных судить ускоренно. Приговор — расстрел». Обвинение было предъявлено незамедлительно. «Будучи непримиримым врагом Советской власти, в течение ряда лет проводил контрреволюционную работу, высказывал террористические и контрреволюционные намерения, работая учителем школы, обрабатывал учеников в контрреволюционном духе», — гласило обвинение. К обвинению прилагался пакет допросов людей, окружавших учителя, как оказалось позже, красиво сфабрикованных.

Приговор был очевиден — было вынесено решение о расстреле. В тот день, 10 февраля 1938 года в 14 часов 45 минут из места содержания под стражей были взяты, а в 15 00 расстреляны вместе с Горецким еще 39 человек, из них одна женщина. Трупы были зарыты на установленную глубину.

Вот так за 15 минут лишился жизни выдающийся писатель, педагог, ученый-филолог. Роман «Віленскія камунары» не спас М. Горецкого от смерти, но, хочется верить, что при правильном его прочтении, сможет удержать наших современников от возможных ошибок, которые уже не раз совершались в прошлом.

Юбилей

ПЕТР ВАСЮЧЕНКО

Что оно и откуда оно?

Современники Максима Горецкого, писатели-«нашенивцы» (Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович, Алесь Гарун, Вацлав Ластовский, Змитрок Бядуля, Тетка, Ядвигин Ш. и другие), были не только мастерами слова, но и неутомимыми мыслителями, философами, прогнозистами, искавшими и творившими Беларусь. В ряду интеллектуалов «нашенивской» эпохи место М. Горецкого было особенным. Писатель неслучайно зачастую скрывался под псевдонимом Лявон Задума. Крестьянский сын, интеллигент в первом поколении, Максим Горецкий с деревенским упорством налегал на науку и литературное творчество. Старательный ученик и книжник, он уже в юные годы изведал не только радость познания, но и его горечь, о которой говорит председательствующий в собрании: «В великой мудрости много печали, кто умножает знания, умножает скорбь» (Экклезиаст, 1, 18).

Максим Горецкий самореализовался не только как художник-реалист, но и как символист, постигавший трансцендентальные, мистические глубины бытия. Символизм в творчестве мастера проявился как результат интеллектуального поиска, тяжести знаний.

Художник никогда не избегал суровой правды жизни и многие свои произведения написал в подчеркнуто реалистической манере, например, повесть «Виленские коммунары» (1931—1932), роман «Комаровская хроника» (1930—1932).

Но в его художественном мире присутствует тот барьер, перед которым отступает рациональное и за которым обнаруживается нечто таинственное, недоступное силлогизму. И в эту таинственную сферу бытия приходится проникать наощупь, используя интуицию, как это предлагали символисты. Писатель имел особый интерес к онтологическим основам жизни, той бездне вопросов, которых боялись даже всеведущие философы-классики. И уходили от ответов в формальную логику, в исследование проблем человеческого разума.

«Что оно и откуда оно?» — так предельно просто сформулировал вопрос вопросов Максим Горецкий и заставил мучиться над ним героев своей ранней прозы. Люди, получившие реальные, полезные для человеческой жизнедеятельности знания, они отступают перед проявлениями природной трансценденции.

Они, как и сам автор, интеллигенты в первом поколении, убеждены, что наука может объяснить все и вся, в том числе и ту чертовщину, которая пугает малообразованных людей. Студент-медик Архип Линкевич, герой рассказа «Родные корни» (1913), получает из деревни письмо, в котором родители сообщают, что в новой хате завелась нечистая сила. Горькая усмешка появляется на губах молодого человека. «Як многа слаўнага ў нашых вёсках, сёлах,

а тым часам як яны непарушна мёртвыя ў жыцці. Час ідзе — у гары, у воздусі лётаюць аэрапланы, дырыжаблі; пад вадой жывуць людзі, як на зямлі; перагаварываюцца на тысячы вёрст; даходзяць да таго, што думаюць замаражываць чалавека на колькі трэба часу і ўзноў аджыўляць яго; усё ідзе шпарка ўперад, толькі нашу вёску, як абросшы мохам камень каля шляху, з мясціны не скранеш... Сумна, сумна».

Будущий врач убежден, что нет в мире чудес, которых не объяснила бы наука, и в этом плане остается пленником XIX века — эпохи пара и электричества. В начале XX века эту самоуверенность уже подточили «безумные» теории А. Эйнштейна, З. Фрейда, К. Юнга.

Архип Линкевич приезжает в деревню, чтобы убедиться, что проделки нечистой силы — лишь домыслы подвыпивших мужиков.

Что же ожидает его в хате, где поселилась нечистая сила?

«Добра спіць Архіп, дзіўна спіць Архіп.

А на дварэ маланння бліснула вялікая, вострая, жудасная, загрымеў гром, па ўсім небе вялікі грукат-грымот пайшоў, у самыя далёкія канцы глуха і дробна пакаціўся, пасыпаўся і раптам: трах-тарарах-рах... трэснуў-стукнуў пярун.

Ірвануўся Архіп з усіх сіл сваіх, з усіх жыл сваіх, і праз страшны сон з лаўкі на зямлю паляцеў, больна аб мост урэзаўся».

В те времена, когда уже существовали дирижабли, радио и подводные аппараты, еще не слышали слова «полтергейст», но именно с таким аномальным явлением пришлось столкнуться просвещенному Архипу. Ему следовало бы припомнить реплику Гамлета, адресованную Горацио:

И в небе, и в земле сокрыто больше,
Чем снится вашей мудрости, Горацио.

Убеждениям рационалиста Линкевича противостоит природное нечто, не входящее в техногенную сферу человеческого существования. Рассказ об этом «нечто» найдет продолжение в рассказах и миниатюрах «Сокровенное», «Темный лес», «Страхи», «Стоны души», «Что оно?» (все датируются 1913 годом).

Иногда автор через своих персонажей толкует необъяснимый феномен реалистически. В рассказе «Страхи» все объяснилось, можно сказать, достаточно прозаично. Гаврила Печкур, не признававший нечистой силы и разных там страхов, был насмерть напуган голосом, воззвавшим к нему на кладбище. И только через три года после его смерти люди узнали, что испугал Гаврилу босяк и вор Атрох, спрятавшийся в шалаше на кладбище от дождя.

Но не всегда рациональная трактовка загадочного приносит ясность, убеждает.

Умер деревенский колдун Янка и оставил после себя некую зону, где законы ratio не действуют, время остановилось, как это было в «зачарованном царстве» Максима Богдановича. В этой зоне творится нечто настолько страшное и необъяснимое, что «я-герой» сомневается в своих способностях объяснять мир:

«Забабоны мае! Адкуль вы? Я ж ведаю, што нічога таго няма... чаго... А ці ж ведаю? Не! Я дзеткам кажу аб прыродзе па-навучнаму, рэдка раскажу ім страшнае. Любыя дзеткі...

Думы мае! Адкуль вы? Калі тое было, што дзядуля-нябожчык (няхай святы ляжыць) казкі мне страшныя казаў, мэкай ды мышэшай пужаў.

Думы мае, адкуль вы?»

Трансценденция обнаруживается и в сознании современного, логично мыслящего человека.

Мыслящих героев Максима Горецкого страшат не только мистические глубины бытия, но и его поверхность, сфера активного действия. Они боятся поражения, которое подстерегает везде. А «детские вопросы» возникают на каждом шагу, множатся: «Что оно?», «Откуда оно?», «И откуда оно все?», «И к чему оно все?», «Что там?» Герой-интеллигент Максима Горецкого пока что добыл только один ответ на беспокоящие его вопросы: опираться нужно на «родные корни», а это значит, на национальную почву, историю, культуру, духовный опыт белорусского народа. Только вот есть народ, а есть люди.

Персонажей интеллигентской прозы Максима Горецкого тревожит не только природная, но и человеческая трансценденция, тайна души человеческой. Казалось бы, ему, Максиму, интеллигенту в первом поколении, душа белорусского крестьянина должна быть открыта, как на ладони. Ведь и сам он, как яблоко, недалеко откатился от родного дерева. Но почему вчерашние знакомые, деревенские дядьки снимают шапки перед ученым паничом? Разве он не свой?! Вернулся для того, чтобы учить и учиться, а не для того, чтобы шапки перед ним снимали и величали по имени-отчеству.

Во времена Горецкого сильны были проявления народофильства, идеи долга интеллигента перед народом, который прокормил, вывел в люди, выучил. «Платите долги!» — призывал и нашенивский деятель Вацлав Ластовский, имея в виду долг интеллигента перед трудовым народом. Они бы и рады были оплатить долги (если они есть), но вот только как?

Этими вопросами мучается Клим Шамовский, герой рассказа «В бане» (1912). Толстовская совестливость соединилась в его сознании с идеями «нашенивства», и вот он ищет гармонию с белорусским народом через практику «опрощения».

Клим приехал на рожденственские каникулы в родное Мордолысово и направляется в деревенскую баню, чтобы очистить не только тело, но и дух, чтобы избавиться от наростов панства и почувствовать себя своим среди своих.

Только его ожидает баня, в которой скорее наберешься грязи, чем очистишься. Теснота, ругань, антисанитария... Герою это напоминает сцены чистилища или ада, с чертями и грешниками: «Аж стогн лунаў у лазні. Павярнуцца — думаў Клім — недзе: паўнютанька лазня людзей. На нізу ў гразі блазнота... Іншы плакаў ад дыму ці яшчэ ад чаго і цёр вочы кулакамі, і плёскаў гразнай вадою. Але й тую яму нехта забараніў браць, казаў: «Злётай прынясі сам». Іншы сядзеў непарушна, ушчаміўшы галаву паміж ног. Той шчыпаўся, той штурхаўся, той жартаваў — мацаў некага па вачах, кажучы: «Ці еў балазе?»

Баня избавляет героя от народофильских иллюзий, которыми он тешил себя. Ночью его подстерегают новые мысли и вопросы: «Беларусь, Беларусь, чым ты была і чаго ты, во, даждала?» Клим понимает, что дважды в одну и ту же баню, как и в реку, не войдешь. Все меняется: деревня, Беларусь, да и он уже не тот. На память приходят строки из Якуба Коласа, которые герой тут же переиначивает:

Мой родны край, як ты мне мілы,
Уцяміць цябе не маю сілы….

Трансцендентальная Беларусь — такой видит ее теперь Клим Шамовский. Он не изменяет формуле Возрождения, выведенной нашенивцем Карусем

Каганцом: Беларусь надо поднимать. Именно поднимать, а не опускаться в быт и прозу существования. Дело Возрождения выглядит более сложным и кропотливым, чем ему казалось ранее.

«Але ж не адракацца, не быць здраднікам, а любіць, шанаваць родную Бацькаўшчыну павінен, доўжан...», — быў другі шэпт. «Люблю... ці ж не люблю?.. А страшна яно, роднае... чым?..»

І спахмурнеў Клім, сігаў шпарчэй па скрыпучым марозным снезе. Ляцела думка: «Мой родны кут, люблю цябе без меры!» — і забавілася яна, не ўцякала.

— Ці не захварэла твая галава, Клім, пасля лазні? — спытаўся бацька.

— Палепшае, — адказаў сын».

Головная боль проходит, а больные вопросы остаются.

Иррациональное не только вокруг человека, а и в нем самом становится предметом дальнейшего художественного исследования Максима Горецкого. Глубины человеческого «я», бессознательное, описанное, но не разгаданное до конца З. Фрейдом, тревожит и Максима Горецкого, когда он пишет драматическую повесть «Антон» (1914).

Это произведение в свое время я рекомендовал кинематографистам для создания психологической драмы в духе И. Бергмана. Белорусский персонаж, набожный крестьянин Антон Жабон, свято верит каждому слову батюшки, но в самом себе носит целый сгусток неразрешимых, необъяснимых вопросов.

Просвещенный батюшка говорил в церкви об опасности алкоголя, который набрасывается на потомков и уничтожает их разум вплоть до седьмого поколения. Антон ничего не знает о модном учении Менделя-Моргана, равно как и о генетическом фатуме, который проповедовали писатели-натуралисты (Генрик Ибсен, Герхарт Гауптман). Выслушав проповедь, Антон обращает взгляд на своих детей. Его отец — горький пьяница, пропивающий ворованный лес. Чем обернутся его грехи для маленьких сына и дочери Антона? За что им страдать? А может быть, и не стоит им жить вовсе?

Вопросы, над которыми ломали головы более образованные, чем Антон, люди, оказались губительными для Антона. Потом, после случившегося, умные люди будут рассуждать над тем, что заставило внешне спокойного, тихого крестьянина поднять руку на собственных детей. Ни с того ни с сего он погнался за ними во время сенокоса, смертельно ранил маленького сына...

Образованные люди по-разному объясняют поступок Антона Жабона, которого поместили в сумасшедший дом. Причину объясняют болезнью мозга, бедственным социальным положением, общим политическим кризисом. Белорусский интеллигент, затесавшийся в компанию беседующих, считает, что причина спрятана в переломном состоянии народного сознания: «Цяпер у майго народа крызіс: старыя багі струпехлі, а новых... новыя мала ведамы... і сусветна новыя багі, багі цела, што даюць ці могуць даць поўнае здавальненне толькі целу, гэтыя багі не надта падабаюцца беларусу...» Белорусский интеллигент очень любит свой народ, но, по-моему, он так же далек от истины, как и его собеседники. На это намекает и автор произведения.

Вопрос о немотивированных кровавых преступлениях в наше время вышел за пределы человеческой души и стал проблемой всего человечества, и в этом плане история Антона, его тайна актуальна и сегодня.

Герои Максима Горецкого с их рефлективностью, самоанализом находят иррациональное не только в природе и обществе, но и в самих себе. Так происходит с Левоном Задумой, героем повести «В чем его обида?» (1926), который так же, как и Архип Линкевич, страдает из-за своих народофильских иллюзий. Распространяет среди мужиков «Нашу ниву», а они пускают газету на

самокрутки. Влюбляется в деревенскую Дульсинею по имени Лекса, мечтает о будущем вместе с нею («учиться и учить!»), а она читает его восторженные письма всей деревне. Местные хлопцы обещают разобраться с Левоном в первый же его приезд, чтобы не бегал за деревенскими девками, мол, хватит с него и городских. На кого обижается Левон? Только на себя, на свои иллюзии и псевдонародничество.

В повести «Меланхолия» (1928) задумчивый герой М. Горецкого продолжает терпеть новые и новые поражения на почве народоискательства и белорусской идеи и в конце концов решительно прощается с «баней» — символоми отсталости, патриархальщины, сбрасывает с плеч крестьянский кожушок. Погруженный в меланхолию, герой преодолеет тотальную обиду на весь мир и на себя и научится смотреть на вещи не только восторженно, но и скептически, со здоровой иронией. Эти качества пригодятся герою М. Горецкого в будущих кровавых испытаниях, описанных в книге-дневнике «На империалистической войне» (1926).

Вольнонаемный Левон Задума попадает в гущу первой мировой бойни, на фронте знакомится с новыми проявлениями трансценденции — тотальной бессмыслицы, которой предстает перед ним война. Максим Горецкий, который по-прежнему стоит за плечами своего героя, неслучайно считается собратом писателей «потерянного» поколения (Э. М. Ремарк, Р. Олдингтон, А. Барбюс, Э. Хэмингуэй, Я. Гашек). Белорусский автор показал абсурдность войны как коллективного самоубийства в рассказах «Литовский хуторок», «Русский» (оба 1915), «Генерал» (1916) и в повести-дневнике «На империалистической войне», использовав не только приемы жестокого реализма, но и средства гротеска, трагической иронии, «очужения».

Создав образ Игната Абдираловича, героя повести «Две души» (1919) в смутное для Беларуси время, Максим Горецкий наделил нового персонажа некоторыми из тех черт, которые обнаруживались в Левоне Задуме, и прежде всего, внутренней конфликтностью. Она приводит к душевной раздвоенности, тому особому состоянию героя, которое в мировой литературе еще известно как феномен двойничества.

Произведение начинается как мелодрама. Шляхтич Абдиралович со своей молодой женой возвращается из гостей, по дороге на них нападают разбойники, у женщины от пережитого ужаса начинаются преждевременные роды, она умирает. Безутешный пан Абдиралович закрывается в своем кабинете, даже не взглянув на маленького Игналика. Кормилица, воспользовавшись моментом и желая лучшей доли для своего сынишки, подменяет младенцев. Так панский сын растет в крестьянской семье, а мужицкий воспитывается, как панич.

Такой фабульный ход дал основание для серьезного психологического исследования. В то время уже были совершены мировые открытия в области генетики, и не только ученые, но и литераторы размышляли над проблемой генетического фатума.

Что важней в формировании человеческой личности — наследственность или гены? Так заострял проблемы в «Двух душах» Максим Горецкий.

Внутренння борьба, происходящая в душе героя, совпадает по времени с жесточайшей социальной битвой, эпохой войн, революций, смуты. Инстикт тянет Игната стать на сторону взбунтовавшейся народной массы, а воспитание в духе гуманизма, христианской морали, толстовства призывает отказаться от насилия.

Обстоятельства толкают героя делать выбор, но каждая попытка определиться вызывает новые душевные муки:

«І душа дваіцца. Дзве душы. Тая, што плакала і жалілася на другую, нашто яна мучыць яе падманкамі, цяпер цвярдзее, але робіцца нядобраю, набірае ўсё больш нейкай калянасці і нават жорсткасці. Няхай сабе тая плача па нейкай паненцы. Ёй не шкода, і яна не здрыгнецца, калі дзікая людская куламеса пашарпае на шматкі і князя, і Макасея-міліёншчыка, і разумца-армяніна. Ёй не шкода... А тая, другая, падумала і здрыганулася».

Интеллигентская деликатность Игната Абдираловича вызывала раздражение не только у его знакомых, но и у некоторых критиков того времени, в первую очередь у А. Навины (Антона Луцкевича), который жестоко упрекал героя за излишнюю мягкотелость. Неоднозначность социального поведения героя была одной из причин запрещения произведения в советское время. Но были и иные оценки. Позицию Абдираловича, неутомимо искавшего третий путь в революции, настолько высоко оценил белорусский философ Канчевский, что использовал его имя в качестве своего литературного псевдонима.

Сфера, в которой реальная жизнь переплетается с литературной, еще мало изучена, но очевидно, что в ней часто сбываются прогнозы и пророчества, не всегда самые светлые. В это пространство вводит эпилог «Двух душ», в котором можно найти намеки на дальнейшую судьбу Задумы и Абдираловича, да и их создателя также.

До конца своих дней Максим Горецкий пытался приспособить свои демократические убеждения к судьбе общества, искренно пробовал творить и в эпоху диктатуры пролетариата и тоталитаризма, писал и лояльные в отношении власти произведения. В отличие от многих конъюнктурщиков сталинской эпохи он стремился делать это честно. В результате стал жертвой одним из первых. Последняя запись в «Личном деле гражданина Горецкого» будет приговором «тройки» НКВД, присудившей писателя к расстрелу.

Судя по тексту протокола, разбирали дело М. Горецкого недолго и не раздумывая, судили полуграмотные люди, выходцы из той самой народной массы, о судьбе которой так заботился писатель вместе со своими героями. Таковы трагические парадоксы истории.

Интеллектуальнае искания героев М. Горецкого, их вера и совесть, их колебания и сомнения были далеко не напрасными. Очевиден вклад писателя в формирование белорусской интеллектуальной прозы, разработку концепции Белорусского Пути.

Рефлективность и любознательность, креативное начало, очарованность неведомым — эти особенности творческой личности писателя востребованы и сегодня. Отвечая на вызовы сложной современной эпохи, писателю следует уметь опираться на веру и на знания, интуицию и разум, как это умел делать Максим Горецкий.

АЛЕСЬ БАДАК

Интернет и литература: им не жить друг без друга?

Когда в 2000 году американский «король ужаса» Стивен Кинг написал небольшую, 66-страничную книгу «Верхом на пуле» исключительно для публикации в интернете, большинство его коллег во всем мире отнеслось к этой затее скептически. Хотя уже в первый день он получил 400 000 заказов от тех, кто готов был выложить за нее два с половиной доллара.

С тех пор скептиков несколько поубавилось. Вот уже и в России в Союз писателей Москвы был принят сетевой автор — Марта Кетро, прозаик, активный блогер и, как ее еще называют читатели всемирной паутины, «самая нежная и искренняя легенда русского интернета». В интернете появились свои сетевые издания, следом — литературные конкурсы, а значит, и свои премии. Электронным библиотекам уже нет числа, и найти нужную книгу не составляет большого труда.

Причем, в самое ближайшее время речь можно будет вести не только об электронных библиотеках, находящихся во всемирной сети. Недавно в СМИ появилась информация, что осенью сего года в техасском городе Сан-Антонио откроется первая в мире публичная библиотека без книг. В смысле, без бумажных книг. Поскольку электронные там будут в избытке. Для начала планируется читальные залы оборудовать примерно сотней устройств для чтения, которые при желании можно будет взять на дом — ну прямо как сейчас можно взять на дом обычную книгу из библиотеки. Предусмотрен и специально оборудованный зал для малышей.

Сколько будет стоить удовольствие стать читателем такой библиотеки? Да ни единого цента! И это, пожалуй, самое удивительное в данном проекте.

Потому что куда удивительнее другая информация, так или иначе касающаяся нашей темы. Предприимчивые изобретатели из лаборатории корпорации «Xerox PARC» придумали «электронную бумагу», текст с которой после прочтения можно стереть, как с экрана монитора, чтобы потом на нее поместить новый. Мол, вот он, прообраз будущей газеты, а может, и всех печатных изданий.

Недавно студенты факультета графических искусств Московского государственного университета печати им. И. Федорова в творческой мастерской профессора Василия Валериуса «Дизайн уникальных книг» продемонстрировали свое видение будущего электронных книг. В рамках проекта «Опыты проектирования электронной книги как синтетического художественного объекта» они показали работы, в которых использовали и книжный дизайн, и компьютерную графику, и анимацию плюс звуковые эффекты. Говорят, зрелище было довольно любопытное. Конечно, издавать в таком виде средненький роман или книгу стихотворных потуг неизвестного автора ни к чему. Классику — уже можно задуматься. А вот учебную литературу — это здорово. К примеру, изучает

студент или школьник творчество Купалы: вот тебе, пожалуйста, электронная книга, в которой не только биография, но и живой голос классика, и сцены из «Павлинки», и Курган читает «Курган». То есть речь идет о конвергентной книге, содержание которой, к тому же, можно легко и быстро, с помощью того же интернета, обновлять. Кстати, исследователи разных стран убеждены, что будущее именно за многофункциональными электронными книгами, и вопрос стоит только в удешевлении устройств типа iPad.

Преимуществ у электронных книг перед бумажными, по крайней мере, несколько. Во-первых, они на порядок дешевле (а классика даже при окончательной победе над пиратами, вероятно, останется бесплатной). Поэтому мучительный вопрос «А так ли уж нужна она мне?» в ряде случаев становится второстепенным. Во-вторых, электронная книга занимает несравненно меньше места, и несколько тысяч томов легко «уместятся» не только в квартире, но и в кармане или дамской сумочке. В третьих, чтобы приобрести нужную книгу, не надо идти в магазин или искать ее у букинистов. В этом плане особенный оптимизм вызывает ситуация с раритетными изданиями. К примеру, недавно у всех желающих появилась возможность совершенно бесплатно скачать электронную версию Статута ВКЛ 1588 года, который был выкуплен у частного коллекционера, о чем много писалось в СМИ. Наконец, потеря такой книги из своей электронной библиотеки не приведет к инфаркту: скачать ее еще раз не составит большого труда.

Значит ли это, что бумажная книга в скором времени исчезнет совсем? Как любил повторять главный герой фильма нашего земляка Владимира Мотыля «Белое солнце пустыни», это вряд ли. Во-первых, среди активно читающей публики очень велик процент представителей старшего поколения, которые в принципе враждебно настроены по отношению к электронной книге. Во-вторых, сами устройства для ее чтения еще достаточно несовершенны и пока находятся в поиске единого стандарта — наиболее удобного во всех отношениях формата, в котором можно сохранять текст. В-третьих, огромное количество людей читают книги от случая к случаю, например, когда отправляются в длительную дорогу, и им совершенно не нужна библиотека в 100 000 наименований, которую не осилить и за несколько жизней. В-четвертых, в психологическом плане чтение бумажной книги, этот ни с чем несравнимый запах типографской краски, этот шелест переворачиваемых страниц, действительно оставляют ощущение прикосновения к таинству. Ощущение, которое приходит к нам в младенчестве. И, возможно, только уже поколения, выросшие сначала на аудиосказках, потом — дома и в школе — на электронных книгах, впоследствии, взяв в руки бумажную книгу, не почувствуют приобщения к этому таинству.

Но и через двадцать, и через пятьдесят лет бумажные книги, скорее всего, останутся. Другое дело, что издаваться их будет значительно меньше и стоить они будут значительно дороже. Поскольку (опять-таки, возможно) написаны будут известными авторами, оформлены известными художниками и напечатаны на хорошей бумаге. Ну какой смысл печатать, затрачивая большие деньги, книгу, на которую, как не сложно предвидеть заранее, читатель не набросится. Или наоборот, набросится, но после прочтения, как обычно и бывает с бульварной литературой, выбросит ее или, в лучшем случае, отдаст знакомым. Книга для одноразового прочтения, как и для редкого читателя, вполне может существовать лишь в электронной библиотеке.

Часто приходится слышать, что электронная книга никогда не заменит бумажную. Мол, сколько говорили, что телевидение похоронит театр, и что? Да ничего. Телевидение действительно не похоронило театр, но ведь и театр

в итоге не приказал долго жить телевидению, у которого, кстати, несравненно большая зрительская аудитория. Впрочем, в данном случае само сравнение не совсем логичное. Скорее уж надо сравнивать театр и кино, так ведь и тут нет ни победителей, ни побежденных, хотя, опять-таки, кино — жанр более массовый.

А можно привести и другие факты. Когда появилась электронная почта, начало стремительно уменьшаться количество писем, написанных на бумаге и отправленных в обычном конверте. Я до сих пор бережно храню письма двадцати-, тридцатилетней давности. Ценность составляют не только сами слова. Когда берешь в руки письмо, которое когда-то держал близкий тебе человек, вдохнувший в него текст, словно свою душу, то получаешь некое удивительное ощущение присутствия его рядом с собой. Копия и уж тем более переписанный или перепечатанный вариант такого ощущения уже не дают. Равно как и письма, которые читаешь с монитора. Зато они, правда, за считанные секунды доходят из одного конца света в другой. Разве это не самое важное в наше стремительное время?..

Сегодня многие писатели (а уж журналисты — все поголовно) творят, используя не авторучку, а клавиатуру. И уже почти не появляются в редакциях литературных журналов рукописи, набранные на печатной машинке. Время даже самых стойких скептиков заставило пересесть за компьютеры. Точно так же, как фотографов — перейти с пленочных на цифровые фотокамеры. О музыкантах вообще умолчу. Все — за исключением, в силу своего возраста, молодежи — понимают, что раньше было интереснее, душевнее, больше творчества, но будущее как раз таки за молодыми.

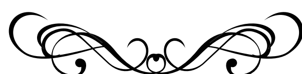
Как скажутся подобные процессы на дальнейшем развитии самой литературы? Многие этот вопрос считают преждевременным, хотя никто не спорит: у людей пишущих появилось куда больше возможностей найти своего читателя. Вот только один пример. Основатель достаточно популярной, особенно на заре своего существования, интернет-библиотеки Lib.ru Максим Мошков запустил в сеть журнал «Самиздат». Без права на выплату гонорара авторам, размещающим в нем свои опусы. Авторы повалили валом. Как показывает статистика «Самиздата», в журнале более 70 тысяч авторов и около миллиона произведений! Гонорар — это, конечно, хорошо, но автор проекта сделал предложение не менее заманчивое: по сути, размещать свое творчество рядом с произведениями великих и просто хороших, уже признанных писателей. Читателю, чтобы перейти от классиков к любителям, достаточно один раз нажать на мышку. Это все равно, что перелистнуть бумажную страницу. То есть, для сравнения, это если бы в конце «Нёмана» ввести рубрику... ну, пусть будет тот же «Самиздат», и печатать здесь всех желающих. Можно представить себе оживление критики, ее до сих пор дремавшие иронию и искрометный сарказм. И по отношению к авторам, и по отношению к самому журналу. Но интернет — это удивительный мир, где каждый хоть раз может почувствовать себя если не великим, то очень востребованным автором. А как себя не почувствовать таковым, когда на твое стихотворение (возьму на себя смелость сказать: весьма посредственное) один за другим сыплются комментарии: «Красота неповторимая! Очень-очень понравилось!», «Прекрасный стих!», «Автор! Стих дюже интересный!» И т. д.

Может ли такое массовое словотворчество, растиражированное интернетом, со временем привести к обесцениванию и разрушению литературы? Вряд ли. Ведь, скорее всего, подавляющее большинство постоянных посетителей таких «народных» сетевых журналов сами авторы. Они же и критики-комментаторы. В итоге получается этакий массовый виртуальный клуб по

интересам. И действительно талантливый автор, начиная с него, как многие когда-то начинали с литературных объединений при районных газетах, обязательно появится на других литературных сайтах и порталах, где требования повыше, но и попасть на них престижнее. Именно таких сайтов и порталов сегодня не хватает, но рост их неизбежен по причинам, которые были очерчены в самом начале этой статьи. Ведь, к примеру, издавать журнал современной критики в сети — дело куда менее затратное, чем если бы печатать его на бумаге.

Однако это перспектива ближайшего будущего. Пока же литературный интернет испытывает трудности роста, в некотором смысле переживает свой переходный период, как все новое, неустоявшееся, не обремененное традициями. Пока, если это не электронные версии бумажных газет, журналов и книг, в текстах даже известных авторов можно обнаружить грамматические и стилистические ошибки. Видно, что с ними не работали ни редакторы, ни корректоры. Пока желающих писать непосредственно для сайтов не так уж и мало, но всем хочется, чтобы это же было напечатано и на обычной бумаге.

Что дальше? Надеюсь, и в отдаленной перспективе будут выходить бумажные версии не только книг, но и литературных журналов. Пусть небольшими тиражами. Иначе — это как если переселить всех деревенских жителей в города. Возможно, когда-то такое случится. Но мы станем уже другими, навсегда потеряв что-то очень важное не только вокруг себя, но и в себе.

Редакция журнала «Нёман» обратилась к литераторам с просьбой высказать свое мнение по теме: «Влияние интернета на литературный процесс». В этом номере мы предлагаем читателям рассуждения некоторых из них.

Алена БРАВО. Доступна новая версия вечности

Хорошим тоном сегодня стало ругать интернет: дескать, он и «помойная яма», и «собрание надписей в общественных нужниках». На сей счет можно сказать одно: интернет — это зеркало. Зеркало социума, всегда кипящего, как котел на большом огне, а также каждого конкретного индивидуума, поскольку ровно то, что вас во всемирной сети притягивает, что вы в ней для себя находите, то вы сами и есть.

Писатель просто не может относиться к интернету плохо. Для него, изначально живущего в параллельной реальности («бытием, а не бытом»), а в бытовой лишь по необходимости появляющегося, виртуальное пространство предоставляет огромные возможности.

Итак, пункт первый: интернет в жизни писателя как человека читающего. После собственно создания текстов, или даже наряду с оным, чтение — настоятельнейшая потребность. В этом смысле интернет открывает профессионально читающему гомо сапиенсу, без преувеличения, второе дыхание. Купить все книги невозможно, да и не нужно. Как же узнать, что именно из отечественной и зарубежной классики (которая, увы, прочитана далеко не вся) и из новинок тебе необходимо в данный момент? Ответ очевиден: отправиться в библиотеку. При всем моем огромном уважении к этим учреждениям я никогда не любила в них работать. Читальные залы устроены как пространства сквозные, открытые навылет, — то есть наиболее неуютным для меня образом. Мне не очень нравится сидеть за столом и читать, когда за спиной у меня много свободного, пусть даже вполне дружелюбного и неагрессивного пространства. Не говоря уже о том, что найти в библиотеках можно далеко не все. Уже числясь среди пишущей братии, я пользовалась привилегией брать книги и журналы домой. Но и здесь не все было безоблачно. Некоторые ходят в храм книги «социализироваться» (сегодня и в храм Божий многие ходят исключительно для этого); ну а мне, чтобы посетить библиотеку, следует буквально за волосы вытащить себя из собственной «крепости», а по прибытии вступить в неизбежный «контакт с общественностью», чего мне в свой выходной день, посвященный литературе — и только ей одной — делать крайне не хочется, ведь для «паблик рилейшнз» у меня есть другие дни недели.

А теперь — благодать! Не покидая пределов собственной жилплощади, встать утром в субботу, поставить рядом любимую чашку с зеленым китайским чаем, нажать на кнопку — и перед тобой откроется мир художественных текстов, от интернет-ресурсов сопредельной державы до литературных собраний на родном языке, которых, надо заметить, пока еще катастрофически мало. Но и это уже что-то!

Все вышесказанное вовсе не означает, что мне не нужна бумажная книга. Совсем наоборот! В этом вопросе я остаюсь принципиально старомодной. Ведь интернет-библиотеки существуют главным образом — для меня, по крайней мере, — чтобы пробежать глазами множество разных текстов и «сделать свой выбор». Если книга мне интересна, я непременно закажу ее бумажную версию. Закажу опять же через интернет, например, в oz.by, и улыбчивый курьер, уже числящий в списке постоянных клиентов номер моего мобильного телефона и адрес, всегда аккуратно доставит запрошенное. Ну а если этой книги там нет, я ее распечатаю из сети, то есть сделаю для себя как бы бумажную версию — в единственном экземпляре.

Так что для того, кто знает, какой именно «набор букв» он ищет и где его искать, интернет — великое благо.

Пункт второй: интернет в жизни писателя как человека, который создает художественные тексты.

1). Процесс работы над рукописью, ее набор и редактирование, а затем все этапы работы с издателем: пересылка рукописи по электронной почте, сверка корректуры, оценка обложки и дизайна книги — все это происходит теперь с помощью компьютера! Это революция в технологии писательского труда (притом, что суть его осталась прежней). Канули в Лету слепые экземпляры, изготовленные под фиолетовую копирку на раритетной машинке «Москва». Теперь можно править текст до изнеможения (читай: достижения доступной степени совершенства), что для такого перфекциониста, как я, является главным «наслаждением от процесса», едва ли не более важным, чем конечный результат.

2). Интернет как книжная витрина и типография «в одном флаконе» начинает занимать все большее место в нашей жизни. Для «людей текста» это великое освобождение от власти «Гуттенбергова пресса». Возникла альтернативная «сетевая» литература, целые ресурсы, где при желании можно опубликовать написанный текст. Там подводятся свои рейтинги, возникают новые имена. К сожалению, среди «сетевых» авторов значителен процент графоманов, но не будем забывать, что в деле тиражирования похабщины и прочей «развлекухи» пальма первенства все же за бумажной книгой. В погоне за барышами традиционные издательства засорили «реал» всевозможными разновидностями книжного эрзаца. Эти тонны макулатуры явлены нам «весомо, грубо, зримо» в любом книжном магазине. Так что тут интернет не открыл нам Америки.

Ну а если я хочу иметь свою бумажную книгу, но при этом избежать многолетнего ожидания, необходимости подстраиваться под вкусы редакторов и доказывать издателю свою «продажность» и коммерческую «полноценность»? Тогда снова на помощь приходит интернет, а именно технология Printing-on-Demand, издание по заказу. В таком ключе работает, к примеру, «Franc-Tireur USA» («Вольный стрелок США») — независимое международное литературное издательство в Соединенных Штатах Америки, где недавно вышла моя книга переводов на русский язык «Любовь в тени казарм Монкада». Кстати, и знакомство издателя с творчеством автора произошло благодаря интернету, а точнее, сетевой версии российского журнала «Сибирские огни», в котором была опубликована повесть «Комендантский час для ласточек». «Franc-Tireur USA» — издательство, позиционирующее себя как некоммерческое. Международный издательский совет включает известных писателей и ученых-славистов из США, Европы и России. Здесь выпускается литература, которая по каким-либо причинам (например, регионально-географическим) малодоступна для русскоязычного читателя. Издательство создали и ведут Марина Ками и Сергей Юрьенен — писатель, публицист, лауреат нескольких международных литературных премий, в том числе «Русской Премии» 2009 года. К слову сказать, дебют его состоялся в журнале «Нёман» еще при Григории Березкине в 1966 году.

Как же работает издательство «Franc-Tireur USA»? Автор предоставляет рукопись, и если она удовлетворяет требованиям издателя, книга выпускается в двух версиях: электронной и бумажной. Затем автор правит сигнальный экземпляр,

правки переносятся в файл, после чего книга размещается на витрине издательства внутри книжной мегакомпании Lulu (www.lulu.com). Основана она в 2002 году в Raleigh (Северная Каролина) сайт www.lulu.com, плюс 6 параллельных версий сайта для Великобритании, Франции, Германии, Италии, Испании и Голландии, обслуживает 1 100 000 авторов из более чем 200 стран и регионов мира, выпускает примерно 20 тысяч названий в месяц... и, помимо своего собственного 2-миллионного книжного рынка, продвигает книги через крупнейшие мировые интернет-магазины.

Подобные технологии уже применяются в России. Слышала, что скоро появятся они и у нас. Преимущества такого подхода очевидны: не надо «шлепать» огромные тиражи и бояться, что издание залежится на складе. Книгу находит и приобретает заинтересованный читатель — тот, кому она действительно нужна. Возможно, в будущем крупные типографии и большие тиражи отомрут сами собой, и все мы будем пользоваться виртуальными книжными витринами: читатели — чтобы выбрать книгу по своему вкусу, писатели — чтобы размещать там свои нетленки.

Как непременно срифмовал бы Маяковский, живи он в эпоху глобализации: и за все за это — грандиозное спасибо интернету.

Светлана ДЕНИСОВА. ИнтерДА!

Заголовок, надо оговориться, не мой: его придумал Гоша — фрилансер, написавший несколько остроумных опусов для глянцевого журнала, в котором я работала. Мы, помню, собирались делать темой номера виртуальную реальность и устроили по этому поводу маленький конкурс. Если бы тогда соревновались заголовки, а не статьи, Гоша, несомненно, имел бы больше шансов на успех, и, вполне вероятно, им даже мог бы гордиться его тезка Google. Но успех (Google знает!) — дело случая. Который, впрочем, абсолютно всегда на стороне того, кто этого случая заслуживает больше, нежели все остальные.

Итак, я получила предложение порассуждать на тему влияния интернета на литературный процесс.

Слово «интернет», хочу заметить, всегда писалось мною всеми строчными, и даже когда сердобольный Word услужливо менял регистр, я не ленилась поправлять, приговаривая: не божество, мол, и без прописной обойдется. Был период, когда я называла его Большой Свалкой... Но при этом никогда не причисляла себя к числу тех, кто считает интернет территорией безнравственности и безделия одновременно. Судя по нашей редакционной почте так считают, увы, многие, но скажите, пожалуйста, Джинн из кувшина может сделать то, чего не пожелает его Аладдин? И я о том же.

Угрожает ли интернет печатному слову? Лучше так: ну и что, если интернет печатному слову угрожает? Лучший способ избавиться от врага — сделать его своим другом! Но называть интернет врагом — это все же как-то несерьезно: он всего-навсего средство, которое, право слово, до сих пор не используется так активно, как давно уже могло бы использоваться.

Вспоминаю коллегию Министерства информации, первую и пока единственную, на которой присутствовала, и произнесенные на ней кем-то из руководства слова, потенциал действия которых был таким мощным, что движет мною до сего дня: «Не надо делать в интернете точные копии бумажных изданий — надо стремиться к существенной разнице между электронными и бумажными страницами».

Думаю, замшелому теоретику это не пришло бы в голову никогда, только опытный и надежный практик может мыслить так перспективно. Согласна, сайт издания не должен быть электронной копией бумажной версии. Хотя смысл в существовании такой копии все же есть. У человека всегда должен быть выбор: читать новое произведение любимого писателя в электронном формате, за столом, с рабочего монитора, в метро, в поликлинике, в очереди в кассу супермаркета или лежа под одеялом перед сном, на страницах журнала, сложенного для удобства пополам. Для тех, кто работает одновременно над созданием и бумажной, и электронной версий, несомненно, более выгодно и полезно, когда один и тот же человек является одинаково активным читателем и первой, и второй: журнал на бумаге должен вызвать желание зайти на сайт (и не разочароваться), а сайт должен соблазнить посетителя подписаться на бумажную версию (и тоже не разочароваться).

Вообще, надо ли говорить, что новое никогда не уничтожает старое — оно его только совершенствует. Со знанием этого скромного обстоятельства можно свернуть горы. Начнем?!

Полный фид

Почему я сказала, что мы не используем интернет как средство в полном объеме? Есть самое малое — три позиции, которые нашими литераторами в этом пространстве еще не заполнены.

Первая. У нас нет электронного каталога литературных изданий. Человек, который интересуется литературой, безусловно, знает о существовании журналов республиканского уровня, созданных давно. Откуда он может получить информацию о новой или региональной литературно-художественной прессе? Из уст в уста — не самое достойное средство передачи информации в XXI веке, не так ли? В российском интернет-пространстве тем временем существует так называемый «Журнальный зал», и это не просто удобно для потенциальных читателей — это создает здоровую конкуренцию, поскольку попасть под общую крышу может не всякий вдруг созданный журнал, а только те, что уже сделали себе имя.

Вторая. В интернете, на мой взгляд, достаточно рекламы книг и литературной периодики, но вот чего нет или почти нет, так это рекламы авторов произведений и их героев. Парадокс, но многим кажется, что одно от другого не очень-то отличается. Отличается: как реклама стиральной машины от рекламы стирального порошка. А ведь никто не препятствует писателям вести свои блоги не с целью констатации факта: меня, мол, напечатали тут, а завтра напечатают там, или «мне вручили такую-то премию, поздравьте меня, мне приятно» (кому это, в сущности, интересно?), а с целью постоянно притягивать внимание читателя не только к своему творчеству, но и к себе как к персоне. Потому что на самом деле процессу популяризации литературы не хватает «личного» фактора.

На сайте журнала «Маладосць» (который пока нельзя рассматривать как образец сайта литературного издания, но который стремится заслужить когда-нибудь как раз такой эпитет), в разделе «Авторам» можно найти информацию о том, как именно писатель должен представить себя читателям. Мы не просим перечислять места работы и должности, изданные книги и полученные за них премии. Мы просим, чтобы «визитка» автора подчинялась новому вопросу-девизу «Какой и Почему?», а не прежнему — «Кто и Что?» Если молодой человек заинтересовался творчеством конкретного писателя, про награды, должности и звания он узнает из Википедии. А откуда он узнает про остальное: жизненную позицию, мысли, увлечения, мечты, хорошие и плохие привычки? Впрочем, в нашем обществе все еще принято говорить о писателях или хорошо, или ничего... Не это ли и отдаляет от литературы? А писатель должен быть (это моя мысль, с ней поспорьте, если хотите) «своим в доску», как сосед по даче или брат жены (удивительно, но как раз таким его быстрей всего способен сделать именно интернет) — вот тогда его будут читать больше и лучше, тогда с его героев будут или не будут брать пример,

тогда его творчество будут либо любить, либо ненавидеть (и то и другое — превосходно!), а не просто констатировать, как дождь: прошел — просохло. Почему такой популярностью пользуются книги Ольги Громыко? Дело же не только в сюжетах, но и в имидже самого автора. А имидж этот во многом создается сайтом и блогом. Почему молодежь читает Валерия Гапеева? Потому что он пользуется неслабым авторитетом, как человек, который «на короткой ноге» не только с молодежью со всеми ее проблемами и идеями, но и с интернетом: как ни крути, а в первую очередь, их территорией.

Третья. Что еще может получить от интернета наша литература (слово «наша» стоит подчеркнуть, хотя о другой я здесь речи не веду вообще), и не столько даже литература, сколько дело ее популяризации? Не так давно я разговаривала с руководством Парка высоких технологий. Вопрос касался возможности создания компьютерных игр на основе сюжетов произведений белорусской литературы — классической и современной. Итог? Мне понравилось, что им это понравилось! «А какой, мол, у вас интерес?» — спросили они и, может быть, спросите вы. А вот хочется мне, чтобы дети Беларуси играли, во-первых, в белорусские игры, а во-вторых, увлекательно знакомились с героями художественных произведений, легендарных и новых, а не только постигали мир танков и учились управлять штурмовиками. Я, как видите, не держу эту идею в тайне, как секретную миссию редакции журнала «Маладосць». Потому что знаю стоимость создания одной такой компьютерной игры. Но если кто-то из читающих эту статью «заразится» идеей, то на размещение логотипа нашего издания на лицензионном диске мы все же расчитываем☺. «Сверхсложные задачи решаем немедленно, невозможные — чуть погодя!» — пусть эта фраза будет вам в помощь.

Черная оптимизация

Если бы меня попросили составить словарь для писателей, напротив слова «интернет» в нем значилось бы следующее: это специальная тусовка, в которой можно сделать своему произведению такой пиар, какой в реальной, физической среде сегодня вряд ли сделаешь. И далее: под самыми разными никами здесь можно самому на себя напасть, себя же скомпрометировать, затроллить, забанить, а потом защитить и прославить. Шутки шутками, но если верить в то, что черного пиара не существует вовсе, что просто либо он есть, либо его нет, всем «разнесенным» в интернете впору «проставляться». Но я не про критику, я про другое.

Не все из того, что присылается к нам в редакцию, может быть напечатано в журнале (по самым разным причинам, начиная от общего количества страниц и заканчивая актуальностью темы или даже сроком ее действия), но многое из этого вполне может выйти на сайте, причем при таком раскладе оно будет прочитано и скорее, и большим числом людей. Но авторы аргументируют свой отказ от такого сотрудничества фразой: «Я хочу, чтобы это осталось». То есть, в сознании многих людей «остается» (надо полагать, в истории) только то, что вышло на бумаге. «Остается» ли то, что написано в интернете? Если рукописи не горят, то «горят» ли страницы писательских блогов и все прочее, созданное в пределах понятия «литература» исключительно в интернете? И что такое «остается»?

Недавно мои сыновья, средний и младший, поспорили вот из-за чего. Сережа нарисовал на оборотной стороне скейта какое-то загадочное растение. Паша, спрашивает: «Что это ты нарисовал?» «Растение», — отвечает Сережа. «Но разве можно назвать растением то, что не растет? Если оно не растет, значит, никакое это не растение». Понимаете, о чем они спорили? Почему рукописи не горят, если бумага — лучшее средство для розжига? Потому что каждая мысль, хорошая она или плохая, если уж посеяна, сообщена каким-то образом, — не исчезает: там, где испокон веков «слово не воробей: вылетит — не поймаешь», Shift+Delete не работает. На бумаге вас прочитали или в интернете — не важно. Важно, что вы при этом сообщили, и какой отклик это нашло.

Вы тоже заметили этот парадокс? Мы ставим вопрос о том, насколько угрожает интернет старой доброй печатной литературе и при этом констатируем недоверие к электронной печати со стороны самих же писателей. Как будто литература и писатели не имеют друг к другу никакого отношения. И ведь никто из тех, чьи творения ходят по интернету, какими бы популярными эти творения ни оказались, ни за что не откажется от желания издать книгу, даже зная, что тираж ее никогда не догонит количество «друзей» в «ЖЖ». «А что же те «простые», талантливые люди, которые думали-передумали столько своего сами себе, в глухом одиночестве», как сказал Янка Брыль? Вот эта тема гораздо интереснее, потому что вызывает куда больше противоречий. Многим из тех, кто проходит сейчас по тротуару мимо моего окна, никогда не приходило в голову делиться своими мыслями ни с одним из накопителей информации: ни с блокнотом, ни с жестким диском, и по этой причине никто не может сказать, скольких Богдановичей и Короткевичей мы не знаем. Но Богданович и Короткевич у нас уже есть. Многие из тех, кто регулярно что-то пишет и публикует, сколько бы ни мечтали, до славы такого уровня не домечтаются, а некоторые — превзойдут ее.

И что при этом интернет? Только средство.

Время фиксить баги

Сократ — помните? — не был в восторге от развития письменности: это, мол, приведет ко многим знаниям, а многие знания не есть мудрость, ибо чем больше времени человек уделяет познавательной деятельности, тем меньше времени он посвящает раздумьям, а значит, тем меньше по-настоящему понимает то, что знает. Говоря проще, информация — это знания, лишенные смысла. Чем больше в человеке информации, тем скорее он выпадет из культуры человечества. Хотя бы потому, что самое подходящее место для «ходячей энциклопедии» — кабина космического корабля, мчащегося на другой конец Вселенной. Как вы полагаете: «век интернета» произведет таких вот оторванных от земли космических странников или, наоборот, приведет к сужению поля знаний, а значит, на первую позицию вместо царствующего нынче интеллекта выступит инстинкт, который, в сущности, есть знание внутреннее, неосознанное, обладание которым и есть умение думать и рассуждать (что в итоге и названо мудростью)? Мне кажется, второй вариант перевесит. Благодаря интернету.

Интернет рассчитан на активный и быстрый поиск информации. Спасибо ему за это. А теперь возьмем среднестатистического, как принято говорить, человека. Вселенная под названием интернет для него всего лишь маленький мирок, она очень ограничена теми несколькими страницами, которыми он пользуется, теми немногочисленными темами, в которых он хочет быть профи. Скажите теперь, нужны ли мощный интеллект и феноменальная память там, где все подается готовым, «на блюдечке»? Мудрость житейская, повторюсь, там, где нет ни мощного интеллекта, ни феноменальной памяти. «Интеллект характеризуется природным непониманием жизни, а инстинкт отливается по форме жизни», — как сказал Анри Бергсон.

Где-то здесь скрывается доказательство того факта, что информационные технологии не делают человека умнее. Но как доказать, что это никакая не проблема? Как понять, что нам нечего здесь бояться? Как довести до сознания масс, что с человечеством не происходит ничего «непотребного»? Могу разве что привести аналогию с растительным и животным миром — сказать, что жизнь на Земле на протяжении всего времени своего существования не перестает быть системой, которая вполне успешно сама себя настраивает, что развитие цивилизации происходит по законам эволюции, повлиять на которые, по большому счету, еще никому не удавалось...

* * *

Кто мыслит сегодня более прогрессивно? Те, кто, отказавшись от бумажного издания, направляет свои усилия в сторону процветания электронного или те, кто выступает за существование бумажной версии наряду с электронной (и создает, гоняясь за всеми зайцами сразу, и первое, и второе)? Если мой ответ покажется примитивным, то лишь до той поры, пока читающий не сравнит как следует, вычленяя плюсы и минусы, фарфоровую чашку с пластмассовым стаканчиком. Как ни странно это звучит, но прогресс состоит в существовании обеих версий: так сохраняется (и создается!) возможность выбора и демонстрируется тем самым забота о человеке (что ж еще человеку надо?). Интернет может имитировать шелест страниц! Но даже если поставить рядом с монитором сосуд с веществом, пахнущим так многими любимой типографской краской, «небумажному» процессу чтения все равно невозможно будет конкурировать даже с беглым пролистыванием настоящего бумажного журнала.

В общем, я — за интернет. Рано его на покой: пусть послужит печатному слову.

Георгий БАРТОШ. Корабль на плаву, но двигается в тумане

Интернет и литература

Не думаю, что какая-либо техническая новинка может серьезно повлиять на качество литературы. Изобретение книгопечатания, пишущей машинки, офсетной печати, массовое распространение периодических изданий, персональных компьютеров приводило не только к увеличению числа читателей, но и к увеличению числа писателей. Очевидно, между ростом этих сообществ есть прямая арифметическая зависимость. Поскольку мы находимся на пике эффекта, произведенного очередным техническим изобретением, то кому-то может показаться, что привычный мир рухнул, устои поколеблены и дальше будет только хуже. Дальше будет так же, как было всегда: соотношение талантливых и бездарных устойчиво во все эпохи, иначе бы одни сожрали других, а потом и друг друга.

Формат

Точно так же я не разделяю опасений по поводу всевластия формата. Формат (литературный, музыкальный) потребляют те, у кого нет желания выходить за его рамки. Этот конфликт переживался неоднократно: схоластика и идеи Возрождения, креационизм и дарвинизм, конформизм и нонконформизм. Ведь любой человек, осуждающий «формат», не считает себя его жертвой, он волнуется за других. В этом есть какое-то высокомерие: «я-то умный (я один такой на свете), давайте спасать не очень умных заложников формата (их тьмы, и тьмы и тьмы, и они остро нуждаются в спасении!)». В неоднородном обществе (и слава богу, что оно неоднородно!) ничто не может победить окончательно. Не нужно бороться

с форматом, это тоже самое, что бороться с перистыми облаками. Нужно искать соратников и создавать неформат, если именно это вас беспокоит больше всего.

И уж тем более мне кажутся странными опасения по поводу «форматной литературы в угоду интернет-читателям». Это какие-то другие читатели? Те, которые бумажных изданий принципиально в руки не берут? Это какая-то секта? В интернете читают те же самые люди, которые являются завсегдатаями библиотек и книжных магазинов. Конечно, интернет освобождает их от необходимости брать книгу у приятеля на ночь или долго искать ее по букинистическим лавкам. Допустим, теперь они ходят в библиотеку реже или вообще уже не ходят. Но разве это изменило их вкусы?

Другое дело, что количество читающих сокращается. Но, возможно, это объективный и неостановимый процесс, связанный с развитием иных форм коммуникации. Означает ли это, что литература погибнет? Нет, поскольку и кинематограф, и радио, и интернет имеют в основе литературный текст. Текст в любом случае сохранится, но как он будет выглядеть, как он будет транслироваться — мы узнаем или если доживем, или если хорошо пофантазируем.

Возможно, что новые формы коммуникации обусловили не возникновение, но концентрацию на определенных жанрах: короткой прозе — зарисовке; прозе документальной (интернет-дневник); stand up (в том числе устная юмористическая импровизация на актуальные темы); тексте, сопровождающем видеоряд; смс-поэзии, юмористическом четверостишии («пирожки») и пр. Эти жанры предназначены для короткого просмотра и быстрого прочтения. Но это вовсе не означает, что они «выдавят» все остальные и останутся единственно возможными.

Литературная критика

Если литературная критика существует, значит, она нужна. Только нужна она не всем, точно так же как сало, хиджаб и бумеранг.

Людям, которые книги не читают, она не нужна.

Людям, которые пишут книги плохо, она нужна только в случае, если критика их хвалит.

Людям, которые пишут книги хорошо (с точки зрения все той же литературной критики), она нужна для того, чтобы подчеркнуть их отличие от графоманов и друг от друга.

В любом случае, литературная критика — это метрдотель на чужом пиру. От нее многое зависит, но только в том случае, если ее позвали.

Хуже всего, когда литературная критика обслуживает интересы нескольких неудачников, которые не смогли найти себе место в литературном процессе. Я имею в виду один пресловутый сайт, название которого я не буду оглашать. Два с половиной энтузиаста — основные авторы этого сайта — собственно критиками не являются. Ни уровень их образования, ни уровень таланта не позволяют им вести компетентный разговор. Они просто сводят счеты с теми, кто когда-то где-то их не напечатал, или с теми, кого вдруг напечатали там, где не напечатали их. Свести бы этих людей один раз в очной дискуссии с Анной Кислициной, Оксаной Безлепкиной или Ириной Шевляковой — и все бы сразу стало ясно. Но это люди из разных миров, и нет ничего плохого в том, что эти миры не сходятся.

По сути, представители этого сайта (и не только они) и есть наши домашние «боты» и «тролли». Только несколько десятков лет назад они злобствовали на кухнях и писали доносы в советские и партийные органы, удачно манипулируя идеологическими клише. Сегодня они сидят в интернете и занимаются примерно тем же, но прикрываясь заботой о высоком искусстве. Поскольку победить их невозможно, то самое лучшее — не обращать на них внимания. «Тролль» вянет, когда его игнорируют.

Я — возможно напрасно — верю в безотказно действующий механизм самоорганизации общества. Умные, талантливые и благородные (не важно, где они находятся, хотя бы и в интернете) обрастают такими же умными и талантливыми; корректно ведут в себя в дискуссиях; с интересом относятся к литературной критике (но не потому, что она их хвалит, а потому что они доверяют ее качеству); пишут сами и поддерживают творчество себе подобных. И в итоге прекрасно себя чувствуют.

Ну а неумные, неталантливые и неблагородные... в принципе то же самое: объединяются, пишут... Но вас же никто не заставляет сидеть с ними за столом, крестить детей и поддакивать, когда они кого-то травят?

Главное — сделать правильный выбор, тогда и интернет не беда!

Татьяна СИВЕЦ. ЖЖивые писатели

С приходом интернета отношения типа «писатель-читатель» изменились кардинально. Теперь не нужно ждать месяцы и даже годы, пока тебя напечатают — выложил свежесозданный шедевр в сеть и жди отзывов. Лет пять назад ЖЖ («живые журналы») были у считанных единиц. Сегодня проще сказать, у кого их нет. Да и как не завести, если благодаря тем же ЖЖ многие российские авторы заявили о себе и получили возможность издаться на бумаге. Так отечественные литераторы вошли в «блогосферу»... Но где же результат? О многих ли узнали издатели? Кто из них стал знаменитым белорусским «блогером»?

Почему же не сработал, казалось бы, безотказный метод? Возможно, потому, что в отличие от той же России, «исход» писателей в «сеть» произошел тем же замкнутым кружком, в котором он существовал и «в реальном мире»: отечественные литераторы добавляли друг друга «в друзья», делились последними новостями и обсуждали творчество друг друга в комментариях к чужим блогам. Изредка кое-кто пытался покритиковать товарища открыто, но в ответ чаще слышалось нечто вроде «сам такой». Битвы же тех, кто гордо называл себя «интернет-критиками» с объектами их исследований привлекали внимание скорее к самому процессу борьбы, чем к творчеству конкретного автора. Стороны стремительно переходили на личности, что в некоторых случаях могло закончиться и вполне реальной «разборкой»...

Но не будем о грустном. Есть ли литература в интернете? Вопрос сродни сомнениям «есть ли жизнь на Марсе». Пока не слетаешь — не узнаешь. Как человек з завидным постоянством осуществляющий полеты «в неизведанное» могу подтвердить — есть! Настоящей, качественной, интересной литературы в интернете хватает. И чаще всего она впоследствии публикуется в отечественных издательствах и выходит в свет (тиражами, редко превышающими интернет-аудиторию). Найти и отличить ее от «тонн словесной руды» не так уж и трудно. К примеру, так я открыла для себя молодую белорусскую поэтессу и переводчицу Ольгу Гронскую и ее стихи появились на страницах «Маладосці» и «ЛіМа». Я знаю, что существует «список белорусских писателей в ЖЖ». При желании и минимальных усилиях вы сможете найти всех. Только, пожалуйста, напишите им что-нибудь в комментариях! Ведь ради этого, в общем-то, все и затевалось...

Слободан ВУКАНОВИЧ. Вас услышит планета

Если бы вы лет десять-пятнадцать назад предложили старому серьезному автору писать на компьютере или читать электронную книгу, он бы презрительно отмахнулся: «Меня не интересуют машины и фантастика». Но и один год — это много в компьютерной технике и технике средств массовой информации. Из месяца в месяц они становятся более совершенными. До XX века книга была святыней, ярким маяком знаний, образования и мудрости. Мы ее хранили и обожали. Она была божеством. В начале XXI века появляется нечто новое, особенное. Это — электронная книга. Немногие писатели-фантасты смогли предвидеть ее возникновение. Электронная книга становится машиной. Она скажет, где вы остановились, пожелает вам приятного чтения, спокойной ночи. Вы можете ее читать под музыку Чайковского, Шопена, Грига, Бетховена... Электронная книга весит всего 300 граммов, но уже сегодня в нее помещается 200 книг среднего формата и это количество скоро во много раз увеличится.

В одном книжном шкафу можно поместить столько электронных книг, сколько в средней городской библиотеке — 30—50 тысяч бумажных изданий. Я не соглашусь, что электронная книга — чудовище. Когда-то и поезд, и самолет были дьявольских рук делом. Мобильный телефон был модой, а сейчас — необходимость для каждого. Несмотря на то, нравится нам или нет, электронные книги станут частью нашей культуры и духовности; электронная книга будет робот-книгой. По вашему выбору она представит текст на том языке, какой пожелаете, свяжет с интернетом, мобильным телефоном...

Мировые СМИ пишут о крупных электронных издателях: «Амазоне», «Волмарте», «Барнсе» и «Нобле». Упоминаются устройства для чтения «Киндл». Компания «Амазон» заявляет: «Популярность электронной книги выросла в прошлом месяце, на 100 классических книг продано 180 электронных». Вместо бумажных книг у пассажиров метро все больше в руках «киндл», «сони» или «нук» — в данный момент самые популярные электронные устройства. Они практичнее товаров Гутенберга.

Ведется полемика о преимуществах и недостатках. Правда, она никак не повлияет на дальнейший успех и прогресс электронной книги. Лед тронулся и не остановится. Без расхода бумаги, красок и других материалов; более доступная пользователям с большей возможностью для графического дизайна — эти достоинства являются важным преимуществом электронной книги. Что касается помещений национальных и университетских библиотек, в будущем не нужны будут небоскребы, как книгохранилища. Необходимые книги вы будете получать по электронной почте.

Простота, скорость, меньшие затраты. Но когда мы все станем частью информационной сети, а компьютер будет пауком, глотающим информацию — вопрос времени. Интернет — это библиография и энциклопедия человеческой цивилизации.

Как автор, пишущий на городские, современные темы, я с раздражением отказывался от сотрудничества с электронными журналами. Признаюсь, я побежден, так как начал сотрудничать с ними. Меня поглотил электронный паук. Главное — сохранить душу и человеческую ДНК, чтобы электроника была на службе у человека, а не его властелином.

Электронная книга важнее пирамид, важнее Великой китайской стены.

Когда немой фильм заговорил, в кинематографе произошла революция. Фильм «Аватар» в формате 3D — новая революция. Будут говорить: до «Аватара» и после «Аватара».

Это же произойдет и с электронной книгой. Начинается ее эра. У каждой эпохи свой Перикл.

Когда вы ее берете в руки, она вас вежливо спрашивает: «Дорогой читатель, вы остановились на 237 странице. Желаю вам приятного чтения. Можно ли музыку...» Вы ответите: «Чайковский, спасибо».

Хотя мы ее не ожидали, появилась принцесса на чипе.

С ней начинается новая Эпоха. Эпоха электронной книги.

Когда появилось телевидение, предрекали конец кинематографу, когда изобрели компьютеры, заговорили о конце книги. Но кинематограф уцелел, то же будет и с книгой. Технократия придала другие формы каждому виду искусств. Сейчас налицо другая сценография, иные костюмы, изменились и условия жизни. Новые правила, новые игры. Это похоже на рассказ о возмужании и созревании. Каждый временной период имеет свои особенности и трудности. Если бы читатели и зрители 18-го века увидели телевизор, если бы услышали, как говорят по мобильному телефону, вас бы провозгласили богом или волшебником.

Сейчас мы наслаждаемся запахом книг. Но вскоре наши вкусы станут старомодными и смешными. Конечно, литература будет болеть всевозможными «болезнями», однако всегда будет возрождаться, как феникс.

Не придется ждать по десять-двадцать лет перевода какого-то романа, как это было в прошлом. В будущем, как только вы напишете произведение, компьютер его тут же переведет, — это и будет литература XXI века. Это же касается и произведений кинематографии, музыкальных, театральных, балетных... Премьера фильма уже сейчас может пройти одновременно в нескольких странах, а спустя месяц этот фильм появляется в десятках стран. И скоро, если вы кашлянете, вас услышит вся планета...

Безусловно, литература будет внимательно следить и за политикой, и за религией, и за нацией, однако не будет выступать в роли защитника или обвинителя. Уж если литература не может стать лекарством, то пусть хотя бы не будет причиной ненависти, боли и страданий. В истории человеческой цивилизации было немало страшных примеров, когда и авторы, и их произведения заканчивали свою жизнь на костре. Я — за толерантность. Если вам не нравится авангардизм (Бекет, Ионеску), — это не причина пригвоздить его к столбу позора. В студенческие годы (это было довольно давно) я заинтересовался произведением «В ожидании Годо». Тогда наши преподаватели небрежно отмахивались и говорили о нем с иронией: «Это просто мода, это пройдет». Критики-театроведы, даже самые серьезные, писали отрицательные отзывы на эту пьесу. А в наше время Беккет считается одним из самых значительных писателей XX века.

Возникает много вопросов. Не пришел ли конец роману с классическими персонажами и привычными событиями?.. Не пришло ли время роману-загадке, роману-ребусу, такому, как, например, «Код Да Винчи» и «Ангелы и демоны» Дэна Брауна. Перед теоретиками литературы стоит непростая задача: следить за горами печатной продукции. Невозможно все прочитать и всему дать оценку. Литературные газеты и журналы перестают выходить, а ведь именно они публикуют критические статьи и рецензии. После краха социализма количество газет и журналов сократилось вдвое. И это несмотря на традиции, авторитет и знак качества. Сейчас возникают новые традиции.

Когда сформируется привычка, электронные журналы с большим числом сотрудников и читателей будут внимательно следить за новейшей литературой и давать ей оценки.

Несмотря на сопротивление, особенно со стороны писателей старшего поколения, все же начинается роботизация. Правда, дело идет медленно. Однако это и хорошо. Человек с трудом привыкает к новым технологиям и новому образу жизни. Младшее и среднее поколение литераторов ежедневно пользуются компьютерами, старшее поколение — реже. Но консерватизм старшего возраста не в силах остановить новую цивилизацию. Колесо истории, как известно, не остановить. И человек становится и колесом, и двигателем прогресса!

Литераторам не придется ждать книгу или письмо из-за границы 15—20 дней, они будут получать их в тот же день, в тот же час. Сегодня вы отправляете текст, а завтра его уже печатают. Вы сразу оказываетесь на сцене.

Но кроме таланта, автор должен уметь заниматься менеджментом и рекламой, желательно, чтобы он был жонглером с пятью руками. Ведь если вы не поймаете все тарелочки, вам не из чего будет кушать. Это звучит банально, но, к сожалению, так будет. Анонимный автор благодаря интернету может прославиться, но уже через месяц его могут забыть. Не так давно некая домохозяйка стала мировой звездой в музыке. Сколько будет длиться ее слава? Это слава XXI века... А завтра вас уже никто не знает. Сроки известности сократятся.

Топ-списки — это этикетки со сроком годности. На прошлой неделе это был сборник рассказов, на этой неделе — роман, на следующей — драматургическое произведение. В течение года прославятся многие, но уже в следующем году будут забыты.

Американский еженедельник «Ньюс уик» составил список сотни лучших книг всех времен на основании крупнейших литературных и библиотечных газет, Opre Vinfri и online-энциклопедии Википедия. На первом месте — роман «Война и мир» Льва Николаевича Толстого, затем «1984» Джорджа Оруэлла, «Улисс» Джеймса Джойса, «Лолита» Владимира Набокова, «Шум и гнев» Уильяма Фолкнера, «Человек-невидимка» Ральфа Элиссона, «К маяку» Вирджинии Вульф... Среди первых двадцати произведений также и роман Селлинджера «Над пропастью во ржи», «Унесенные ветром» Маргарет Митчелл, «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсия Маркеса. «Библия» оказалась лишь на 41-м месте, «Гамлет» Уильяма Шекспира — на 49-м.

Редакция еженедельника отмечает, что во внимание были приняты важнейшие факты, как, например, влияние на ход истории и интеллектуальный вклад в ризницу мировой культуры. В романе «Война и мир» изображается идиллический уклад жизни в русской деревне, крах семьи Ростовых и провинциальной аристократии, духовный кризис Безухова и Болконского. Наташа Ростова — незабываемый женский образ-фреска. «Волшебный холм» Томаса Манна живописует духовное состояние в Европе накануне Первой мировой войны. Это настоящая сага, повествующая через образ Ганса Касторпа о болезни и смерти индивидуума и целой эпохи, о времени, смысле жизни и вечности. Это произведение отражает историю гуманности и представляет собой важный фактор для изучения цивилизации в тот период, когда оно было создано.

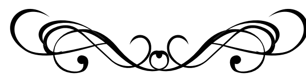
Писатель XXI века будет играть роль рассказчика, политика, экономиста, религиозного фанатика, психоаналитика, одинокого человека в целом хоре подслушивающих устройств... Но это будет человек со всем тем, что ему было присуще всегда: любовь, зависть, терпение, ненависть, человеческое и звериное...

Юрий ПЕЛЮШОНОК. Предпочтет ли интернет-поколение читать Достоевского с планшета?

Каждый себе выбирает чтение по интересу. Интерес зависит от развития. Разумное развитие может быть лишь при разумном учителе. Если человек игнорирует великую литературу по причине требуемых для ее постижения умственных затрат, его ждут блоги интернета, где никаких затрат не требуется. То же можно сказать и о музыке, которая нас окружает. Хит — это нечто в «ля миноре», чтобы можно было хлопать в ладоши во время припева. Популярный стиль: «Ямаха» на нарах. С афиш: лица-лица, ансамбль, певица... и у всех в глазах: «Пойдем на все, лишь бы не вставать с утра на фабрику». Ну что ж, видимо, подул «космический ветер» и Земле для чего-то понадобилось поколение людей, тратящих время, отпущенное на познание мира, на халтуру, воспринимаемую без напряжения.

Компьютер удобен, на нем написана эта заметка, но закрываю его — пишущую машинку-секретаря — и перехожу к книге. И вам тоже советую. Спешите к классической, проверенной временем книге, написанной земным человеком и отредактированной другим земным человеком с целью дать вам что-то взамен за ваше время. Если можно такую книгу читать с планшета — ради Бога, но как много людей предпочтут ее шокирующей теме очередного ярко сработанного блога, открывающегося простым нажатием пальца на экран?.. Представьте, мама поставила перед ребенком тарелку супа с ненавистными, хотя и полезными клецками, тарелку с постылой, хотя и полезной манной кашей, и тарелку с водянистой, ярко-красной парниковой клубникой с помидор величиной, и сказала: «Кушай сынок, а я пошла, думаю, ты сделаешь правильный выбор».

Записки блогера

ЖЖ и литература

Тяжело сказать, будет ли такое возможным лет эдак через пятьдесят, но сегодня движение в обратную сторону, от электронного слова к печатному, еще существует. Яркий пример — ЖЖ-пользователи. За некоторыми из них (особенно за теми, кто не собирался становиться писателем, а просто рассказывал какие-то занятные истории в своем интернет-дневнике, и потом вдруг эти истории понравились тысячам других пользователей) издательства ведут охоту, чтобы выпустить эти дневники книгами. На бумаге и в хорошем переплете. Алеся Петровна (eprst2000. livejournal.com), заставившая Рунет хохотать над историями из мира кино, рекламного бизнеса и остроумной женщины, признается, что предложения выпустить эти истории книгой она получает чуть ли не каждый день. И ото всех отказывается. А вот рижский сантехник Слава Сэ (pesen-net.livejournal.com), прославившийся историями о котах, жене, детях и хомяках, выпустил уже вторую книгу, которая появилась благодаря текстам ЖЖ, и даже стал сценаристом римейка «Джентельмены, удачи!», который сняли в прошлом году (об этом, кстати, тоже подробно рассказано в его виртуальном дневнике). Записи в ЖЖ могут превратиться в разные жанры литературы и публицистики: воспоминания, записки, самоучители, путевые заметки, истории для детей. Например, Нарине Абгарян благодаря тому, что опубликовала в своем ЖЖ истории о детстве в армянском городке Берд, выпустила три книги с рассказами о подружках Манюне и Нарке. А вот жанр у этой литературы, как правило, один — записки, потому что собираются такие книги из постов — разрозненных записей в блогах.

Белорусов среди пользователей ЖЖ по статистике почти 112 тысяч. Но белорусские издатели охоту за блогерами пока не начинают. Российские внимание обращают. В издательстве АСТ, например, вышла книга рассказов журналиста и музыкального критика Татьяны Замировской «Жизнь без шума и боли». Обратить внимание в белорусской блогосфере есть на кого. Олег Чеченев живет в Молодечно, работает в Минском областном драматическом театре (актер, режиссер) и периодически рассказывает о театре в ЖЖ (qoleg.livejournal.com). Когда я прочитала его истории о режиссере Виталии Барковском и театральном художнике Евгении Волкове, я подумала, что преступно оставлять их без бумажного варианта, осознавая, что они могут исчезнуть из сети в любой момент. Сегодня печатное слово кажется еще более надежным: на книги и журналы не бывает DOS-атак, а тексты никуда не пропадают, если пользователь вдруг удалит свой блог или перестанет туда писать; и статусным, так как из тысяч текстов блогеров единицы конвертируются в бумажные варианты. Тексты Олега Чеченева хочется переконвертировать. Это не ироничные заметки, способные собрать аудиторию, которая бы исчислялась десятками тысяч. Прежде всего, его истории будут интересны театралам. Тем, кто понимает редкость и ценность взгляда из-за кулис, когда писать начинает тот, кто не просто наблюдает за театральным искусством, а создает его.

Елена МАЛЬЧЕВСКАЯ

Записки блогера

ОЛЕГ ЧЕЧЕНЕВ

Многа букаф о театре

Барковский

В режиссера Виталия Барковского принято либо кидать камни, либо относиться к нему с восторгом. Первые даже придумали термин «барковщина», которым характеризуют авторский почерк. Я же отношусь ко вторым, хотя не все принимаю у него однозначно. Но...

Я люблю и уважаю Виталия Михайловича за его харизму, в которой сочетается и мудрость, и лукавство, за неистребимое никакими личными переменами жизнелюбие, за его юмор, за его мышление... Да мало ли еще за что! Его фантазия способна создать действие на сцене вокруг одной табуретки (декорация и Барковский — две вещи несовместимые). И это действие будет оправданно. Кто еще на такое способен?

Эстетике его спектаклей может позавидовать любой театр — мнение не бесспорное, субъективное, но... Если вы не знаете, какой режиссер ставит спектакль, сможете ли вы узнать стиль, не заглядывая в программку? Только если вы заядлый театрал.

Когда я смотрел «Шагал... Шагал...» (спекталь, сделанный скорее не для массового зрителя), кусал себе локти от того, что не работаю там. Пусть без слов, но чтобы быть внутри: в ансамбле, в материале. Так мне тогда казалось. Артистов артистовичей — вал: монологи, гэги и так далее. А попробуй без слов? Второе потрясение я испытал от «Тузов» — спектакль, поставленный по современной немецкой пьесе. Это был мой театр. Спектакль заставлял шевелить мозгами, прочищал сознание. Смотрел и думал: о подлости человеческой натуры, о двуличии, о «флюгеризме»... Запомнилась одна фраза, которая стала антидевизом: «Стоп, за горизонт не заходить!» Действительно, зачем заходить за горизонт? Оставим этот подвиг г-ну Мюнхгаузену... Попроще нужно быть, поприземленнее. :)

В «Тузах» меня поразило, как режиссер сумел заразить уже немолодых актеров своими идеями, как он заставил выполнять на первый взгляд нелепые, но оправданые действия: будь это похлопывание по голове папками для бумаг или перестановка стульев в нужном порядке (первый курс театралки)...

Как-то прочитал одну рецензию на спектакль, который был поставлен им в РТБД. Критик была права: Барковского нужно чувствовать и понимать. Актер должен стать псом, который смотрит на мир глазами хозяина, предугадывает его мысли и желания. Тогда откроется то творческое начало, которое спрятано за штампами и налетом будничности. Так случилось у меня, когда он ставил в Молодечно пьесу Елены Поповой «Требуется муж для поэтессы». У Виталия Михайловича спектакль получил название «Ищу настоящего мужчину». Нужно отметить, что тандем Попова-Барковский сродни тандему Ильфа и Петрова, братьев Вайнеров и другим. Только в данном случае — одна пишет пьесы, второй периодически сочиняет и ставит по ним спектакли.

«Требуется муж для поэтессы».

Барковский появился в Молодечно после успеха «Вишневого сада» в Варшаве. «Ох, и работоспособные там актеры!» — не раз повторял он. Дальше предполагалась постановка в БДТ в Питере с Толубеевым в главной роли. Маршрут «Варшава—Молодечно—Петербург» выглядел как-то по-бендеровски.

Марина Сергеевна Попова, второй режиссер, разминала материал. Она работала по методике, по которой уже никто не работает, и с нами никто не работал: биография персонажа, кто такой, что происходит между героями. Ее скрупулезность вызывала раздражение. Постепенно пришло осознание, что тем самым она закладывала фундамент для создания роли.

Потом появился маэстро. Первая репетиция. Он что-то показывал, изобретал на ходу, много шутил. Три часа в репетиционном зале стоял истошный хохот. Сотрудники театра недоумевали и в перекурах засыпали вопросами: «Что у вас там происходит? Такого еще никогда не было!» Признаюсь, иногда ходили на работу, как на каторгу. Вечером Барковский сделал небольшой прогон одного состава, потом попросил выйти второй... И отпустил пораньше. Я задержался в театре, а потом застал его на автобусной остановке в крайне задумчивом состоянии. Спросил: «Что, Виталий Михайлович, не в сказку попали?» В ответ раздался непонятный звук, означающий согласие, потом он пригладил бороду и сделал предложение, не отличающееся новизной. Разошлись мы в первом часу ночи.

Он пока не знал, что делать с нами, что из нас вытаскивать, чем прикрыть. Но это пока не знал. Мы не часто, но иногда встречались после вечерних репетиций. Он много рассказывал о своем общении с Анатолием Эфросом, про свою жизнь в подвале, о работе в театре «Дзе-Я?», про свой витебский период, о том, как он в 90-х торговал гвоздями на Комаровке, когда вынужден был уйти из театра и нужно было за что-то жить. По моей просьбе, он привез из Витебска видеозаписи своих работ. И мы с другом часами просиживали в актерской, просматривая его спектакли.

Тем временем Барковский до последнего дня не уставал изобретать, делал в перекурах замечания, резал сцены. Главная героиня соглашалась со всем, а в глазах ее читался ужас: как ей сделать «монтаж» и выбросить тот текст, который она уже заучила. Режиссер убрал главный элемент оформления — разломанную белую стену, которая, на мой взгляд, напоминала патриотический

мемориал типа Брестской крепости (по сюжету, мой персонаж, Настоящий мужчина, приносит взрывчатку и с подачи Подружки взрывает стену в квартире Поэтессы).

Среди актеров бродило и такое мнение: «Я сомневаюсь, что из этого может что-то получиться». Но большинство верило режиссеру. А лично мне казалось, что он делает один из своих лучших спектаклей.

В разгар репетиций у меня словно воздух откуда-то взялся, я делал свои предложения, что-то придумывал под «барковского», под его стиль... Наверное, это был один из моих лучших моментов в Молодечно: и в плане человеческом, и в творческом...

На сдачу приехала представительная группа во главе с автором: критики и просто заинтересованные лица. Каждый читал свою историю. Кто-то первый слой: про то, как одинокая женщина мужчин выбирала-выбирала, да так и не выбрала, кто-то между строк... После поклона все минчане решительно двинулись за кулисы поздравлять актеров, чего у нас никогда не было, и мы этого совсем не ждали. Алла Полухина, питерский режиссер, переехавшая в Минск, кричала мне: «Вы мой актер! Я буду с вами работать!» — «Пожалуйста! Дней за десять сделаем?» (Она должна была ставить у нас «Затюканного апостола» Андрея Макаенка, но этому не суждено было случиться).

Потом были показы «Ищу настоящего мужчину» в Гомеле, Бобруйске. В Минске, в студенческом театре Академии искусств некоторые представители минской элиты морщили нос и уходили после первого акта. Был успех в Витебске. В кабинет Барковского вошла женщина, распространительница билетов. Смущаясь, она попросила: «Виталий Михайлович, вас так благодарят зрители, так благодарят! Вы не могли бы что-то похожее поставить здесь, в нашем театре. Может, возьмете опять эту пьесу?» Барковский ответил что-то невнятное, мол, подумаем. Потом спектакль выдвинули на смотр спектаклей, поставленных по белорусской драматургии. «Тебе обязательно за твою роль что-нибудь дадут!» — «Ага, догонят и дадут, в охапке не унесу!»

После отъезда режиссера осталось послевкусие: опустошенность, одиночество; словно что-то приобрел важное, а чего-то все равно не хватает.

Потом его позвали ставить для кассы «Цилиндр» Эдуардо де Филиппо (у нас постановка называется «Любовь по-итальянски»). Маэстро поставили задачу, несовместимую с нормальным процессом: сделать спектакль за 9 дней. Ему об этом преднамеренно не сообщили, но афишу с датой премьеры предварительно отпечатали и развесили по городу. Он, вальяжный, приехал из Минска, где организовывал вечер памяти драматурга и писателя Евгения Шабана, в котором принимали участие все ученики Дмитрия Орлова. После новости о сроках сдачи настроение у него улетучилось моментально: такой подставы он не ожидал. Засучив рукава, Виталий Михайлович принялся лепить спектакль «из того, что было» — как поется в песне — и из тех, кого настоятельно порекомендовали на роли. Напряжение было еще то. Я репетировал в паре. По очереди с коллегой мы выходили на сцену. Робкую попытку сравнить нас и столкнуть лбами режиссер отмел решительным образом. Помню, как Виталий Михайлович вскочил с места и запротестовал: «У Олега свой образ, у Сергея свой! Они — разные!»

Репетиция пришлась на 40 дней по моей маме. Нужно было ехать домой. Не знаю, что произошло в голове у того, кто распределял роли. Можно подумать, роль (!!!) могла меня отвлечь от своих мыслей. В то время я не хотел появляться на работе, не шли туда ноги. Для меня зримыми стали две жизни — настоящая, которая в один момент оборвалась, и искусственная — моя работа, где нужно что-то изображать. И настоящая была значительнее и

драматичнее. Некоторое время перед выходом на сцену я в прямом смысле слова блевал в раковину в гримерной: выворачивало всего наизнанку. И такое было. Стресс...

Но вернемся к спектаклю. Второе действие получилось достаточно сильным и убедительным. Когда я приехал из дома и посмотрел то, что разводилось без меня, поднял большой палец вверх, на что Барковский отпарировал: «Жив, курилка!» Директору спектакль пришелся ко двору, он восхищался, а на банкете сообщил: «Позвоню в Витебск, нужно показать спектакль у вас». Лицо у Барковского вытянулось, и по его выражению я представил себе, какие ходы он предпримет, чтобы этого не случилось. Положение в Витебске у него тогда уже было шаткое. Это становилось понятно, когда задавали дежурные вопросы: «Как у вас там дела, что нового?» А тут сырой опус, который поставлен за 9 дней! Уезжал он совсем не в премьерном настроении.

Спектакль «Фантазия ля-минор» о жизни Огинского. Основа пьесы — переписка Огинского с императрицей Екатериной, Наполеоном, последним королем Польши и другими царственными особами. Рядовому зрителю слушать длинные письма-монологи было, конечно, тяжело. Но... Есть игровое кино, а есть документальное. Спектакль получился, как памятник Огинскому. Под ним можно было назначать свидание, целоваться и т. д. Стоит себе — и стоит. Никому не мешает. Нет, у нас было решено, что он не отвечает стандартам. Каким — сказано не было. Уговорили автора пьесы на новую редакцию спектакля. Что за доводы приводились — неизвестно, скорее всего, стандартно прикрывались «мнением» труппы. Фамилию спасителя и режиссера новой редакции называть не нужно.

«Когда режиссер приезжает ставить третий спектакль подряд — это намек на то, что он может занять чье-то место», — Виталий Михайлович дал понять, что пора завязывать с нами. Наверное, согласился он потому, что не смог устоять под напором и обаянием бывшего директора. Справился он блестяще.

Стало понятно, отчего Станислав Понятовский потерял корону: его слабохарактерность сыграла не последнюю роль. Екатерина заигрывала с Огинским, отпуская в его адрес двусмысленные реплики и действия. Например, когда речь заходила о переделе Польши, она приподнимала кринолин и принимала положение человека, который собирается присесть на горшок. Это было сделано не пошло, с мерой. Император Александр получился самовлюбленным фавном — будто только что сошел с портрета. Игрок Наполеон (эту роль исполнял я) таскал по сцене пограничный столб, перекраивая воображаемую карту Европы. Барковский изменил начало: мы выходили на сцену, кто в чем пришел на работу. Исполнитель Огинского ходил между нами и вполголоса читал текст начала пьесы. Прием не новый, но к месту. Заказчики остались довольны.

Какое-то время мы созванивались с Виталием Михайловичем. Я понимал, что навязываю свое общение, но замены не было. Заманчиво и лукаво звучало: «Эх, если бы не проблемы, можно было бы переехать тебе в Витебск, поступить к нам в театр. Делали бы дела...» По иронии случая Барковский был приглашен в качестве председателя ГЭКа по режиссуре. В моем дипломе — его автограф и оценка «отлично». Хотя, говорят, что он единственный, кто сопротивлялся. Отношения отношениями, а принципы важнее.

Слухи о его отставке в Коласовском театре ходили с полгода. Предполагаю, что помогла этому факту случиться та часть труппы, которая наелась его эстетики по самые уши. Театральная «революция» по смене худруков национальных театров страны прошла успешно. Без инфарктов. Хотя я

согласен с высказыванием одного критика: «Барковский — один из немногих режиссеров, обладающих творческой потенцией и перспективой. Рано таких списывать со счетов».

Как-то позвонил Виталию Михайловичу. По голосу это был уже не тот человек, который еще не так давно приезжал в Молодечно.

— Ну, приветствую. Вас беспокоит широко известный в узких кругах артист!

— Привет (вздох), а я уже тут не работаю.

— Знаю, знаю... Так вы теперь пенсионер?

— (Вздох).

— То есть вас даже очередным не оставили?

— (Пауза).

— Нет, Барковский и пенсия — две вещи несовместные! А что переживать? В свое время Эфросу Таганка пальто измазывала побелкой, протестовали они так...

— (Смех). Ты что-нибудь поставил?

— Разве это так важно... У нас новые времена.

— А я где-то в сорок лет начал.

— Я вашу биографию изучил вдоль и поперек.

— Кстати, нашего «Мужчину» («Ищу настоящего мужчину») я поставил в России.

— Да вы что?! И где?

— (Молчание).

— Виталий Михайлович, да я все равно через интернет узнаю! Признавайтесь.

— (Перебивает). Вот, значит, взял у ваших хлопцев диск с записью, пересмотрел. И сделал по-другому.

— И как? (Во мне проснулась ревность).

— Что-то я перемудрил с метафорами. Даже задумались: платить мне или не платить.

— Заплатили?

— Да, заплатили... А вот с метафорами перемудрил.

Знаете ли вы еще кого-нибудь, кто может со здоровой иронией относиться к тому, что он сделал? Думаю, таких немного найдется.

Залез как-то на сайт Коласовского театра. Есть аннотации к спектаклям, которые ставил Барковский. Пока еще их не удалили. А вот в репертуаре уже практически ничего нет. Нет 10 лет истории театра. А срок-то немаленький. Как будто не было ни гастролей коласовцев в Париже по приглашению самого Пьера Кардена, где они показывали «Шагала...», ни поездки в Штаты, в Европу. И все это благодаря стечению обстоятельств и спектаклям Виталия Михайловича.

В сентябрьской афише последних минских гастролей театра — всего один его спектакль. В отличие от предпоследних, связанных с его юбилеем. По этому поводу он говорил так: «Что я сделал — мне к этому добавить уже нечего. Пусть все идет, как идет». В одном интервью он сказал примерно следующее: «Есть такие актеры, которые дают режиссеру больше, чем он может им дать. И, к сожалению, у нас отсутствуют рычаги, которые могли бы стимулировать и вознаградить их труд». И в этой фразе я почувствовал реверанс всем нам, кто однажды сталкивался с Виталием Михайловичем. Это столкновение было продуктивным и оставило массу самых приятных воспоминаний.

Волков

Мне кажется, что у многих людей есть свой единственный и неповторимый друг, который по особенным случаям надевает невидимую жилетку и предоставляет возможность всласть туда поплакать. Особенно, если их роднят общие интересы, работа и т. д. Такой друг есть и у меня. Человек этот — Евгений Георгиевич Волков, театральный художник, на счету которого множество спектаклей. Самые известные — «Амфитрион» в Русском, «Тойбеле и ее демон» в Молодежке и другие... Как-то я забил в поисковик его имя и ничего примечательного не обнаружил. Разве что упоминание, как художника-постановщика того или иного спектакля, да давнишнюю рецензию на «Тойбеле...», в которой критик назвал спектакль и оформление провинциальным, а игру актеров, наоборот, превосходной. Как будто можно существовать отдельно от спектакля и режиссерских установок. А то, что в оформлении процитирована живопись Шагала, — этого автор рецензии, к сожалению, не узрел. Но дело не в этом. Женя никогда не пиарился, не бил себя кулаком в грудь, что он ученик самого Эдуарда Кочергина. Несколько раз я уговаривал его подать самые удачные работы на какой-нибудь конкурс или биеннале, он только отмахивался. Он понимал свое место в строю и максимально честно работал, работает и служит театру. Именно служит. Его служение — это не тот случай, когда гонорары и тарифные ставки давят на разум.

В Молодечно он отработал главным художником семь лет... Это было время, когда театр делал свои первые робкие шаги, спотыкался, вставал и снова куда-то шел. И Волков не по должности, а по своей человеческой сути помогал театру: искал пьесы, был правой рукой художественного руководителя. У него не было своего кабинета. Да он его и не требовал. Для него живое общение — выше некого замкнутого пространства, на котором красуется табличка с должностью и фамилией. Здесь он «создал» свой «волчий уголок». Это подвальное помещение, в котором творят художники-бутафоры: заляпанный краской линолеум, старенькие афиши на стенах, стеллажи, забитые до отказа банками с краской, клеем и прочей утварью. В дни приезда Волкова мы спускались в это помещение дружными рядами. Он привозил книги, пьесы, прессу, которая шла нарасхват. Иногда мы искали здесь защиты от невнятной и бессмысленной режиссуры, и всем доставалось по своей «серьге». «Я не мусоропровод, не канализация, не переходите границы, и, тем не менее, выслушаю каждого». Административный этаж, наблюдая за такой «движухой», за таким театром в театре, нередко выражал свою ревность к «волчьему уголку».

С особенной нежностью и заботой Волков относился к своим «девочкам» — так он называл своих подчиненных. Они до сих пор с благодарностью вспоминают о Жене за то, что он обучил их основам профессии. После него редкий художник-постановщик облачался в рабочий халат и, засучив рукава, принимался что-либо клеить или красить декорации к собственному спектаклю. Потому что поджимают сроки. Или потому что просто хочется помочь службе. Женя был именно таким. Таким я его застаю и в Новом драматическом театре, куда иногда приезжаю к нему в гости, и где он служит главным художником. Рабочий халат, заляпанный краской, в руках кисть. В день показа спектакля их театра на фестивале «Панорама» Женя валиком красил авансцену открывшегося после реконструкции здания. Он многих толкал и толкает на проявление творческой инициативы, мотивируя это классическим «жизнь одна...» Ему я обязан появлением на свет своего моноспектакля «Синий автомобиль». Когда он показал макет будущей постановки, я остолбенел. Подробный макет (я мысленно представлял, как он его делал),

куда было вложено что-то необъяснимое, что-то трепетное, он словно предназначался не для меня, а для актера рангом повыше. По крайней мере, я решил для себя именно так. И уже потом, не имея возможности вывезти за рубеж на фестиваль весь этот творческий «хлам», я требовал у устроителей того или иного фестиваля непременно писать в буклетах фамилию художника Волкова. Когда я смотрел спектакль Нового драматического театра по пьесе МакДонаха, который Женя оформил, я так же, как и тогда, мысленно представил себе весь творческий процесс, от изготовления макета до воплощения на сцене, с массой подробностей: засов на печке, резьба на буфете и т. д. И все это с любовью к спектаклю и к театру вообще.

После его ухода из нашего театра «волчий уголок» опустел. Ряды заметно поредели. Но я все еще по привычке спускаюсь в этот подвальчик покурить, поболтать, попить кофе. Призрак той атмосферы все еще витает в воздухе. Редкие свидетели еще здравствуют. Жизнь пошла дальше.

История одного театра в фотографиях

Трудовые будни: гастроли, выезды... Слева — актер Вячеслав Шендриков. Если и был на всю страну актер-травести, то это, несомненно, был Слава. Человек до кончиков пальцев преданный театру, театру и больше ничему. С какой жадностью он вгрызался в текст, в роли, бросался на театральные подмостки, без сожаления разбрасывая свою энергию... Он был сиротой. Однажды ночью ему стало плохо. Соседи по коммуналке вызвали «скорую». Утром весь театр стоял на ушах. Это случай, когда о театре говорят, как об одной семье. Было понятно, что со Славой совсем плохо. А наш главный режиссер в это время упорно продолжал репетировать свой новый опус. Актеров в прямом смысле трясло, а он, не обращая внимания ни на тихие протесты, ни на просьбы остановить репетицию, продолжал режиссировать. Мы с женой провели весь день на телефонах. Она подняла связи своего родственника, и весь день прошел в разговорах с какими-то столичными медицинскими светилами. Наглость и молодость сделали свое дело: из Минска готов был вылететь реанимационный вертолет. Увы, вертолет не понадобился. Диагноз: гематома головного мозга. Мы повезли хоронить Славу в Могилев, откуда он родом и где жила его сестра. Набравшись духу, я позвонил зампреду горисполкома, часто посещавшему наши спектакли, с просьбой выделить нам автобус, чтобы перевезти гроб с телом. Как меня потом пилило руководство за этот звонок: превышение полномочий и т. д. и т. п. Наплевать... Незадолго до смерти мы со Славой столкнулись в универмаге у примерочной. Он приценивался к костюму, который хотел купить. Точно такой же ему и купили. Точно такой же... Случайное стечение обстоятельств...

В Могилев поехали не все: кто-то не смог, у кого-то не получилось. Особенно странно было наблюдать за одним режиссером, который боготворил Славу как актера. А вот Григорий Боровик, Сергей Журавель, Людмила Стародумова, которые преподавали у нас на курсе в минском Институте культуры, собрались вместе, чтобы на изломе ночи проститься на минской кольцевой с одним из своих лучших и любимых студентов. И те алые гвоздики, которые они принесли с собой, были дороже всех оранжерей мира вместе взятых.

Второй слева — Рома Цыркин. Кумиром его студенческой молодости был Марк Захаров, которым он бредил. После окончания института вернулся в свой родной Брест, в театр, который был знаком ему с пеленок, где завлитом работал отец. Молодости свойственны творческие амбиции и уверенность в своей гениальности. Театр упорно не хотел замечать гениальности и талантов молодого человека. Роман хлопнул дверью и оказался в Молодечно, где он вынашивал замысел гоголевской «Женитьбы». Замыслу не суждено было реализоваться. Зато был реализован второй, и, может быть, главный замысел на тот период. Из Молодечно он увез одну из наших красавиц-актрис в качестве супруги. (Первую брачную ночь я провел вместе с молодоженами в общежитии на матрасе, на полу. Мы шутили и хохотали, не помню из-за чего, до самого утра). Молодожены уехали в Брест. Вторая попытка взять брестский театр-крепость не увенчалась особым успехом. Но, как говорится, вода камень точит. Сегодня Роман — главный режиссер Мозырского драматического театра им. Ивана Мележа. Он переставил почти всего Чехова. Театр ездит на разные фестивали и даже привозит призовые места, награды, статуэтки и т. д. Он при любимом деле. А что еще нужно для счастья?

Татьяна Ковалевская — талантливая актриса — приехала в молодой театр из Бреста вместе с мужем, тоже актером. Фортуна благоволила ей. Она играла героинь, играла страстно, со вкусом. На той же волне перестройки, на волне интереса к истории, на «Беларусьфильме» запустили фильм о «забытой» белорусской поэтессе Ларисе Гениюш. На главную роль была приглашена Татьяна. На первом фестивале белорусского кинематографа она удостоилась приза за лучшую женскую роль. Кажется, вот оно — начало взлета, слава и престиж театра.

Но судьба преподнесла ей страшные испытания. Гибель мужа при очень загадочных обстоятельствах. Что это было — убийство или самоубийство — знает только господь Бог. Андрея нашли мертвым в квартире, когда Татьяна, счастливая и радостная, вернулась со съемок фильма. Мы все были в шоке оттого, что такое случилось у нас в театре, с нами. Еще одни похороны, на этот раз в Гродно. Я поехал туда прямо из Минска, не зная ни адреса, ни телефона. По наитию попал в кладбищенскую контору, где мне сообщили координаты. После поминок, по дороге домой, в автобусе режиссер распределял роли Андрея... Мне это казалось чудовищным и диким.

Еще одно страшное известие пришло из России, откуда Татьяна родом: инсульт у отца. Каких сил стоило ей везти в поезде почти от Урала парализованного человека, который практически не двигался — это представить трудно, можно только почувствовать на своей шкуре. Как она не сломалась, не ушла на дно — не знаю. Она одна воспитывала свою крохотную дочь, ухаживала за отцом, иногда выходила на сцену. Какими должны быть мозги и сердце, чтобы в условиях дикой инфляции предложить этой женщине разовую оплату за спектакли, поскольку, видите ли, «в новых работах она не может репетировать, а, значит, платить ставку нецелесообразно».

После смерти отца она переезжает в Минск, с театром разрывает навсегда. Пережив столько за короткий срок и после всего что-то изображать на сцене... это нонсенс. Сейчас Татьяна преподает в одном из столичных лицеев.

История одного спектакля

Девять лет мы играем спектакль «Вечер» по пьесе Алексея Дударева. Средний возраст персонажей по автору — 78 лет. Средний возраст исполнителей во время премьерных показов был практически в два раза меньше. Я старался минимально, без фанатизма наносить возрастной грим на лицо, но должного эффекта это не приносило. Озорной блеск в глазах в совокупности с нарисованными морщинками, впадинами и театральной «сединой» на висках придавал мне особый, хулиганский шарм. Взгляд не загримируешь ничем. Сейчас гример уже не наносит мне седину на виски. Я стригусь максимально коротко, под «единичку», седина (моя «платина») как-то незаметно пришла сама, не спросив на то моего согласия. А взгляд — отражение несовпадения между предлагаемыми обстоятельствами и внутренними убеждениями... В общем, форма с содержанием как всегда не в ладу. И разница с возрастом персонажа быстротечно сократилась на девять лет.

Спектакль ставил Валерий Мазынский. Работать было интересно. Второй состав по какой-то причине отсеялся. Остались мы втроем: Лена, Витя и я. Мы прощали режиссеру все: выпады в наш адрес, критические замечания. Вместе с тем он проявлял деликатность. В пьесе есть сцены, которые требовали большого жизненного и творческого опыта. Мазынский, как опытный дирижер, пытался аккуратно направлять нас в нужное русло. Он ни разу не выразил разочарования, но я чувствовал, что он прятал его в себе, понимая, что нам пока не хватает того самого жизненного и творческого опыта. И не появится он. Не возьмется он ниоткуда.

Материал для нас был как подарок. Мы ощущали себя студентами-выпускниками, которые готовятся к показу важной дипломной работы. Шли на работу, словно на праздник, и это чувствовали наши коллеги. Со спектаклем связано много историй — забавных и не совсем...

Открытие сезона, премьера «Вечера» совпала со смертью и похоронами нашего завпоста Евгения Ашина. Его, майора в отставке, без преувеличения любил и уважал весь театр. И все сотрудники театра восприняли его смерть, как потерю близкого человека. Несмотря на наши гневные призывы, премьеру решили не отменять. Каково нам было играть сцены, связанные с раскаянием и смертью — не объяснить. Техперсонал стоял, вытянувшись весь спектакль, за кулисами. Это был «театральный реквием».

Я повел проститься с усопшим нашего бывшего художника. Сам он минчанин, приехать на похороны у него не получалось. Там мы выпили на кухне с сыном по три рюмки. От стресса нас развезло так, что на вокзале мы появились в совершенно размягченном состоянии. Нас заприметил милицейский патруль. Доказывать и оправдываться было бесполезно. Ночь перед премьерой я провел в «обезьяннике», лежа на полу в своем шикарном светлом плаще, в компании с пятью алкашами, которых доставляли с промежутком в час-полтора. Утром, когда меня выпустили, я летел оттуда на всех парах, которые только у

Перед спектаклем «Вечер»

меня были. Прибежал домой, успокоил супругу, успел на прогон спектакля. А вечером сыграл премьеру «Вечера». После был фуршет, на котором присутствовали представители мэрии. Я обводил всех затуманенным взглядом и думал: «Какой у меня широкий круг общения: от алкашей до первых лиц города. И все это за сутки!» Бывший директор видел, что со мной происходит что-то не то: «Успокойся, Олежка, выходи уже из образа, спектакль закончен!» Если бы он знал, сколько «спектаклей» было у меня за прошлые сутки. Ни у кого еще такого не было...

«Вечер» объединил нас, совершенно разных и неповторимых. На сцене мы забывали о своих амбициях, о мелочной закулисной возне и, как солдаты, шли в атаку. Когда его ставили в репертуар, мы говорили с особой нежностью и любовью: «Сегодня вечером НАШ «Вечер». И все вокруг — службы, коллеги, — чувствовали это и понимали, а на первых порах даже приходили пересматривать спектакль по несколько раз: просто из-за кулис или из зала. К нам относились придирчиво. Обсуждали, кто в очередной раз «пережал», кто «недожал», распределяли «золото», «серебро» и «бронзу»...

Особенный успех нас «настиг» на гастролях в Мозырском театре. Зал был забит до отказа. В основном это была молодежь. В какой-то момент исполнителю Мультика, так удалось схватить публику за горло, что зал затих до самого финала. Мы вместе не отпускали их до самого поклона. Под конец из партера раздавалось сдержанное хлюпанье носами. Одна зрительница ушла, заливаясь слезами. Уходя, она сказала: «Надо переезжать в Молодечно...» Пожилая мозырская актриса в знак признательности подарила Лене платок своей мамы. С тех пор Лена с гордостью одевает его на каждый спектакль.

Интересный показ как-то прошел в Минске на сцене ДК тракторного завода. Зал там огромный. Звуковой и световой пульт находятся в конце зала. Радиосвязь со сценой и ассистентом отсутствовала. Этому варианту спектакля я дал второе название: «По ком звонит колокол, а по ком — доктор Хадоркин». Наш бывший «мастер» по свету сел за пульт в хмельном состоянии. И это мягко сказано. Он осветил все потайные уголки сцены, показал всю скрытую часть спектакля: перестановки и передвижения служб, которые должны проходить при полном затемнении. Он светил, как ему вздумается, «стрелял» светом налево и направо, не соблюдая никаких временных рамок. Службы уносились за кулисы с такой скоростью, что пятки сверкали в прямом смысле этого слова. Особенно досталось одному реквизитору. Ох, и наприседалась же она за колодцем! Это была самая настоящая игра в прятки. Выходит эта женщина в затемнении, как и положено, на сцену, чтобы поставить на стол-колодец сковородку с яичницей и кувшин с молоком. И тут дается свет. Что ей делать? Она ныряет за колодец. Свет убирается — она встает. Свет включается — она снова приседает за колодец. Только норковая шапка торчит. Так продолжалось несколько раз. В конце концов, она не выдержала, в сердцах плюнула, с грохотом поставила сковородку, кувшин и удалилась со сцены, стуча набойками на сапогах. Свет погас только тогда, когда до кулис оставалось пару метров. В самом финале уйти со сцены мне обычно помогает костюмер. Происходит это тоже в темноте. Она протягивает мне свои руки, я их нащупываю, и мы осторожно двигаемся за кулисы. При этом я еще волоку с собой одеяло и ватник. И этот момент тоже осветил наш «мастер». Со стороны, наверное, это выглядело очень трогательно, как балет на тему сотворения мира: ангел уносит в рай физическую оболочку усопшего Гастрита. Тогда нам всем было не до смеха. Мы готовы были порвать «мастера» на мелкие клочки. Но он спустя долгое время так и не смог понять, в чем провинился, ему казалось, что все было сделано правильно.

Как-то раз в этом спектакле я свалился со сцены. Было это в родных стенах. Первое появление персонажа — недолгая проходка по краю авансцены. Я вглядываюсь в воображаемую даль, делаю полукруг и сажусь за колодец. Не знаю, что меня тогда повело в сторону. На мгновение куда-то пропало освещение, перед глазами возник паркет зрительного зала, а в ушах зазвучал грохот от падения собственного тела и лязг алюминиевого чайника, с которым я выхожу. Зал наполовину ахнул, наполовину засмеялся. Это потом рассказали световик и звуковик: оторвавшись от партитур, они не обнаружили на сцене артиста, стали звонить ассистенту, мол, куда я исчез, вроде секунду назад еще был на месте. Я лежал у ног первого ряда, и первая мысль была не про сохранность рук и ног, она была такая: «Боже мой, что я здесь делаю? Это же не та мизансцена!» Выкарабкавшись на сцену, что-то бормоча на «трасянке», я продолжил движение и глянул за кулисы — оттуда на меня смотрят три пары испуганных глаз. Я махнул рукой, мол, идем дальше. Потом коллеги прокомментировали это происшествие так: «У артиста внезапно закончилась сцена!»

Несколько лет назад исполнитель роли Мультика уходил работать в минский театр. Он решил на первых порах не разрывать связь с нашим коллективом. Первый спектакль, на который он согласился приезжать и играть его постоянно, был назван «Вечер». Он у него остается и до сих пор. Витя устроился в Минске, имеет свой репертуар. Но своего такого «вечера» у него там нет. И, наверное, не будет. Это и заставляет его кататься на электричках и играть нашу работу на разную публику, на разных площадках. Их худрук как-то назвал его «артистом двух театров». Витя с гордостью принял это звание, как звание «народного». Всякий раз по его просьбе мы собираемся на репетицию, чтобы пройти текст. Он объяснил это тем, что ему нужно войти в атмосферу. Мы с партнершей, каждый имея свой новый репертуар за плечами, никогда не расставались с той атмосферой. Особенно Лена. Ее разбуди ночью — она сыграет свою Ганну без костюма и грима. Но все равно каждый раз мы собираемся по просьбе Мультика. Иногда на спектаклях происходит сбой, и тогда мы лихорадочно в паузах между выходами листаем текст: кто, что не так сказал. На нашего Мультика невозможно злиться, так устроен мир этого замечательного человека и актера. А у каждого он неповторим.

У нас давно придумали способ, как быстро продавать этот спектакль. Поскольку творчество драматурга проходят по школьной программе, в зал загоняют школьников. И в последнее время это стало все очевидней. Прошлые четверг и пятницу мы играли два «Вечера» подряд. Такого зала у нас еще не было никогда. Там вовсю бушевал стадный инстинкт. В театре шло параллельно два спектакля: один — на сцене, второй — в зале. По ходу действия у меня возникло желание испепелить этот зал вместе с т. н. зрителями. В конце мы сделали пару шагов из-за кулис, чтобы выйти на поклон, а зритель уже ломился прочь из зала, словно два грязевых потока. Я махнул рукой, мол, пошли отсюда. Для чего кланяться, кому?

В пьесе есть такая фраза: «Для чаго мы з табой жылі, Васіль?» Для чего мы сжигаем свои нервы, рвем сердце? Для чего вообще я этим занимаюсь. Такие невеселые мысли посетили меня, когда я сидел за столом и разгримировывался. Выросло целое поколение «аватара», им непонятны и не нужны проблемы, которые заложены в пьесе. В цепочке «Дударев по школьной программе» — «школа» — «театр» я бы вычеркнул «Дударев по школьной программе». У меня нет никаких претензий к нему как к человеку и драматургу. Но зачем мучить актеров и мучить этого зрителя?

Или, может, нашему «Вечеру» уже пришел вечер?.. Отвечу фразой из пьесы: «Ды не, ранавата яшчэ». Но это не от нас зависит.

Пессимистическая комедия

На прошлой неделе давали «Камедыю». Знаменитый некогда спектакль Андросика и Рудова, который Андрей Федорович Андросик 19 лет назад перенес и в Молодечно. Я играю в нем Черта и являюсь третьим по счету исполнителем этой роли. 16 лет в спектакле. Вводили меня коллеги. Бережно, как ребенка, чуть ли не за руку. Харизма режиссера витала в воздухе. Андрей Федорович приехал на один день, нарушил тишину нашего зала своим знаменитым рокотом, дал ЦУ и отбыл.

Спектакль стал визитной карточкой театра. Где мы только не были с ним: в Париже не были, в Варшаве не были, в белорусских диаспорах дальнего и ближнего зарубежья не были. Мы объездили с ним все потаенные уголки области и Нарочи. И везде успех. В Молодечно некоторые зрители ходили на него по несколько раз. Иногда нам даже подавали ключевые реплики из зала. Было такое, что спектакль часто бросали на выезды: всего четыре исполнителя. Тогда от его количества начинало слегка подташнивать. Спектакль требует больших физических затрат, а по-другому играть мы пока не научились.

Мы отметили сотый показ. Потом из спектакля стали уходить исполнители. Актриса, игравшая роль Маланки, уехала в Минск. Сто пятидесятый спектакль (или что-то около этого)... Переехал в тот же Минск, в другой театр, исполнитель роли Жида. Двухсотый... И далее...

Последний раз я как никогда почувствовал, как мне осточертело в этой роли. Хотя зрители, особенно молодые, от нее в восторге. «Чертик!» — произносят с симпатией те, кто знаком со мной лично. Меня это слегка раздражает. Как будто в моей биографии больше не было ничего примечательного. Даже в нашем маленьком театрике.

Крест...

Последний раз я как никогда раньше взглянул на спектакль со стороны. Наша визитная карточка... Визитная карточка имеет свойство стареть, мяться... Глянец — тускнеть... Углы — трепаться... Я уже не спрыгиваю со второго яруса. Былые травмы и страх их вновь получить. Мое далеко не атлетическое тело медленно спускается по лестнице, осторожно нащупывая ступеньки неудобными подошвами берцев. Подозреваю, Андросик был бы в шоке. Я однажды представил эту жалкую картину со стороны и чуть не раскололся на сцене. «Дюже маладютки этот Черт», — говорит Жид в пьесе. Я добавил про себя: «Не молодой, но еще молодящийся». Роль обязывает.

Где-то прочитал, что в знаменитом стреллеровском спектакле «Арлекино — слуга двух господ» итальянский актер блистает в роли Арлекино уже 47 лет! Цифра, которая зашкаливает и вызывает изумление. Японцы присвоили актеру титул «театральное достояние человечества». Или вроде того. 47 лет и 16... Ну, пусть не в Пикколо-театре, пусть не у Стреллера... А работать нужно... И тогда, на каком-нибудь локальном капустнике мне, может быть, присвоят звание «театральное достояние человечества» в номинации «Молодечненский регион». :)

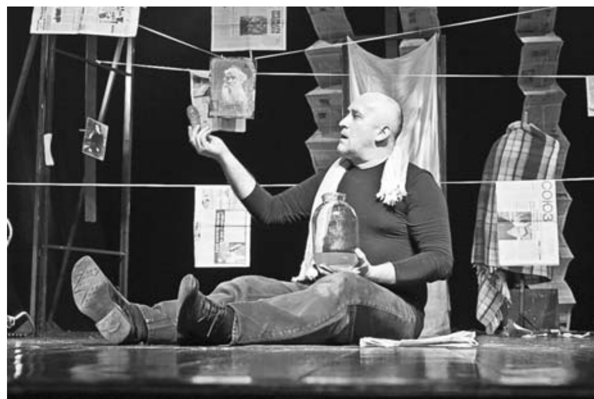
«Комедия».

Синий автомобиль

Эту пьесу мне предложил прочитать первый худрук театра. С автором, Ярославом Стельмахом, они познакомились на каком-то минском театральном форуме. Стопка листов, отксерокопированных из журнала «Современная драматургия» и скрепленная канцелярской скрепкой, легкомысленным движением руки заняла свое место в коробке среди журналов и бумаг. И только спустя месяц благодаря одному обстоятельству я вытащил ее из той коробки. Фантазия драматурга била, нет, фонтанировала через край. С трудом пробираясь сквозь текст, пытаясь докопаться до сути, я вдруг почувствовал, что к финалу у меня появился комок в горле, а на глаза навернулись слезы. И все равно я ничего толком не понял. Второй заход — и тот же эффект. Так они и жили примерно полтора года: читатель и пьеса. «Над вымыслом слезами обольюсь»... Практически весь текст я знал уже наизусть. Супруга иногда отпускала ядовитые замечания: сидит на кухне взрослый человек... мужчина... слезки льет... Я тем временем, фантазировал, думал и представлял себе отдельные сцены. А в голове звучала ария «Каста Дива», которую мне непременно захотелось использовать. И вот наступил час «икс», когда театру нужно было отчитаться за стипендию Министерства культуры на создание роли, в частности, в спектакле «Синий автомобиль». Я пришел с идеей постановки к директору театра Сергею Борисовичу Вальковичу. Взахлеб расхваливал достоинства пьесы, убеждал, что это будет «смотрибельный» материал. Как только прозвучало слово «моноспектакль», он откинулся в своем кресле и посмотрел на меня очень подозрительно. У нас уже шел в театре один моноспектакль — смелая, экспериментальная, авангардная работа, которую увлеченно играл коллега и которую не совсем понял и принял зритель. О какой-то примитивной рекламе речь тогда не шла.

Тем не менее, удалось договориться о сроках и о постановочной группе. Скорее, группке. Директор был очень крепкий хозяйственник и умел считать каждую копейку. Смета спектакля была минимальная. Вероятно, он решил так: надо дать актеру возможность самовыразиться. Не дашь — больше потратишь нервов. Если спектакль не получится, пусть поиграет годик, а там спишем.

Итак, механизм был запущен. Звукооператор принес мне часы музыки, из которой я однозначно выбрал рефрен и финальную лирическую тему. Это безумие, но я репетировал сам с собой, репетировал где придется: в актерской, в репзале, на пятачке у гардероба, в свободное время на сцене. Метод? Дедуктивно-эмпирический! Единственное, что я точно усвоил: нужно разрушить «четвертую» стену и общаться со зрителем. Дней за пять до премьеры мне дали сцену. Попытался собрать пазл в одно целое, но у меня ничего не получалось. Я страшно злился и мысленно проклинал себя за то, что ввязался в авантюру. Билеты медленно, но уже продавались. Звукооператор из окошка наблюдал за моей истерией: он и рад был бы помочь, только вот чем? На один из т. н. прогонов я пригласил жену (она актриса). Это потом она мне призналась, что на моем лбу

«Синий автомобиль».

светилось одно большое слово: ПРОВАЛ! Она попросила меня выйти вон со сцены и с полчаса нервно прохаживалась туда-сюда по залу. Она напоминала полководца: сапоги, черное длинное пальто, небрежно наброшенное на плечи, полы развеваются. Он позвала меня, и мы стали спокойно разбирать эпизод за эпизодом. В экстремальную минуту она умеет концентрироваться. Ее советы и поддержка были просто бесценны. Дальше — терпение и труд все перетрут. Актер Эдуард Горячий посоветовал художнику: «Набросай побольше предметов на сцену, пусть он их обыгрывает, его нужно чем-то занять, прикрыть». За пару дней до премьеры я осмелел и почувствовал уверенность. И даже начал придумывать свет и переходы. Премьера... Ее помню плохо. Минут двадцать учащенного сердцебиения, пересохшая гортань, попытка взять зал, которая местами даже удавалась. Следующий сезон спектакль оттачивался, на некоторых показах начали возникать импровизации, которые старательно фиксировались. Я заставлял изредка ставить спектакль в прокат, чем вызывал тихое неудовольствие. А однажды на одном из показов я увидел на переднем ряду директора, который привел свою семью и близких друзей. Чем не признание? Были большие залы в Мозырском драмтеатре, показ у коласовцев. Откуда были силы на эти «стадионы» — ума не приложу. Спустя время воспринимаю эти показы, как авантюру. Моноспектакль на больших сценах! На малой сцене в Купаловском, где царит кромешная тьма, я промахнулся и лег не в корзину из-под детской коляски, а рядом с ней. Еле сдержался, чтобы не хохотнуть. А тут еще какая-то зрительница в возрасте, сидевшая на первом ряду, вполголоса, тоном заядлой театралки произнесла: «Наверное, это очень современная постановка».

Международный фестиваль моноспектаклей «Я», который Антонина Михальцова — директор и тогда еще худрук театра — провела именно в Молодечно. Фестиваль открывался «автомобилем». Я не спал часов до двух ночи, кружил вокруг дома, выкуривал одну сигарету за другой и мысленно проигрывал весь спектакль. И опять. Все то же сердцебиение и пересохшая гортань. Потом, когда все закончилось, подумал: и чего ты так волнуешься, а нельзя ли проще относиться? Проще так и не научился.

Приглашение в Ригу было как гром среди ясного неба. Первый выезд за границу. Показ был запланирован в последний день фестиваля. Нет ничего хуже для холерика — играть в последний или предпоследний день. Концертный зал «Аве Сол», здание бывшей православной церкви XIX века. На показе я пропустил свой выход. Задумался... А в это время спектакль начался согласно партитуры: затемнение, звуки шагов, гоночного автомобиля, световые всполохи, потом луч света на коляску... А артиста нет... Вопрос: где артист? Саша, звукооператор, переглянулся с осветителем и выключил музыку. Каково было лично мое удивление, когда за кулисами (а это отдельная комната рядом со сценой) внезапно возникла фигура Антонины Ивановны. «Олег, что произошло, почему Вы здесь? Спектакль уже начался без Вас» — «Как?» — «А вот так! Попробуйте еще раз». Я и попробовал. Просто ожидал, что прозвучит третий звонок, как в нормальном театре, и не знал, что в том зале звонки отсутствуют.

«Синий автомобиль».

Акустика там потрясающая. Со сцены можно шептать — тебя услышат даже на последнем ряду. Нашептал на первое место. Правда, вкусить радость победы так и не удалось. Заканчивалась виза, а следующий поезд домой шел только через день. Так и лежит моя сувенирная тарелочка в Риге который год...

Вроцлав. Старинный город костелов, которые своими островерхими макушками уходят куда-то в небеса. Там ежегодно проводится самый старый в мире фестиваль моноспектаклей — «Вроцлавские встречи театров одного актера». Я попал аж на 41-й. Показ был в предпоследний день. Площадка, предназначенная для экспериментальных, камерных спектаклей театра кукол, напоминала студенческую аудиторию внушительного размера. Сцены в привычном понимании там нет. Мне и одной россиянке отвели отдельную комнату, где мы томительно ждали свои показы. Я разложил на столе глицин, валерианку, еще какие-то успокоительные препараты и молча вышагивал по комнате, меряя ее в длину, ширину, по диагонали, вдоль и поперек, пытаясь отвлечь себя и сбить волнение. Девушка-актриса, наоборот, сидела неподвижно, устремив свой взгляд в одну точку. Ее лицо было белее полотна. Диву давался: это же надо, чтобы в одном месте встретились два разные по темпераменту человека, но одинаковые по своей сути! Каждый спектакль фестиваля объявляла миловидная девушка. Мы договорились со звукооператором, как начать спектакль. За ширмой-кулисами есть маленькое окно. Я громко закрываю раму. Стук — это сигнал для того, чтобы Саша включил фонограмму. Про ту девушку, полячку, в тот момент я даже и не вспомнил. Следующий эпизод описывал уже Саша. Выходит девушка, красивым жестом открывает папку, чтобы зачитать аннотацию, только-только приоткрывает рот — и тут раздается удар оконной рамы. Саша моментально включает фонограмму. Девушка, захлопывает папку, разводит руками и занимает свое место в зале.

На следующий день директор фестиваля поздоровался со мной очень сдержанно, в его голосе читалось раздражение, которое он не смог скрыть. Я обратился к одному члену жюри, польскому театральному критику. Он неплохо говорил по-русски. «Пан Анджей, что произошло?» Пан Анджей отвечал невозмутимо, ни один мускул не дрогнул на его лице. «Ничего страшного. Вы просто разгромили наш фестиваль». — «Как?» — «Вы перечеркнули все, что было до вас». — «Я этого не хотел!» — «Это бывает». Да-а-а-а-а... Оказывается, такое понятие, как «перетянуть одеяло» есть и в моноспектакле! В Молодечно на монофестивале был молдавский спектакль «Контрабас». Режиссер давал нашему звукооператору указания, где включать фонограмму, а актеру периодически посылал сигналы с помощью лазерного фонарика. Зачем? Чтобы сбить молдавский темперамент, чтобы не переигрывал, чтобы не зашкаливало!

На скромной церемонии закрытия актерам-участникам раздавали номинации и дарили диковинных форм вазы. Мое внимание привлек экземпляр высотой сантиметров в 60 — внушительная чаша на подставке, от которой вниз уходило несколько тонких витиеватых ножек. «Кому это чудо достанется?» — думал я. Это же надо сначала донести до гостиницы, а на улице местами гололед, потом на вокзал, потом в поезд, а у кого-то и самолет... А если эти ножки случайно разобьются по дороге? Не везти же домой битое стекло! Проходит время, ваз становится все меньше. Называют мою фамилию, выхожу к столу, и директор-устроитель протягивает мне ту самую чудо-вазу. На миг какие-либо мысли испаряются из головы, а почва уходит из-под ног. Сказав слова благодарности, отнес вазу в максимально безопасное место. Ее я довез в целости и сохранности, обмотав своими личными вещами.

Райдер исполнителя — это техническое обеспечение спектакля — свет, звуконоситель и список реквизита, который принимающая сторона обязуется обеспечить. Мой список — головная боль для устроителей. Какие-то мелочи я возил с собой, но основное — печатная машинка, детская коляска, манекен для портных, пачка газет и т. д. — заказывалось на месте. Для поляков я отсылал список сразу на трех языках: польском, английском и русском. И великий гугл-переводчик был в помощь. Не знаю, правильно ли он перевел. Только в Торуни художник-бутафор театра вместо манекена изваял для меня из папье-маше и гипса двухметровую скульптуру человека. Когда я увидел это творение, у меня покосились ноги, и я пожалел, что не захватил с собой что-то такое, чтобы отблагодарить этого замечательного человека. Манекен нашелся в пошивочном цеху. А за мной пока остается должок.

В вильнюсских театрах старые детские коляски выбросили за ненадобностью. Я нашел сайт Висагинаса, где проходил фестиваль, и кинул клич: помогите люди добрые! Откликнулась одна молодая многодетная женщина и привезла мне коляску. Увидев это чудо техники, я ахнул. У нас такие еще не продавались. Для полного комплекта в коляске не хватало кондиционера и емкости для утилизации использованных подгузников. На мое «ах» женщина отреагировала спокойно: «Что вы, у нас такая модель — это уже позапрошлый век!» В Хмельницком живут и работают люди с чувством юмора. «Соленый огурец... Вам какого размера?» Находясь в состоянии зашора, я стал что-то мерить большим и указательным пальцами. Потом махнул рукой: несите что есть, хоть семенник. Там работает Ирина — бухгалтер фестиваля и по совместительству координатор. «Ира, зачем две пустые бутылки из-под виски, я же просил всего одну?» — «Мало ли что. А вдруг не понравится? И вообще, я обязательно хочу посмотреть спектакль. Я обзвонила и оббегала весь Хмельницкий, чтобы найти этот реквизит! Столько нет ни у кого!» В Хмельницком целых три театра — областной, кукольный и монотеатр, который носит название «Кут». Это небольшое помещение с залом на 60—70 мест. Им руководит замечательный директор и актер в одном лице с красноречивой фамилией Владимир Смотритель. Он иногда выпускает спектакли и предоставляет площадку своего театра для различного рода творческих проектов. Фестиваль «Відлуння» — один из таких. К показу мы подошли очень ответственно. Так ответственно, что сломали единственный штанкет. До нас его никто не трогал вообще. Трос слетел с колесика, и перекошенная железная труба завила над сценой. Ни вверх, ни вниз она не двигалась. Мысленно матерясь, техник театра полез на высоту, чтобы исправить положение, и через сорок минут все обегченно вздохнули. На поклоне растроганная до слез Ирина вынесла роскошный букет роз и крепко обняла меня. Шипы впились в «жизненный опыт», то бишь в живот, но я не дрогнул. Стало понятно, что не зря она хлопотала по поводу реквизита, не зря обзванивала, не зря стирала набойки на каблуках. После спектакля сердобольные зрительницы долго не расходились, поправляя косметику, потекшую тушь. Полушутя, полусерьезно Ира заметила: «Как тебе не стыдно? До чего ты довел женщин!» Мы со звукооператором погрузили видавшую виды сумку со скарбом на старенькую тележку и повезли «груз» в гостиницу. «Знаешь, Саша, мы с тобой не Дон Кихот и Санча Пансо, а два Росинанта. Когда у меня наконец-то появится нормальный евročемодан с колесиками, как у всех нормальных людей?»

Эта работа придумывалась по совести и в соответствии с представлениями о том, каким может быть театр. Некоторые из этих представлений были

привиты еще в самодеятельности, в образцовой театральной студии Дома культуры, в городе, где я родился. Долгие годы я доказывал состоятельность спектакля, заставляя ставить его в репетуар. В какой-то момет наступила усталость. Сейчас у меня спрашивают «Когда можно посмотреть?» — и мне нечего ответить. Я не отчаиваюсь оттого, что многие мои предложения по его прокату не были реализованы. Такова жизнь. Никогда не думал, что эта работа окажется востребованной на фестивалях, что провинциальный артист будет играть в этих городах, особенно в Варшаве. Я смотрю на этот факт с юмором. И я не могу точно ответить, хочу ли я повторить этот опыт. В любом случае — поехали дальше. Или как?

Фото Дарьи ЛЕТЯГО и из личного архива Олега ЧЕЧЕНЕВА.

Предметный разговор

Валерий Гапеев: «Первые рассказы я писал для своего одиннадцатилетнего сына»

О Валерии Гапееве так и хочется сказать: ворвался в литературу неожиданно и сразу занял в ней свое заметное место. Но это будет не совсем точно. Печататься он начал еще в начале 90-х: в журналах «Маладосць», «Крыніца», и постепенно шел к своему, на сегодняшний день, главному читателю — детям и подросткам. Первая книга, «Пастка для рыцара», вышла в издательстве «Юнацтва» в 2002 году, но и после нее была некоторая пауза, и только в 2010 году в РИУ «Литература и Искусство» увидел свет его очередной томик прозы «Урокі першага кахання». «Урокі», правда, сначала прошли через журнал «Маладосць». Тогда-то об авторе активно заговорили, заспорили. В итоге этот томик выдержал два издания. А в конце прошлого года в издательстве «Мастацкая літаратарура» появилась новая книга Валерия Гапеева «Ведзьміна тоня», которую составила одноименная повесть, раньше также печатавшаяся в «Маладосці». Выход книги и послужил поводом для беседы с автором.

— Когда читаешь «Ведьмину тоню», невольно сравниваешь ее с произведениями для подростков, которые писались в советское время. Согласись, мир, который рисуешь ты, намного жестче. К примеру, в знаменитом гайдаровском «Тимуре и его команде» затрагивается очень серьезная проблема взаимоотношений между подростками, среди которых есть настоящие, мягко говоря, хулиганы. Но с первой до последней страницы автор между строк как бы все время напоминает читателю: а жизнь-то прекрасна! И, на всякий случай, сводит к минимуму контакты своих героев с «проблемными» взрослыми. У тебя же и мать главного героя пьяница, и отчим — бывший зек. И односельчане к судьбе мальчишки, в общем-то, безразличны: вором считают…

Если посмотреть шире, многие твои вещи для подростков провоцируют на дискуссии: о чем можно писать, о чем нет, наконец, как писать... Взять хотя бы название твоей другой повести: «Уроки безопасного секса». Ты сознательно ищешь «дискуссионные» сюжеты? Как ты считаешь, сегодня Гайдар, Мавр уже не актуальны?

— Начну с последнего: актуальны. «Тимур и его команда» — это блестящее произведение. Беда в том, что система его использовала, и еще в моем детстве тимуровское движение превратилось в нечто уродливое, которое потом высмеивали в «Ералаше»... Литературный герой стал для многих девчонок и мальчишек символом какой-то обязаловки, чего-то показушного, неискреннего — мне самому через это довелось пройти. Что касается Мавра... Вряд ли ремейк его «Робинзонов» станет «круче» первоисточника — уже была попытка. Но есть и иные вещи у этого писателя, которые, будем честны, укутаны в идеологическую оболочку. Причем, не самого лучшего качества...

Я написал свои первые рассказы после того, когда сын прочел все, что я смог найти для него в библиотеке (на белорусском языке). И он спросил

у меня: «А про нас ничего не пишут?» Ему было 11 лет. Он читал и понимал разницу во времени, понимал, что то — в прошлом. Тогда я написал для него несколько рассказов. Так началась первая книга «Пастка на рыцара».

Теперь, извини, издалека. Когда я родился, был построен новый мост через небольшую речку Гутлянку, по которому мы из своего поселка ходили в деревню Болотню: там были школа, магазин... Так вот, в ноябре 1984 года я возвращался из армии. И шел по этому мосту. Была ночь. Подходя к речке, я испытал чувство страха. Сержант в военной форме — я боялся неизвестно чего. Мне стало стыдно. Я думал, что этот страх пройдет, с возрастом пройдет, потому что все свои детство и юность в ночное время я испытывал страх перед этим мостом. И не только я — всех мальчишек и девчонок охватывала на мосту непонятная тревога. Уже назавтра я спросил про этот мост у мамы, первый раз признался ей в своих ощущениях. И она мне рассказала... В конце 50-х годов минувшего столетия, когда был еще старый деревянный мост, волки выскочили из-под него и напали на детей, которые возвращались зимним вечером из школы. Одну девочку они утащили. Потом нашли ее... останки. Страх перед мостом перешел к нам от родителей, от взрослых, которые, — вот тут я вспомнил — постоянно то один, то другой встречали нас со второй школьной смены именно на этом мосту, будто случайно. К чему я это рассказываю? К тому, что в пору моего детства наши родители умели и могли отгородить нас от истинной жестокости внешнего мира. Мы входили во взрослый мир постепенно, мы были хранимы взрослыми от проявлений зла, подлости, равнодушия, предательства как можно дольше.

Потом... Мое детство не было богатым, ничуть. Была в деревне семья, в которой — пять девчонок. И у них выпивала мать. Она работала как все, все делала как все, однако мы, дети, видели ее пьяной. Но она была единственной такой в моем детстве. О детдомах, об интернатах я узнал из книжек, и знал, что они были после войны, когда было много сирот...

Сегодня своих детей мы не можем уберечь от внешнего мира, его реального ужаса. Мы входили в этот мир постепенно, но уже мой сын, и особенно моя 14-летняя дочь и ее сверстники сегодня просто врываются в него, ранят свои души... Телевидение, интернет, мобильная связь... Жизнь изменилась настолько, что детям сейчас, считаю, в литературе нужна либо суровая реальность, в которой они узнавали бы себя и свои проблемы, либо — честная сказка. Сказочную, приукрашенную реальность они не примут. Нужны ли «чистые» сказки? Безусловно! В них — источник силы, источник веры. Сказки хорошо получаются у Раисы Боровиковой, Евгении Пастернак, Андрея Жвалевского, Петра Васюченко и у многих других. Я вот тоже попробовал написать сказку — получилась антиутопия (грустно улыбается). Нет, я сознательно никогда не заостряю моменты, не делаю резче грани жизни, не пытаюсь спровоцировать читателя. Почему же такой жестокий реализм? Еще и потому, что именно в таких ситуациях стоит вопрос о выборе. Рано или поздно, но осознанный, болезненный выбор приходится делать каждому человеку. Вот на эти моменты я и обращаю внимание. Их стараюсь «препарировать». Иное дело, всегда ли удается.

Еще вот что я хотел бы заметить. Страшное такое название «Урок безопасного секса»... Знаю, были письма разгневанных родителей в разные инстанции. Мол, как можно: презерватив в тексте для подростков! Но... в одной деревенской школе учительница проводит открытый урок литературы, где дети разбирают вот эту мою повесть, прочитав ее в журнале. Менее двух десятков учеников, учительница,

я и... два десятка учителей района вместе с заместителем начальника отдела образования. Не знаю, почему учительница выбрала такую тему для открытого урока. Честно говорю — боялся. Но урок прошел очень хорошо. Необычно для меня. Когда детей отпустили, педагоги говорили между собой. И знаешь, какая была первая фраза одной из старейших учительниц? Она растерянно и задумчиво сказала: «А ведь дети прочли это совсем по-другому...» Все согласились. И я сам был немного ошарашен тем, что дети на уроке во главу угла в этой повести поставили не какие-то там теории СПИДа, не смутили их и слова «секс» и «презерватив» — они будто и не заметили этих слов. Их максимально взволновало то, что произошло между главной героиней и ее матерью. И почти все обсуждение свелось именно к отношению «дочки-матери».

Мы боимся многих слов в литературе. Дети слышат эти слова в жизни, они для них — фон (как и для нас). Не надо бояться слов и событий. Детей (как и нас) волнуют отношения: со сверстниками, с родителями, с учителями.

И два слова в защиту «Ведьминой тони»: окончание у повести — светлое. Добро победило, пусть зло и не исчезло. Да и не может оно исчезнуть, потому что мир дуалистичен.

— Повесть «Ведьмина тоня» в 2007 году печаталась в журнале «Маладосць», имела хорошие отзывы. В частности, «Полымя» опубликовало большую интересную статью Лады Олейник, очень авторитетного критика. В книжном варианте повесть вышла только в конце прошлого года. За те несколько лет не появлялось желания что-то в ней изменить, поправить?

— Во что, наверное, тяжело поверить, так это в то, что писалась повесть почти пять лет. Такая, вроде, небольшая. И сюжет переделывался, и характеры героев менялись. Так что ей хватило бессердечного авторского кромсания. Что пришлось поправлять перед выходом книги — так это некоторые моменты, которые сегодня бы выглядели непонятными для юного читателя. Увы, в том 2002 году, когда я начал ее писать, например, о мобильниках у нас только начали говорить. Как и о компьютерах в каждом доме. А если уж совсем честно, то всегда найдется место в книге, которое ты сегодня написал бы иначе. Но наше написанное, согласись, — как наши дети. Нельзя их бесконечно пытаться усовершенствовать.

— Издатели разных стран утверждают, что сегодня все реже появляются новые оригинальные книжные проекты для подростков. Гарри Поттер уже давно вырос, а ему на смену пока так никто и не пришел. Отчасти поэтому некоторые авторы по заказу издательств берутся за «осовременивание» классических произведений, за написание их продолжений. Возможен ли у нас, в Беларуси, подростковый книжный проект, который хотя бы на внутреннем рынке имел большой успех?

— Феномен Гарри Поттера изучен достаточно... У него есть вполне понятные основания, которые, к слову, не всегда зависели от автора произведения. Помнишь необыкновенный успех советского фильма «Подростки во вселенной» в 70-х годах минувшего века? Был еще один в 80-х годах: «В моей смерти прошу винить Клаву К.». А за последние двадцать лет вышел ли хоть один фильм для подростков? Вот одна составляющая — время... Но мне вот что интересно: эти книги у нас продавались с таким же успехом, как на Западе? А если бы не было экранизации книги, а к нам пришла только она сама — был бы у нее такой же успех? То-то и оно... Возможен ли у

нас такой проект? Отвечу вопросом: а он нужен? Давай честно скажем: этот Гарри Поттер — литература или хороший коммерческий проект, в который было вложено столько, что нам и не снилось? Впрочем, в вопросе же и ответ заложен: да, это проект. Нужен нам такой?

Не знаю. Но больше склонен к тому, что нужен. Если только это будет не проект ради проекта (ради денег), а ради создания чего-то действительно живого, национального, высокохудожественного, глубокоидейного (не идеологию имею в виду). Проект создания своего героя... Да, я бы согласился с радостью участвовать в таком проекте. Почему говорю о согласии? Потому что уверен: одному такой проект не потянуть. Нужна команда. Как-то говорил я с одним автором о возможной совместной работе именно над подростковым проектом. Да черная кошка пробежала. Если будет команда авторов — будет на выходе результат. В конце-концов, мы должны видеть, что тот же Гарри Поттер — это результат работы не одной женщины, далеко не одной...

— Писать прозу ты начал в 29-летнем возрасте, и, судя по тому, что до этого счастливого момента окончил электротехникум связи, поработал в училище в Казахстане (тот еще поворот в биографии), на минском заводе «Интеграл», затем на заводе в Ивацевичах, — ни в детстве, ни в ранней юности литературой ты заниматься не собирался...

— Это правда... Очень долго я не помышлял о литературном творчестве. Стихи вот писал всегда, еще со школы. Отец бережно собирал мои грамоты: от «Піянера Беларусі» были у меня награды. В техникуме писал. Стихи, правда, стал писать уже и на белорусском языке. Раза три в те годы подходил к дверям редакции «Чырвонай змены», когда там собиралось творческое молодежное объединение... и не зашел ни разу. Было страшно. В 18 лет попробовал написать первый свой рассказ — желание написать пришло непонятно откуда. Не написал: не знал, чем закончить. В армии стихи писал. Они мне на первых порах там здорово помогли, не удивляйся. Среди солдат поэты тогда ценились. Когда наш книжный рынок наводнили дешевые детективы Чейза, фантастика (в 90-е годы), на спор с другом на работе в третью смену на огромной вычислительной машине писал детектив. Друг его читал: этим я спор и выиграл. Небольшой детектив-триллер решил отнести в «Крыніцу». Алесь Асташонок взял его, но посоветовал писать на белорусском. Послушался — принес небольшие зарисовки. Они пошли...

Рассказ один отнес в «Маладосць». Его напечатали... Потом был переезд в Ивацевичи, безденежье, задержка зарплаты по полгода, когда тещина пенсия, ее самодельное масло и сало нас только и спасали. Не писал, хотя читал много, постоянно выписывал наши журналы, газету «Лім». Волновало меня все, что касалось нашей литературы. Где-то там, внутри, все собиралось... Сын подрос, понемногу быт наладился. И тогда уже стало выливаться на бумагу... Тем более, тему сын подсказал. Рассказ один, что для него писал, отвез в «Бярозку». Там прочли и сказали, что берут. Это меня удивило: сразу прочли, сразу ответили. Еще приносил — брали. Потом повесть небольшую задумал. Спустя некоторое время, подсказали в «Бярозцы»: собирай на книгу. Собралось... Но и первая книга — «Пастка на рыцара» — не стала поворотной. Все равно писал без определенной цели, потому что было о чем писать! И вот книга вышла... Знаешь, я тогда ощутил, в каком вакууме я живу, насколько моя жизнь провинциальна: я ведь ни с кем из редакторов, писателей не был знаком. Зашел в редакцию, отдал рукопись, через

месяца два зашел — спросил результат. И сразу за двери. Зачем отнимать время у людей? Эта оторванность от литературного мира и навела меня однажды на мысль: вступить в Союз писателей. Поверишь, нет? Вступал и не представлял всех тех перипетий, которые на тот момент были. Да просто элементарно не знал, что у нас уже два Союза... Подал заявление, стал читать все о другой, политической, стороне литпроцесса. И было очень больно... Но именно вступление в Союз дало не то чтобы толчок к творчеству, а я вдруг ощутил обязанность: писать, выписывать журналы и читать все, что пишут коллеги. С 2007 года за эти пять лет написано немало, публикаций, если посчитать, тоже немало. Две книги...

Только последние шесть лет я постоянно живу уже не один, а со своими героями, то есть — пишу. Что называется, втянулся в гущу событий, взглянул совсем другими глазами на то, что называется литературным процессом. Написанное и сделанное не дает морального права «выйти из игры», тут не стану юлить.

— Над чем сейчас работает прозаик Валерий Гапеев?

— Каждый год начинается с того, что он, как чистый лист: только свои личные дела. Вот так прошлый год начинался. А потом вдруг навалилось: подготовка к печати, редактирование, макетирование и вся организационная работа над тремя книгами, но не моими: вначале книга Алеся Зайки «Населенныя пункты Івацэвіччыны» — уникальный проект, потом книга земляка, очень творческого человека, инвалида, поэта и художника Анатолия Голушко, еще документальная повесть-воспоминание о войне учительницы из Глубокского района... Ее девичья фамилия Гапеева, вот она и обратилась ко мне за помощью... И таким образом, на себя времени почти не оставалось. Сейчас, как говорят, на рабочем столе лежит пьеса... Написанная еще прошлым летом, одобренная заказчиком-режиссером. Пьеса о подростках. Будет ли она поставлена? Вряд ли, во всяком случае, в ближайшем будущем. У театра нет денег. Пьес достаточно лежит и в наших журналах. Что ж, остается переписать ее в небольшую повесть... или большой рассказ. Перепишется — можно будет подумать над подготовкой еще одной книги для подростков. Есть еще две повести: одна из них печаталась в «Маладосці» в минувшем году, вторую редактор посчитал опять же чересчур реалистичной — в ней и наркотики встречаются, и мать-сектантка, и отцовская ненависть...

В «Вясёлке» в минувшем году были напечатаны небольшие рассказы под общим заголовком «Жэнька — каралева мышак». Вот этот проект очень хотелось бы увидеть завершенным. Здесь десятка полтора интересных историй для детей. Суть в том, что они, эти истории, не сказочные, а настоящие, и девочка настоящая, и живет она в нашем, настоящем мире, где случается и хорошее, и, увы, плохое. Да вот — ругайте, но мне хотелось бы написать именно реалистичную книжку для детей, где бы героиня была им близкой, понятной, такой же, как сами дети. Да, детям нужны сказки, сказочные герои, приключения... Но пусть будет и настоящая современная маленькая героиня. Ведь и в настоящей жизни полно чудес...

Беседовал
Алесь МАЛИНОВСКИЙ.

С точки зрения рецензента

Белорусско-русские литературные взаимосвязи

В современных условиях развития отечественного литературоведения заметно возросла роль компаративистских исследований. Об активизации данного сегмента науки о литературе свидетельствуют в первую очередь работы ученых Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси: «Нарысы беларуска-ўкраінскіх літаратурных сувязей: культурна-гістарычны і літаратуразнаўчы аспект праблемы» (2002), коллективные монографии «Беларуская літаратура ў кантэксце славянскіх літаратур XIX—XX стст.» (2006), «Еўрапейскі рамантызм і беларуская літаратура XIX—XX стст.» (2008), «Літаратурная карта Еўропы: кантакты, тыпалогія, інтэртэкстуальнасць» (2012) и др. Нельзя не отметить также отдельные работы наших университетских исследователей: «Беларуская літаратура XX стагоддзя і еўрапейскі літаратурны вопыт» (2002), «Актуальнае і адметнае. Творы беларускіх пісьменнікаў XX стагоддзя ў кантэксце сусветнай літаратуры» (2003) Е. Леоновой, «Дзве радзімы — Украіна і Беларусь — пад міратворчымі крыламі буслоў: нацыянальныя гісторыка-культурныя міфы, ідэйна-эстэтычныя пошукі ўкраінскай і беларускай літаратур» (2011) Т. Кобржицкой и др.

Несмотря на то, что в силовое поле взаимодействия славянских литератур все настойчивее втягиваются литературы европейские, мировая литература, по-прежнему достаточно актуальными остаются и проблемы славистики. Это подтверждает и недавно вышедший сборник «Беларуская і руская літаратуры: тыпалогія ўзаемасувязей і нацыянальнай ідэнтыфікацыі». Книга подготовлена по результатам проведения одноименной международной научной конференции, которая состоялась 18—19 апреля 2012 года в Институте языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси. Ее составитель — Е. В. Вальчук, ответственный редактор — Н. В. Микулич. Материалы сборника поданы на трех языках: белорусском, русском и украинском. В нем представлены работы ученых Беларуси, России, Украины и Польши.

Прежде всего эта книга дает представление об истории белорусской литературы как сложной системе взаимосвязей: историко-типологических и контактно-генетических.

Сравнительно-исторические и сравнительно-типологические литературные связи двух генетически связанных между собой славянских стран ведутся в широком формате, разновекторно и многоаспектно, с учетом новейших методологических разработок. В сферу научного анализа/синтеза вовлечено объемное временное и историческое пространство, начиная от самых истоков, синкретического искусства, фольклора, народного творчества, древности и заканчивая литературно-жанровым многоголосием сегодняшнего дня. При этом осмысление взаимосвязей — параллелей, схождений, различий — подается панорамно, на фоне общественно-исторических, культурологических взаимодействий белорусского и русского народов.

Материалы сборника расположены в алфавитном порядке, что в определенной мере усложняет задачу их классификации или методологической систематизации. Наша задача — выделить

наиболее общие тематические разделы и подразделы с целью осмысления заложенной в них научной информации.

Достаточно высокая планка научного исследования была поднята корифеями отечественного литературоведения — академиком В. В. Гниломедовым и доктором филологических наук М. А. Тычиной.

В. В. Гниломедов в статье «Страницы белорусско-русских литературных связей (вторая половина XX в.)» сосредоточился на исторически сложившейся особенной роли литературных взаимосвязей Беларуси и России, абстрогируясь на этот момент от многообразных взаимодействий белорусской литературы с литературами мира. В парадигму литературных связей ученый вводит контакты личностного плана: *«Литературные связи — связи не только типологические, но и писательские, личные. Они воплощаются в деятельности творческих индивидуальностей, в творческом соревновании литератур, в их поисках, взаимной учебе, подтягивании художественных уровней. И если мы говорим о связях прямых и непосредственных, то имеем ввиду как раз такую близость. Ее не следует путать с простым совпадением сюжетов, мотивов, характеров, строфики, образных ассоциаций. На практике получается так, что одна литература выходит вперед, открывает новые горизонты действительности и ее художественного осмысления и ведет за собой другие, затем, через определенное время, может и уступить свое лидерство»*[*]. Таким образом, в логике суждений академика просматривается идея смены литературных лидеров. Для белорусской литературы в этом видится достойная перспектива.

М. А. Тычина останавливается прежде всего на теоретических аспектах литературоведения, обращается к концепции «литературных пар», играющих «судьбоносную» роль в развитии национальных литератур («Паняцце «літаратурных пар» у беларускім і рускім літаратуразнаўстве»). В своем исследовании ученый опирается на научные работы И. Ю. Подгаецкой, которая одна из первых открыла феномен «литературых пар» в истории развития новых европейских литератур. Этот феномен она связывает с теоретическим понятием «классического стиля». Оно возникло в эпоху классицизма и означало меру между объективным и субъективным, рациональным и эмоциональным, эстетическим и этическим. Именно этот стиль и породил в своем движении своеобразную «парность», которая, *«узнікаючы ў арбіце класічнага стылю, мае працяг у гісторыі кожнай літаратуры як устанаўленне крайніх вех, паміж якімі яна рухаецца»* (И. Ю. Подгаецкая). «Парность» — не есть противостояние, а скорее, наоборот, *«узаемаабумоўленасць, узаемадапаўненне вонкава супрацьлеглых з'яў, якія як два полюсы магніта, не могуць існаваць паасобку»*, — резюмирует исследователь.

Концепцию «литературных пар» М. А. Тычина переносит на историю русской и белорусской литератур. Особое внимание уделяется классикам белорусской литературы Я. Купале и Я. Коласу, в творческом гении которых, по мнению ученого, заложены потенции художественного мира следующих поколений отечественных писателей. *«У сучаснай беларускай літаратуры няма нічога сапраўды цудоўнага і праўдзівага, што не было б у зародышы ў Купалы і Коласа»*. Я. Купала и Я. Колас представляются в богатстве внутреннего и внешнего, индивидуально-конкретного и общественного, психологического и социального, природно уникального, родового и социально детерминированного. Художественные миры Купалы и Коласа — это и есть «планеты-пары», которые то сближались, то удалялись и, в соответствии с всекосмическим

[*] Беларуская і руская літаратуры: тыпалогія ўзаемасувязей і нацыянальнай ідэнтыфікацыі: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Мінск, 18—19 красавіка 2012 года). Укладальнік А. В. Вальчук; адказны рэдактар М. У. Мікуліч / Інстытут мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы НАН Беларусі. — Мінск: Права і эканоміка, 2012. — 420 с. (Далее ссылки на это издание.)

законом (дадатковасці), взаимодополняли друг друга. Они, считает М. А. Тычина, и были теми «крайними вехами», между которыми до сих пор движется национальная литература в единстве с европейской. Свои научные наблюдения ученый разворачивает на междисциплинарном уровне, с привлечением знаний таких наук, как физика, астрономия, психология, социология и др., что соответствует новейшим методологическим установкам отечественного литературоведения.

Кстати, это новое методологическое направление в литературоведческих исследованиях хорошо подмечено критиком И. Шевляковой: *«На досвітку XXI ст. праблема суаднсін традыцый і наватарства ў літаратурным працэсе XX ст. пачынае разглядацца ў каардынатах дынамічнай рэтраспектывы, што выводзіць даследчыкаў гасцінцам літаратуразнаўства на скрыжаванне філасофіі, эстэтыкі, тэорыі і гісторыі культуры, этнапсіхалогіі і псіхалогіі мастацтва».* (Шаўлякова, І. Мастацтва скрупулёзнасці: беларускае літаратуразнаўства 2000-х // ЛіМ. 2012. 9 лістапада).

В такой же методологической системе, с привлечением соответствующей категориально-понятийной терминологии, работает и А. Н. Мельникова («Мастацкая «кадыфікацыя» нацыянальнага»). Она актуализирует по-прежнему очень важную для отечественного литературоведения проблему *«знакавых гісторыка-літаратурных этапаў праз прызму нацыянальнай ментальнасці».* В национальном А. Н. Мельникова усматривает феномен прежде всего экзистенциального плана. Национальное, утверждает она, затрагивает все стороны содержания и формы произведения, его проблемную, аксиологическую, эстетическую направленность, вопросы поэтики, осмысление эйдологии и т. д. Базисным концептом в определении кода, утверждает автор, является понятие национальной самобытности, в процессе осмысления которой связываются такие понятия, как национальный характер, национальный менталитет и национальный образ мира: *«этнакультурны код, скрозь прызму якога асоба ўспрымае свет».*

Вместе с тем, А. Н. Мельникова сосредоточена на вопросах теории и методологии. Она свидетельствует, что обращение к проблеме национальной идентичности на современном этапе выводит литературоведческие исследования на междисциплинарный уровень, на метатеорию и плюралистическую методологию. Они связаны и с проблемами философской антропологии, опытом этнопсихологии.

Общие тенденции в развитии белорусской и русской литератур исследует и М. С. Чернова в статье «Баллады Адама Мицкевича и «идея народности» И. Г. Гердера». Автор обращается к идее народности немецкого философа Гердера, которая положена им в основу концепции национальной самобытности. М. С. Чернова считает, что теория народности, созданная Гердером, сыграла определяющую роль в обновлении всей мировой литературы начала XIX столетия. *«Гердер, — отмечает она, — вывел ценностный критерий литературы — степень проявления в ней «народного духа».*

Идея Гердера, воплощенная в балладах Адама Мицкевича, была в дальнейшем распространена на все восточнославянские литературы.

Продолжая тему типологических общностей белорусской и русской литератур, доктор филологических наук, профессор Н. И. Мищенчук в работе «Суб'ектывізацыя слоўнага мастацтва як эвалюцыйны працэс (на прыкладзе беларускай і рускай літаратур)» рассматривает историю становления и развития художественной литературы от ее истоков: синкретического восприятия действительности к оценочно-абстрактному отображению. В основу этого эволюционного процесса, считает ученый, положен субъективный фактор. Н. И. Мищенчук использует понятие «стадиальных изменений», которые определяли степень развития словесного или языкового искусства и были обусловлены многочисленными причинами. Главными из них ученый считает интеллектуальный рост человека, эволюцию его

сознания. Процессы субъективации, индивидуализации искусства Беларуси и России XIX и последующих веков, заключает Н. И. Мищенчук, проходили в основном синхронно.

Выявлению схождений в развитии национальных литератур посвящены статьи Т. Н. Тарасовой («Філасофія новага бачання свету ў прозе канца XX стагоддзя (Ж. Л. Трасар, Л. Петрушэўская, Ю. Станкевіч)»), И. Н. Говзич («Сац-арт у рускай і беларускай паэзіі другой паловы XX стагоддзя»), М. М. Воиновой-Страхи («Некаторыя асаблівасці жанравага вызначэння навелы ў беларускім і рускім літаратуразнаўстве»), Л. Е. Медиченко («Типология духовно-философских исканий в белорусской литературе»), С. А. Сычевой («“Неопочвенничество” ў беларускай і рускай літаратурах»).

По-прежнему актуальной для ученых-литературоведов остается тема войны. Доктор филологических наук Т. Е. Комаровская в работе «Философское осмысление войны в американском, белорусском и русском романе второй половины XX века» исследует американский роман о Гражданской войне 1861—1865 годов и произведения Беларуси и России о Великой Отечественной войне 1941—1945 годов. Она утверждает мысль о том, что в белорусской и русской литературах, в отличие от американской, не вызрело еще время для философского осмысления Второй мировой войны. *«Философское осмысление исторического события, — считает она, — возможно не только тогда, когда эпоха, связанная с ним, безвозвратно отошла в прошлое, но тогда, когда оно уже может восприниматься отстраненно как факт истории и человеческого деяния в общем контексте нравственного развития человечества»*.

Продолжая тему войны, О. И. Козич рассматривает военную прозу белорусских писателей сквозь призму традиций Л. Толстого («Традыцыі рускай класікі і праўда характару чалавека ў беларускім рамане аб Вялікай Айчыннай вайне»).

Ряд исследователей затронул типологические связи — схождения/различия — на уровне художественных индивидуальностей, сосредоточился на точках соприкосновения жизни и творчества национальных авторов: Р. А. Александрович («Мы сдвоились меж собой...»: перагукі жыцця і творчасці геніяў (Міцкевіч, Пушкін, Лермантаў, Тукай, Багдановіч)»), Т. П. Борисюк («Нацыянальныя вобразы свету і чалавека ў паэзіі Рыгора Барадуліна і Бахыта Кенжэева»), А. С. Гурская («Паэтычны свет Аляксандра Пушкіна ў творчай рэцэпцыі Аркадзя Куляшова»), Т. К. Громадченко («Сутнасць творчасці ў інтэрпрэтацыі Максіма Багдановіча і Аляксандра Пушкіна»).

Продуктивными, с точки зрения методологии, являются и необычные параллели художественных текстов М. Богдановича и А. Солженицына, которые проводит Д. И.-Т. Дудинская в статье «М. Богданович и А. Солженицын: когерентность критической мысли». Автор вводит в научный обиход термин «когерентность» (от латинского cohaerentio — связь, сцепление) — *«согласованное протекание в пространстве и во времени нескольких колебательных или волновых процессов, при котором(ых) разность их фаз остается постоянной»*. «Когерентность», объясняет Д. Дудинская, наблюдается в том случае, когда волны (звук, свет, круги на поверхности воды) распространяются синхронно, отставая одна от одной на определенную величину. Доминанту сближения М. Богдановича и А. Солженицына автор видит в том, что каждый из художников — каждый в свое время и в свою эпоху — был обеспокоен литературными процессами. Идейно-художественные и эстетические качества литературы они ставили в зависимость от интеллектуального, креативного уровня личности художника. Д. Дудинская выдвигает концепцию «духовной сверхценности», которая всегда трансцендентна. Только большие художники способны эти «сверхценности» слушать и воплощать в формате своего времени: *«Максим Богданович и Александр Солженицын были едины в служении таким сверхценностям»*.

Сотрудник Института мировой литературы РАН Л. Н. Турбина обратилась к новаторскому, многогранному, многожанровому литературно-научно-публицистическому творчеству А. Адамовича («Творчество Алеся Адамовича: белорусско-русский дискурс»). Автор рассматривает белорусского писателя как продолжателя русско-белорусских и мировых литературных традиций, в креативном потенциале которого были заложены новые «горизонты» отечественной прозы.

«Человек и космос в художественной картине мира коласовской трилогии “На ростанях” и бунинской “Жизни Арсеньева”» — тема научных исканий профессора Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова В. В. Люкевича. Ученый выступил с оригинальной интерпретацией текстов Я. Коласа и И. Бунина. Свое исследование он строит на основе классификации методологии анализа художественного текста русского ученого Ю. Б. Борева. В. В. Люкевич утверждает, что художественные модели мира Бунина и Коласа отображали заключительный этап истории Российской империи (у Бунина — конец XIX ст., у Коласа — начало XX ст.). В этих двух национальных моделях — как их базисный центр — выявлен процесс становления одаренных от природы представителей наций — Лобановича и Арсеньева.

Проблема индивидуальной свободы и процесс ее унификации в угоду коллективного «мы» — доминанта статьи «Духоўны суверэнітэт асобы і свабода выбару жыццёвых арыентацый» доктора филологических наук В. П. Журавлева. Свои научные выводы исследователь основывает на материале анализа романов А. Мрыя «Запіскі Самсона Самасуя», К. Чорного «Сястра» и Е. Замятина «Мы». Новатором-первопроходцем в разработке вопроса о взаимоотношениях личности и коллектива, «я» и «мы», как считает ученый, является Я. Колас, ибо именно белорусский классик в своих первых произведениях заложил смысловой «код» этих отношений.

Не обойдена вниманием ученых и проблема психологии творчества. Ее затронула Г. Е. Адамович в исследовании «Алгарытм мастацкай творчасці ў сістэме вобразаў Аляксандра Пушкіна, Максіма Багдановіча, Марселя Пруста». Сфера научного интереса автора — неосознанное начало вдохновения поэтов, мифологическая Гипокрена, которая, согласно преданию, питала родниковой водой тех, кто испытывал жажду. И делались они поэтами, их рождала сама природа. По свидетельству Г. Е. Адамович, у каждого творца своя Гипокрена, свой источник вдохновения. Богданович искал ее в разных странах, в разных столетиях, в текстах разных поэтов, в частности, А. Пушкина. Пруст насыщался ею в соприкосновении с неземной и наивысшей земной красотой. В итоге Г. Е. Адамович приходит к заключению, что *«тыпалагічныя паралелі, якія можна правесці паміж творчасцю беларускага і французскага пісьменнікаў, дазваляюць вызначыць тую вышыню мастацкіх здольнасцей, сілу мастацкага бачання і перастварэння, якія прыпадабняюць творцаў на вышынях сусветнай літаратуры і мастацтва. У гэтым сэнсе Максім Багдановіч кангеніяльны не толькі Аляксандру Пушкіну, але і свайму сучасніку Марселю Прусту»*.

До сих пор не затихают дискуссии вокруг проблемы становления и развития белорусской государственности. В контексте этих дискуссий воспринимается статья доктора исторических наук Л. М. Лыча «Руская культура ў Беларусі: праблема гарманічнага суіснавання з нацыянальнай». Ученый рассматривает процесс развития национальной культуры в условиях полонизации и русификации белорусских земель. Литвинов-белорусов отождествляли то с поляками, то с русскими, а они же, утверждает ученый, были самобытным народом, отличительным этносом. Именно через политику полонизации, а затем и русификации Беларусь, по сравнению с другими европейскими странами, не имела развитых литературных жанров. Свободным от влияний оставался только фольклор.

Е. А. Городницкий в статье «Працы Барыса Кормана ў беларускім літаратуразнаўчым кантэксце (да 90-годдзя з дня нараджэння вучонага)» рассматривает историю белорусского литературоведения в единстве с русским, утверждая, что тесное взаимодействие двух наук о литературе — русской и белорусской — обусловлено *«агульнасцю духоўна-культурнай прасторы і тыпалагічнай блізкасцю гісторыкалітаратурнага кантэксту»*. При этом он соглашается с приоритетностью русского литературоведения: его идеи, концепции, школы сложились раньше, чем в белорусском. Одна из задач статьи Е. А. Городницкого — определить роль «периферийных» ученых в развитии науки о литературе. Он называет такие знаковые имена, как М. Бахтин, Ю. Лотман, А. Скафтимов. В этом ряду стоит и имя Бориса Кормана, уроженца Гомельщины, исследователя, который внес большой вклад в развитие литературоведческой науки XX столетия. Актуальной и теперь, считает Е. А. Городницкий, остается разработанная Б. Корманом теория автора как субъекта литературного творчества.

Старший научный сотрудник Института славяноведения РАН Л. Л. Щавинская представляет еще одно имя московского лекаря, а впоследствии одного из самых успешных исследователей славянских древностей Константина Калайдовича (1792—1832) («Константин Калайдович и начало белорусской филологии»). Заслуга К. Калайдовича в том, что он инициировал вопрос о необходимости формирования отдельной научной дисциплины — белорусской филологии. Доктор филологических наук, профессор В. П. Рагойша обратился к фигуре Александра Иосифовича Дейча, известного своими исследованиями по истории русской, украинской и западноевропейских литератур, одновременно определяя его отношение к белорусской литературе («Аляксандр Дэйч і беларускія песняры»). С. Л. Гаранин в статье «Творчасць Андрэя Курбскага і адраджэнне кніжнай традыцыі slavia ortodoxa на Беларусі ў XVI ст.» представляет князя Андрея Михайловича Курбского (1528—1583), известного прежде всего как автора остро публицистических писем царю Ивану Грозному. Ученый пытается многосторонне отобразить жизненный и творческий путь А. Курбского, определить его роль в развитии общественного сознания. Он подчеркивает, что *«пісьменніцкая, перакладчыцкая і асветніцкая дзейнасць А. Курбскага надала моцны штуршок развіццю праваслаўнай адукацыі і новы імпульс у развіцці царкоўнаславянскага пісьменства ў ВКЛ у XVI—XVII стст.»*

Отмечаются в сборнике и случаи, когда лидерство в «двуединстве» белорусско-русских отношений оставалось за белорусами, когда именно белорусы оставляли свой исторический след в развитии гуманитаристики братской России. В. И. Евменьков в работе «Мастацкая і публіцыстычная спадчына Фадзея Булгарына: літвінскі след у рускай літаратуры і журналістыцы першай паловы XIX ст.» определяет роль Булгарина, белоруса по происхождению, в развитии культуры Российской империи. Именно Булгарин привнес в русскую литературу богатые традиции виленской культуры, эстетические достижения польско-белорусской литературы периода Просвещения.

Ряд исследователей — В. Г. Короткий («Фенаменалогія пісьмовай смехавой культуры ў беларускай і рускай літаратурах эпохі барока»), Ю. В. Кишкурно («Гісторыя смутнага часу ў «Дзённіку падзей...» Іосіфа Будзілы і трагедыі «Барыс Гадуноў» Аляксандра Пушкіна»), А. Ф. Литвинович («Аб беларускім фактары ў гісторыі і культуры Вялікага Княства Літоўскага») и др. углубляются в далекую историю становления и развития белорусской и русской литератур, стремясь при этом выявить характерные особенности их взаимодействий.

Достаточно остро в сборнике поставлен вопрос о русскоязычной литературе Беларуси. Доктор филологических наук А. Н. Андреев назвал ситуацию в этой части белорусской литературы «творческо-психологическим изоляционизмом». В своей статье «Острова архипелага N. Размышления над историей русской литературы Беларуси»

ученый поднимает вопрос о необходимости написания истории русской литературы Беларуси. При этом он указал и на сложности данного процесса: *«едва ли не самым главным и трудным представляется не анализ литературно-художественных текстов, а историко-литературный комментарий к ним»*. По мнению А. Н. Андреева, русскоязычной литературе, как и национальной в целом, недостает «высших литературно-художественных образцов», на которые литература и должна ориентироваться. *«История русской литературы Беларуси определяется литературно-историческим контекстом, — убежден ученый. — Учет этого контекста, выявление взаимосвязей русской литературы Беларуси с другими литературами, уже обладающими собственной историей, — прежде всего русской и белорусской, — это и есть самое трудное»*.

Те или иные аспекты русскоязычной литературы Беларуси, особенности творчества русскоязычных писателей затронуты в текстах Е. А. Болтовской («Изобразительно-выразительные средства в «Петербургских инвективах» К. Михеева»), О. А. Лавшук («Проблема самоидентификации в современной рускоязычной поэзии Беларуси»), Ю. А. Масаренко («Маладая рускамоўная літаратура Беларусі 2000-х гг.: аспекты тэорыі і крэатыўнай практыкі»), А. Н. Микус («Футуралагічныя фантазіі пра чалавека ў рускамоўных тэкстах Андрэя Паўлухіна»), И. С. Чернявской («Двухмоўная жаночая паэзія Беларусі: спроба тыпалагічнага аналізу»). А доктор филологических наук С. Я. Гончарова-Грабовская в статье «Современная русская и белорусская (русскоязычная) драматургия: аспекты взаимосвязей» выявляет особенности взаимосвязей русской и русскоязычной драматургии. Автор считает, что современная русскоязычная драматургия Беларуси *«органически вписывается в контекст белорусской литературы, отражая проблемы общества рубежа XX—XXI вв.»*.

Не остался без внимания ученых и такой сегмент белорусской культуры, как литература белорусского зарубежья. Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой белорусской филологии университета в Белостоке Г. П. Тваранович представила общественности белорусское литературное объединение «Белавежа», основанное 8 июня 1958 года в Белостоке. В исследовании «Паэтычная «Белавежа»: да крытычна-літаратуразнаўчай рэцэпцыі» автор сосредоточилась на обзоре критической литературы, посвященной творчеству членов объединения. И не только той, что выходила в Польше и Беларуси, но и той, что публиковалась в Англии, Германии, Австрии. В отечественном критико-литературоведческом цехе интерес к «Беловеже» особенно активизировался на переломе 1980—1990-х годов. Г. П. Тваранович называет работы В. Колесника, В. Конона, М. Тычины, В. Гниломедова, П. Васюченко и других исследователей.

Темы литературы белорусского зарубежья касается также Н. Л. Бахановична примере творчества А. Савинкова, который в своих текстах *«пазіцыянуе сябе праз універсальнасць сусветнай культуры ўвогуле, але як чалавека, узгадаванага і выхаванага на агульнаславянскіх традыцыях, які балансуе на шырока зразумелым духоўным памежжы ў пошуку чагосьці менш хісткага, больш трывалага»* («Балансаванне на памежжы культур: прасторава-часавыя каардынаты зборніка «Упыры» Андрэя Савінкова»).

Доктор филологических наук, профессор Тернопольского педагогического университета имени В. Гнатюка Н. П. Ткачук расширяет сферу сравнительно-исторических взаимосвязей, введя в свое научно-исследовательское пространство еще и «параллель» украинской литературы, генетически связанную с русской и белорусской («Романтичний наратив українских повістей Миколы Гоголя»). Ученый определяет художественные характеристики романтического стиля повестей М. Гоголя «Вечори на хуторі біля Диканьки» и «Миргород» и выявляет роль великого писателя в развитии русской, белорусской и украинской литератур. Преподаватель этого же

университета, кандидат филологических наук А. Н. Ткачук в статье «“Гайдамаки” Т. Шевченка в контексті розвитку поеми (Дж. Байрон, О. Пушкін)» исследует жанровую природу поэмы Т. Шевченко «Гайдамаки», выявляя при этом ее типологические связи с мировыми традициями: опытом Байрона, а также Пушкина, что подтверждает идею единства мирового историко-литературного процесса.

В сравнительно-типологическом контексте представлены в сборнике и достижения в изучении устного народного творчества, фольклористики. В нем затрагиваются разные исторические «срезы», спектры и направления, проблемы теории и истории жанров, вопросы обновления понятийной сферы (Р. М. Ковалева — «Міф, фальклор, літаратура ў аспекце праблемы фалькларызму»), проблемы сочетания национального и интернационального (В. С. Денисенко — «Дыялектыка нацыянальнага і інтэрнацыянальнага ў беларускіх і ведыйскіх замовах»). Традиционные методологические сравнительно-типологические опыты (Т. Г. Сыроежко — «Беларуская батлейка і расійскі вяртэп: паралелі, аналогіі і перайманні») сочетаются с новейшими, с использованием лингвистики (А. И. Богдан — «Спецыфіка слова ў фальклорных помніках усходніх славян», В. А. Литвинова — «Граматычная разнастайнасць антонімаў-дзеясловаў у мове беларускай фальклорнай спадчыны»), математики (Т. В. Федунова — «Семантический трехмерный плюс-минусовой куб в сопоставительно-семасиологическом изучении лексики русского и белорусского языков») и т. д.

«Становление и развитие художественной словесности в Беларуси, как и во всей Европе XIX ст., непосредственным образом было связано с успехами в области народознания», — отмечает в исследовании «К вопросу русско-белорусских литературно-народоведческих связей середины XIX в.» доктор филологических наук, профессор В. Ф. Соколова. Зарождение научного белорусоведения, ставшего частью молодой славистики, автор связывает с именем З. Доленги-Ходаковского, который искал в начале XIX ст. на белорусских землях знаки дохристианской старины, а в итоге открыл прародину славян на территории Полесья.

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, академик Государственной академии славянской культуры Ю. А. Лабынцев считает, что одним из первых у истоков белорусоведения стоял киевский митрополит Евгений (1767—1837) («Белорусоведческие штудии митрополита Евгения Болховитинова»). На начало XIX столетия Болховитинов был известным российским ученым, почетным членом Московского университета и многочисленных научных объединений. Ю. А. Лабынцев определяет роль и значение белорусоведческого наследия Болховитинова в последующих гуманистических исследованиях белорусоведческого плана, в истории развития белорусской книжности, языка и литературы. Ученый подчеркивает и его первый, масштабный по своему значению, опыт выделения белорусских земель в *«отдельную историко-географическую область, которую он назвал «Белорусской»*.

В контексте этой дискуссии следует рассматривать и статью Г. С. Черновой — «У истоков белорусского народознания. Я. Чечет — фольклорист». Обращаясь к творческому наследию Я. Чечета (1796—1847), автор считает, что в сегодняшнем обширном чечетоведении недостаточно глубоко исследована связь собирательной деятельности Чечета с современным ему европейским и российским народоведением, что позволило бы *«более полно оценить его (Чечета. — В. Л.) вклад в становление и развитие как белорусской фольклористики, так и белорусской литературы»*.

Все больший удельный вес в современном художественном пространстве набирает переводная литература. Причем здесь мы имеем двуединый процесс: не только белорусская литература приобщается к опыту европейских литератур, но и мировая литература обогащается опытом, традициями белорусского

национального художественного мира. Н. В. Микулич в статье «Максім Танк у рускіх перакладах» обоснованно развивает мысль о том, что *«развіццю творчай індывідуальнасці М. Танка, росту яго вядомасці і аўтарытэту ў Беларусі і за яе межамі ў многім садзейнічалі пераклады яго твораў на рускую мову»*. Вместе с тем, ученый затрагивает и моменты субъективности, непрофессионализма, когда русскоязычные переводчики не в полной мере усвоили лексико-семантическое богатство белорусского языка, слабо ощущают белорусский национальный языковой колорит. В этом смысле ученого поддерживает Е. М. Остапчук («Аповесць Міхася Стральцова «Адзін лапаць, адзін чунь» у перакладзе на рускую мову») и в какой-то степени Е. М. Лаптенок («Стратэгія перакладчыка пры адлюстраванні нацыянальнага каларыту ў мастацкім тэксце (на прыкладзе безэквівалентнай лексікі)»), которая, главным образом, сосредоточена на проблеме перевода безэквивалентной лексики. Е. В. Вальчук затронула еще один аспект переводной литературы — пересоздание классики мировой литературы, что, по ее мнению, не только помогает реципиенту осознать особенности культурно-исторического развития общего литературного процесса, но и через автора перевода выявить еще и национальное видение того или иного произведения.

Достаточно актуальными остаются и вопросы изучения белорусской и русской литератур в школе — в плане их взаимосвязей. Этой теме посвящены статьи К. А. Ермакович «Беларуская і руская проза XX стагоддзя: чалавек у свеце прыроды» и А. И. Луговского «Рэалізацыя міжпрадметных сувязяў у сучаснай школе (на матэрыяле беларускай і рускай літаратур)».

Подготовленный сотрудниками отдела взаимосвязей литератур Института языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы НАН Беларуси (заведующий отделом — Н. В. Микулич), сборник «Белорусская и русская литературы: типология взаимосвязей и национальной идентификации», несомненно, представляет огромный интерес не только для научных специалистов, критиков и литературоведов, но и всего культурного сообщества Беларуси и России, широкого читателя. Материалы сборника «тотально» отражают состояние отечественной науки о литературе, главным образом, компаративистики. Но и не только ее. Подняты важные, актуальные, социально значимые проблемы, есть интересные, перспективные, новаторские предложения по их решению. Но, правда, остались и вопросы — особенно в сфере духовной, нравственно-этической. Как бы предвидя такой итог, академик В. В. Гниломедов в своей статье предусмотрительно отметил: «Нет сомнения, что многообразные белорусско-русские литературные связи продолжатся и в XXI веке, в условиях суверенитета Республики Беларусь, что они, находясь в постоянном поиске, обновляя свои формы, не изменят, сохранят свою творческую, взаимообогащающуюся сущность».

Валентина ЛОКУН

С точки зрения рецензента

Великий шелковый путь: туркменский след

«Нёман» уже публиковал записки нашего земляка Леонида Чигрина, живущего в Душанбе, о его сопричастности с Беларусью, о том, как его семья оказалась в Средней Азии. Немного напомним, что Леонид Чигрин — русский писатель, переводчик, публицист, киносценарист, который живет и работает в Душанбе, в Таджикистане. А родился он в 1942 году в Беларуси, на Витебщине. Мать была участницей антифашистского подполья, оказалась в немецком концлагере. Мальчика воспитывала бабушка. Когда война закончилась, мать вернулась домой. Здоровье было подорвано. Врачи посоветовали сменить климат. Так молодая женщина с маленьким ребенком оказалась в Таджикистане. А еще раньше туда отправилась старшая сестра белорусской подпольщицы. В 1946 году мама Лени Чигрина умерла. Дальше мальчишку воспитывала тетка. Вскоре вернулся из армии отец, но семью настигла еще одна страшная беда: Николай Чигрин погиб в шахте...

Прошли годы. Мальчик, который сроднился с Таджикистаном, хорошо выучил таджикский язык, вырос, стал талантливым журналистом и писателем. Многие произведения Рахима Джалила, Ф. Мухаммадиева, Х. Садыка, Рабиева, А. Хамдама и других таджикских поэтов, прозаиков, драматургов стали известны русскоязычному читателю благодаря Леониду Чигрину. Но вот о нем, как об авторе исторических романов, известно мало. Как раз об этом и хотелось бы рассказать. В последние годы наш земляк в соавторстве с известным таджикским романистом Ато Хамдамом работает над широкомасштабным творческим проектом «Тайны истории». А открыл серию увлекательных, остросюжетных произведений исторический роман в двух частях «Жизнь Чжан Цяня или Великий шелковый путь». В центре повествования, которое сейчас уже издано на таджикском, русском и китайском языках, — судьба китайского посла Чжан Цяня, который фактически является основателем Великого шелкового пути. Отправившись искать союзников для Китая, в 138 году до нашей эры, Чжан Цянь попал в плен к гуннам. После десяти лет рабства, связанного со многими тяжелыми испытаниями, мужественный путешественник попал в Бактрию.

И многие идеи будущего Великого шелкового пути получили свою реализацию на территории нынешнего Туркменистана. Читаем в романе Леонида Чигрина и Ато Хамдама: «Посол китайского императора и вождь племени бактрийцев молча смотрели на извилистую линию Великого шелкового пути, нарисованную на гладком песке у их ног.

— Я перенесу этот чертеж на бумагу и покажу императору, — сказал Чжан Цянь. — Великий шелковый путь станет мостом, который соединит не только дальние страны, но и людские сердца».

Вырвавшись из плена, набравшись сил в Бактрии, Чжан Цянь прибыл в древний Марв, «богатейший город, известный во всем мире». Еще его называли Шахуджахан, обитель царей. Попутчиком китайского посла были товарищ по рабству — славянин Ганьфу и юный бактриец Шерак... Караван, вместе с которым путешественники входили в город, двигался вдоль крепостной стены. Ганьфу спросил у своего товарища, похоже ли это сооружение на Китайскую стену. И вот что услышал в ответ: «...наша мощнее. Эта, как сказал караван-баши, тянется на сорок восточных фаратов. Но если наша оберегает Китай только от врагов, то эта и от пустыни.

— Как так? — удивился Ганьфу.

— Она не пускает песок в глубь оазиса.

— А, молодцы! — восхитился Ганьфу. — Сразу видно, что здесь терпеливые и умелые мастера, а вон впереди и ворота. Чжан Цянь, я все думаю, что же это за страна?

— Мне кажется, мы попали к повелителям песков — парфянам, — отзвался Чжан Цянь. — Я слышал о них у себя на Родине и о богатом городе Марве. Это сильный и гордый народ. Они никогда не предают друзей и беспощадны к врагам...»

Забегая вперед, хочу заметить. Роман Леонида Чигрина и Ато Хамдама очень динамичен. Герои и события показаны выпукло, рельефно. Даже первое прочтение книги убеждает: перед нами — основа киносценария. Фильм о возникновении Великого шелкового пути и о китайском после, несомненно, мог быть интересен и туркменскому зрителю.

...В первые часы в древнем городе путники встретились с начальником стражи Гельды. Поначалу тот выразил сомнение в полномочиях Чжан Цяня. Мол, нет с ним свиты, бедно одет. Довелось снова рассказывать о рабстве у гуннов, о полномочиях, выданых ему китайским императором. Вызвало подозрение и неазиатская внешность Ганьфу. Но у Чжан Цяня сохранился посольский жезл. И правитель Марва принял посла, организовал торжественную церемонию. Постепенно холодок недоверия растаял. Начальником стражи было поручено познакомить чужеземцев с городом... Сказочный Марв поразил Чжан Цяня и его спутника. «... Гельды показывал им дворцы и другие строения, носившие отпечаток большого таланта зодчих. Блестели отполированные до зеркального блеска колонны, кирпичные стены отзывались звоном на прикосновение рук...» Восхищаясь архитектурными чудесами, Ганьфу заметил, что все хорошо, но уж больно жарко... Тогда Гельды пригласил вчерашнего узника гуннов в широкое приземистое строение...

— Что там? — удивился Чжан Цянь.

— Это яхтанга, — пояснил Гельды. — В таких строениях мы храним снег. Там вырыта глубокая яма и в те редкие дни, когда он выпадает, мы заполняем снегом яму доверху. Потом закрываем ее камышовыми циновками и верблюжьей колючкой. В яхтангах снег сохраняется до следующей зимы.

Познакомили гостей и со строением, в котором был глубокий колодец, полный воды — сардоба. Стены в ней потеют от внешнего зноя, и вода, капля за каплей, стекает в колодец, потому всегда свежая и прохладная.

Открытием для путешественников стало знакомство с библиотекой Марва. Жаль, что в романе Л. Чигрина и А. Хамдама ей посвящено всего два небольших раздела. Не забывайте: события происходят в 126 году до нашей эры. Давайте проведем некоторые параллели... Библиотеки существовали на глиняных табличках еще за два тысячелетия до нашей эры. В I веке до нашей эры Александрийская библиотека, основанная Птолемеем, насчитывала до 700 тысяч томов. Библиотека в Пергаме, основанная в III веке до нашей эры, к середине I века до нашей эры состояла из 200 тысяч рукописных книг. Большие собрания (бумагу тогда заменял шелк) в III веке до нашей эры были и в Китае. В 213 году до нашей эры при императоре Цинь Шихуанди даже сожгли большое число конфуцианских книг. И тогда культурой управляла политическая борьба.

«В далеком Китае не меньше поразились бы и рассказу об удивительной библиотеке Марва, — ведут свое повествование Л. Чигрин и А. Хамдам. — Шагая по ее просторным комнатам, где гулко разносились их шаги, Чжан Цянь и Ганьфу с удивлением разглядывали множество деревянных резных сундуков, в которых хранились рукописные свитки.

Старый сгорбленный библиотекарь показывал пальцем то на один, то на другой сундук и, повинуясь жестам, Ганьфу осторожно приподнимал тяжелые крышки. Библиотекарь бережно извлекал пожелтевшие пергаменты.

— Это — творения Аристотеля, а это — труды наших восточных ученых. Вот трактаты по логике, по медицине,

по математике... А вот этому свитку ты, посол, изумишься до глубины души.

Чжан Цянь развернул свиток и всмотрелся в клинописные значки, выстроившиеся на гладкой пергаментной поверхности.

— Что это?

— Это «Беседы и суждения» китайского мудреца Конфуция.

— Как? — вскричал Чжан Цянь, прижимая свиток к груди. — Что ты говоришь, старик? Возможно ли, в самом сердце пустыни, за тысячи ли от Китая увидеть «Лунь юй» нашего великого Кун-цзы!

Обычная невозмутимость оставила Чжан Цня, и пораженный Ганьфу впервые за многие годы увидел на глазах своего друга заблестевшие слезы...»

В Марве, найдя друзей и сторонников, китайский посол еще больше убедился в правильности идеи, выношенной в Бактрии. Кстати, один из разделов романа повествует о встрече посла с легендарными туркменскими аргамаками.

Покидая Марв, главный герой повествования Л. Чигрина и А. Хамдама жил надеждами... «Чжан Цянь с большой теплотой вспомнил о новых друзьях. Их бескорыстие, приветливость и тонкий ум приятно удивили и порадовали его. Теперь он не сомневался, что Великий шелковый путь станет реальностью. Мало придумать его направление и договориться о торговле и воинском союзе с бактрийцами, нужно обеспечить безопасность караванов на всем пути их следования и никто лучше жителей Марва не способен сделать это...»

Вернувшись из Марва в Китай, Чжан Цянь обо всем подробно доложит императору. Сначала получит почетный титул князя Бован, денежное содержание и другие почести, но вскоре попадет в опалу. Но через какое-то время император снова вспомнит о Чжан Цяне и отправит его реализовывать идею Великого шелкового пути. Начнутся новые испытания китайского посла, снова он побывает в Марве, встретится с туркменским краем...

Роман белоруса Л. Чигрина и таджика А. Хамдама (кстати, он является членом Союза писателей Беларуси) «Жизнь Чжан Цяня или Великий шелковый путь» непременно должен придти к туркменскому читателю. И верится, что это произойдет. В Туркменистане я рассказал о Чигрине и его творчестве Агагельды Алланазарову — детскому поэту, прозаику, который тоже в последние 10—15 лет работает над историческими романами.

— О Чигрине я слышал от его соавтора Ато Хамдама, — откликнулся на мои рассказы Агагельды. — Ато — частый гость в Туркменистане. Бывает на выставках «Золотая книга», которые мы ежегодно проводим в Ашхабаде. И, конечно же, хотелось бы издать их книги, тематически связанные с Туркменистаном, древней нашей землей, и на туркменском языке. Очень надеюсь на это...

Уверен, что романы Ато Хамдама и Леонида Чигрина стали бы в один ряд с исторической прозой туркменских авторов разных поколений — Клыча Кулиева, Хыдыра Дерьяева, Нарклыча Ходжагельдыева, многих других талантливых авторов.

Несколько слов о жизненной сопричастности Л. Чигрина и А. Хамдама с Туркменистаном. Леонид Чигрин в свое время служил в этой стране солдатом. Ато Хамдам — частый гость в Ашхабате. Как книгоиздатель и переводчик, он очень много сделал для развития таджикско-туркменских литературных взаимосвязей.

Кирилл ЛАДУТЬКО

Книжная полка

Выбор Евгения ВОЛКОВИЧА: Предлагает издательство «Мастацкая літаратура»

Вацлаў Ластоўскі. Гісторыя беларускай «крыўскай кнігі».
Мн.: Мастацкая літаратура, 2012.

Талант Вацлава Ластовского, как известно, был разнообразен. В. Ластовский вошел в историю Беларуси как общественно-политический деятель, историк, филолог, этнограф, публицист, писатель, литературовед. При этом на каждом из названных поприщ проявил себя наилучшим образом. Однако, несомненно, особое достижение его — «Гісторыя беларускай «крыўскай» кнігі», увидевшая свет в 1926 году в Ковно, в типографии Соколовского и Ланна. О том, насколько серьезно отнесся В. Ластовский к этому своему научно-исследовательскому труду, свидетельствует уже то, что, готовя его, он изучил, просмотрел «звыш 1000 важнейшых рукапісных кніг, грамат, старадрукаваных кніг з пачатку зараджэння беларускага пісьма (X ст.) аж да XIX стагоддзя». Сам побеспокоился и об оформлении книги, заказав его известному художнику Мстиславу Добушинскому. В результате появился толстый фолиант в 776 страниц. И вот его снова можно приобрести: «Мастацкая літаратура» подготовила факсимильное издание «Гісторыі...». Правда, цена все же «кусается», но библиофилы, конечно же, не устоят. Да и несомненно, книга попадет в публичные библиотеки, где с ней смогут познакомиться все желающие.

Літаратура XVII—XVIII стагоддзяў. Укладанне А. Бразгунова і С. Гараніна.
Мн.: Мастацкая літаратура, 2012.

Второй том серии «Залатая калекцыя беларускай літаратуры» открывается знаменитой Баркулабовской летописью. Помещены в нем и другие известные произведения, позволяющие убедиться, насколько богата отечественная литература XVII—XVIII вв. Среди представленных имен: Андрей Волон, Мелетий Смотрицкий, Лев Сапега, Симеон Полоцкий, Франтишка Уршуля Радзивил, а также менее известные авторы. Отдельный раздел книги — «Перакладная літаратура», а это «Александрыя», «Слова пра воіна Таксіёта, паўсталага з мёртвых», избранные новеллы «Рымскія дзеі». Книга рассчитана на широкого читателя, но прежде всего на тех, кто интересуется литературой, историей и культурой Беларуси.

Іван Навуменка. Збор твораў у дзесяці тамах. Том 1. Апавяданні і нарысы, 1946—1972.
Мн.: Мастацкая літаратура, 2012.

Почитатели таланта народного писателя Беларуси Ивана Науменко получили чудесный подарок. Институт языка и литературы имени Якуба Коласа и Янки Купалы Национальной академии наук Беларуси подготовил собрание его сочинений в десяти томах, к выпуску которого и приступило издательство «Мастацкая літаратура». Это первое научно-комментированное издание творческого наследия замечательного мастера слова. Предыдущее собрание сочинений И. Науменко, как известно, выходило в шести томах, еще при жизни писателя, в 1981—1982 гг. В сравнении с ним новое собрание пополнено произведениями, которые до этого печатались в периодике или в сборниках писателя. Это хорошо видно уже и по первому тому. В нем помещены не только такие хрестоматийные рассказы, как «Сідар і Гараська», «Эх, махорачка...», «Сямнаццатай вясной», «Вераніка», «Верасы на выжарынах», «Ноч у літоўскім гарадку» и другие, но

и очерки, журналистские материалы иных жанров. Это не случайно. Благодаря им можно лучше уяснить, как происходило творческое становление И. Науменко-писателя, как он, изучая жизнь, постепенно переходил к написанию художественно значимых произведений. Лучше постигнуть внутренний мир писателя, понять особенности его творческой лаборатории помогает предисловие «Тры сасны пры лясной дарозе» Павла Науменко и послесловие «Да выдання 10-томнага збору твораў Івана Навуменкі» Степана Лавшука, а также статья Игоря Шолодонова «Пачатак творчасці».

Наполеон. От Корсики до Святой Елены в почтовых открытках. Текст на русском и французском языках.
Мн.: Мастацкая літаратура, 2012.

200 лет исполнилось Отечественной войне 1812 года. За это время появились сотни исследований, десятки художественных произведений. Однако, хотя на многие вопросы уже и найдены ответы, по-прежнему нельзя сказать, что в этой теме отсутствуют «белые пятна». Особенно это касается личности самого Наполеона. Его то возвеличивали до недосягаемой вышины, то низвергали с пьедестала. Но он по-прежнему «жив». Поэтому, как бы мы ни относились к нему, имя его из истории вычеркнуть нельзя. Значит, приходится вновь и вновь постигать Наполеона. Сделать это и помогает альбом «Наполеон. От Корсики до святой Елены в почтовых открытках». В нем помещены открытки, изданные сто лет назад. Тогда, когда отмечалось 100-летие Отечественной войны 1812 года. Конечно, представлены только некоторые из них, ибо, если собрать все, одного альбома будет мало. Столетний юбилей отмечался куда шире, чем 200-летие. Большинство открыток, помещенных в альбоме, касаются событий, которые происходили на территории Беларуси в ее нынешних границах. Одновременно представлены и определенные этапы из жизни самого Наполеона, начиная с самого раннего этапа его биографии и завершая нахождением в ссылке на острове Св. Елены, где он в 1821 году и умер.

Песня пра хлеб. Зборнік паэзіі.
Мн.: Мастацкая літаратура, 2012.

В эту книгу, составленную Виктором Шнипом и пополнившую серию «Школьная бібліятэка», вошли избранные произведения лауреатов Государственной премии Беларуси Анатоля Вертинского и Василя Зуенка. У первого стихи взяты из сборников «Песня пра хлеб», «Тры цішыні», «Чалавечы знак» и «Ветрана», у В. Зуенка — из книг «Сяліба», «Маўчанне травы» и «Гронка цішыні». Помещена как любовная лирика, так и философская. Кроме того представлены стихи-зонги А. Вертинского из либретто оперы по мотивам повести Василя Быкова «Воўчая зграя», поэмы «Песня пра хлеб» и «Даруйце!», поэма В. Зуенка «Сяліба», разделы из его поэмы «Маўчанне травы». Как не трудно заметить, составитель пошел наиболее перспективным путем, когда для избранного, адресованного в первую очередь школьникам, отбираются не просто лучшие произведения того или иного поэта, а такие, благодаря которым можно видеть своеобразие творческого почерка конкретного автора.

Книжная полка

Выбор Владимира ДУКТОВА: Книги могилевских авторов

Могилевский поисковый вестник. Выпуск 7.

Редактор-составитель: Николай Борисенко.

Могилев: ЧУП «АмелияПринт», 2012.

Новый выпуск областного военно-исторического альманаха посвящен 200-летию Отечественной войны 1812 года и событиям Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Научно-популярное издание содержит очерки ученых и краеведов Могилевщины. Сборник адресован в первую очередь идеологическому активу, учащимся и студенческой молодежи, специалистам военных комиссариатов, историкам, научным сотрудникам музеев, работникам библиотек — всем, кто занимается поиском и изучением неизвестных страниц упомянутых войн на территории Беларуси.

Николай Борисенко.

Год 1812-й на дорогах Могилевщины.

Могилев: ЧУП «АмелияПринт», 2012.

Книга известного могилевского историка и краеведа Николая Борисенко посвящена Отечественной войне 1812 года. В издании рассказывается о боевых действиях русских и французских войск на территории нынешней Могилевской области в 1812 году. Отдельные очерки посвящены оборонительным действиям гарнизона Бобруйской крепости под началом генерал-майора Г. А. Игнатьева, сражению 11 июля 1812 года у деревни Салтановка на подступах к Могилеву, где русские войска под командованием генерала Н. Н. Раевского проявили беспримерные храбрость и героизм.

Владимир Дуктов, Николай Хоботов.

45 лет труда и созидания.

Могилев: Могилевская областная типография им. Спиридона Соболя, 2012.

В книге очерков «45 лет труда и созидания» рассказывается об истории становления трудового коллектива Республиканского унитарного предприятия «Могилевский завод лифтового машиностроения», который нынче является признанным флагманом промышленности нашей страны и Могилева. Могилевские лифты известны далеко за пределами Беларуси, успешно конкурируют с зарубежными аналогами в России, Азербайджане, Литве, Казахстане, Украине. География экспортных поставок предприятия постоянно расширяется.

Поэзия магистрали.

Составитель: Светлана Юлина.

Могилев: Могилевская областная типография им. Спиридона Соболя, 2012.

Седьмой по счету сборник произведений поэтов-железнодорожников могилевского клуба любителей стихов «Магистраль» посвящен 15-летнему юбилею этого творческого объединения. О достижениях «Магистрали» рассказывает во вступительной статье руководитель поэтического клуба поэтесса Марина Сливко. «Поэзия магистрали» отличается искренностью, излучает добрый свет любви и творческого вдохновения. Трудовая деятельность большинства поэтов связана с Могилевским отделением белорусской железной дороги, которой они также посвятили свои стихи.

Иван Пехтерев.
Свет Родины.

Могилев: Могилевская областная типография им. Спиридона Соболя, 2012.

Книгу известного могилевского поэта составили стихи и поэмы, где Иван Пехтерев воспевает красоту родного Приднепровского края, его героическое прошлое. Теплые поэтические строки адресованы и трудолюбивым современникам. 200-летию битвы под деревней Салтановка, что находится неподалеку от Могилева, во время Отечественной войны 1812 года посвящена поэма «Баталия под Салтановской». О событиях Великой Отечественной войны повествуется в прозаических произведениях — небольшой повести «Соловей с хутора Тургеневка», рассказе «Роща Ивана и Марьи».

Владислав Ковалев.
Инкин календарь.

Бобруйск: УП «НИЦ «ОАО “ФанДОК”», 2012.

В новый поэтический сборник могилевского поэта Владислава Ковалева вошли произведения последних лет, тексты песен, завоевавших призовые места на фестивалях и конкурсах. Книга содержит много поэтических находок. Она станет хорошим подарком любителям изящной словесности.

Прыдняпроўе.
Составитель: Владимир Дуктов.
Могилев: Могилевская областная типография им. Спиридона Соболя, 2012.

На страницах областного альманаха «Прыдняпроўе» — поэтические, прозаические, публицистические произведения хорошо известных читателю членов Союза писателей Беларуси Василя Роговцова, Миколы Минченко, Ивана Пехтерева, Виктора Кунцевича, Виталия Савицкого, Миколы Подобеда, Александра Терехова, Николая Борисенко, Виктора Артемьева и других. Думается, заинтересует читателей отрывок из фантастической повести Василя Шабалтаса «Беседы при полной луне», глава из научно-популярной книги Евгения Сотикова «Вселенная», пьеса Николая Хоботова «У аграгарадку на Маладзежнай». Не оставят равнодушными и произведения молодых поэтов Ольги Даниловой, Александра Александрина, Натальи Михальчук, Жанны Устиновой, имена которых читателю знакомы по публикациям в республиканской и местной периодике.

Жизнь в искусстве

Чем старинней наивность романса...

Музыкальный дом «Классика», который уже два года существует на базе Республиканского Дворца культуры профсоюзов — творческое объединение новой формации. Его организаторами и идейными вдохновителями являются ценители мирового и белорусского классического наследия Александр Чаховский и Александр Маслов, которые сумели объединить вокруг своей идеи не только многих известных в республике музыкантов и вокалистов, но и целые творческие коллективы. Так, одним из постоянных участников творческих проектов Музыкального дома является ансамбль старинной музыки «Кантабиле», который подготовил цикл концертов «Музыкальные сокровища Европы», проходивших в 2012 году в Театральном зале Несвижского замка. А в ноябре на стационарной площадке Музыкального дома — в Белом зале Дворца профсоюзов — состоялся очередной камерный концерт ансамбля «Кантабиле», который стал своеобразным послесловием представленного в Несвиже цикла концертов.

Вообще деятельность Музыкального дома «Классика» охватывает самые различные сферы и жанры классического музыкального наследия, которые широко не представлены на больших сценических площадках. Конечно, в первую очередь — камерные формы. И реализацией этой идеи непосредственно занимается музыкальный театр «Галерея», являющийся структурным подразделением Музыкального дома. Хотелось бы рассказать о его новом проекте, посвященном старинному русскому романсу, который недавно представили публике на камерной сцене Белого зала Дворца профсоюзов.

Речь пойдет о концерте-спектакле «В душе моей», где романсы исполнила Анна Беляева — солистка Белорусского государственного академического музыкального театра. Эта артистка успешно совмещает свою театральную деятельность с работой в других творческих коллективах, принимает участие в различных музыкальных и театральных проектах, и с особенным удовольствием — в концертах камерной вокальной музыки. Признаем, что настоящий классический романс (в противовес «жестокому» цыганскому или современному эстрадному) многими воспринимается как нечто архаичное, но, вместе с тем, как и подобает истинным произведениям искусства, он продолжает жить и сегодня, сохранив все свои характерные черты. И самое главное — не теряется его исполнительская культура, потому что в наше время он под силу только настоящим профессионалам.

Академический вокал и необыкновенный артистизм исполнения — те две доминанты в работе Анны Беляевой, которые были очевидны любому, кто даже впервые услышал ее выступление в концерте. Но какое богатство оттенков и нюансов при этом

она выражала! Певица не просто вела вокальный монолог, но, как обладательница драматического сопрано и как театральная актриса, она исполнение каждого романса превращала в завершенный драматический этюд.

И этому способствовал аккомпанемент классической шестиструнной гитары — изысканно-негромкий и чуткий, идущий за исполнительницей. Гитарист Виталий Дубовик, лауреат международного конкурса «Ренессанс гитары», несмотря на свою молодость, уже завоевал определенный авторитет и известность в музыкальных кругах. Своеобразный минимализм его аккомпанемента каким-то неуловимым образом подчеркивал мелодию, периодически образуя с ней интересные переплетения и как бы вызывая спонтанные ассоциации, что свидетельствовало о тонком чувствовании формы и стиля исполняемых произведений.

Неповторимый колорит в атмосферу этого музыкально-поэтического вечера внесло и оформление зала — в духе импровизированного домашнего салона при свечах. Ведь известно, что на протяжении XIX века, в эпоху расцвета жанра, наряду с камерно-вокальной классикой развивался и бытовой, салонный романс, и немало тех замечательных творений неизвестных авторов дожило до наших дней. С каким щемяще-ностальгическим настроением звучали в тот вечер всем известные «Темно-вишневая шаль», «Что это сердце», «Очаровательные глазки» и другие замечательные романсы, об авторстве которых никто и не задумывается.

Самое притягательное в музыке старинного русского романса — его запоминающаяся выразительная мелодия и широкая распевность. А основная его тематика — внутренний мир человека, сила и глубина чувств, драматизм переживаний. И все это должно находить свое отражение в интонационных приемах артиста. Кто хоть раз слышал исполнение романсов Анной Беляевой, не может не отметить мелодическую рельефность ее вокальной партии, выразительность интонирования и особое умение расставлять акценты, не говоря уже о разнообразии тембровых красок, гибкости и пластичности голоса.

Излишней сентиментальности или надрывности, которые бывают присущи многим исполнителям романсов, у Анны Беляевой нет. Благодаря недюжинным артистическим способностям певицы, ее исполнение отличается непосредственным и правдивым выражением чувств, эмоций и настроений, заложенных в каждом из произведений. Например, в шутливом по настроению романсе П. Булахова на слова Н. Берга «Право, маменьке скажу» она игрива, беззаботна и лукава; в другом романсе П. Булахова на слова неизвестного поэта «И нет в мире очей» — полна глубоких чувств и страсти; а в разудалом «Эх, ямщик, гони-ка к «Яру» А. Юрьева на стихи Б. Андржеевского — искрометного задора. В этом камерном музыкальном спектакле звучали и другие образцы русского старинного романса: «Калитка», «Ночь светла», «Не уходи», «Нет, не любил он», «Бубенцы», «Утро туманное»... И в завершение вечера Анна Беляева исполнила «Романс о романсе» современных авторов — композитора А. Петрова на стихи Б. Ахмадулиной:

Чем старинней наивность романса,
Тем живее его соловьи…

В романсе одинаково значимы поэзия и музыка. Поэтому, кроме певицы, в концерт-спектакль был введен образ Поэта или Лирического героя. Для исполнения этой роли был приглашен солист Белорусского государственного академического музыкального театра Денис Немцов, в творчестве которого очень явственно проступают черты драматического актера.

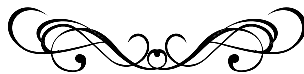
По истории русского романса можно проследить историю русской

поэзии — от ее золотого века до серебряного. Как известно, в России расцвет романса как синтетического музыкально-поэтического жанра приходится на первую половину XIX века, и определяющим в этом процессе стала смена «державинского» поэтического стиля на «пушкинский». Именно поэзия Пушкина дала большой толчок к развитию романсной лирики, и она же возвысила романс до уровня классического искусства. В пушкинскую эпоху появляется и целая плеяда композиторов-романсистов: Алябьев, Варламов, Гурилев, Булахов... Но особое место среди них занимает Михаил Глинка, написавший на стихи Пушкина множество знаменитых романсов, дошедших до наших дней. И подобно тому, как Пушкин стал основоположником русской классической литературы, Глинка стал основоположником русской классической музыки.

Денис Немцов исполнил «Я помню чудное мгновение», «Признание», «Я вас любил», «Когда в объятия мои» и другие стихи поэта, положенные на музыку М. Глинкой, А. Алябьевым, А. Гурилевым... В тот вечер звучали также лирика Бунина, произведения Лермонтова, Кольцова также ставшие романсами. И завершающим аккордом песни сердца и души стал романс на стихи А. Апухтина «Люби, всегда люби»:

И понимаешь ты теплей чужое горе…
Люби, люби всегда!

Зоя ЛЫСЕНКО

Авторы номера

ФЕДАРЕНКО Андрей Михайлович. Родился в 1964 г. в д. Березовка Мозырского района. Окончил Мозырский политехникум, Минский институт культуры. Прозаик. Автор книг прозы «Гісторыя хваробы», «Смута», «Шчарбаты талер», «Афганская шкатулка» и др. Лауреат Литературной премии им. И. Мележа. Живет в Минске.

ПОЗДНЯКОВ Михаил Павлович. Родился в 1951 г. в д. Забродье Быховского района Могилевской области. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, переводчик, прозаик, языковед. Автор многих книг для юных и взрослых читателей. Председатель Минского городского отделения СПБ. Лауреат ряда литературных премий. Живет в Минске.

АФАНАСЬЕВА Алена (Воробей Елена Николаевна). Родилась в Минске. Окончила Минский лингвистический университет и аспирантуру при АН БССР. Преподаватель иностранных языков, переводчик. Автор обучающих программ для детей по иностранным языкам. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

ШАДУКАЕВА Людмила Борисовна. Родилась в 1950 г. в Бобруйске. Окончила Ульяновский педагогический институт. Поэт, прозаик. Работала в редакции газеты «Металлург» Белорусского металлургического завода. Печаталась в журнале «Нёман». Живет в Жлобине.

МАЖЕЙ Галина Николаевна. Родилась в 1963 г. в д. Божино Березинского района Минской области. Училась на факультете прикладной математики Белорусского государственного университета. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

НАЙДЕНОВ Никита Михайлович. Родился в 1990 году в Пинске. Студент 5 курса Института журналистики Белорусского государственного университета. Автор стихов, каламбуров, лимериков. Печатался в газетах «Літаратура і мастацтва», «Пінскі веснік». Победитель конкурса молодых поэтов на «Днях белорусской и шведской поэзии». Внесен в Книгу рекордов БГУ в номинации «Самый оригинальный литератор». Живет в Минске.

РУСОВА Мара (Жукова Вера Владимировна). Родилась в Норильске (Россия). Окончила Белорусский государственный университет. Автор работ о социально-этическом мировоззрении Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского. В «Нёмане» публикуется впервые. Живет в Минске.

ТРЕНАС Вика (Лейковская Виктория Александровна). Родилась в 1984 г. в Минске. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэтесса, литературный критик. Автор сборников поэзии «Цуд канфіскаванага дзяцінства», «Экзістэнцыйны пейзаж». Живет в Минске.

КРИВЕЛЕВИЧ Борис Александрович. Родился в 1947 г. в г. Горький (сейчас Нижний Новгород, Россия). Окончил Горьковский государственный университет. Автор ряда научных публикаций по математической физике и информатике. Поэт, прозаик, переводчик. Произведения публиковались в периодических изданиях Беларуси и России. Живет в Минске.

ВАГАНОВА Юлия Сергеевна. Родилась в 1968 г. в Минске. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. Произведения публиковались в периодических изданиях Беларуси и России. Живет в Минске.

ПИМ Барбара Мэри Скрэмртон. Родилась в 1913 г. в Освестри (графство Шропшир, Великобритания). Окончила Оксфордский университет. Автор романов «Газель, которую приручили», «Превосходные женщины», «Джейн и Пруденс», «Совсем не ангелы», «Сосуд, полный благословений», «Осенний квартет», «Голубка умерла» и др. Умерла в 1980 году.

ОКЛЕНД Сэм. Родился в 1934 г. в местечке Сент-Джозеф (штат Миссури, США). Литератор, поэт, юрист. Автор популярных книг «Улыбки за чашкой чая», «Ночное солнце», «Цветы любви под черным зонтиком», «Цветы любви под красным зонтиком». Первые две переведены на русский язык.